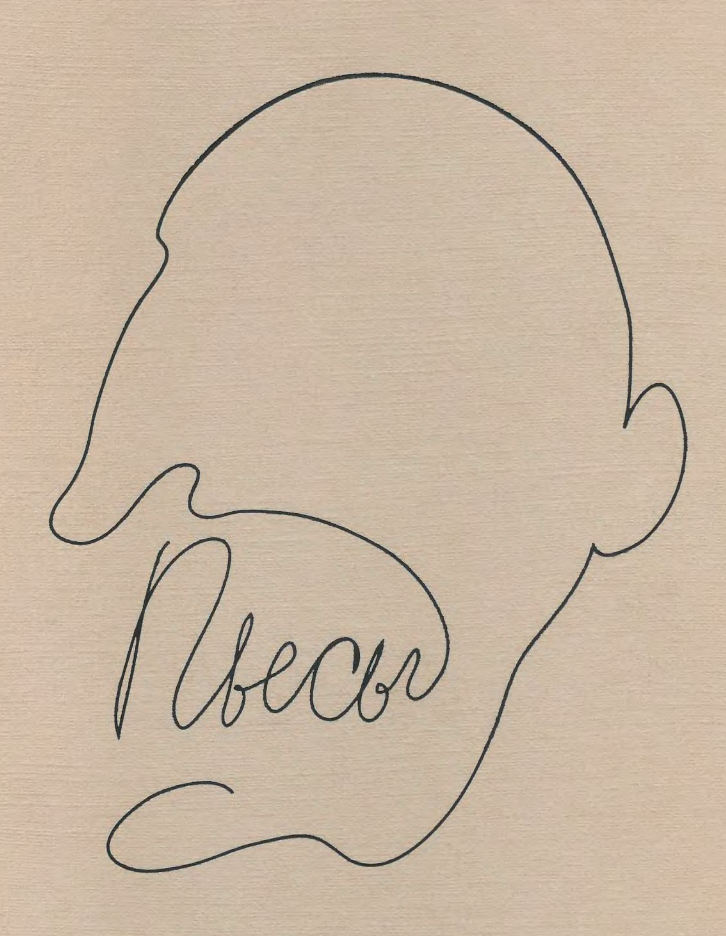
I

пьесы

ЕВГЕНИЙ
ШВАРЦ

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Евгений Шварц

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Собрание сочинений в пяти томах

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Собрание сочинений

том первый

Пьесы

Москва 2010
КНИГОВЕК™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш33

Составитель *Е. Сапунцова*

Оформление художника *О. Семенихина*

Шварц Е. Л.
Ш33 Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Ундервуд; Клад; Голый король; Приключения Гогенштауфена; Красная шапочка, Снежная королева: Пьесы / Вступ. ст. Н. Чуковского. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 400 с.

ISBN 978-5-904656-54-6 (т. 1)
ISBN 978-5-904656-53-9

В Собрании сочинений представлено во всем своем многообразии творчество широко известного драматурга и сценариста, одного из лучших отечественных сказочников, Евгения Львовича Шварца (1896—1958). В первый том вошли пьесы «Ундервуд», «Клад», «Голый король», «Приключения Гогенштауфена», «Красная шапочка» и «Снежная королева».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-904656-54-6 (т. 1)
ISBN 978-5-904656-53-9

ВЫСОКОЕ СЛОВО — ПИСАТЕЛЬ

На одном писательском собрании в Ленинграде, в середине тридцатых годов, выступил Евгений Львович Шварц и между прочим сказал:

«Конечно, никому не возбраняется втайне, в глубине души надеяться, что он недурен собой и что кто-нибудь, может быть, считает его красивым. Но утверждать публично: я — красивый — непристойно. Так и пишущий может в глубине души надеяться, что он писатель. Но говорить вслух: я — писатель нельзя. Вслух можно сказать: я — член Союза писателей, потому что это есть факт, удостоверяемый членским билетом, подписью и печатью. А писатель — слишком высокое слово...»

Он так действительно думал и никогда не называл себя писателем. В советской литературе проработал он лет тридцать пять, но только к концу этого периода стали понимать, как значительно, важно, своеобразно и неповторимо все, что он делает. Сначала это понимали только несколько человек, да и то не в полную меру. Потом это стали понимать довольно многие. И с каждым годом становится все яснее, что он был одним из замечательнейших писателей России.

Мне трудно рассказывать о нем, потому что я знал его слишком близко и слишком долго. Я познакомился и подружился с ним сразу после его приезда в Петроград, в 1922 году, и был у него в последний раз за месяц до его смерти в 1958 году. Я столько пережил с ним вместе, столько разговаривал с ним, наши согласия и разногласия носили такой устойчивый, привычный, застарелый характер, что я относился к нему скорее как к брату, чем как к другу. А никому еще не удавалось написать хороших воспоминаний о собственном брате.

Он родился в 1896 году в Казани и, следовательно, был старше меня на восемь лет. Отец его, Лев Борисович Шварц,

учился в конце прошлого века на медицинском факультете Казанского университета и, будучи студентом, женился на Марии Федоровне Шелковой.

Жизни в Казани Евгений Львович не помнил совсем — двухлетним ребенком родители перевезли его на Северный Кавказ, в город Майкоп. Однажды он рассказал мне, что в течение многих лет его мучил один и тот же сон, постоянно повторявшийся. Ему снилась безграничная песчаная пустыня, накаленная солнцем; в самом конце этой пустыни — дворец с башнями, и ему непременно нужно пересечь эту пустыню и дойти до дворца. Он идет, идет, идет, изнемогая от зноя и жажды, и когда наконец до дворца остается совсем немного, ему преграждают путь исполинские кони, грызущие желтыми зубами вбитые в землю деревянные столбы. И вид этих коней был так страшен, что он всякий раз просыпался от ужаса. Как-то раз Евгений Львович, уже взрослым человеком, рассказал этот сон своему отцу. Отец рассмеялся и сказал, что сон этот — воспоминание о переезде из Казани в Майкоп. Они ехали в июле, в самую жару, и на одной станции, где была пересадка, им пришлось ждать поезда целые сутки. Станционное здание — это и есть дворец с башнями. Перед станционным зданием была песчаная площадь, которую им приходилось пересекать, возвращаясь из трактира, где они завтракали, обедали и ужинали. А кони — извозчичьи лошади, привязанные к столбам перед станцией. Годы Гражданской войны Женя Шварц прожил в Ростове-на-Дону. Там он начал писать стихи — по большей части шуточные. Там он служил в продотряде. Там он стал актером. Там он женился.

Первая жена его была актриса Гаянэ Халаджиева, по сцене Холодова, в просторечии — Ганя, маленькая женщина, шумная, экспансивная, очень славная. Она долго противилась ухаживаниям Шварца, долго не соглашалась выйти за него. Однажды, в конце ноября, поздно вечером, шли они в Ростове по берегу Дона, и он уверял ее, что по первому слову выполнит любое ее желание.

— А если я скажу: прыгни в Дон? — спросила она.

Он немедленно перескочил через парапет и прыгнул с набережной в Дон, как был — в пальто, в шапке, в калошах. Она подняла крик, и его вытащили. Этот прыжок убедил ее — она вышла за него замуж.

Они приехали в Петроград в октябре 1921 года. Петроград был давнишней мечтой Шварца, он стремился в него много лет. Шварц был воспитан на русской литературе, любил ее до неистовства, и весь его душевный мир был создан ею. Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Лесков и, главное, Чехов были не только учителями его, но ежедневными спутниками, руководителями в каждом поступке. Ими определялись его вкусы, его мнения, его нравственные требования к себе, к окружающим, к своему времени. От них он унаследовал свой юмор — удивительно русский, конкретный, основанный на очень точном знании быта на беспощадном снижении всего ложноторжественного, всегда тайно грустный и всегда многозначный, то есть означающий еще что-то, лежащее за прямым значением слов. Русская литература привела его в Петроград, потому что для него, южанина и провинциала, Петроград был городом русской литературы. Он хорошо знал его по книгам, прежде чем увидел собственными глазами, и обожал его заочно, и немного боялся, — боялся его мрачности, бессолнечности.

А между тем Петроград больше всего поразил его своей солнечностью. Он мне не раз говорил об этом впоследствии. Весной 1922 года Петроград, залитый сиянием почти незаходящего солнца, был светел и прекрасен. В начале двадцатых годов он был на редкость пустынен, жителей в нем было вдвое меньше, чем перед революцией. Автобусов и троллейбусов еще не существовало, автомобилей было штук десять на весь город, извозчиков почти не осталось, так как лошадей съели в девятнадцатом году, и только редкие трамваи, дожидаться которых приходилось минут по сорок, гремели на заворотах рельс. Пустынность обнажала несравненную красоту города, превращала его как бы в величавое явление природы, и он, легкий, омываемый зорями, словно плыл куда-то между водой и небом.

Приехал Шварц вместе с труппой маленького ростовского театрика, которая вдруг, неизвестно почему, из смутных тяготений к культуре, покинула родной хлебный Ростов и, захватив свои убогие раскрашенные холсты, перекочевала навсегда в чужой голодный Питер. Театрик этот возник незадолго перед тем из лучших представителей ростовской интеллигентской молодежи. В годы Гражданской войны каждый город России превратился в маленькие Афины, где решались коренные философские вопросы, без конца писались и читались стихи,

создавались театры — самые «передовые» и левые, ниспровергавшие все традиции и каноны. Театрик, где актером работал Шварц, до революции назвали бы любительским, а теперь — самодеятельным, но в то время он сходил за настоящий профессиональный театр. Характер он носил почти семейный: ведущее положение в нем занимали два Шварца — Евгений и его двоюродный брат Антон, и их жены — жена Евгения — Ганя Холодова и жена Антона — Грима Бунина. Режиссером был Павел Вейсбрем, которого все называли просто Павликом. Остальные актеры были ближайшие друзья-приятели. По правде говоря, в театрике этом был только один человек с крупным актерским дарованием — Костомолоцкий. Это был прирожденный актер, стихийно талантливый, настоящий комик: когда он выходил на сцену, зрители задыхались от хохота при каждом его движении, при каждом слове.

Переехав в Петроград, труппа захватила пустующее театральное помещение на Владимирском проспекте. У нее в репертуаре были три пьесы — «Гондла» Гумилева, «Проделки Скапена» Мольера и «Трагедия об Иуде» Алексея Ремизова. В гумилевской пьесе главную роль — роль Гондлы — исполнял Антон Шварц. Пьеса Гумилева, написанная хорошими стихами, совершенно не годилась для постановки, потому что это не пьеса, а драматическая поэма, и спектакль свелся к декламации, — декламировал больше всех Антон Шварц.

Конечно, театрик этот оказался чрезвычайно неустойчивым и скоро распался. Петроград как бы растворил его в себе. Костомолоцкого заприметил Мейерхольд и взял в свой театр в Москву. Павел Вейсбрем стал ленинградским режиссером и долго кочевал из театра в театр. Ганя Холодова и Грима Бунина тоже много лет работали в разных театрах. Остальные расстались с актерством навсегда. Я не раз потом удивлялся близкому знакомству Жени Шварца с каким-нибудь экономистом, юрисконсультом или завклубом, и он объяснял:

— А это бывший актер нашего театра.

Юрисконсультом стал и Антон Шварц, юрист по образованию. Но страсть к чтению вслух не оставила его. Несколько лет спустя он занялся этим профессионально, бросил свое юрисконсульство и очень прославился как чтец. А Женя Шварц потянулся к литературе. Он как-то сразу, с первых дней, стал своим во всех тех петроградских литературных кружках, где вертелся и я.

Не могу припомнить, кто меня с ним познакомил, где я его увидел в первый раз. Он сразу появился и у серапионов, и у Наппельбаумов, и в клубе Дома искусств. И у серапионов, и в Доме искусств его быстро признали своим, привыкли к нему так, словно были знакомы с ним сто лет.

В то время он был худощав и костляв, носил гимнастерку, обмотки и красноармейские башмаки. Никакой другой одежды у него не было, а эта осталась со времен его службы в продотряде. У него не хватало двух верхних передних зубов, и это тоже была память о службе в продотряде: ночью, в темноте, он споткнулся, и ствол винтовки, которую он нес перед собой в руках, заехал ему в рот.

Шварц стал часто бывать у меня. Жил я тогда еще с родителями, на Кирочной улице.

Родителям моим Женя Шварц понравился, и отец взял его к себе в секретари. И те несколько месяцев, которые Шварц проработал секретарем у отца, сблизили меня с ним еще больше.

Я нередко бывал и у него. Жил он тогда на Невском, недалеко от Литейного, во дворе доходного дома, в маленькой квартиренке с таким низким потолком, что до него можно было достать рукою.

Шварц очень бедствовал и жил в постоянных поисках заработка. Однако в те годы, годы молодости, это его нисколько не угнетало. Все кругом тоже были отчаянно бедны, и поэтому бедностью он не выделялся. Бедны были и все серапионы, с которыми, как я уже говорил, он сблизился сразу после переезда в Петроград. Ему разрешалось присутствовать на их еженедельных собраниях, а это была честь, которой удостаивались немногие. Из серапионов он особенно подружился с Зощенко и Слонимским. И вот в самом начале 1923 года он затеял с Михаилом Слонимским поездку на Донбасс.

Уехали они из Петрограда вдвоем, а вернулись втроем. Они привезли с собой своего нового друга — Николая Макаровича Олейникова.

Коля Олейников был казак, и притом типичнейший — белокурый, румяный, кудрявый, похожий лицом на Козьму Пруткова, с чубом, созданным Богом для того, чтобы торчать из-под фуражки с околышком. Он был сыном богатого казака, основавшего в станице кабак, и ненавидел своего отца. Все его взгляды, вкусы, пристрастия выросли в нем из ненависти к

окружавшему его в детстве быту. Родня его сочувствовала белым, а он стал яростным большевиком, вступил сначала в комсомол, потом в партию. Одностаничники избили его за это шомполами на площади, — однажды он снял рубаху и показал мне свою крепкую спину, покрытую жутким переплетением заживших рубцов.

Первоначальным увлечением Олейникова была вовсе не литература, а математика. У него были замечательные математические способности, но занимался он математикой самоучкой, покупая учебники на книжных развалах. Особенно интересовала его теория вероятности.

В журнал «Забой» Олейникова прислали из губкома. Это было первое его соприкосновение с редакционной работой, с литературой. В редакции «Забоя» он подружился со Шварцем и Слонимским. Когда Шварц и Слонимский стали собираться в Петроград, он решил поехать с ними.

Он показывал мне официальную справку, с которой приехал в Петроград. Справка эта, выданная его родным сельсоветом, гласила:

«Сим удостоверяется, что гр. Олейников Николай Макарович действительно красивый. Дана для поступления в Академию художеств». Печать и подпись.

Олейников вытребовал эту справку в сельсовете, уверив председателя, что в Академию художеств принимают только красивых. Председатель посмотрел на него и выдал справку.

Олейникову свойственна была страсть к мистификации, к затейливой шутке. Самые несуразные и причудливые вещи он говорил с таким серьезным видом, что люди мало проницательные принимали их за чистую монету. Олейникова и Шварца прежде всего сблизил юмор — и очень разный у каждого и очень родственный. Они любили смешить и смеяться, они подмечали смешное там, где другим виделись только торжественное и величавое. Юмор у них был то конкретный и бытовой, то пародийный и эксцентрический, вдвоем они поражали неистощимостью своих шуток, с виду очень простых и веселых, но, если посмотреть поглубже, то порой захватывало дух от их печальной многозначительности.

Я уже сказал, что первыми произведениями Шварца были шуточные стихотворения, которые он сочинял с легкостью

по всякому поводу и без повода. Они далеко не всегда были удачны, да он и не придавал им никакого значения и щедро плескал ими во все стороны. Еще из Ростова привез он целый цикл стихотворений про некоего князя Звенигородского, напыщенного идиота, рассуждавшего самым нелепым и смешным образом обо всем на свете. Одно из стихотворений начиналось так:

Звенигородский был красивый.
Однажды он гулял в саду
И ел невызревшие сливы.
Вдруг слышит: быть тебе в аду!..

Всем этим своим молниеносным шуточным стихам, основным качеством которых была нелепость, Шварц не придавал никакого значения, и в его творчестве они занимают самое скромное место. Но они оказались как бы зерном, из которого выросла буйная поросль своеобразнейших стихов, расцветших в ленинградской поэзии конца двадцатых и начала тридцатых годов. Кажущаяся нелепость была основным отличительным признаком всей этой поэзии.

Наиболее непосредственное влияние шуточных стихов Шварца испытал на себе Олейников.

Олейников никогда не считал себя поэтом. До переезда в Ленинград он стихов не писал. Но очень любил стихи и очень ими интересовался. В редакции «Забоя» он ведал начинающими поэтами, и наиболее причудливые из их стихотворений переписывал себе в особую тетрадку. У него образовалась замечательная коллекция плохих стихов, доставлявшая его насмешливому уму большое удовольствие.

Помню, что одно стихотворение из этой коллекции начиналось так:

Когда мне было лет семнадцать,
Любил я девочку одну,
Когда мне стало лет под двадцать,
Я прислонил к себе другу.

В Ленинграде Олейников стал писать стихи, как бы подхватив игру, начатую Шварцем. Стихи его были еще причудливее Шварцевых. Расцвету его поэзии чрезвычайно способствовало

то, что они оба — и Олейников и Шварц — стали работать в Детском отделе Госиздата.

Детский отдел Госиздата в Ленинграде в первые годы своего существования был учреждением талантливым и веселым. Возник он примерно в 1924 году. С 1925 года настоящим его руководителем стал Самуил Яковлевич Маршак, вернувшийся с юга в Ленинград.

То была эпоха детства детской литературы, и детство у нее было веселое. Детский отдел помещался на шестом этаже Госиздата, занимавшего дом бывшей компании «Зингер», Невский, 28; и весь этот этаж ежедневно в течение всех служебных часов сотрясался от хохота. Некоторые посетители Детского отдела до того ослабевали от смеха, что, кончив свои дела, выходили на лестничную площадку, держась руками за стены, как пьяные. Шутникам нужна подходящая аудитория, а у Шварца и Олейникова аудитория была превосходнейшая. В Детский отдел прислали практикантом молоденького тоненького студентика по имени Ираклий Андроников. Стихов практикант не писал никаких, даже шуточных, но способностью шутить и воспринимать шутки не уступал Шварцу и Олейникову. Ежедневно приходили в Детский отдел поэты: Введенский, Хармс, Заболоцкий — люди молодые, смешливые.

Олейников писал:

Я люблю Генриэтту Давыдовну,
А она меня, кажется, нет.
Ею Шварцу квитанция выдана,
Ну а мне и квитанции нет.

Генриэтта Давыдовна Левитина была прехорошенькая молодая женщина. Она тоже служила в Детском отделе, и чаще ее называли просто Груней. Шварц и Олейников играли, будто оба влюблены в нее, и сочиняли множество стихов, в которых поносили друг друга от ревности и воспевали свои любовные страдания.

При Детском отделе издавались два журнала — «Чиж» и «Еж». «Чиж» — для совсем маленьких, «Еж» — для детей постарше. Конечно, Маршак, руководивший всем Детским отделом, руководил и этими журналами. Однако до журналов у него руки не всегда доходили, и настоящими хозяевами «Чижа»

и «Ежа» оказались Шварц и Олейников. Никогда в России, ни до, ни после, не было таких искренне веселых, истинно литературных, детски озорных детских журналов. Особенно хорош был «Чиж»: каждый номер его блистал превосходными картинками, уморительными рассказиками, отточенными, неожиданными, блистательными стихами. В эти годы Шварц пристрастился к раешнику. В каждый номер «Чижа» и «Ежа» давал он новый раешник, — веселый, свободный, естественный, без того отпечатка фальшивой простонародности, который обычно лежит на раешниках. Олейников участвовал в этих журналах не как поэт и даже не как прозаик, а, скорее, как персонаж, как герой. Героя этого звали Макар Свирепый. Художник — если память мне не изменяет, Борис Антоновский — изображал его на множестве маленьких квадратных картинок неотличимо похожим на Олейникова — кудри, чуб, несколько сложно построенный нос, хитрые глаза, казацкая лихость в лице. Подписи под этими картинками писал Олейников; они всегда были блестяще забавны и складывались в маленькие повести, очень популярные среди ленинградских детей того времени.

Евгений Львович был писатель, очень поздно «себя нашедший». Первые десять лет его жизни в литературе заполнены пробами, попытками, мечтами, домашними стишками, редакционной работой. Это была еще не литературная, а прилитературная жизнь — время поисков себя, поисков своего пути в литературу. О том, что путь этот лежит через театр, он долго не догадывался. Он шел ощупью, он искал, почти не пытаясь печататься. Искал он упорно и нервно, скрывая от всех свои поиски. У него была отличная защита своей внутренней жизни от посторонних взглядов — юмор. От всего, по-настоящему его волнующего, он всегда отшучивался. Он казался бодрым шутником, вполне довольным своей долей, А между тем у него была одна мечта — высказать себя в литературе. Ему хотелось передать людям свою радость, свою боль. Он не представлял себе своей жизни вне литературы. Но он слишком уважал и литературу и себя, чтобы превратиться в литературную букашку, в поденщика. Он хотел быть писателем, — в том смысле, в каком понимают это слово в России, — то есть и художником, и учителем, и глашатаем правды. Тех, кого он считал писателями, он уважал безмерно.

Помню, как летом 1925 года мы шли с ним вдвоем по Невскому, по солнечной стороне, и вдруг увидели, что навстречу нам идет Андрей Белый. Мы заметили его издали, за целый квартал. Белый шел, опираясь на трость, стремительной своей походкой, склонив седую голову набок и никого не замечая вокруг. Он шел сквозь толпу, как нож сквозь масло, на людном Невском он казался совершенно одиноким. Как метеор пронесся он мимо нас, погруженный в себя и не обратив на нас никакого внимания.

Шварц остановился и остановил меня. Мы долго смотрели Белому вслед — пока его не скрыла от нас толпа, далеко, где-то у Главного штаба.

— Он думает, — сказал Шварц, почтительно вздохнув.

Во второй половине двадцатых годов вышла в свет стихотворная сказка Шварца «Степка-растрепка и Погремушка»[1]. Эта прелестная сказка в стихах для маленьких детей не переиздавалась уже лет тридцать пять, что свидетельствует только о том, как мы не умеем ценить и беречь наши сокровища; она могла бы расходиться каждый год в миллионах экземпляров и весело учить читателей изяществу мысли, телесной и душевной чистоплотности.

Вдруг в литературе возник человеческий голос, мягко, но настойчиво изобличающий грязь, лицемерие, жестокость и говорящий о красоте доброты. Конечно, в «Степке-растрепке» голос этот был еще очень невнятен; прошли годы, прежде чем он окреп и стал голосом «Обыкновенного чуда», «Тени», «Дракона», — голосом, говорящим правду навеки. Шварц как писатель созревал медленно. Как человек он созрел гораздо быстрее, но прошли годы, прежде чем он нашел изобразительные средства, чтобы выразить себя.

В конце двадцатых годов в Ленинграде образовалось новое литературное объединение — обэриуты. Не помню, как расшифровывалось это составное слово. «О» — это, вероятно, общество, «р» — это, вероятно, реалистическое, но что означали остальные составляющие — сейчас установить не могу. Обэриутами стали Хармс, Александр Введенский, Олейников, Николай Заболоцкий, Леонид Савельев и некоторые другие. Не знаю, вступил ли в обэриуты Шварц, — может

---

[1] Вероятно, имеется в виду «Война Петрушки и Степки-растрепки». (*Примеч. ред.*)

быть, и не вступил. Насмешливость мешала ему уверовать в какое-нибудь одно литературное знамя. Но, конечно, он был с обэриутами очень близок, чему способствовала его старая дружба с Олейниковым и новая очень прочная дружба с Заболоцким, — дружба, сохранившаяся до конца жизни.

Олейников по-прежнему писал только домашние шуточные стихи и не делал ни малейших попыток стать профессиональным литератором. Как бы для того, чтобы подчеркнуть шуточность и незначительность своих произведений, он их героями делал обычно не людей, а насекомых. В этом он бессознательно следовал древнейшей традиции мировой сатиры.

Чем ближе подходило дело к середине тридцатых годов, тем печальнее и трагичнее становился юмор Олейникова. Как-то раз на переломе двух десятилетий написал он стихотворение «Блоха мадам Петрова».

Эта несчастная блоха влюбилась. Чего только она не делала, чтобы завоевать любовь своего избранника:

Юбки новые таскала
Из чистейшего пике,
И стихи она писала
На блошином языке.
Но прославленный милашка
Оказался просто хам,
И в душе его кондрашка,
А в головке тарарам.

Разочарованная в своем любимом, блоха мадам Петрова разочаровалась во всей вселенной. Все, что происходит в мире, кажется ей ужасным:

Страшно жить на этом свете —
В нем отсутствует уют.
Тигры воют на рассвете,
Волки зайчика грызут.
Плачет маленький теленок
Под кинжалом мясника,
Рыба бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.
Лев рычит во мраке ночи,
Кошка стонет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.

И блоха, не перенеся этой жестокости мира, кончает жизнь самоубийством:

С горя прыгает букашка
С трехсаженной высоты,
Расшибает лоб бедняжка.
Расшибешь его и ты.

В начале тридцатых годов Шварц расстался с Детским отделом. Не он один. Вместе с ним ушли из Детского отдела и Олейников, и Андроников, и Груня Левитина. Ушли и почти все авторы, которые издавались там с самого начала, — в том числе и я.

После продолжительных поисков Шварц нашел свое место в театре, в драматургии.

Мне это показалось неожиданным, хотя, разумеется, ничего неожиданного в этом не было. Шварц начал свой жизненный путь с того, что стал актером, и было это не случайно. Служа долгие годы в Детском отделе Госиздата, он был оторван от театра, но только теперь я понимаю, сколько театрального было в этом самом Детском отделе. Там постоянно шел импровизированный спектакль, который ставили и разыгрывали перед случайными посетителями Шварц, Олейников и Андроников. В этот спектакль, вечно новый, бесшабашно веселый, удивительно многозначный, они вовлекали и хорошенькую Груню Левитину, и Хармса с его угрюмыми чудачествами. И даже на всей продукции Детского отдела за те годы — на удивительных похождениях Макара Свирепого, на неистовых по ритмам и образам стихотворных сказках для трехлетних детей, на журналах «Чиж» и «Еж» — лежит отпечаток неосознанной, но кипучей и блестящей театральности.

Свою работу драматурга Шварц начал со сказок для детского театра. Потом он стал писать пьесы для взрослых, но его пьесы для взрослых — тоже сказки. Он выражал условным языком сказок свои мысли о действительности. Шварц тяготел к сказке потому, что чувствовал сказочность реальности, и чувство это не покидало его на протяжении всей жизни.

Занявшись драматургией, он вовсе не сразу понял, что ему надо писать сказки; он попробовал было писать так называемые «реалистические» пьесы. Но сказка, как бы против

его воли, врывалась в них, завладевала ими. В 1934 году он напечатал в журнале «Звезда» пьесу «Похождения Гогенштауфена». Действие пьесы происходило в самом обыкновенном советском учреждении, где служат обыкновенные «реалистические» люди. Например, на должности управделами этого учреждения работала некая тов. Упырева. Странность заключалась только в том, что эта Упырева действительно была упырем, вампиром и сосала кровь из живых людей, а когда крови достать не могла, принимала гематоген.

Подобные его пьесы, например «Ундервуд», имели ограниченный успех, — именно из-за своей жанровой неопределенности. Вся первая половина тридцатых годов ушла у него на поиски жанра, который дал бы ему возможность свободно выражать свои мысли, свое понимание мира. Первой его настоящей сказкой для сцены была «Красная Шапочка». Сделал он ее талантливо, мило, но очень робко. Первым сказочным произведением, написанным Шварцем во весь голос, был «Голый король» (1934). Тут он впервые обратился к сказкам Андерсена, воспользовавшись сразу тремя — «Свинопасом», «Принцессой на горошине» и «Голым королем».

Только четверть века спустя, уже после смерти автора, «Голому королю» суждено было иметь шумный, даже буйный, сценический успех. Запоздалый успех доказал только прочность и жизнеспособность этой пьесы, благородные герои которой, ополчившиеся против бессмертной людской глупости и подлости, поют:

Если мы врага повалим,
Мы себя потом похвалим,
Если враг не по плечу,
Попадем мы к палачу.

Шварц, в пору своей художественной зрелости, охотно использовал для своих пьес и сценариев общеизвестные сказочные сюжеты. «Снежная королева» и «Тень» — инсценировка сказок Андерсена, «Золушка» — экранизация известнейшей народной сказки, «Дон Кихот» — экранизация знаменитого романа. Даже в таких его пьесах с вполне самостоятельными сюжетами, как «Дракон», «Обыкновенное чудо», «Два клена», отдельные мотивы откровенно заимствованы из широчайше известных

сказок. И при этом трудно найти более самостоятельного и неповторимого художника, чем Евгений Шварц. Его инсценировки несравненно самобытнее, чем великое множество так называемых оригинальных пьес, в которых при всей их «оригинальности» нет ничего, кроме банальностей. Шварц брал чужие сюжеты, как их брал Шекспир, он использовал сказки, как Гете использовал легенду о Фаусте, как Пушкин в «Каменном госте» использовал традиционный образ Дон Жуана. Я слышу голос Шварца, когда в кинокартине «Дон Кихот» студент-медик, леча больного Дон Кихота, говорит: «Подумать только — эти неучи пускали вам кровь по нечетным числам, тогда как современная наука установила, что это следует делать только по четным! Ведь сейчас уже тысяча шестьсот пятый год! Шутка сказать!» Я слышу голос Шварца в каждом кадре, хотя написанный им сценарий — необыкновенно верное и сильное истолкование великого романа Сервантеса.

Пьесы Шварца написаны в тридцатые и в сороковые годы двадцатого века, в эти два страшных десятилетия, когда фашизм растаптывал достигнутое в предшествующую революционную эпоху. Сжигались книги, разрастались концентрационные лагеря, разбухали армии, полиция поглощала все остальные функции государства. Ложь, подлость, лесть, низкопоклонство, клевета, наушничество, предательство, шпионство, безмерная, неслыханная жестокость становились в гитлеровском государстве основными законами жизни. Все это плавало в лицемерии, как в сиропе, умы подлецов изощрялись в изобретении пышных словесных формул, то религиозных, то националистических, то ложно-демократических, чтобы как-нибудь принарядить всю эту кровь и грязь. Всему этому способствовало невежество и глупость. И трусость. И неверие в то, что доброта и правда могут когда-нибудь восторжествовать над жестокостью и неправдой.

И Шварц каждой своей пьесой говорил всему этому: нет. Нет — подлости, нет — трусости, нет — зависти. Нет — лести, низкопоклонству, пресмыкательству перед сильным. Нет — карьеристам, полицейским, палачам. Всей низости людской, на которую всегда опирается реакция, каждой новой пьесой говорил он — нет. Верил ли он в свою победу, верил ли, что пьесы его помогут искоренению зла? Не знаю. Однажды он сказал мне:

— Если бы Франц Моор попал на представление Шиллеровых «Разбойников», он, как и все зрители, сочувствовал бы Карлу Моору.

Это мудрое замечание поразило меня своим скептицизмом. С одной стороны, сила искусства способна заставить даже закоренелого злодея сочувствовать победе добра. Но, с другой стороны, Франц Моор, посочувствовав во время спектакля Карлу Моору, уйдет из театра тем же Францем Моором, каким пришел. Он просто не узнает себя в спектакле. Как всякий злодей, он считает себя справедливым и добрым, так как искренне уверен, что он сам и его интересы и являются единственным мерилом добра и справедливости.

Верил ли Шварц в возможность побеждать зло искусством или не верил, но пьесы его полны такой горячей ненависти к злу, к подлости всякого рода, что они обжигают. Охлаждающего скептицизма в них нет ни крупинки: скептицизм насмешливого, житейски осторожного Шварца сгорел в пламени этой ненависти без остатка. Его пьесы начинаются с блистательной демонстрации зла и глупости во всем их позоре и кончаются торжеством добра, ума и любви. И хотя пьесы его — сказки, и действие их происходит в выдуманных королевствах, зло и добро в них — не отвлеченные, не абстрактные понятия.

В 1943 году он написал сказку «Дракон» — на мой взгляд, лучшую свою пьесу. Потрясающую конкретность и реалистичность придают ей замечательно точно написанные образы персонажей, только благодаря которым и могли существовать диктатуры, — трусов, стяжателей, обывателей, подлецов и карьеристов. Разумеется, как все сказки на свете, «Дракон» Шварца кончается победой добра и справедливости. На последних страницах пьесы Ланцелот свергает бургомистра, как прежде сверг дракона, и женится на спасенной девушке. Под занавес он говорит освобожденным горожанам и всем зрителям:

— Я люблю всех вас, друзья мои. Иначе чего бы ради я стал возиться с вами. А если уж люблю, то все будет прелестно. И все мы после долгих забот и мучений будем счастливы, очень счастливы наконец!

Так говорил Шварц, который, держа меч в вечно дрожавших руках, двадцать лет наносил дракону удар за ударом.

В эти годы у него сильнее стали дрожать руки. Почерк его изменился, превратился в каракули.

После войны я довольно долго не видел Шварца. Но в 1950 году в феврале месяце поехал я в Комарово, в Дом творчества — поработать. Я жил тогда в Москве и выбрал из литфондовских домов творчества именно Комарово потому, что поездка туда давала мне возможность побывать в Ленинграде, где я не был со времен осады, и повидать наш старый куоккальский[1] дом, где прошло мое детство и до которого от Комарова всего восемь километров, и пожить в тесном общении с моими старинными любимыми друзьями Леонидом Рахмановым и Евгением Шварцем. Я списался с ними заранее и знал, что они оба будут жить в феврале в Комарове — Рахманов в Доме творчества, а Шварц в маленьком домике, который он арендовал у дачного треста, — возле самого железнодорожного переезда.

За время нашей разлуки лицом он изменился мало, но потолстел.

Я заметил, что его волнует тема постарения и что он в разговорах часто возвращается к ней. Мы с ним несколько лет не виделись, и, возможно, я казался ему сильно изменившимся. Но говорил он о себе.

— На днях я узнал наконец, кто я такой, — сказал он. — Я стоял на трамвайной площадке, и вдруг позади меня девочка спрашивает: «Дедушка, вы сходите?»

Каждый день перед обедом мы втроем отправлялись на прогулку — Рахманов, Шварц и я. Бродили мы часа два по узким, снежным лесным тропинкам и нагибались, пролезая под лапами елок. Шварц шел всегда впереди, шел быстро, уверенно сворачивал на поворотах, и мы с Рахмановым не без труда догоняли его. Говорили о разном, понимая друг друга с полуслова, — мы трое были слишком давно и слишком близко знакомы. Много говорили о Льве Толстом. В сущности, весь разговор сводился к тому, что кто-нибудь из нас вдруг произносил: «А помните, Наташа Ростова...» или: «А помните, Анна...», и далее следовала цитата, которую, оказывается, помнили все трое и долго повторяли вслух, наслаждаясь, смакуя

[1] *Куоккала* — тогда еще финское местечко, в котором жил К. И. Чуковский с 1912-го по 1917 г. и в котором прошло детство Н. Чуковского. Сейчас — поселок Репино в Ленинградской области. (*Примеч. ред.*)

каждое слово. Это была прелестная игра, очень сблизившая нас, потому что мы всякий раз убеждались, что чувствуем одинаково и любим одно и то же.

И только однажды обнаружилось разногласие — между мной и Шварцем. Было это уже в конце прогулки, когда мы устали и озябли. Перебирая в памяти сочинения Толстого, я дошел до «Смерти Ивана Ильича» и восхитился какой-то сценой.

— Это плохо, — сказал вдруг Шварц жестко.

Я оторопел от изумления. Гениальность «Смерти Ивана Ильича» казалась мне столь очевидной, что я растерялся.

— Нет, это мне совсем не нравится, — повторил Шварц.

Я возмутился. С пылом я стал объяснять ему, почему «Смерть Ивана Ильича» — одно из величайших созданий человеческого духа. Мое собственное красноречие подстегивало меня все больше. Однако я нуждался в поддержке и все поглядывал на Рахманова, удивляясь, почему он меня не поддерживает. Я не сомневался, что Рахманов восхищается «Смертью Ивана Ильича» не меньше, чем я.

Но Рахманов молчал.

Он молчал и страдальчески смотрел на меня, и я почувствовал, что говорю что-то бестактное. И красноречие мое увяло. Потом, оставшись со мной наедине, Рахманов сказал:

— При нем нельзя говорить о смерти. Он заставляет себя о ней не думать, и это нелегко ему дается.

После нашего свидания в Комарове Шварц прожил еще около восьми лет. Время от времени я наезжал в Ленинград — всегда по делам, всегда только на день или на два, — и всякий раз самым приятным в этих моих приездах была возможность провести два-три часа с Женей Шварцем. И дружба, и вражда складываются в первую половину человеческой жизни, а во вторую половину только продолжаются, проявляя, однако, удивительную стойкость. Так было и в нашей дружбе со Шварцем: она уже не менялась. После любой разлуки мы могли начать любой разговор без всякой подготовки и понимали друг друга с четверти слова. У него вообще было замечательное умение понимать — свойство очень умного и сердечного человека. Главной его работой в эти последние годы жизни был сценарий «Дон Кихот». По этому сценарию был поставлен отличный фильм, снимавшийся в окрестностях Коктебеля. Он получил всемирное признание.

Как-то во время одного из моих приездов Шварц прочел мне свои воспоминания о Борисе Житкове. Он очень волновался, читая, и я видел, как дорого ему его прошлое, как дороги ему те люди, с которыми он когда-то встречался. А так как его прошлое было в большой мере и моим прошлым, я, слушая его, тоже не мог не волноваться. Я порой даже возмущался, — мне все казалось, что он ко многим людям относится слишком мягко и снисходительно. Когда он кончил, я заспорил с ним, доказывая, что такой-то был ханжа и ловчила, а такой-то — просто подлец. Он не возражал мне, а промолчал, увел разговор в сторону, — как поступал обычно, когда бывал несогласен. И мне вдруг пришло в голову, что он добрее меня, и потому прав.

В последние годы он был уже очень болен.

В Ленинграде, в Доме Маяковского отпраздновали его шестидесятилетие. Актеры и литераторы говорили ему всякие приятности, как всегда на всех юбилеях. Шварц был весел, оживлен, подвижен, очень приветлив со всеми, скромен и, кажется, доволен. Но вскоре после этого вечера ему стало плохо. И потом становилось все хуже и хуже. Я навестил его незадолго до смерти. Он лежал; когда я вошел, он присел на постели. Мне пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы не показать ему, как меня поразил его вид. Мой приход, кажется, обрадовал его, оживил, и он много говорил слабым, как бы потухшим голосом. Ему запретили курить, и его это мучило. Всю жизнь курил он дешевые маленькие папиросы, которые во время войны называли «гвоздиками»; он привык к ним в молодости, когда был беден, и остался им верен до конца. Несмотря на протесты Екатерины Ивановны, он все-таки выкурил при мне папироску. Рассказывал он мне о своей новой пьесе, которую писал в постели, — «Повесть о молодых супругах». Глаза его блестели, говорил он о Театре комедии, о Николае Павловиче Акимове, об актерах, но смотрел на меня тем беспомощным, просящим и прощающим взором, которым смотрит умирающий на живого.

Живым я его больше не видел. Чем дальше уходит его смерть в прошлое, тем яснее я вижу, какая мне выпала в жизни удача — близко знать этого человека с высокой и воинственной душой.

Николай Чуковский

Пьеса

УНДЕРВУД

Пьеса в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

М а р и я И в а н о в н а.
И р и н к а, А н ь к а — ее дочери.
В а р в а р а К о н с т а н т и н о в н а К р у г л о в а, по прозвищу Варварка.
М а р у с я — ее падчерица, пионерка.
М а р к у ш к а - д у р а ч о к — нищий, безногий, в колясочке на роликах.
К р о ш к и н — студент техникума сценических искусств.
М я ч и к — студент политехникума.
А н т о ш а — старик-часовщик.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор в пригороде или в дачной местности. В глубине двора двухэтажный дом. Наверху живет Мария Ивановна с дочерьми — Иринкой и Анькой. Комнату она сдает студентам — Мячику и Крошкину. Внизу, налево, живут Варварка и Маруся. Направо, как раз под комнатой студентов, в бывшей лавчонке — Маркушка-дурачок. Лето. Часов пять вечера. А н ь к а поливает траву из стакана.

И р и н к а. Анька!

А н ь к а. Чего?

И р и н к а (*шепотом*). Что я видела!

А н ь к а. Чего?

И р и н к а. Подойди сюда! Скажу.

А н ь к а. Да-да!

И р и н к а. Что да-да?

А н ь к а. Я подойду, а ты плюнешь.

И р и н к а. О! Есть мне время на всех плевать. Что я, дождик, что ли? Иди сюда!

А н ь к а. А вчера ты зачем плюнула?

И р и н к а. Нечаянно! Да иди же сюда!

А н ь к а. Нечаянно! Прямо в ленточку в новую. Нечаянно!

И р и н к а. Так ты же сейчас без ленточки. Иди! Интересное!

А н ь к а. Мало ли что... Интересное! Я тебя знаю! Хочешь что сказать — иди ты сюда!

И р и н к а. Ну, тогда погоди. Я сейчас.

А н ь к а (*продолжает поливать траву*). Погоди... И погожу! Я никуда не бегу. Куда бежать-то? Что я — лошадь? Мать, наверное, уснула. Куда же бежать-то?

И р и н к а (*выбегает*). Брось поливать!

А н ь к а. Они пить хотят...

И р и н к а. Брось поливать! Послушай, что я знаю!

А н ь к а. Наверное, ничего и не знаешь?

И р и н к а. Нет, знаю. Интересное! Про мачеху, про Марусину!

А н ь к а. Про Варварку?

И р и н к а. Ну да! Интересное...

А н ь к а. О?!

И р и н к а. Вот тебе и «о»!

А н ь к а. Ну!

И р и н к а. Вот тебе и «ну» — она деньги считала!

А н ь к а. Деньги?

И р и н к а. Деньги. Во какую массу! Как кирпич. Толстую!

А н ь к а. Рубли?

И р и н к а. Какие там рубли! Червонцы...

А н ь к а. Ну, вот и врешь... Откуда у нее червонцы? Она же бедная! На пенсии. Откуда же у нее? Как же ты увидела?

И р и н к а. Да ты слушай. Видишь вон то гнездо?

А н ь к а. То?

И р и н к а. Да!

А н ь к а. Воробьиное?

И р и н к а. Да!

А н ь к а. Под крышей?

И р и н к а. Да! Да! Да! Полезла я туда за мышонком...

А н ь к а. Зачем?

И р и н к а. Да за мышонком же! Я туда вчера живого мышонка посадила.

А н ь к а. Мышонка? Живого? А мне не сказала!

И р и н к а. Да ведь я же о другом говорю сейчас!

А н ь к а. Сестра называется... Мышонка поймала, а мне...

И р и н к а. Да это же вчера было, когда ты в городе была! Я у кошки его отняла, а он совсем живой. Ну, я

его туда… Хотела глянуть, как воробки удивятся… Ну, вот… Лезу я…

А н ь к а. Удивились?

И р и н к а. Ах, да не знаю я! Воробьята запищали, а старых дома не было. А тут меня мама обедать позвала. Я побежала и забыла. Только-только вспомнила. Полезла, глянула, нету там мышонка… Лезу обратно…

А н ь к а. А где же он? Мышонок?

И р и н к а. Да не знаю! Ну, съели его, что ли!

А н ь к а. И хвост?

И р и н к а. И хвост. Да ты слушай! Я же о другом рассказываю! Лезу я обратно — и глянула нечаянно к Варварке в окно. Смотрю — сидит она на полу, страшная-страшная, в круглых очках. Сидит и деньги считает. Одну доску из пола вынула, оттуда и достает она деньги-то.

А н ь к а. Н-ну!

И р и н к а. Посчитает-посчитает и закрутит головой, как гадюка!

А н ь к а. Зачем?

И р и н к а. Смотрит — не подглядывает ли кто!

А н ь к а. Я б с трубы сорвалась от страху.

И р и н к а. А я скорей назад.

А н ь к а. Мама говорит: она Марусю голодом морит. А папа говорит: она же бедная — пенсия маленькая. Вот так бедная!

И р и н к а. Откуда ж деньги-то?

А н ь к а. Наверно… Наверно, она разбойница!

Г о л о с В а р в а р к и. Опять, опять, опять выросла!

А н ь к а. Она!

И р и н к а. Варварка!

А н ь к а. Разбойница!

И р и н к а. Бежим!

Убегают.

В а р в а р к а (*за окном*). Опять она выросла… А? Нет, вы только посмотрите. Опять выросла. Скандалистка!

М а р у с я (*за окном*). А я виновата!

В а р в а р к а. Четырнадцать лет, а выше матери на целую голову!

М а р у с я. Вы мне не мать, а мачеха!

В а р в а р к а. Все равно, я втрое тебя старше! Растет, растет, сама не знает чего!

М а р у с я. Трава и то растет.

В а р в а р к а. Замолчи!

М а р у с я. Трава и то растет, а я — человек.

В а р в а р к а. Человек нашелся какой! Ты не человек, а девчонка!

М а р у с я. Чего вы щиплетесь?

В а р в а р к а. Я не щиплюсь, а на окно показываю. Открой окно! Темно мне...

Распахивается окно. За окном В а р в а р к а и М а р у с я.

В а р в а р к а. Ну, так и знала! На четыре пальца! Разорение! На четыре пальца!

М а р и я И в а н о в н а (*показывается из-за занавески в окне второго этажа. Сонно говорит в пространство*). Здравствуйте, Варвара Константиновна! Что, у вас опять Маруся выросла?

В а р в а р к а. Здравствуйте, Мария Ивановна! Опять выросла! Какая вы счастливая... Ваши девочки, как девочки, а моя каждый день растет!

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Вы подумайте! Неужто каждый?

В а р в а р к а. Я ее вымерила, я ее высчитала, я в очереди отстояла. Я еле-еле отскандалила, чтобы приказчик ровно метр восемнадцать с половиной сантиметров отрезал. А она возьми да и вырасти на четыре пальца!

М а р у с я. Цыпленок и то растет.

В а р в а р к а. Молчи! Отпустят мне теперь в лавке сатину четыре пальца? А? Отпустят? Цыпленок...

М а р у с я. Чего вы щиплетесь?

В а р в а р к а. Я не щиплюсь, я тебе на дверь показываю. Ступай, переоденься. Цыпленок... Вот сделаю тебе

вставку из своей старой юбки, тогда узнаешь, что за цыпленок... Ступай.

Маруся уходит.

Мария Ивановна. Охо-хо-хо-хо!

Варварка (*шьет*). Чего вздыхаете?

Мария Ивановна. После обеда живот большой. Ляжешь — он тебе на душу давит. Поспишь — на душе тяжело.

Варварка. А вы не спите!

Мария Ивановна. Нельзя. Я сегодня ночь не спала.

Варварка. Отчего?

Мария Ивановна. От снов.

Варварка. От снов не спали?

Мария Ивановна. Ну да! От страшных снов.

Варварка. Что же вы видели?

Мария Ивановна. Старички на костыликах бегают, блошки пляшут. В голову мне гвоздики забивают...

Варварка. Отчего же это сны такие?

Мария Ивановна. От пишущей машинки.

Варварка. От чего?

Мария Ивановна. От пишущей машинки. Студенты — жильцы мои — хорошие люди, а беспокойные. Тот, что на актера учится, — кричит, кричит, кричит — будто начальство какое. А тот, что на инженера, — принес домой пишущую машинку. Всю ночь: тук, тук, тук! тук, тук, тук! тук, тук, тук! А мне снятся гвоздики, блошки, костылики. Гвоздики, блошки, костылики...

Варварка. Где ж это он так разбогател — машинку купил?

Мария Ивановна. Что вы — купил... Ее не купишь. Это ему из института дали. Доклад, что ли, спешный отпечатать. А купить ее разве возможно!

Варварка (*бросает шить*). Дорогая?

М а р и я И в а н о в н а. Тысячу рублей!

В а р в а р к а. Как?

М а р и я И в а н о в н а. Что это вы так всполохнулись?

В а р в а р к а. Укололась об иголку. А почему вы знаете, что она тысячу стоит?

М а р и я И в а н о в н а. Во вчерашней «Вечерке» читала. Похищена откуда-то там машинка... фабрика, кажется, «Ундервуд» — в тысячу рублей.

В а р в а р к а. Бывает... Однако пора и самовар ставить... Маруся! Маруся! Найди мне газету самовар развести. Маруся! Найди мне вчерашнюю газету!

М а р и я И в а н о в н а. Батюшки! Что же это я? Совсем забыла, что я пить хочу. Иринка! Аня! Где же вода-то?

А н ь к а (*из окна рядом*). Я водой траву полила!

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Кипяченой водой? Траву?

А н ь к а. Что ж, что кипяченой. Зато холодной!

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Принеси опять.

А н ь к а. Принесу! Только ты не засни.

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Не засну, если ты скоро.

А н ь к а (*во дворе со стаканом*). Иринка! Иринка!

И р и н к а выбегает во двор.

И р и н к а. Чего тебе?

А н ь к а. Идем в погреб за водой!

И р и н к а. Сама не донесешь, что ли?

А н ь к а. Боюсь я. Страхов насказала про Варварку!

Убегают в погреб. Из дому выходит М а р у с я. Что-то ищет под окном. Из погреба выбегают А н ь к а и И р и н к а. Увидев Марусю, замерли. Стоят и глядят на нее.

М а р у с я (*тихо и печально*). Девочки! Не видели тут газеты под окном? Вчерашней? Мачеха велела найти... Чего вы на меня уставились? Неужто я еще выросла?

А н ь к а. Нет. (*Ставит воду на скамейку.*)

М а р у с я. Так чего же? (*Еще печальней.*) Выкатили гляделки, будто куклы какие-нибудь.

И р и н к а (*кидается к Марусе*). Она тебя бьет. Она тебя убьет.

М а р у с я. Что ты, что ты...

А н ь к а. Она — разбойница, разбойница!

М а р у с я. Кто?

И р и н к а. Мачеха!

М а р у с я. С чего ты взяла?

И р и н к а. Она деньги считала! Во какую гору! На полу сидела.

М а р у с я. Когда?

И р и н к а. После обеда! Я под крышу лазила, в окно увидела.

М а р у с я. В какое окно?

И р и н к а. Вон в то!

М а р у с я. Ну да! Она там после обеда на ключ запиралась.

И р и н к а. Откуда у нее деньги-то?

А н ь к а. Она разбойница, наверное! Она и тебя из детдома взяла, наверное, чтобы убить!

М а р у с я. Вот оно! Этого я и ждала! Этого я и ждала все время! Вот оно. Что же делать-то?

И р и н к а. А ты к нам переходи. У нас живи!

А н ь к а. На диване у нас живи пока.

М а р у с я. Я так и знала, что дело неладно. Всегда она запирается, всегда в город ездит — а зачем ей? Знаете, девочки, она вчера телеграмму получила, а там написано: «Цены прежние».

А н ь к а. Ну!

И р и н к а. Прежние?

М а р у с я. Что это за телеграмма? Знаете, девочки, будь она просто злая старуха, я бы с ней живо справилась. А она непонятная старуха!

А н ь к а. Очки носит...

М а р у с я. После обеда каждый день сядет она за стол, счеты из шкафа достанет — и давай считать, на счетах щелкать. Щелк-щелк, будто кассирша в кооперативе.

А н ь к а. В «Пролетарии»?

И р и н к а. Заткнись!

М а р у с я. Откуда у нее деньги? Наворовала? Будет суд, спросят меня: «Как это так, восемь месяцев жили у нее — и не знаете, чем она занимается?» А у нее разве узнаешь? У нее все с хитростью. Щиплется — и то так, что не придерешься. Положит руку на плечо, будто так себе, и между пальцами как зажмет! А скажешь ей: «Чего вы щиплетесь?», она сейчас же: «Я не щиплюсь, я показываю или...»

Из лавчонки выезжает в колясочке на роликах М а р к у ш к а.

М а р к у ш к а. Сено! Солома! Трава! Клевер! Турнепс! Пальмы! Горох! Табак!

Убегает, сделав по сцене два-три круга.

А н ь к а. Маркушка-дурачок побежал милостыню собирать.

М а р у с я. А как она меня надула, когда я в лагерь собиралась с отрядом! Свалилась, стонет, сознание теряет...

И р и н к а. У нас было слышно...

А н ь к а. У нас было слышно, как она сознание теряет.

М а р у с я. Я и поверила и осталась — и вот теперь сижу здесь одна. А отряд неизвестно где. Не знаю, как проехать. Ей даровой прислугой осталась.

А н ь к а. Я очень боюсь ее. Очень.

М а р у с я. Мячик! Мячик!

А н ь к а. Ай! Ай! Что она делает! Ай!

И р и н к а. Не надо.

М а р у с я. Что с вами?

А н ь к а. Зачем Мячик?

М а р у с я. Посоветоваться! С кем же еще?

А н ь к а. Ай, что ты! Он ведь... Он сразу пойдет узнавать, расспрашивать...

И р и н к а. Он сразу начнет кричать: «Осмотрись и борись!»

А н ь к а. Варварка рассердится и всех нас поубивает. Она непонятная!

М а р у с я. Не говори глупостей! Мячик!

И р и н к а. Ну, постой, ну, еще минуточку дай отдышаться. И зачем, зачем ты к ней из детдома пошла?

А н ь к а. Сидела бы там.

М а р у с я. Я скучала очень, когда отец помер и бабушка померла. Они ведь мне про Варварку ни слова не говорили. Я ж не знала, какая она. А она пришла в детдом голубь голубем, и все документы в порядке.

А н ь к а. Я б эти документы порвала — да в нее.

М а р у с я. Не порвала бы. Там все поверили, что она голубь. И арифметик, и заведующий. Уж на что умница Фекла, кухарка, и та поверила. А уж она, кажется, всякого насквозь видела. Кто лишнюю порцию съел, кто окно выбил — все Фекла узнавала, только глянет. А вот на Варварке прошиблась Фекла. У тебя, говорит, будет теперь родная мать. Вот. Посмотрела бы она на эту мать...

И р и н к а. Хороша мать!

М а р у с я. Голодом морит! Сегодня на обед одно первое, завтра одно второе. Я один обед два дня ем! И с чего это я расту? Куда ты, Аня?

А н ь к а. Я тебе поесть принесу!

М а р у с я. Не надо мне! Не до того. Мячик! Мячик!

В окне показывается К р о ш к и н.

К р о ш к и н (*театрально хохочет*). Ха-ха-ха-ха-ха! Мячик занят... Ха-ха-ха...

И р и н к а. Чего ты?

К р о ш к и н. Учусь. Это горький смех. Ха-ха-ха-ха! Ну что? Чувствуете? Дошло?

И р и н к а. Сказать ему?

М а р у с я. Ну да!

Иринка. Дядя Крошкин, спуститесь к нам!

Крошкин. О! Чего вы...так взволнованы...о... девочки двора?

Анька. Скажем что-то страшное про...

Иринка. Тссс-с!

Крошкин. О... я... заинтересовался... трепеща! Сейчас прибегу... как будто козочка... бегом... и кувырком... (*Скрывается.*)

Анька. Что, у него опять зачет?

Иринка. Ну да! Видишь, как складно говорит.

Анька. А когда он совсем на актера зачтется?

Иринка. Его спроси!

Крошкин. Ну вот и я... с ногами и... и... и ушами. О! В чем дело?

Маруся. Дядя Крошкин, у меня беда.

Крошкин (*серьезно*). Опять выросла?

Маруся. Да это пустяки!

Крошкин. Как пустяки! Нет, брат, это не пустяки. Рост — это дело ого-го!

Маруся. Да ты послушай!

Крошкин. Рост — это дело... крупное. Недавно заработал я десятку на халтуре...

Иринка. Постой! У нас беда!

Крошкин. Сейчас! Захотел я что-нибудь себе подарить — и невозможно! Самая большая рубашка — и мне рукава до сих пор!

Анька. Послушай нас, дядя!

Крошкин. Сейчас! И придется мне рукава наставлять. А кто мне наставит? Брюки хотел купить — и брюк по мне нет. По сих пор самые длинные. Ничего себе подарить не могу! А ты говоришь — рост пустяки... Рост — это...

Маруся. Дядя Крошкин! Пожалуйста, очень я тебя прошу. Важное дело.

Крошкин. Ну, ладно! Слушаю. (*Садится с размаху на стакан с водой.*) Караул! Тону!

Анька и Иринка смеются.

М а р у с я. Ну вот! Все заржали! С вами никогда дела не сделать. Мячик! Мячик!

А н ь к а. Маруся, не надо!

И р и н к а. Маруся! Он ведь очень рассердится.

А н ь к а. И она рассердится.

И р и н к а. И нам плохо будет.

А н ь к а. И тебе плохо будет.

М а р у с я. Бросьте, девочки! Мячик!

Девочки плачут.

К р о ш к и н. Ревут! Честное слово, ревут! Ревут, как тигры. Раньше Мячик — любимец публики, а теперь он вдруг вызывает слезы... В чем дело?

А н ь к а. Мы боимся!

К р о ш к и н. Кто?

И р и н к а. Она Варварки боится.

К р о ш к и н. А ты?

И р и н к а. И я!

К р о ш к и н. Ничего не понял! При чем здесь Мячик?

М а р у с я. Мячик! Мячик!

Распахивается окно.

М я ч и к. Кто меня звал? Ты, Маруся?

М а р у с я. Я, Мячик.

М я ч и к (*выпрыгивает из окна*). Ты? По делу?

М а р у с я. Я. Да.

М я ч и к. По важному?

М а р у с я. Да!

М я ч и к. Если так, то постой. Ать-два! Ать-два! Ну вот, опять на плечах голова. А то был котел. Шутка ли? Всю ночь печатал. Какое дело?

М а р у с я. Иринка у мачехи видела во какую гору денег! Она на пенсии. Откуда же деньги-то?

М я ч и к. Что-что? Деньги?

А н ь к а. Это Иринка видела, не я...

И р и н к а. Я... Она... Мы... боимся...

М я ч и к. Глупости! Осмотрись — и борись! Что за ерунда! Не дрожать! Деньги там были? Не ошибаешься?

М а р у с я. Нет! Я давно вижу что-то неладное, очень что-то неладное делается у нас. Как быть? А? Мячик!

М я ч и к. Маруся, Маруся, где ты так избаловалась? Осмотрись и борись — понятно? Осмотрись и борись! А мы поможем...

М а р у с я. Откуда у нее деньги? Награбила?

Дверь в квартиру Варварки распахивается.

В а р в а р к а. Здравствуйте, молодые люди. Что глядите так? Впервой видите?

К р о ш к и н. Привет вам... о, герцогиня! Хотя, конечно, не впервой, но вроде как бы и впервой!

В а р в а р к а. А вы все пьесы учите? Все из роли?

К р о ш к и н. Хоть не из роли, но в этом роде.

В а р в а р к а (*Мячику*). А вы всю ночь печатали?

М я ч и к. Да!

В а р в а р к а. Устали небось?

М я ч и к. Да!

В а р в а р к а. А трудно это — научиться печатать?

М я ч и к. Нет!

В а р в а р к а. А какая у вас машинка? Какой фабрики?

М я ч и к. «Ундервуд»!

В а р в а р к а. А ты что стоишь? Я тебе велела «Вечерку» вчерашнюю найти. Я хочу самовар развести. Где газета? (*Кладет Марусе руку на плечо.*)

М а р у с я. Да чего вы щиплетесь?

В а р в а р к а. Я не щиплюсь, я тебя направляю! Ступай, ищи.

К р о ш к и н. О, герцогиня! Не посылайте искать... сию малютку. Вот вам газета.

В а р в а р к а. Так ведь это «Правда»!

К р о ш к и н. Но, герцогиня, газета вам нужна для самовара. Ведь «Правда» больше «Вечерки»?

В а р в а р к а. Действительно, я напутала. Давайте «Правду», все равно!

К р о ш к и н. О нет, зачем же! Мне тоже все равно. (*Опускается на одно колено.*) О, герцогиня, вот вам «Вечерка».

В а р в а р к а. Спасибо! (*Кладет Марусе руку на плечо.*) Идем!

М а р у с я. Чего вы щиплетесь?

В а р в а р к а. Я не щиплюсь, я тебя зову. Идем.

М а р у с я. Сейчас.

В а р в а р к а уходит.

М а р у с я. Что мне делать, братцы? Что мне делать?

К р о ш к и н. Иди и возвращайся!

М а р у с я. Хорошо. (*Убегает.*)

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Иринка! Анька! Где же вода?

И р и н к а. На нее дядя Крошкин сел.

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). На кипяченую воду сел?

И р и н к а. Так ведь нечаянно!

М а р и я И в а н о в н а (*сонно*). Принеси еще!

И р и н к а. Так ведь ты опять заснешь.

М а р и я И в а н о в н а. Не засну, если ты скоро.

Из окна студентов хор. Радио.

И р и н к а. Радио! Бежим скорей за водой.

А н ь к а. А потом послушаем. Да?

И р и н к а. Да! Бежим скорей!

Убегают.

М я ч и к. Ну что скажешь, товарищ Крошкин?

К р о ш к и н. Дело неясное, товарищ Мячик.

М я ч и к. Какие они деньги видели? Правду говорят?

К р о ш к и н. Несомненно, правду. Они тут ревели. Они — девочки веселые. Если ревут, значит, что-то неладно.

М я ч и к. Тут разобраться надо.

К р о ш к и н. Это так.

Девочки выбегают из погреба.

А н ь к а. Еще не кончилось радио…

И р и н к а. Мама! Мама! Я принесла воду! Спит.

А н ь к а. Что это они играют?

М я ч и к. А не знаю, сюда не слышно было, как объявляют.

М а р у с я выбегает из дверей.

М а р у с я. Братцы, дорогие мои! Что мне делать? Вы радио послушаете, по домам пойдете, а я к ней на мученье! Вы будете спать, а мне конский волос щипать!

М я ч и к. Какой конский волос?

М а р у с я. Бросила мне сейчас матрас грязный, старый, в помойной яме нашла, что ли. «Выщипи, говорит, из него конский волос».

И р и н к а. Зачем?

М а р у с я. А разве я знаю? Выщипи и в мешок набей. Что делать, товарищи? А? Куда деваться?

М я ч и к. Ох Маруська, Маруська! И когда это ты так избаловалась? О чем мы вчера говорили?

М а р у с я. Ах, не помню! Посоветуй, что делать, Мячик! А? У нас там такая сырость да грязь, а теперь еще деньги эти…

М я ч и к. Маруська, мы вчера с тобой говорили об Индии. Верно?

М а р у с я. Ну, верно.

М я ч и к. Что ты мне говорила? Ах, счастливые индусские пионеры! Ах, у них там борьба. А теперь заныла? Когда до борьбы дошло — заныла? Как только непонятное положение, опасность — плачешь? Это, брат, только в книгах: чуть что — отряд на выручку спешит, а в жизни не угодно ли иной раз и одной попробовать.

М а р у с я. Да ведь тут мачеха, а не…

М я ч и к. А мачеха тебе не враг? А откуда у нее деньги? Осмотрись и борись, а мы поможем, а если понадобится — позовем на помощь и...

С улицы крик: «Дерево!»

А н ь к а. Маркушка-дурачок с милостыни вернулся.

С улицы: «Листик!»

М я ч и к. Идем к нам. Поговорим обо всем подробней.

Влетает М а р к у ш к а - д у р а ч о к.

М а р к у ш к а. Дерево! Листики! Кустики! Веточки! Планочки! Палочки! Рамочки! Вагоны!

М а р у с я. Братцы, что он ко мне пристал!

М а р к у ш к а. Почки! Сучочки! Оглобли!

И р и н к а. Не трогай меня!

Все уходят. Маркушка один бегает по площадке.

М а р к у ш к а. Окно! Стекло! Стакан! Рюмочки! Лампочки! Чернильница! Телескоп! (*Подходит к Варваркиному окну.*) Очки! Хлеб! Пышки! Пирожки! Караваи! Булки! Батончики! Розанчики! Корки!

В а р в а р к а (*высовывается из окна*). Это ты, Маркушка?

М а р к у ш к а. Я, Варюша.

В а р в а р к а. Подойди-ка сюда. Они все радио слушают?

М а р к у ш к а. Да, они все наверх пошли.

В а р в а р к а (*вытирает ему лоб платком*). Опять ты весь потный! Недаром говорила мама-покойница: Маркушке простудиться — пустяк. Застегни ворот.

М а р к у ш к а. Как дела?

В а р в а р к а. А дела неплохи! Сегодня считала... Знаешь, сколько мы за прошлый месяц заработали?

М а р к у ш к а. Ну?

В а р в а р к а. Триста пятьдесят рублей. Рубашка-то у тебя какая грязная! Намоталась я сегодня, не успела я тебе смену выстирать... Да! Триста пятьдесят.

М а р к у ш к а. Это мы тогда задешево часы скупили. Золотые-то.

В а р в а р к а. Ну уж и задешево. Краденые! Продали хорошо, это верно. А купили… Краденые еще дешевле можно купить. Погляди на меня! Что это глаза у тебя такие мутные? У тебя жар!

М а р к у ш к а. Какое там! Нет!

В а р в а р к а. Почему ты знаешь?

М а р к у ш к а. Чувствую.

В а р в а р к а. Ты чувствуешь! Помнишь, когда у тебя корь была? Когда тебе девять лет было? Тоже на ногах ходил, пока сыпь не высыпала.

М а р к у ш к а. То когда было. Пирожок мне обещала. Спекла?

В а р в а р к а. Ой, братик миленький, просто забыла! Замоталась с машинкой с этой.

М а р к у ш к а. С какой машинкой?

В а р в а р к а. Ох ты, господи! О главном-то и забыла. Дело есть! Прибыльное. Читай.

Дает Маркушке вырезку из газеты.

М а р к у ш к а (*читает*). «Из помещения рабкома пищевиков похищена пишущая машинка системы «Ундервуд». Стоимость похищенного около тысячи рублей». Ну?

В а р в а р к а. Около тысячи рублей. А? Когда мне эта соня верхняя сказала, я не поверила. Я и не думала, что машинка столько стоит. Я сейчас давай газету искать. Нашла — и вот видишь — верно! Тысячу рублей.

М а р к у ш к а. Да нам-то что до этого?

В а р в а р к а. Да студент-то! Верхний! Машинку домой принес! «Ундервуд»!

М а р к у ш к а. Так!

В а р в а р к а. Я Маруське велела мешок конского волоса нащипать. Когда никого не будет, мы ее вытащим. В мешок. Да и в город. Конский волос мягкий. Ничего не поломается.

М а р к у ш к а. Ай да Варюша! Только нет. У меня другой план есть. Мы не так вытащим.

Окно Марии Ивановны распахивается настежь.

М а р и я И в а н о в н а. Нет! Нет! Так вот вы кто! Нет! Нет! Нет!

В а р в а р к а. Это еще что за глупости?!

Маркушка выскакивает из колясочки. Ноги у него здоровые. Бросается к водосточной трубе.

М а р и я И в а н о в н а. Не позволю моего жильца обкрадывать! Это не его вещь, это казенная вещь!

В а р в а р к а. Мария Ивановна, за-мол-чи-те!

М а р и я И в а н о в н а. Нет! Нет! Нет! Ой, у меня пояс лопнет сейчас. Не замолчу! Воры!

М а р к у ш к а (*у ее окна поднялся по водосточной трубе*). Молчи!

М а р и я И в а н о в н а. Ой!

М а р к у ш к а. Молчи, или тебе худо будет. Поняла? Молчи, или тебе худо будет!

М а р и я И в а н о в н а. Худо будет...

В а р в а р к а. Повтори ей, Маркушка! Она плохо поняла.

М а р к у ш к а. Если хоть один человек узнает, о чем я с сестрой говорил сейчас, тебя на дне морском отыщу. С того света вернусь! Я т-т-тебя...

М а р и я И в а н о в н а. Ой, зубы какие! Да не скаль ты зубы! Зубы какие!

М а р к у ш к а. Поняла?

М а р и я И в а н о в н а. Да!

М а р к у ш к а. Будешь молчать?

М а р и я И в а н о в н а. Да!

М а р к у ш к а. Запомни! (*Спрыгивает на землю, бежит к себе.*)

М а р и я И в а н о в н а. Что же это будет? Что же это будет?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация первого действия. Два часа дня.

Мария Ивановна. Девочки! Девочки! Девочки! Нету их... Девочки... милые. Пропали... Иринка! Анька!

Иринка (*выходит с Анькой из-за дома*). Чего тебе?

Анька. Кричит, как автомобиль. (*Передразнивает*.) «Девочки! Девочки!»

Мария Ивановна. Да как вы можете со мной так разговаривать?

Иринка (*выходит с Анькой из-за дома*). А что?

Мария Ивановна. Мне же обидно!

Анька. А нам не обидно?

Иринка. Подругу себе какую нашла!

Анька. С разбойницей подружилась...

Мария Ивановна. С какой разбойницей? Откуда ты знаешь?

Иринка. Чего там знать! Сидела у тебя Варварка с восьми часов утра? Сидела!

Мария Ивановна. Какая же она разбойница?

Анька. А что, я тебе не рассказывала, как деньги она считала?

Мария Ивановна. Может, то были ее деньги.

Анька. Откуда?

Иринка. Сидишь с ней целое утро...

Анька. А нас в лавочку посылаешь за макаронами!

Иринка (*выходит с Анькой из-за дома*). А у нас их в кладовой два кило! Еще папа с кооператива принес!

Анька. Значит, нарочно посылала, чтоб с ней поговорить!

Иринка. Секреты разговаривают подруги новые. Ну и сидите с ней!

Анька. Записывайтесь в разбойницы!

Иринка (*выходит с Анькой из-за дома*). А нас не зовите. Пойдем, Анюта!

Мария Ивановна. Девочки! Побудьте тут.

Анька. Пойдем, Иринка!

Мария Ивановна (*отчаянно*). Девочки, я прошу же! Сядьте тут, у двери. Сидите тут, а то я вас насмерть забью! Сидите, я вам гривенник дам. (*Взглядывает на Варваркино окно и убегает.*)

Анька. Чего это она?

Иринка. Заболела?

Анька. Может, ей Варварка конфету дала такую?

Иринка (*выходит с Анькой из-за дома*). С каплями сумасшедшими...

Мария Ивановна возвращается.

Мария Ивановна (*шепотом*). Тут, тут, тут сидите.

Иринка. Мама!

Анька. Мама, не надо!

Мария Ивановна. Сидите тут, у двери, весь день и смотрите! Сидите и смотрите!

Иринка (*выходит с Анькой из-за дома*). На что смотреть-то?

Мария Ивановна. Не спрашивайте меня! Сидите! Смотрите! (*С ужасом взглядывает на Варваркино окно.*) Что же это такое?

Убегает.

Анька. Говорила я тебе...

Иринка. Что ты мне говорила?

Анька. Не помню... А только я знала!

Иринка. Что ты знала?

Анька. Что худо будет.

Маруся выбегает из дома.

Маруся. Девочки! Что у вас Варварка утром делала?

Иринка. Заперлась с мамой, целый час говорили.

Анька. А нас отправила за макаронами.

Маруся. Знаете что?

А н ь к а. Ну?
М а р у с я. Она что-то против меня готовит.
И р и н к а. Почему ты думаешь?
М а р у с я. Она сегодня со мной ласковая-ласковая!
А н ь к а. Н-ну?
М а р у с я. По комнатам летает прямо чижиком. Щечки красные. Сама себе мигает! Сама с собой говорит. С утра успела и у вас побывать, и в город съездила. А сейчас сидит мешок зашивает.
А н ь к а. Какой мешок?
М а р у с я. Тот, что конским волосом я набила. А со мной ласковая-ласковая. Но только меня она не проведет. Я ей теперь ни в чем не подчинюсь. Я рассердилось!
А н ь к а. На кого?
М а р у с я. На нее.
А н ь к а. А раньше ты разве на нее не сердилась?
М а р у с я. Да что ты меня все спрашиваешь и спрашиваешь? Я сама ничего не знаю. Я только знаю, что некогда! Некогда! Готовит она что-то. Надо ей мешать.

Из дома выходят К р о ш к и н и М я ч и к.

К р о ш к и н. Девочки! Смотрите, какая у меня улыбка.
А н ь к а. Большая...
К р о ш к и н. Скорбная! Это — скорбная называется. Я ее сегодня нашел.
А н ь к а. Где?
М я ч и к. Ну, идем, Крошкин, а то я опоздаю.

М а р и я И в а н о в н а выходит.

М а р и я И в а н о в н а. Вы куда уходите?
М я ч и к. Я к себе в институт, Мария Ивановна.
К р о ш к и н. А я пройтись.
М а р и я И в а н о в н а. Товарищи! Я прошу вас! Ох... (*Опускается на скамейку.*) Говорила я ему! Езжай в дом отдыха осенью! А он: «Нет, я на заводе устал». Уехал... А ведь я ему говорила!

М я ч и к. Кому?

М а р и я И в а н о в н а. Мужу! Уехал… А тут вот оно что!

М я ч и к. Да что случилось?

М а р и я И в а н о в н а. Ах, нет! Ничего, ничего. Вы куда уходите?

И р и н к а. Мама, они же сказали!

А н ь к а. В институт, мама!

М а р и я И в а н о в н а. Нельзя ли не уходить?

М я ч и к. А что?

М а р и я И в а н о в н а. Ох, нет! Ничего, ничего! (*Шепотом.*) Прошу вас не уходить! Прошу!

К р о ш к и н. Мария Ивановна! Да расскажите вы нам, в чем дело!

М а р и я И в а н о в н а. Ах, ну… Что за настырные люди! Что рассказывать? Не надо вам уходить. (*Скороговоркой.*) Я видела во сне, что у вас пишущую машинку украли!

М я ч и к. Что?

М а р и я И в а н о в н а. Пишущую машинку. Во сне! Во сне! И довольно! И сидите дома. (*Убегает.*)

М я ч и к. Что такое?

К р о ш к и н. Она больна.

И р и н к а. Это ее Варварка! Варварка ее! Она сегодня у нас с утра сидела!

М я ч и к. Что за ерунда! Не может же она…

М а р у с я. Она все может! Вы не знаете ее — она все может! Я понимаю! Она пишущую машинку решила у вас украсть!

М я ч и к. А Мария Ивановна откуда это узнала?

М а р у с я. Ой, не будем сейчас думать откуда. Некогда, некогда. Надо скорее, скорее, скорее…

М я ч и к. Да что скорее-то?

М а р у с я. Ах, не знаю я! Неужто мы ее глупее? Она что-то готовит… Неужто мы не помешаем? Марию Ивановну запугала. Девочки! Мальчики! Вот при всех говорю: что бы она ни велела — не буду делать. Самый пустяк — и то не буду. Меня она не запугает.

М я ч и к. Хлоп! (*Прыгает.*) Хлоп! (*Прыгает.*) Хлоп! (*Прыгает.*) Ать-два! Ать-два! Ну вот, опять на плечах голова. А был котелок. Шутка ли... столько со всех сторон наговорили! Так что ты советуешь делать?

М а р у с я. Не ходить никуда.

М я ч и к. Это ерунда! Сейчас осмотрюсь. (*Задумывается.*) С одной стороны — уйти мне необходимо. С другой стороны — «Ундервуд» институтский, дорогой, только что из-за границы. Вывод вот какой: если есть опасность кражи, я должен помешать. Как? А вот как. (*Бежит в дом.*)

К р о ш к и н. Девочки! Что вы плачете?

И р и н к а. Со стыда!

А н ь к а. Мама теперь тоже разбойница!

К р о ш к и н. Как вам не стыдно!

М а р у с я. Не ревите, девочки! Некогда, некогда!

Мячик в окне.

М я ч и к. Окно с улицы я ставней закрыл и припер. Это — щеткой припру. (*Запирает ставни.*)

М а р у с я. Не ревите, девочки! Стоят, глаза руками позакрывали. А сейчас надо во все глаза смотреть. Бросьте, я вам говорю! Ни в чем ваша мама не виновата! Она же вышла, сказала: берегитесь, мол!

А н ь к а. А чего она так странно говорила?

И р и н к а. Как будто боялась чего!

М я ч и к выходит.

М я ч и к (*Крошкину*). Вот тебе ключ. Ты только пройтись шел, дыханье поупражнять, так вот, дыши во дворе. Останься на всякий случай. До свиданья!

М а р у с я. А может, мы сядем у тебя в комнате, рядом с машинкой, сторожить?

М я ч и к. Ну, это уж паника. Даже неприятно! К чему в такую погоду в комнате сидеть? Крутитесь тут, около, на всякий случай!

М а р у с я. А может, сказать мачехе прямо: мы тебя подозреваем! Руки прочь!

М я ч и к (*взглядывает на часы*). Ой! Потом, потом, Маруся! Я вернусь очень скоро! Тогда обсудим. (*Убегает.*)

К р о ш к и н. Здорово, орлы! Смирно! Равняйся! Мы охраняем эту крепость... Ну чего вы? Чего? Сторожа! Смотри, Маруся, у них на носу лягушки завелись от сырости. Вон они — лягушки. Лови!? (*Хватает Аньку и Иринку за нос.*) Есть! Э-э-э! Красноносые! Разве можно сторожить с такими красными носами? Подумают, что пожар... Пожарные команды приедут.

М а р у с я. Верно, девочки, бросьте. Не до того.

А н ь к а. Я уже бросила... Я только вздыхаю! А все-таки, что же с мамой?

И р и н к а. Я ее такой никогда не видела!

К р о ш к и н (*носится в дикой пляске вокруг девочек*). Заныли, заныли, заныли...

А н ь к а. Что это ты?

К р о ш к и н.

Довольно! Затрубили трубы.
Назавтра двинемся в поход.
Танцуют кони у порога,
А седла крепкие скрипят.
Поймаешь пляшущее стремя...

(*Мимически иллюстрирует стихи.*)

А н ь к а. Смотрите, смотрите!

К р о ш к и н. А вот еще. Из другой роли.

Спи, бедный пленник! Солнце закатилось,
болото налилось кровавым светом,
а камыши недвижны и неслышны,
как сторожа...

М а р у с я. К чему это?

К р о ш к и н. Это чтобы они не ревели, гражданочка.

М а р к у ш к а (*за сценой*). Гвоздики!

К р о ш к и н. Маркушка вернулся!

М а р к у ш к а. Проволоки!

К р о ш к и н. Что это он сегодня рано?

М а р к у ш к а (*вбегает*). Рельсы! Звонки! Стрелки! Щеколды! Крыши! Мосты! Пуговицы! (*Пробегает в дом.*)

К р о ш к и н (*заглядывает*). К вам побежал. Постою у двери, чтоб к нам не побежал. А что он у вас делает?

М а р у с я. Не знаю! Забегает.

К р о ш к и н. А мачеха ничего?

М а р у с я. Нет. Он вбежит, орет, прыгает, а она прибирается или шьет; а ему — ни слова. Боится, наверное, что ударит.

А н ь к а. Его все боятся. Мама тоже боится.

И р и н к а. Пойду посмотрю, что мама делает. (*Уходит.*)

К р о ш к и н (*пляшет у двери*). Девочки! Девочки! Ну что это в самом деле? Говорят не своим голосом, глядят не своими глазами.

Довольно! Затрубили трубы...

А н ь к а. Смешно ты делаешь. А все-таки мне как-то неладно.

К р о ш к и н. Ну на тебе еще. (*Пляшет.*) Теперь ладно?

И р и н к а возвращается.

А н ь к а. Ну что?

И р и н к а. Мама лежит.

А н ь к а. Спит?

И р и н к а. Нет, смотрит. Я говорю ей: «Ты что?»

А н ь к а. А она?

И р и н к а. А она говорит: «Уходи вон!»

А н ь к а. Мама так сказала?

И р и н к а. Да!

А н ь к а. Никогда она раньше так не ругалась.

И р и н к а. У Варварки научилась.

А н ь к а. А как же обед?

И р и н к а. Что обед?

А н ь к а. Обед она не готовит?

И р и н к а. Нет. И печку не растопила. Лежит.

А н ь к а. Что же это будет?

М а р к у ш к а (*пробегает к себе*). Камушки! Глина! Песочек! Кирпичики! Горы!

А н ь к а. Значит, есть нам нечего?

И р и н к а. Хлеба поедим.

А н ь к а. Может, за доктором сходить?

И р и н к а. Я спросила ее.

А н ь к а. А она?

И р и н к а. А она говорит: «Они же еще обо мне беспокоятся!» И ну реветь!

А н ь к а. А ты что?

И р и н к а. А я скорей убежала.

М а р у с я. Хоть бы скорее началось. Что она задумала?

И р и н к а. Погода, как всегда, а кругом все другое...

М а р у с я. Так и ждешь... Так и ждешь...

К р о ш к и н. Заныли, заныли, заныли... (*Пляшет в дверях.*)

Довольно! Затрубили трубы.
Назавтра...

В а р в а р к а (*выходит*). Какие хорошие есть институты на свете!

К р о ш к и н. Чего-с?

В а р в а р к а. Какие хорошие институты есть! Целый день можно дома сидеть, не учиться. Пляски выплясывать. Шуточки вышучивать. Позвольте пройти!

К р о ш к и н. Это куда же?

В а р в а р к а. К Марии Ивановне.

К р о ш к и н. Это зачем же?

В а р в а р к а. Вы опять шуточки вышучиваете?

К р о ш к и н. Нет, мне, верно, интересно.

В а р в а р к а. Какие могут быть у молодого человека интересы к старушечьим делам? Позвольте!

К р о ш к и н. Ой! Вы никак щиплетесь?

В а р в а р к а. Я не щиплюсь! Я вас отстраняю.

К р о ш к и н. Как вы странно отстраняете! Так синяк может получиться!

В а р в а р к а. Синяк — вещь не опасная. Посинеет, пожелтеет — и нет его! (*Уходит.*)

И р и н к а. Зачем ты ее пустил?

К р о ш к и н. Не драться же!

А н ь к а. И ты ее побоялся?

К р о ш к и н. Нет как будто.

М а р у с я. Давайте... Иринка! Ты к этому гнезду по трубе лазила?

И р и н к а. Да!

М а р у с я. Лезь опять. У вас окна открыты, может, услышишь, о чем говорят.

И р и н к а. Ладно. Только ты, дядя Крошкин, рядом стань...

К р о ш к и н. Зачем?

И р и н к а. Может, я такое услышу, что с трубы свалюсь!

К р о ш к и н. Ладно. Стой. Я тебя подсажу. Держишься?

И р и н к а. Сейчас! Ногу установлю.

В а р в а р к а выходит.

В а р в а р к а. А теперь с детишками в игры играет. Какой смешной молодой человек! Девочки! И вы, товарищ! Вас Мария Ивановна к себе просит!

И р и н к а. А что с ней?

В а р в а р к а. Скучает. Нездорова. Всех просит.

А н ь к а. Идем! Идем, идем скорей!

Все, кроме Варварки, уходят.

В а р в а р к а (*у двери в лавочку*). Маркушка! Маркушка!

М а р к у ш к а. Что?

В а р в а р к а. Все сделано, как ты велел. Мария Ивановна всех позвала! Я приказала ей... Крошкина она задержит. Мячика я тут подстерегу. (*Смеется.*)

М а р к у ш к а. Чего ты смеешься?

В а р в а р к а. Смеюсь, какой ты у меня умница... Орел! Как сейчас вижу: идешь ты в матросском костюмчике, ножки в чулочках... Мама-покойница...

М а р к у ш к а. Не плачь, Варюша.

В а р в а р к а. Орел! Ботиночки на пуговичках... Ну хорошо, хорошо... Я перед работой всегда разволнуюсь... Ступай! А я за Марусю примусь.

В а р в а р к а (*одна*). Маруся! Марусенька! Пойди сюда на минуточку. Я тебя сейчас отпущу! На одну секундочку! Выйди, доченька! Выйди, милая! Выйди, красавица! Выйди скоренько!

М а р у с я. Что?

В а р в а р к а. Какая сердитая! Смотрит боком. Так можно глаз испортить. Косой станешь. Женихи не будут любить.

М а р у с я. Не обхаживайте меня.

В а р в а р к а. Что, Марусенька?

М а р у с я. Не обхаживайте меня! Я вас знаю! Меня вы все равно не обойдете!

В а р в а р к а. А раз все равно не обойду — чего же тебе беспокоиться? Чего же кричать?

М а р у с я. Я не кричу! Я тихо говорю! Я вас знаю! Я при всех обещалась ничего для вас не делать!

В а р в а р к а. Ну вот и хорошо, что ничего не будешь делать. Ну вот и успокойся!

М а р у с я. Не буду я больше у вас жить. Уйду.

В а р в а р к а. Куда?

М а р у с я. Не трогайте меня, я вас повалю!

В а р в а р к а. Я тебя и не думала трогать.

М а р у с я. У меня мускулы есть!

В а р в а р к а. Ну и на здоровье. Куда же ты хочешь уйти?

М а р у с я. Отряд искать.

В а р в а р к а. Вот тебе адрес.

М а р у с я. Ой!.. Какой?

В а р в а р к а. А ты какой, думаешь?

М а р у с я. Отряда.

В а р в а р к а. Нет. Это газеты вашей, пионерской, адрес. Там известно, где какой отряд стоит.

М а р у с я. Как же я сама раньше не подумала...

В а р в а р к а. Это уж я не знаю. Знаю, что завтра у них ремонт начинается, и неделю все будет закрыто. А я неделю ждать не хочу. Мне — прямо скажу — надоело врага дома иметь. За каждым шагом следишь. Дам тебе деньги — езжай в город, узнай адрес, и чтоб завтра же тебя не было. Езжай, езжай — там скоро закроют. Езжай!

М а р у с я. К своим поеду, к своим! (*Бежит к дому.*)

В а р в а р к а. Стой! По дороге заедешь, мешок отдашь на улицу Герцена, тридцать четыре.

М а р у с я. Какой мешок?

В а р в а р к а. Конский волос отвезешь, а в нем часы часовщику Антону Ивановичу. Улица Герцена, тридцать четыре. Квартира там записана на газете. Адрес — на обороте. Чего ты на меня уставилась? Не хочешь — не вези. Только тогда я денег на трамвай не дам. Пешком пойдешь.

М а р у с я. Я посмотрю, что в мешке!

В а р в а р к а. Ну, езжай, езжай, а то там закроют.

Маруся бежит в дом.

В а р в а р к а (*стучит к Маркушке*). Ну?

М а р к у ш к а. Сделано.

В а р в а р к а. Спасибо. Маруська поедет. Ты есть хочешь?

М а р к у ш к а. В городе у Антошки поем. Ты поскорей туда... Кожа...

М а р у с я выходит.

М а р к у ш к а. Ремни! Подошвы! Слоны! (*Убегает.*)

В а р в а р к а. До свиданья.

М а р у с я. Тяжелые часы какие!

В а р в а р к а. Мрамор!

М а р у с я. Девочки! Крошкин! Я в город еду спешно! Скоро вернусь!

К р о ш к и н (*издали*). Ладно!

В а р в а р к а. Побежала! Беги! Беги! «Я вас знаю!» Молода ты еще меня знать-то! Я десять таких, как ты, вокруг пальца обовью да еще бантиком завяжу. Со мной, брат, и не такие умники плакали.

Входит М я ч и к.

М я ч и к. Куда это Маруся помчала?

В а р в а р к а. А не знаю! Я вас хотела спросить. Думала, вы ее куда послали.

М я ч и к. Так меня ведь дома не было!

В а р в а р к а. Я не знаю, где вы были. Мешок — не мой, а бежала она с вашей лестницы. Чего оглядываетесь? Товарища ищете? Он у Марии Ивановны!

Уходит к себе.

М я ч и к. Крошкин! Крошкин!

К р о ш к и н (*издали*). Бегу!

М я ч и к. Хорош сторож! Где ты пропадал?

К р о ш к и н. Ну, брат, тут такая буза! Позвала меня Мария Ивановна и давай мне и девочкам сказки рассказывать.

М я ч и к. Какие?

К р о ш к и н. Настоящие! Про Бабу-ягу, про Кощея. Я хотел уйти, а она плачет.

М я ч и к. Совсем, что ли, спятила?

К р о ш к и н. Вроде.

М я ч и к. Где ключ? Идем.

К р о ш к и н. Ты ступай один. На ключ. А я тут, на воздухе, посижу. Отойду. А то у меня от сказок от этих в голове манная каша.

М я ч и к уходит. А н ь к а и И р и н к а входят.

И р и н к а. Прогнала она меня!

А н ь к а. И меня тоже. Злая вдруг стала! Красная! Уйдите, говорит, побегайте. А я уже есть хочу, а не бегать.

Мячик открыл окно.

М я ч и к. Ну, стража, все благополучно. Дверь не взломана, окна как были приперты, так и остались, и главное — машинка, вот она, на месте.

Машинку ясно видно из окна.

К р о ш к и н. Ну и ладно.

М я ч и к. А все-таки отнесу я ее сегодня обратно в исполбюро. Напечатаю последние восемь страниц. (*Снимает футляр — машинки нет.*) Ой!

К р о ш к и н. Что такое? Пропала?

М я ч и к. Все кругом было заперто. Я сам сейчас все запирал.

А н ь к а (*плачет*). Милиция! Милиция!

М я ч и к. И никто не проходил тут по лестнице?

В а р в а р к а в черной шляпе, с зонтом выходит из дома.

В а р в а р к а. Маруся проходила.

И р и н к а. Не ври!

В а р в а р к а. С большим мешком проходила Маруська. (*Мячику.*) Да вот и вы, товарищ, ее встретили!

М я ч и к. Не могла она взять машинку!

В а р в а р к а. Ах, у вас машинка пропала? Я и не говорю, что она взяла. А говорю, что она по лестнице проходила.

К р о ш к и н. Что вы так спешите девочку обвинять?

В а р в а р к а. Я не обвиняю и не покрываю. Что видела, то и говорю.

К р о ш к и н. Не сами ли вы ее с мешком и послали?

В а р в а р к а. Она при вас клялась меня не слушать. Она мне сама так сказала. Всего хорошего!

И р и н к а. Стой!

А н ь к а. Стой!

И р и н к а. Маму запутала, а теперь Маруську! Я тебя не пущу.

В а р в а р к а. Попробуй.

А н ь к а. Я тебя укушу!

М я ч и к. Девочки, назад!

И р и н к а. Почему?

М я ч и к. Назад! Всего хорошего.

В а р в а р к а. Ха-ха-ха! Вы прямо ихний командир! До свиданья! (*Уходит.*)

М я ч и к. Она знает, где машинка!

И р и н к а. А зачем отпустил?

М я ч и к. Выследить. Я, как собака, за ней следом пойду. Зубами вцеплюсь. Как из запертой комнаты средь бела дня машинку вытащили? Как?

И р и н к а. А Маруська? Маруська куда пошла?

А н ь к а. Что за мешок у нее был?

И р и н к а. Чего она Варварку послушалась?

К р о ш к и н. Что это такое? Что все это значит?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большая комната часовщика Антоши. Стенные часы.

А н т о ш а (*поет*). Вот и комнату прибрал старичок Антоша. Он и му-ух выгнал вон — старичок Антоша. Вот и стулья все расставил старичок Антоша. Мог бы даже отдохнуть старичок Антоша, а тут такая неприятность от Варвары Константиновны! Должен гостью ожидать старичок Антоша и ее непременно задержать, непременно задержать! Сколько лет не видались.

Звонок.

Вот никак она звонит, пойдем, да и отопрем! (*Выходит.*) Войдите, войдите, гражданочка. (*Входит с Марусей.*)

И мешок сюда несите. Положите мешок-то. Мешок небось тяжелый. Наверное, вы устали?

Маруся. Нет, я сильная.

Антоша. Сильная?

Маруся. Да!

Антоша. Как неприятно!

Маруся. Почему?

Антоша. Очень это неприятно старичку Антоше. Сейчас. Я сейчас. (*Уходит.*)

Маруся. Как он поет смешно! Как курица... Старичок!

Антоша (*из-за сцены*). Сейчас.

Маруся. Мне уходить надо!

Антоша. Сию минуточку! (*Входит и пристально смотрит на Марусю.*)

Маруся. Что вы на меня смотрите?

Антоша. Лицо у вас милое! Милое у вас лицо. Очень это мне неприятно.

Маруся. Какой вы, дедушка, странный. Я ухожу. До свиданья!

Антоша. Вот тут-то оно и начнется.

Маруся. Что начнется?

Антоша. Главные мои подлости.

Маруся. Что это значит?

Антоша. А значит, виноват, это значит, что вы не уйдете отсюда.

Маруся. Как!

Антоша. Это не я! Ох беда ты моя, беда! И вечно я впутаюсь... Не я... Приказано мне вас задержать!

Маруся. Кто приказал?

Антоша. Мачеха ваша, Варвара Константиновна!

Маруся. Ой!.. Зачем?

Антоша. Ну как зачем?.. Приказано! Не выпущу! Может, я и не знаю зачем. Ох беда ты моя, беда...

Маруся. Ну что же это опять начало делаться?! Дедушка!

Антоша. Что, милая?

Маруся. Ну отпусти!

А н т о ш а. Нет! Я человек слабый! Не могу приказ нарушить!

М а р у с я. Пожалуйста!

А н т о ш а. Нет! Нет! Нет!

М а р у с я. Я кричать буду! Стекла побью!

А н т о ш а. Сочувствую! А только у нас окна во двор. А во дворе учреждения. А из учреждений все уже разошлись. Никто не услышит.

М а р у с я. Я дверь выломаю!

А н т о ш а. Сочувствую! А только нет, не выломаете. Крепкая дверь. Прежний хозяин воров боялся — железом обил.

М а р у с я (*трясет Антошу за пиджак*). Выпусти меня сейчас же!

А н т о ш а. Не надо меня трясти! Я старый!

М а р у с я. Отдай ключ!

А н т о ш а. Вы мне часы раздавили! Не порежьтесь о стекло.

М а р у с я (*опускается на стул*). Несчастная я девочка! Дылда я окаянная! Что ни сделаю, все себе во вред. Клялась я ее не слушаться — послушалась на свою голову. (*Закрывает лицо руками.*)

А н т о ш а. Вот это... Это действительно... Как же это?.. Вы бы не плакали!

М а р у с я. Я не плачу...

А н т о ш а (*сквозь слезы*). Зачем же вы тогда так сидите?

М а р у с я. Дедушка, пусти!

А н т о ш а. Ох ты, боже мой! Не велено!

М а р у с я. А зачем? Зачем? Зачем?

А н т о ш а. Я, может, не знаю зачем.

М а р у с я. А не знаешь, так выпусти!

А н т о ш а. Не смею.

М а р у с я. Боишься?

М а р у с я. Ну что ж, прямо вам скажу — боюсь! Двадцать лет я ее боялся. Привык! Как же это вдруг — не бояться?

М а р у с я. Я тебя сейчас повалю и вытащу у тебя ключ!

А н т о ш а (*чуть не плача*). Сочувствую.. А только нет, не вытащите. Когда вы сказали, что сильная, я вышел и ключ запрятал. В такое место запрятал, что вам не найти...

М а р у с я. Ведь тебе меня жалко?

А н т о ш а. Верно.

М а р у с я. Отдай ключ!

А н т о ш а. Никак не могу. Я послушный.

Звонок.

А н т о ш а (*выходит*). Молчать! Со мной не очень-то! Я так распоряжусь, что вы у меня... Кто там? Ах, это вы, Марк Константинович? Войдите. Пожалуйста. Молчать! Девочка, это я вам говорю. Молчать!

Входит М а р к у ш к а.

М а р к у ш к а. Что? Бунтует?

А н т о ш а. Сладу нет, Марк Константинович! Да только со мной не очень! Я ее живо!

М а р к у ш к а. Дай мне, Антоша, тарелку, ножик, вилку. Уксусу дай. На вот, нарежь колбасу.

А н т о ш а. Сию секундочку. А что же это вы так, всухомятку? Зашли бы в кафе-ресторан.

М а р к у ш к а (*показывает на часы*). Видишь, сколько времени? Едва успел по делам сбегать. Куда там ресторан! Перехвачу, дождусь Варюшу и полетим. Придется автомобиль взять. Иначе не переправить сегодня машинку.

М а р у с я. Какую машинку?

М а р к у ш к а. Плохо колбасу теперь стали делать. Ни вкусу, ни духу.

М а р у с я. Что ты про машинку сказал? Чего ты здесь? Ты, значит, не дурачок? Не безногий.

М а р к у ш к а. То ли дело прежде была беловская колбаса! Ту ешь — и улыбаешься. На языке радостно.

М а р у с я. Обманщик! Притворщик! Я с тобой говорю! Отвечай же! Ты Варварке кто?

А н т о ш а. Брат.

М а р у с я. Брат?

М а р к у ш к а. И французская горчица куда-то пропала. Намажешь, бывало, ветчины кусок — толсто-толсто...

М а р у с я. Маркушка, говори про машинку! Про машинку говори!

М а р к у ш к а. А еще хорошо, когда колбаса горячая.

М а р у с я. Да что же это? Он меня дразнит? Дедушка!

А н т о ш а (*тихо и грустно*). Молчать!

Звонок.

М а р к у ш к а. А еще хорошо, когда колбаса горячая. Шпик прозрачный...

А н т о ш а. Пожалуйте, Варвара Константиновна. Все здесь! Все!

М а р у с я. И она!

В а р в а р к а (*Маркушке*). Здравствуй, деточка! Кушаешь? Кушай, кушай. (*Взглядывает на часы.*) Времени у нас в обрез. Я сама с ней поговорю. Маруська! Вот карандаш, вот бумага! Садись, пиши!

М а р у с я. Что?

В а р в а р к а. Письмо студентам, что ты машинку украла.

М а р у с я. Вы в уме?

В а р в а р к а. Спорить тут некогда! Напишешь! Иначе — ты меня знаешь. Я тебя в такие дела вкручу, что не только из отряда...

М а р у с я. Нет!

В а р в а р к а. Не только из отряда — тебя разом в тюрьму да в суд!

М а р у с я. И вас тоже.

В а р в а р к а. Меня не поймаешь! Я склизкая. Пиши! Так и так, машинку я украла и увезла в мешке!

Маруся кидается к мешку, переворачивает его: там белые мраморные часы и конский волос.

В а р в а р к а. А ты думала и верно увезла! Так бы я тебе ее и доверила.

М а р у с я. Зачем же...

В а р в а р к а. Затем же! В доме пропала вещь. А ты с мешком в город поехала. Кто взял? Ясно — кто! Тот, кто с мешком из дому уехал.

Взглядывает на часы.

М а р у с я. Они не поверят!

В а р в а р к а. Поверят! Мария Ивановна против тебя тоже покажет. Она, брат, у меня тоже запугана. Пиши!

М а р у с я. Нет!

В а р в а р к а. Да!

М а р у с я. Нет!

В а р в а р к а. Напишешь! Они в твое письмо хоть день да будут верить. А мне и это пригодится. Пиши!

М а р у с я. Не напишу!

М а р к у ш к а (*встает*). Пиши!

М а р у с я. Не смей меня трогать!

М а р к у ш к а. Пиши!

А н т о ш а. Не тронь ее!

М а р к у ш к а. Это еще что такое?

А н т о ш а. Ты человек грубый! (*Кидается к Варварке.*) Виноват! Они только запугают! У девочки руки будут трястись, как же она напишет? А лучше вы... лучше словами... Она сейчас послушается. Сейчас.

В а р в а р к а. Он прав. Сядь, Маркушка. Маруська... Пиши: «Я...»

М а р у с я. Да что вы думаете: я сонная, что ли? У меня мозгу нет? Не буду писать!

М а р к у ш к а. Будешь!

М а р у с я (*хватает со стола нож*). Только тронь! Меня не затравишь! Я тебе не заяц! Не смотри — не страшно.

В а р в а р к а. Да?

М а р у с я. Да!

В а р в а р к а. Маруська!

М а р у с я. Ну чего вы стараетесь? Вы же сами видите — не боюсь и не боюсь. Не боюсь!

М а р к у ш к а. Я ее сейчас!

В а р в а р к а (*взглядывает на часы*). Поздно. Придется автомобиль нанимать. Сегодня не боишься — завтра побоишься! Идем! Запри, Антоша. Завтра в три я буду. (*Уходит.*)

М а р у с я. Что делать, что делать, что делать!

А н т о ш а (*возвращается*). Ай-ай-ай! Я уж думал — помереть мне сегодня от страсти. Как можно на такую женщину кричать? У меня до сих пор сердце не бьется.

М а р у с я. Оставь, дедушка.

А н т о ш а. Не оставлю! Ножом машете! А если она нож вырвет — да вас! Ведь я ее знаю! Я ей двадцать лет служу.

М а р у с я. Бежать надо, бежать!

А н т о ш а. Когда ихний отец, купец Лощилин, лопнул — она не растерялась. Брата и мать содержала. Она по ярмаркам стала ездить. Сто рублей объявляла тому, кто ее в рукопожатии пережмет. А если она пережмет — ей рубль. Ну и всех пережимала. Выжала тысячу. Собрала лилипутов труппу...

М а р у с я. Выпусти, дедушка!

А н т о ш а. Лилипуты от нее разбежались. Щипала она их. Тогда собрала она детей ученых труппу. Набрала из бедных семей ребят лет по пять — по шесть...

М а р у с я. Да отпусти же ты меня!

А н т о ш а. Не отпущу! Что я, ума решился? Не отпущу я вас. Если отпущу — убьет меня Варвара Константиновна насмерть завтра. А я на это не могу согласиться.

Да если я и отпущу вас, то теперь уж все равно вы не успеете помешать. Убегут они. И с машинкой!

М а р у с я. А где она, машинка-то?

А н т о ш а. Не скажу!

М а р у с я. Ух ты! Трус ты старый. Ну что делать? Ну как Мячик на моем месте поступил бы? Осмотрись и борись... Что осматривать? Куда смотреть? Стенки да окна... (*Выглядывает в коридор.*) Да коридор... Ключ!

А н т о ш а. Матушки! Батюшки! Пропал! Маруся! Маруся! Стой!

М а р у с я (*из коридора*). Отстань!..

А н т о ш а. Куда бежишь-то? Где машинка, не знаешь ведь! Марусенька! Машинка-то...

М а р у с я (*вбегает с ключом в руках*). Ну, говори, где машинка! Живо!

А н т о ш а. Безжалостная девочка! Очнись, пойми, что делаешь! Ты меня в шестьдесят три года на улицу выкидываешь! Ведь я человек зависимый. Отдай ключ! Умоляю, требую!

М а р у с я. Говори, где машинка!

А н т о ш а. Ведь я человек добрый. Я, когда ты еще вот таким воробушком была, я тебя на руках носил. Отец твой у нас балаганы уставлял, рабочим у нас был и жонглером... А я билетером... А ты придешь, бывало, в балаган, туп-туп ножонками... Не губи ты меня, девочка! Отдай ты ключ!

М а р у с я. Где машинка?

А н т о ш а. Черствая девочка! Пойми ты — сколько лет я Варваре Константиновне служу... Куда я теперь? Ведь она меня завтра рассчитает... Ведь я от нее завишу... Да свяжи ты меня хотя бы, коли действительно задумала бежать... И как это меня угораздило, за ними заперевши, ключ не вынуть. Какой я жалкий старик, какая вы беспощадная девочка!.. Свяжи меня, сделай милость! Пусть она думает, что я боролся!

М а р у с я. Ладно, свяжу... Где машинка, говори!

А н т о ш а. Свяжете?

М а р у с я. Говорю, свяжу!

А н т о ш а. Крепко?

М а р у с я. Да, да, да! Где машинка?

А н т о ш а. У Маркушки дома. Под полом.

М а р у с я. Так близко! И они не знают!

А н т о ш а. Утром была у меня Варвара Константиновна — все объяснила, как будет делать. Маркушка живет в бывшей лавчонке. Оттуда наверх ход был. Как раз в ту комнату, где студенты. Лестница сломалась, а люк остался. Под ковриком.

М а р у с я. Как же так — не знали?

А н т о ш а. Может, и знали, да забыли, а Маркушка дознался. Когда все ушли, влез в комнату через пол, машинку к себе — и спрятал. А вас в город, для подозрения.

М а р у с я. Скорей! Скорей надо рассказать... Что не я... Что они... Где спрятана... Скорей надо!

А н т о ш а. Сочувствую! А только ничего не выйдет! (*Показывает на часы.*) В пять сорок пять у поста номер восемь остановится товарный поезд. Кондуктор... Забыл фамилию! Кондуктор с Варварой Константиновной заодно. Посадит и ее и машинку, и — ту-ту-туу! — уехали. Они оттого так и спешили, что дежурит-то знакомый кондуктор раз в четыре дня. Сегодня опоздать — и пропало дело. Жди!

М а р у с я. Успею!

А н т о ш а. Да как же ты успеешь? Деточка! Сейчас пять часов двадцать минут. Они уже к дому подъезжают, если автомобиль сразу нашли. Через десять минут машинку вынесут, через пятнадцать на станции будут, а через двадцать и уехали. А вам туда сорок минут езды. А их через двадцать минут уже и след простынет!

М а р у с я. А может, заметят, когда выносить будет Маркушка машинку?

А н т о ш а. Как? Маркушка всегда с корзинкой!

М а р у с я. Я в угрозыск позвоню.

А н т о ш а. Пока дозвонитесь — пять минут, пока автомобиль дадут — еще пять, да пока доедут… нет.

М а р у с я. Я побегу туда!

А н т о ш а. И опять уйдет время. Мы на улице Герцена, тридцать четыре.

М а р у с я. Герцена, тридцать четыре?

А н т о ш а. Ну да!

М а р у с я. Герцена, тридцать четыре… Прощай!

А н т о ш а. Стойте! Свяжите меня! Свяжите меня!

М а р у с я. Некогда! Некогда, дедушка! Завтра пораньше я забегу, свяжу, а сейчас — прощай! (*Убегает.*)

А н т о ш а. Завтра! И на том спасибо! Ушла… На что она надеется? Мыслимое ли дело? Вон уже двадцать две минуты шестого. Они уже небось выносят машинку-то. Что тут можно сделать? Телефона туда нет. Телеграмму — пока принесут. Нет! Ничего не сделать. Ничего! Вон уже двадцать минут шестого…

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната студентов.

К р о ш к и н. Который час?

М я ч и к. Двадцать минут шестого. Через час и из угрозыска собаку приведут. Ай-ай-ай!

К р о ш к и н. Что ты?

М я ч и к. Не прощу я себе этой глупости. Всех учу: осмотрись, а сам просмотрел! Как я пропустил! Как прозевал!

К р о ш к и н. Ну уж ничего не поделаешь.

М я ч и к. Куда она юркнула? Как мышь!

Вбегают И р и н к а и А н ь к а.

И р и н к а. Мама к вам идет!

А н ь к а. Вы ее не обижайте!

И р и н к а. Нам ее жалко уже…

А н ь к а. Она больная, наверное. Оттого такая.

И р и н к а. Мы папе письмо послали.

А н ь к а. Заказное! Пусть вернется.

И р и н к а. Вот она…

Входит М а р и я И в а н о в н а.

М а р и я И в а н о в н а (*быстро и однотонно*). Здравствуйте. Подозрение я имею на Марусю Круглову, пионерку.

К р о ш к и н. Успокойтесь, Мария Ивановна! Нам не нужно!

М а р и я И в а н о в н а. Она сколько раз говорила: я готова украсть, только бы убежать. Она ленивая, не хотела работать на Варвару Константиновну. Вот. (*Опускается на стул.*) А теперь будьте добренькие! Не спрашивайте у меня больше ничего!

М я ч и к. Я…

М а р и я И в а н о в н а. Молчите! Молчите! Не могу я сказать! Не могу!

К р о ш к и н. Да мы и не хотим…

М а р и я И в а н о в н а. Как же это вы можете не хотеть? На бедную девочку напраслину возводят… Ой… молчу, молчу, молчу!..

М я ч и к. Мария Ивановна! Мы вас ни о чем спрашивать не хотим. Через час здесь будет агент угрозыска…

М а р и я И в а н о в н а. Я в город уеду! Нет, не уеду!.. Чего вы от меня хотите? Чего вы смотрите на меня? Чего вы…

Г о л о с. Алло, алло, говорит Ленинград, говорит Ленинград.

М я ч и к. Выключи!

М а р и я И в а н о в н а. Нет!

Г о л о с. Передача производится из большой студии радиопередачи на волне в тысячу метров.

М а р и я И в а н о в н а. Не надо выключать. Пусть будет, как всегда… как до этого.

Вступление к «Лучинушке».

Г о л о с. Слушайте концерт из русских народных песен. Артистка Лыкова споет «Лучинушку».

М а р и я И в а н о в н а. Сколько раз слышала... И не думала... что я буду слушать «Лучинушку» уголовной преступницей.

Песня. Когда певица доходит до куплета:

Милые родители,
Сватушки, родня,
Лучше бы замучили,
извели меня...
От работы спинушка, и сей...

Пение прерывается.

К р о ш к и н. Что там такое?

М я ч и к. Поправь там!

К р о ш к и н (*у приемника*). Да тут все благополучно как будто.

Г о л о с. Концерт прерывается на одну минуту. Сообщение крайней важности. Говорите, Николай Николаевич.

В т о р о й г о л о с, п о в ы ш е. То, что сейчас будет передано, почти никто не поймет. Не звоните нам, пожалуйста, по телефону. Объяснения давать не будем. Завтра вы прочтете объяснение в газетах. Говорите.

М а р у с и н голос. Мячик! Крошкин!

М я ч и к. Что это?

И р и н к а. Маруська!

А н ь к а. В трубе?!

М а р у с и н г о л о с. Мячик! Крошкин! Снимите посреди комнаты коврик. Там есть люк в Маркушкину комнату! Спрыгните вниз! Машинка спрятана у него. Скорей! Он сию секунду за ней приедет! Скорей! Все. Маруся.

Г о л о с. Алло, алло! Говорит Ленинград, говорит Ленинград. Концерт продолжается, концерт продолжается. Артистка Лыкова споет народную песню «Лучинушка».

М я ч и к. Выключи!

К р о ш к и н. Есть!

М я ч и к. Закрой ставни!

К р о ш к и н. Зачем?

М я ч и к. Я хочу его поймать. Чтоб свет не шел в люк. Мария Ивановна, уйдите!

М а р и я И в а н о в н а. Ни за что! Я своими глазами хочу посмотреть, как его поймают.

М я ч и к. Подыми ковер! Действительно, люк! Как мы его раньше не заметили!

К р о ш к и н. Незаметно! Пол вроде паркетный. Весь в трещинах...

М я ч и к. Ну, теперь тише!

Пауза. Мария Ивановна начинает смеяться.

И р и н к а. Мама, чего ты?

М а р и я И в а н о в н а. Очень я рада, что все так кончается. Мне даже есть захотелось.

С улицы Маркушка: «Цветы!»

М я ч и к. Т-с-сс!..

М а р к у ш к а (*ближе и ближе*). Трава! Деревья! Кусты! Былинки! Розы! Гиацинты! Капуста! (*Слышно, как он ходит внизу. В люк прошел свет снизу.*) Уфф! Ну, так... Покричали и будет. (*Напевает что-то.*) Здравствуйте, «ундервудик»! Пожалуйте! Сейчас вам в поезд. Ехать. Что это? А? Что это случилось? Ты никак в корзинку не хочешь лезть? А-а! За щепочку зацепился. Ах ты, американец! Тебе наши корзинки не по нраву!

Мячик и Крошкин прыгают в люк.

М а р к у ш к а. Кто это?

К р о ш к и н. Мы.

Шум.

И р и н к а. Глядите, глядите! Дерутся, дерутся, дерутся! Ой, наступите, наступите на машинку! На машинку наступите!

А н ь к а. Схватили! Ой, мамочка, схватили!

И р и н к а. Повели! Мамочка! Сюда повели!

М а р и я И в а н о в н а. Откройте ставни! В темноте все-таки жутко! Вот как оно все обернулось. Ах ты, какие вещи бывают ка свете!

Входит Мячик, Маркушка и Крошкин с «ундервудом».

М я ч и к. Здесь вам придется посидеть. Скоро приедут агенты угрозыска. Положи машинку!

К р о ш к и н. Да я уж прямо боюсь ее из рук выпустить.

М а р к у ш к а. Господа студенты! По нужде. По нужде и из-за голода. Отпустите... К чему я вам? Машинка нашлась. Что же вы мне мстить, что ли, хотите?

М а р и я И в а н о в н а. Нет, нет, нет! Ни за что! Ишь ты, какой легкий голос у него стал! А как на меня зубами блестел, так голос был бас? Ишь ты... Выпусти! Еще сестру бы твою поймать..

М я ч и к. Какую сестру?

М а р и я И в а н о в н а. Варварка — сестра его родная. Вы и не знали? А я на свою голову узнала. Видите, какой тихий, белый, а вчера аж черный со злости ходил, когда я их разговор подслушала. А! Держите!

Маркушка прыгает в люк.

М я ч и к. Стой! (*Кидается к окну.*) А! Не удалось! Попался Маркушка. Автомобиль угрозыска. И Варварку привезли. И Марусю.

А н ь к а. Маруся!

И р и н к а. Беги сюда бегом!

М а р и я И в а н о в н а. Ой, как есть хочется! Все больше и больше. Что значит все благополучно!

Вбегает М а р у с я. На носу у нее ссадина.

А н ь к а. Ай! Что это у тебя с носом?

М а р у с я. Спешила я! Миленькие! Как я боялась, что у вас не включено радио. (*К машинке.*) Вот она какая. Миленькая!

М я ч и к. Маруся! Спасибо. Век тебя не забуду.

И р и н к а. Маруся, как ты догадалась?

А н ь к а. Маруся, я побоялась бы на радио-то!

М а р у с я. Ай, что было! Я же узнала все про машинку на улице Герцена, тридцать четыре, а радиопередача напротив. А я зимой с отрядом туда в экскурсию ходила.

А н ь к а. И ты скорей туда?

М а р у с я. Кубарем! С лестницы упала, нос ушибла. Не кривой?

А н ь к а. Нет, только толстенький.

М а р у с я. Бегу, а из носа кровь. А дворник как схватит меня!

И р и н к а. Ай!

М а р у с я. «Стой, — кричит, — может, ты кого убила! Откуда кровь?» А я говорю: «Пусти, дурак! Видишь — кровь из носу! Что я, носом, что ли, убивала?» Он отпустил. Засмеялся... Бегу через дорогу. Собака за мной увязалась. Охотничья, что ли. Хвост веником. Хотела укусить меня, да я на нее крикнула.

А н ь к а. Рыжая была собака?

И р и н к а. Не мешай ей!

М а р у с я. Прибежала в радио — чудо-чудищем, на морде кровь, а говорю хорошо. Очень понятно. Все сбежались, все слушают.

И р и н к а. И сразу позволили тебе говорить?

М а р у с я. Не сразу. Немножко побоялись. Я уже реветь начала, смотрю — из комнаты какой-то секретарша идет, голубушка.

А н ь к а. Какая голубушка?

М а р у с я. Секретарша Губпионеркабинета. Ну, она меня, конечно, узнала. Я на нее зимой в стенгазете карикатуру нарисовала, очень ей понравилось. Узнала она меня и заступилась. Хорошие там люди — Николай Николаевич, Александр Васильевич... Прервали концерт, пустили меня, а я говорю в микрофон — и не верю: неужто меня в Лесном слышно?

М а р и я И в а н о в н а. Слышно было, слышно.

М а р у с я. Кончила говорить, все меня хвалят, повели, умыли, чаю хотели дать — и вдруг р-р-р… — автомобиль. Угрозыск. Из радио вызвали! Сели мы — и что тут началось! Как мы полетели! Домов по бокам не видать! Одно серое! Голову назад сносит, платок с меня сорвало, а на одном повороте я чуть-чуть удержалась. Левой ногой за диванчик уцепилась.

А н ь к а. Каблуком?

И р и н к а. Заткнись!

М а р у с я. Подъезжаем к дому, вдруг за углом — а-а! Знакомое лицо! Мачеха Маркушку ждет. Бегает она плохо. Зацапали ее.

А н ь к а. А она?

М а р у с я. А она ущипнула начальника угрозыска и замолчала. Видит — ее дело плохо. Подъехали сюда — Маркушка выбегает. И его взяли. Сейчас у них обыскивают внизу. Ну вот и все.

М а р и я И в а н о в н а. Ты, Маруся, прости меня.

М а р у с я. Да разве ж вы виноваты? Да за что же?

М а р и я И в а н о в н а. За страх.

А н ь к а (*Крошкину*). Ты что в зеркало смотришься?

К р о ш к и н. Изучаю радостное лицо. Пригодится. Эх, Маруся! (*Пляшет.*) Качать ее!

М а р у с я. Нет, братцы, нет — меня уже автомобиль укачал! А в отряде-то, в отряде! Из них никто по радио не говорил. Мальчишкам нос какой!..

Занавес

1929

КЛАД

Пьеса в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Грозный Иван Иванович — сторож в заповеднике.
Суворов — студент-геолог.
Мурзиков, Орлов, Птаха — школьники, юные разведчики народного хозяйства.
Дорошенко — председательница колхоза.
Али-бек богатырь — пастух.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Пропасть. На одной стороне пропасти — густые кусты. На другой — деревья. Среди деревьев идет Иван Иванович Грозный.

Грозный (*останавливается. Разглядывает деревья у края пропасти*). Ну, здравствуй. Ну, что... Стоишь? Это вижу. Ветками шелестишь? Это слышу. Две недели у тебя не был — какие мне можешь новости рассказать?.. Так. Новости есть, но все известные. Понятно... чесался об тебя медведь. Который? А, вижу... И когти он тут почистил. Это Вислоух... Это я знал, что он будет в наших местах не нынче-завтра. Дальше?.. Ничего не скажешь, что дальше-то? Ничего... Ну, тогда посидим, покурим. (*Садится, заглядывает в пропасть*). Здоро́во, Старое Русло, здравствуй. Давно я на дне не бывал, полгода. Новости у тебя какие? Неизвестно, не видать дна. Ручей шумит — это я слышу, туман ползет — это я вижу, а кто там ходил, кто бегал — не узнать. Глубоко. Вот... Пятьдесят лет я в лесу. Все мне понятно. Куда птица летит, куда зверь бежит, куда змея ползет. А разговора птичьего, звериного не понимаю. Это обидно, пятьдесят лет в лесу, однако не понимаю. Вон — кричит птица на той стороне, а что она кричит?.. Хочет она спросить меня? Или рассказать что хочет? Ничего не понятно. Ишь ты, старается. Может, молодая какая, летает худо, от своих отбилась. Может, глядит на меня, тоскует, кричит посвоему: дед, где дорога?

Г о л о с. Дед, где дорога?

Г р о з н ы й. Это еще чего? Кто спрашивает?

Г о л о с. Это я. Птаха.

Г р о з н ы й (*откашливается*). Гм... Кха... Спокойно, Иван Иванович. Чего не бывает, того не бывает, а что бывает, то и есть. Что за птаха?.. Отвечай спокойно.

Г о л о с. Я от своих отбилась, не знаю, как дорогу найти.

Г р о з н ы й. Гм... Видите как... Спокойно, Иван Иванович Грозный... Чего не бывает, того...

Г о л о с. Как мне к тебе пройти?

Г р о з н ы й. Зачем?

Г о л о с. Как это зачем? Я же тебе говорю — от своих отбилась. Третий день ничего не ем, кроме ягод.

Г р о з н ы й. Ягод?

Г о л о с. Ну да. Есть хочется. Во сне даже сегодня два раза видела, что молоко с хлебом ем. Очень есть хочется, молока.

Г р о з н ы й. Молока?

Г о л о с. Ну да.

Г р о з н ы й. Птичьего?

Г о л о с. Да что ты, дед, путаешь?

Г р о з н ы й. Путаю?

Г о л о с. Ну да, путаешь. Я с голода пропадаю, а он путает.

Г р о з н ы й. В остатный раз тебе говорю: ты кто?

Г о л о с. Птаха.

Г р о з н ы й. Птаха? (*Топает ногами.*) Покажись тогда. Вылазь на свет, если ты птаха. Я еще, брат, не путаю, я еще кремень-старик. Я тебя враз из карабина уложу, коли не покажешься. Ну, вылазь. Стреляю!

П т а х а (*плачущим голосом*). И так ноги исколоты, а он — покажись... Тут кусты.

Г р о з н ы й. А ты подлети.

П т а х а. Подпрыгнуть, что ли?

Г р о з н ы й. Ну, хоть подпрыгни...

П т а х а (*подпрыгивает под кустами*). Вот она я.

Г р о з н ы й. Девочка...

П т а х а (*подпрыгивает*). Да, да — девочка...

Г р о з н ы й. А говоришь — птаха.

П т а х а (*подпрыгивает*). Фамилия моя Птаха.

Г р о з н ы й. Откуда ты взялась такая?

П т а х а. Дед, можно мне не прыгать, у меня все ноги исколоты?

Г р о з н ы й. Ну да, не прыгай. Кто же тебе велит!

П т а х а. Стрелять не будешь?

Г р о з н ы й. Ну вот, ну что ты... Зачем?

П т а х а. Из карабина?

Г р о з н ы й. Ну-ну-ну, чего в тебя стрелять?.. Что ты за зверь такой?

П т а х а. Ну да, нет... Я вот она... Я лучше... (*Пробирается сквозь кусты.*) Я лучше продерусь. Видишь — вот она я...

Г р о з н ы й. Стой!..

П т а х а. Ой, пропасть какая. Ведь это же настоящая бездна.

Г р о з н ы й. Это Старое Русло. Кто же ты такая, что Старого Русла не знаешь? Откуда?

П т а х а. Мы, дед, из города. (*Садится.*) Вот глубина какая, даже все внизу синее. У меня даже все закачалось в глазах... Или это от голода? Дед, у тебя еда есть?

Г р о з н ы й. Это можно... Я сейчас тебе переброшу. Это мигом.

П т а х а. Ой, дед, нет, это не надо. Не бросай.

Г р о з н ы й. Это почему же не надо?.. Брошу.

П т а х а. Ой, пожалуйста, нет. Прошу. Дедушка...

Г р о з н ы й. Не серди меня, Птаха. Опять начинаешь что-то такое... Почему не бросать?..

П т а х а. Так ведь мне есть хочется. Не бросай...

Г р о з н ы й. Что она такое говорит?.. Почему же не бросать? Спокойно отвечай.

П т а х а. А ты бросишь и не добросишь, и еда вдруг полетит прямо в пропасть.

Г р о з н ы й. Как же это: я — и вдруг не доброшу? Я, друг ты мой, кремень-старик, казак. (*Снимает сумку.*) Лови скорей. (*Бросает.*)

П т а х а. Поймала. Ай да дед. Прямо богатырь Алибек. (*Открывая сумку.*) Вот хорошо. Пахнет как хорошо... Это чего пахнет-то? Ветчина пахнет...

Г р о з н ы й. Солонина.

П т а х а. Все равно. Я съем.

Г р о з н ы й. Клюй, клюй.

П т а х а (*с набитым ртом*). Мн-е... и... с...

Г р о з н ы й. Непонятно говоришь.

П т а х а. Мне есть очень приятно, говорю.

Г р о з н ы й. Клюй, клюй.

П т а х а. Дед, ты кто? Как тебя зовут?

Г р о з н ы й. Грозный, Иван Иванович.

П т а х а. А что делаешь тут?

Г р о з н ы й. Служу.

П т а х а. Где?

Г р о з н ы й. В лесу...

П т а х а. Кем?

Г р о з н ы й. Зверей берегу.

П т а х а. Как бережешь?

Г р о з н ы й. Очень просто. Здесь, Птаха, заповедник. Зверя бить нельзя. Я обхожу, смотрю. А ты кто?

П т а х а. А я, дед, разведчик.

Г р о з н ы й. Какой?

П т а х а. Разведчик народного хозяйства. Мне до всего дело, что на земле, что под землей. Ох ты... чуть не подавилась.

Г р о з н ы й. Кто же тебя сюда пустил разведывать?

П т а х а. А никто. Я сама заблудилась.

Г р о з н ы й. А как?.. Ну?.. С начала говори...

П т а х а. А приехало нас из города четверо. Я, Лешка Орлов, Петька Мурзиков и Шура Суворов. Самый старший. Вузовец. Геолог.

Г р о з н ы й. Кто?

П т а х а. Ну, геолог. Которые ищут, что в земле лежит. Приехал он на практику. Пошел в горы на разведку, ребят в помощь взял, а я сама привязалась.

Г р о з н ы й. Сама?

П т а х а. Ну да, сама. Вперед забежала, и, здравствуйте, вот она я. Меня, дед, не прогонишь, я настойчивая.

Г р о з н ы й. Так вместе и ходили?

П т а х а. Две недели вместе ходили. А потом я в тумане, как дура, отстала.

Г р о з н ы й. Как же это? В тумане за руки надо было идти.

П т а х а. Мы и шли за руки. А только я волновалась. А я когда волнуюсь, у меня ноги чешутся. Терпела-терпела и остановилась на минутку почесаться.

Г р о з н ы й. И руку бросила?

П т а х а. На минутку. Потом кричу — вы где?.. А они справа — мы тут. Вправо бегу, а они слева — ау. Я назад, а они сбоку — здесь мы. Да все тише и тише и с разных сторон — и пропали. Очень я тогда расстроилась. Подул ветер, туман прогнал, а я туда-сюда бегала, а их нет. Что ты скажешь?

Г р о з н ы й. Это, Птаха, в горном тумане всегда так бывает. В тумане на миг нельзя отстать, получается такое туманное эхо, что никак не разобрать, откуда тебе голос подают...

Звук, похожий на барабан.

П т а х а. Ой, это наши идут. Нет, не наши: у них барабана нету.

Г р о з н ы й. Спокойно.

П т а х а. Что это там, дед? А?

Г р о з н ы й. Слышишь ты, Птаха! Спокойна ты будь. Что бы ни увидела — не пугайся.

П т а х а. А ты меня не пугай.

Г р о з н ы й. Я не пугаю. Я говорю, напротив, спокойна будь. Выгляни из кустов — что видишь?

П т а х а. Ничего страшного, дед. Там человек.

Г р о з н ы й. Какой?

П т а х а. В шубе почему-то... Мехом наружу почему-то... Сейчас... У меня ноги чешутся.

Г р о з н ы й. Спокойно! А что он делает — тот человек?

П т а х а. Он у дерева стоит. Дергает там чего-то и гремит. Щепка большая от дерева отстала, он дергает, а она об ствол гремит.

Г р о з н ы й. С дуплом дерево.

П т а х а. Ой, дед! Человек на четвереньки стал. Ой, дед! Этот человек — медведь.

Г р о з н ы й. Спокойно!

П т а х а. Тебе-то там спокойно, а у меня тут медведь. Дед, он стал на дыбы, сюда заглядывает.

Г р о з н ы й. Спокойно. Он далеко. Ему к тебе напрямик не пройти.

П т а х а. Он лег, дед. На солнышке.

Г р о з н ы й. Ну и пусть лежит.

П т а х а. Да, пусть... Тебе хорошо... Ой, он кувыркается.

Г р о з н ы й. Сытый медведь... играет.

П т а х а. Да что ты мне все объясняешь. Ты сюда иди. Помоги.

Г р о з н ы й. Спокойно, Птаха, не пугайся, я тебе сейчас что-то скажу.

П т а х а. Ой... Ну, говори.

Г р о з н ы й. Нельзя мне к тебе прийти.

П т а х а. Почему?

Г р о з н ы й. От меня до тебя — две недели пути.

П т а х а. Как две недели?

Г р о з н ы й. Да, брат Птаха, — вот он Кавказ, вот они горы... Выходит, что ты со мной — и одна. Только говорить мы с тобой и можем. Хорошо, на узком месте встретились. А то и разговору не вышло бы. Только руками и помахали бы. Две недели до тебя пути!

П т а х а. Да ведь... от меня тут за две недели ничего не останется... Безобразие какое. Почему две недели?

Г р о з н ы й. Взгляни вниз... Стены. Не подняться, не спуститься Давно-давно тут Черная речка текла, потом обвал завалил русло, она в сторону взяла. Слышь — ручеек один остался на дне. Видишь, как далеко... как тут пройти...

П т а х а. А если в обход?

Г р о з н ы й. В обход?.. А в обход и будет две недели. Влево пойдешь — там скалы — Гозыри называются. Совсем проходу нет. Вправо пойдешь — Чертов Зуб. Обойдешь его, ступай мимо Черкесской Свадьбы, через Аибгинский перевал на Курдюковы луга. Тут только и будет переход. Это девять дней, да дней пять по твоей стороне. Вот тебе и две недели.

П т а х а. Что ты так спокойно разговариваешь? Медведи тут.

Г р о з н ы й. А из беспокойства, друг ты мой, никогда толку не будет. Одну я тебя не оставлю. Это раз. А у меня карабин... Медведю до тебя тоже часов пять ходу. Это два. Есть время подумать. Спокойно! Будь ты настоящая птаха — перелетела бы, и все. А ты Птаха только по фамилии.

П т а х а. Говори, что делать.

Г р о з н ы й. Думать.

П т а х а. Да чего тут думать, я не знаю. Перелететь нельзя. Мост сделать нельзя.

Г р о з н ы й. Молчи. Посиди тут одна, я вернусь сейчас.

П т а х а. Куда?

Г р о з н ы й. Спокойно. Сиди. Некогда объяснять. Вернусь, все поймешь. Сиди.

П т а х а. Дед, а сумка?

Г р о з н ы й. Молчи. Жди. (*Уходит.*)

П т а х а. Ушел. А все, как нарочно, шумит. Деревья загудели. Чего это топочет за оврагом... Спокойно, Птаха. Спокойно! Кто в траве шелестит... Птаха дура. Что ты, маленькая, что ли? Зачем в горы шла? Освоить горы... Что в земле, что под землей — до всего тебе дело

есть. Может, станет на этом месте завод. Может, здесь железо есть... (*Прислушивается, кричит.*) Здесь я. Что?.. Кто меня позвал? Никто не звал. Просто чего-то замяукало. Скалы высокие, воздух между ними гулкий, только и всего. Интересно это! Это интересно! А кто пугается, с того толку никакого никогда не выйдет. Где записная книжка? Сейчас все запишу. (*Кричит.*) Дед! Куда ты пропал?.. Кусты трещат, идет кто-то! Де-ед!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Груды огромных камней. Положив ноги на камни, лежат С у в о р о в, О р л о в, М у р з и к о в. На костре чайник. На салфетке сало, хлеб, кружки.

С у в о р о в. Да-с. Был такой богатырь Али-бек. Ну что же. Так, значит, и запишем... Третий день поисков Птахи ни к чему не привел... И чтобы на сегодня об этом больше ни слова. Думать можно — болтать не сметь. Вот. Да... Был такой богатырь Али-бек.

М у р з и к о в. Кабы она не дура была, я бы не беспокоился. Дура она, жалко мне ее.

О р л о в. Об этом на сегодня больше ни слова. Сказано тебе. (*Утирается платком.*) Ох... я, Шура, глотну воды.

С у в о р о в. Зачем опустил ноги?

О р л о в. Я, Шура, глотну воды. (*Тянет кусочек сала.*)

С у в о р о в. Пока не закипит — ни одного глотка. Положи сало.

О р л о в. Я кусочек.

С у в о р о в. Положи.

О р л о в (*вытирается платком*). Очень устал потому что...

М у р з и к о в. Вот дура! Сидит, небось, где-нибудь в пропасти. Голодает да чешется.

О р л о в. Шура, скажи ему, чтобы он больше про нее не говорил. Сказано, кажется, было.

С у в о р о в. Довольно, ребята. Молчите, ждите, думайте, отдыхайте... Да-с, был такой богатырь Али-бек...

М у р з и к о в. Шура!

С у в о р о в. Чего тебе?

М у р з и к о в. Скажи мне, пожалуйста, что ты всегда это говоришь?.. К чему?.. Был такой богатырь Али-бек. Какой?

С у в о р о в. Да-с. Был такой богатырь Али-бек.

М у р з и к о в. Черкеса вчера встретили — ты у него спрашиваешь: не слыхал ли он об Али-беке. О Птахе, а потом об Али-беке.

О р л о в. Шура... Кажется, кипит.

С у в о р о в. Нет.

М у р з и к о в. Колхозник едет — ты у него: что за Али-бек?

С у в о р о в. Придет время — узнаешь.

М у р з и к о в. А зачем тебе нужен богатырь Али-бек?

С у в о р о в. Мне он ни к чему.

М у р з и к о в. А зачем спрашиваешь?

С у в о р о в. Он-то мне ни к чему. Мне клад его нужен...

О р л о в. Клад?

С у в о р о в. Факт. Кипит чайник. Разливай.

О р л о в. Какой клад?

С у в о р о в. Нападу на след — узнаешь.

О р л о в. Где ты узнал про него?

С у в о р о в. Про кого?

О р л о в. Про клад, про Али-бека?

С у в о р о в. В Ленинграде, на Васильевском острове.

М у р з и к о в. А ищешь его здесь?

С у в о р о в. А ищу здесь, на Кавказе.

О р л о в. Почему?

С у в о р о в. Потому что он здесь жил, Али-бек.

О р л о в. Когда?

С у в о р о в. Лет двести назад.

М у р з и к о в. Что же у него за клад? Деньги?

С у в о р о в. Нет.

О р л о в. Бриллианты?

С у в о р о в. Нет.

О р л о в. А что?

С у в о р о в. Самоварное золото.

М у р з и к о в. Да ты не шути, Шура. Говори толком...

С у в о р о в. Я не шучу. Пейте чай. Ешьте.

М у р з и к о в. Птаха, дура такая...

О р л о в. Шура, ну чего он все ноет? Опять про нее...

М у р з и к о в. Я не про нее, а про ее кружку. Две недели таскала кружку на поясе. А как потеряться — сунула мне кружку в мешок. Она, говорит, о пояс брякает. Надоедает. А теперь, небось, трескает воду из своих дурацких ладошек. Гадина. А кружка ее здесь. Вон нацарапала на кружке: «Птаха». Криво-косо. Тьфу.

О р л о в. Шура, скажи ему.

С у в о р о в. Ладно.

О р л о в. Ты о чем все думаешь?

С у в о р о в. Жил такой богатырь Али-бек...

О р л о в. Все об одном?

С у в о р о в. Ладно, пожалуйста.

Входит Д о р о ш е н к о.

Д о р о ш е н к о. А-а! Это городские.

Ребята вскакивают.

М у р з и к о в. Откуда ты вынырнула?

Д о р о ш е н к о. По тропке подошла.

О р л о в. А почему же мы не слышали?

Дорошенко. А потому, что я не хотела.

Орлов. Как же так?

Дорошенко. Очень просто. С детства отец меня на охоту брал — сыновей не было, так он дочку. Приучилась ходить так, что зверь не услышит, не то что городской человек.

Орлов. А ты кто?

Дорошенко (*спокойно, с достоинством протягивает руку Суворову, потом ребятам*). Я? Анна Дорошенко. А вы чьи?

Суворов. Свои собственные.

Дорошенко. Фамилии вам?

Суворов. Я — Суворов. А это — Мурзиков. А это — Орлов.

Дорошенко. Прогуливаете себя? Или комиссия?

Суворов. Да скорее, гражданка Дорошенко, комиссия.

Дорошенко. Чего проверяете?

Суворов. Горы.

Дорошенко. Все ли на месте, не унес ли кто?

Суворов. Вот-вот.

Дорошенко. А теперь, товарищ Суворов, пошутили — и лясы убрали. Я бывшей станицы Верхней, теперь колхоза, — я там председатель. По делу пришли — помогу, в чем моя возможность. Так идете — идите, не вредите. Вот мои документы.

Суворов. Мы верим. Мне в городе, в исполкоме, о вас говорил Сергей Яценко.

Дорошенко. Знаю. Человек твердый.

Суворов. И он о вас так говорил. Письмо к вам имеется от него. Мурзиков, дай-ка мешок. (*Роется в мешке.*) Вот оно… Товарищу Дорошенко.

Дорошенко. Так, хорошо встретились. (*Садится к костру. Расстегивает кобуру револьвера, который висит у нее на поясе. Достает очки.*)

О р л о в (*тихо*). Смотри — очки с револьвером носит.

Д о р о ш е н к о. А я, малец, вижу не дюже хорошо. Слышу хорошо, а вижу не дюже. Как из револьвера стрелять — сейчас очки надеваю. Потому и ношу вместе. (*Читает.*) Так-так, понятно. Теперь понятно, кто вы. Чем могу — готова помочь.

С у в о р о в. Чаю?

Д о р о ш е н к о. Спасибо вам... Ну что, вы много нашли, насобирали?

С у в о р о в. И нашли — и потеряли тоже.

Д о р о ш е н к о. Кого?.. Чего?..

С у в о р о в. Спутница наша в тумане отстала.

Д о р о ш е н к о. Худо. Большая?

С у в о р о в. Двенадцать лет.

Д о р о ш е н к о. Городская?

С у в о р о в. Городская.

Д о р о ш е н к о. Худо. Вернусь — весь колхоз на поиски подниму. Только отсюда до колхоза восемь дней ходу. Ах, это нехорошо. Как мне ее жалко. Небрежность! Разгильдяйство это! Мужик и есть мужик. Разве с ним дите отпустить можно? Шагает, верблюд, а девчонка в тумане, как в угаре, туда-сюда тычется. Халатность это ваша.. Эх!.. Искали?

С у в о р о в. Три дня ищем.

Д о р о ш е н к о. Ох, плохо. А мать, небось, дома спит и сны не видит. Верблюды.

М у р з и к о в. А ты, тетка, не гавкай. Мы сами себя днем и ночью, наверное, может быть, кроем. Ты совет дай, а гавкать — это легко.

О р л о в (*вытирает лоб платком*). Мы из сил выбились... Вот что.

Д о р о ш е н к о (*улыбается*). Что-то по тебе не видно, чтобы ты из сил выбился. Ишь какой гладкий.

О р л о в. Это у меня кость такая широкая. А сам я не толстый.

Дорошенко. Так-так. Вы меня, парни, простите, я по-прямому говорю — ведь правда, худо вышло. Теперь, конечно, надо думать, как эту ошибку наоборот выправить. Ругаться поздно.

Суворов. Конечно.

Дорошенко. Будем искать. Плохо, что до колхоза восемь дней ходу.

Суворов. А как это вы так далеко от колхоза ушли?

Дорошенко. У меня там все дела налажены, а я вроде в отпуску. Только не отдыхаю. Ищу. И у меня свои потери, борюсь с ними. Дела заместителю сдала, а сама, как скаженная, через горы, через балки, через камни, хуже дикой кошки или бешеной волчицы. Ищу. Потом скажу, чего ищу. Потеря моя большая, но как-то это некстати после человека об овцах говорить. А сама, выходит, и сказала. Да. Всякому свое. Пять овец, племенных, заграничных, на золото купленных, из колхоза пропали. Это он.

Суворов. Кто он?

Дорошенко. Не хочу сейчас говорить. Расстроюсь. Ну, вставай. Попили чаю.

Суворов. Да, да. Так, так. Жил такой богатырь Али-бек.

Дорошенко. Не так говоришь: атаман Алибеков, а не богатырь.

Суворов. Что?

Дорошенко. Атаман.

Суворов. Ты слыхала?

Дорошенко. Что?

Суворов. Про Али-бека.

Дорошенко. Слыхала. Только он не Али-бек, а Алибеков.

Суворов. Это все равно. Слыхала?

Дорошенко. Как не слыхать. У нас в станичном правлении бывшем, теперь в нашей конторе, до сих пор его кувшин стоит. Старинный.

С у в о р о в. Кувшин его?

Д о р о ш е н к о. Говорят — его.

О р л о в. Золотой?

Д о р о ш е н к о. Самоварного золота.

М у р з и к о в. Медный?

Д о р о ш е н к о. Я ж говорю, медный. Да чего вы всполошились?

С у в о р о в (*мечется*). Говори, прошу тебя. Говори все, что знаешь. Стой, Суворов, успокойся. Не лазь за револьвером, тетка, я сейчас в себя приду.

Д о р о ш е н к о. Я за очками. Посмотреть, что ты.

С у в о р о в. Потом все поймешь. А сейчас говори все, что знаешь. Это огромное дело, тетка. Всесоюзное.

Д о р о ш е н к о. Ага... Так... Ну, попробую тебе доложить все, что знаю. Знаю-то немного... Одну песню.

С у в о р о в. Спой.

Д о р о ш е н к о. Пела, пока молода была, не председательствовала. А теперь мне тридцать два года. Я так скажу. Идет?

С у в о р о в. Как хочешь.

Д о р о ш е н к о. Договорились... Ну, тогда слушай, коли не шутишь...

Атаман Алибеков — молодой молодец.
Он в плечах широк, а в поясе с вершок,
Он в гору идет, как пляшет,
Он под гору идет, как хочет.
Славный казак Алибеков-атаман
Черкесов, казаков на бой вызывал:
«Сделали мне дети одежу,
Крепку одежу, хорошу.
В сердце бей али бей по плечам,
Бей, дозволяет Алибеков-атаман».
Первый ударил — кинжал потерял,
Турецкий кинжал пополам поломал.
Второй ударил — шашку сгубил.
Шашка об одежду тупится.

Пика гнется, раскалывается.
Пуля зазвенит — назад летит.
Ай, Алибеков, Алибеков-атаман!
Казаков, черкесов он похваливает,
Каждого подходит одаривает:
«Вот тебе блюдо за турецкий кинжал.
Вот тебе кувшин за шашку твою,
Вот тебе щит за пику твою,
Вот тебе чарку за пулю твою!
Ударь ты по чарке — гул пойдет,
Звенит она, гудит, разговаривает».
Новые подарки как солнце горят.
А сам, атаман, бел-невесел сидишь?
Чем недоволен, Алибеков-атаман?
«Тем недоволен, что ходил по горе,
Ходил по горе, по глубокой норе,
Добывал я подарки, выковывал,
Сам себе могилу выкапывал.
Подарки звенят, а я приутих...
Катится блюдо, а я прилег.
Щит, он от холода защитник худой.
Чарка звенит, хоронить меня велит.
Буду прощаться, в гору собираться,
Чтобы, где я жил, там и кости сложил».

Все!

Суворов. Так я и знал. Я был прав. Али-бек богатырь, он же Алибеков-атаман, жил в этих местах. Его убила вредная работа на медных рудниках. Тетка! Товарищ Дорошенко, тут есть в окрестностях медные рудники... Откуда у вас эта песня?

Дорошенко. Слепец пел.

Суворов. Он ее у кабардинцев взял?

Дорошенко. Все возможно. Он у нас по всем аулам ездил.

Суворов. Тетка, ты пойми. Вот тебе подарок, ему подарок, всем, всей стране. Есть в Ленинграде Геолком —

Геологический комитет. Я — здесь, другие — на Урале, третьи в пустынях жарятся, четвертые в тундре мерзнут — все мы одно дело делаем: стране нужно железо, медь, уголь, нефть, апатиты, фосфориты, золото, ртуть...

Д о р о ш е н к о. Это, парень, мне все известно. Ты об Али-беке...

С у в о р о в. Постой! Страна растет. А я разведчик жадный. Слышала, нашли ребята богатейшую железную руду? Стрелка компаса над залежами плясала, портилась. Ребята заметили, сделали вывод — и пожалуйте наверх, руда!

Д о р о ш е н к о. Слышала.

С у в о р о в. Запомни. А я как раз изучал историю медного дела в России. И запало мне в голову: откуда так много старинной медной посуды было на Кавказе? Там не слишком богатые медные рудники и теперь, а раньше, когда медь вручную плавили...

Д о р о ш е н к о. Так...

С у в о р о в. Откуда? Должны быть брошенные рудники. Метался туда-сюда, того расспрошу, там пятьдесят страниц прочту из-за одной строчки. Кружу около — и натолкнулся на старинные кавказские песни разных народностей. И перевели мне пять песен товарищи-вузовцы из Института восточных языков. Компас помнишь? Стрелка указала на железо, а песня указала на забытые медные рудники, и что они примерно в этих местах, и что брошены на полном ходу во время старинной какой-то войны. Вот твоя песня — одна из этих пяти, только переделана на казачий лад.

Д о р о ш е н к о. Ага, понятно.

С у в о р о в. Три года я каждое лето приезжал сюда. Сговорился с Геолкомом. Геолком сказал — ищи. Найдешь — наметь дорогу. Разом двинем по твоей наметке большую экспедицию, с инженерами, учеными, экспертами. Три года кружил я, нашлись теперь следы: кувшин у вас в конторе, песня...

Дорошенко. Так. Я очень рада. Ты, может, сам не знаешь, как рада. Дикость кругом, горы... Ты путь наметишь — значит, недалеко завод вырастет, железная дорога скорей пройдет, новая, электрическая, по плану намеченная. Ты, может, не знаешь, а я знаю — это по врагу страшный удар.

Суворов. Знаю. Все связано.

Дорошенко. Такой мой план. Слушайте, мужики. Веду я вас через аулы, через коши — пастушеские шалаши. И всюду мы опрашиваем о наших потерях и о нашем деле.

Мурзиков. И про Птаху будем спрашивать?

Дорошенко. Ее Птаха фамилия? Про нее первым делом.

Мурзиков. А что, опасно?

Дорошенко. Опасно. У нас ведь заповедник. Зверя — видимо-невидимо. И человек не всякий хорош..

Орлов. Что? Бандиты?

Дорошенко. О бандитах давно не слышно. Но есть типы похуже бандитов... Счастье еще, что старик Иван Иванович Грозный по ту сторону Старого Русла ходит.

Орлов. А на что ему Птаха?

Дорошенко. Худой человек. Всякому зверю — первый друг. С деревьями разговаривает. Слыхали люди: стоит он у самой чащи, а оттуда тур башку выставил. Башка бородатая, ножки тонкие, рога в землю упер, слушает. Грозный говорит, а он башкой кивает — дескать, понимаю, договорились.

Мурзиков. Да ты, председательша, кажется, того...

Орлов. Меня толстым ругала, а сама суеверная...

Дорошенко. Я — суеверная? У меня, браток, за две декады до срока план по уборке выполнен. А горы — это, брат, горы! Идем. Только помяните мое слово: если попадет ваша Птаха к Ивану Ивановичу Грозному в лапы — плохо ее дело, пропало ее дело.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Декорация первой картины.

П т а х а (*кричит*). Де-ед! Где же ты? Де-ед! Идет кто-то. Ну, что мне делать? Мертвой притвориться? Говорят, медведи мертвых не едят... Или крикнуть? Говорят, медведи крику боятся. Главное, не струсь, не струсь... Чего трусить? Позор! Медведь — подумаешь! Млекопитающее — и больше ничего! Вроде коровы. Идет. (*Кричит в кусты.*) Пошел вон! Брысь! Вон! Вон! Вон!

Из кустов выходит ч е л о в е к.

Ч е л о в е к. Постой. Зачем сердишься?

П т а х а. Я думала, ты медведь...

Ч е л о в е к. Я не медведь, я молодой человек. Здравствуй.

П т а х а. Здравствуй.

Ч е л о в е к. Ты что делаешь здесь?

П т а х а. Блуждаю. От своих отбилась. А ты?

Ч е л о в е к. Хожу. Как тебя зовут?

П т а х а. Птаха. А тебя?

Ч е л о в е к. Али-бек — богатырь.

П т а х а. Почему?

Ч е л о в е к. Я сильный очень. Что за сумка у тебя?

П т а х а. Деда сумка, Ивана Ивановича.

А л и - б е к. Какого Ивана Ивановича?

П т а х а. Грозного.

А л и - б е к. Я грамотный, хорошо по-русски говорю, зимой учиться поеду... Зачем обманываешь меня?

П т а х а. Я не обманываю.

А л и - б е к. Обманываешь... Грозный по той стороне ходит. Мы знаем... Он там, а сумка здесь?

П т а х а. Ну да. Я есть хотела — он бросил. Он добрый.

А л и - б е к. Он добрый? Земля белая... Небо черное... Листья синие... Что говоришь? Ты не здешняя, не знаешь... Он...

П т а х а. Да вот он идет.

А л и - б е к. Уйдем.

П т а х а. Куда уходить? Что за глупость!

А л и - б е к. Я его не люблю...

Г р о з н ы й (*подходит к краю пропасти*). Это ты с кем же, Птаха?

П т а х а. Чего спрятался, Али-бек?

Г р о з н ы й. А-а! Да это Али-бек богатырь.

А л и - б е к. Зачем топор в руках? Говори...

Г р о з н ы й. Ты что сердитый такой сегодня?

А л и - б е к. Умней стал.

Г р о з н ы й. Умней стал — радоваться надо, а ты сердишься. (*Начинает рубить дерево, растущее у края пропасти.*)

А л и - б е к. Что делаешь?

Г р о з н ы й. Дерево рублю.

А л и - б е к. Зачем?

Г р о з н ы й. Увидишь.

А л и - б е к. Я тебя не люблю.

Г р о з н ы й. Не любишь? Эх-хе-хе... Да-а. Встревоженный народ в горах живет, Птаха. Сегодня ничего, завтра сердит. Ну говори, чего меня не любишь? Что за темный разговор по горам пошел?

А л и - б е к. Я не темный, я грамотный. Я книжки читал. Я молодой человек, ты — старый.

Г р о з н ы й. Ну, так что?

А л и - б е к. Старый казак обижал горцев...

Г р о з н ы й. Ну... ты думаешь, это я обижал?

А л и - б е к. Идешь лесом — яблоня растет. Садовая яблоня. Яблоки с кулак, белые... в лесу... Откуда?

Г р о з н ы й. Известно откуда.

А л и - б е к. Не руби, слушай.

Г р о з н ы й. Я и так слушаю.

А л и - б е к. Откуда в лесу яблоня, знаешь? Сто лет назад через горы до самого Черного моря сады шли. Сто тысяч миллионов яблонь, вишен, черешен... Что оста-

лось? Десять яблонь, две черешни... Дорога шла, мосты шли — где они?

Г р о з н ы й. Могу тебе спокойно ответить: сады лесами поросли, мосты погнили, дороги обвалами позавалило.

А л и - б е к. Почему?

Г р о з н ы й. Сам знаешь... Царь Николай Первый Кавказ покорил, все разорил. Которые горцы дальше в горы убегли, которые в Турцию подались, все бросили. Лет шестьдесят только лес тут рос да зверь бродил.

А л и - б е к. Живая была земля. Ты ее дикой сделал, зверю отдал.

Г р о з н ы й. Не я, а в старые времена это было.

А л и - б е к. Я думал, все старые казаки и русские — враги, давно они убиты, убежали, поумирали. Я думал, все новые казаки и русские — друзья.

Г р о з н ы й. Правильно.

А л и - б е к. Товарищи.

Г р о з н ы й. Спокойно, спокойно.

А л и - б е к. По-русски занимался, старался... Говорю, как русский. Книги читаю. Учиться зимой поеду.

Г р о з н ы й. Ну, так за что ты на нас сердишься?

А л и - б е к. Ни на кого, только на тебя я сердит. Все мы из мертвой земли опять живую делаем, а ты нет. Ты вредный старик, старый казак, заговорщик.

Г р о з н ы й. Чего болтаешь? Спокойно отвечай. С кем у меня заговор?

А л и - б е к. Со зверями.

Г р о з н ы й. Эх, ты, а еще грамотный.

А л и - б е к. А почему скот пропадает?

Г р о з н ы й. Медведь режет.

А л и - б е к. А кровь где, кости где?

Г р о з н ы й. Не знаю. (*Оглядывает дерево.*) Ну, кажись, готово. Поберегитесь, товарищи, маленько. (*Наваливается на дерево плечом.*)

Подрубленное дерево трещит, накреняется, валится сначала медленно, а потом все быстрей, быстрей. Падает верхушкой на ту сторону Старого Русла.

А л и - б е к. Зачем дерево повалил?

Г р о з н ы й. Мост сделал. (*Идет по дереву спокойно, как по земле.*)

Али-бек бежит ему навстречу. Встречаются над пропастью.

А л и - б е к. Не пущу. Нет.

П т а х а. Что вы? Ненормальные! Как же вы разойдетесь?

А л и - б е к. Здесь наш скот пасется, бывшего аула, колхоза «Красный кабардинец»…

П т а х а. Повернитесь. Стали, как бараны.

Г р о з н ы й. Спокойно, Птаха. Не бойся. Он сейчас меня пустит.

А л и - б е к. Не пущу. Нет.

Г р о з н ы й. Зачем не пустишь?

А л и - б е к. Дорошенко про тебя мне все сказала.

Г р о з н ы й. Она?.. Вот откуда ветер тучи пригнал…

А л и - б е к. Она большой человек, муллу переспорила, богачей услала; в станице первая, в ауле почетный гость. Она все видит.

Г р о з н ы й. Пусти, Али-бек.

А л и - б е к. Знаешь, за что меня богатырь Али-бек прозвали?

Г р о з н ы й. Знаю… За силу.

А л и - б е к. Возьму тебя на руки, вниз брошу.

Г р о з н ы й. Птаха, назад!

Птаха побежала по дереву к ним. Зашаталась. Села.

П т а х а (*грозит кулаком Али-беку*). Нельзя вниз бросать.

А л и - б е к. Ложись на дерево.

Г р о з н ы й. Глаза закрой. Поворачивайся, глупый, идем ей поможем.

П т а х а. Я не боюсь... Это интересно... Това... товарищи...

Г р о з н ы й. Бери ее за плечи. Тихонько... Держи...

П т а х а. Пожалуйста, оставь. Ерунда! (*Встает. Довольно уверенно уходит обратно.*)

Грозный и Али-бек за ней.

Я этого старика давно знаю... Это кремень-старик. Вот. Ты, не знаю отчего, поглупел, и больше ничего. Идем, товарищ Грозный.

А л и - б е к. Девочка, ты прохожая, ты ничего в горах не понимаешь. Что в городе верно, в горах глупо... Не ходи с ним. Я могу тебя в кош проводить, будешь с пастухами, стариками сидеть, своих ждать...

Г р о з н ы й. Иди, коли хочешь, он человек верный.

П т а х а. Нет, дед, я тебя давно знаю, с тобой пойду.

А л и - б е к. Я у стариков отпрошусь. Я за вами следом. Мне жалко ее.

Г р о з н ы й. Хочешь — так, а лучше помоги, поищи, где ее товарищи. Мы пойдем на Атаманово Гульбище, а ты правее, на Абаго. Может, ты раньше встретишь, скажешь им, что, мол, жива Птаха.

П т а х а. Скажешь — мне стыдно, что я им работу срываю.

Г р о з н ы й. Скажешь, куда ушли. Прощай! Идем, Птаха.

Уходят.

А л и - б е к (*один*). Вернись, девочка. Не знаешь, с кем ушла. Разве он тебе товарищ? Он зверю, дереву, камню товарищ. Пропала девочка! Беги назад, пока не поздно! Это вредный старик. Старый казак Заговорщик...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Темно. Горит костер.

Орлов. У меня с шапки льет... прямо на спину.

Мурзиков. Сними.

Орлов. Снять — волосам холодно.

Мурзиков. Ближе к костру сядь...

Орлов. Не высохнуть все равно... никогда. Мокро.

Мурзиков. Так бы и спихнул тебя с горы.

Орлов. Почему?

Мурзиков. А мне не мокро? А у меня по спине не льет? Штаны к ногам не липнут? В башмаках не хлюпает? Мне тоже кажется, что в жизни во веки веков не обсохнуть, не согреться, однако же я молчу. Подтверждаю, что интересно.

Орлов. А что интересно-то?

Мурзиков. Все.

Орлов. И дождик?

Мурзиков. Дождик мы обошли.

Орлов. Ничего себе — обошли! Льет, льет, льет...

Мурзиков. Льет... А костер мы не развели? А?

Орлов. Ну развели...

Мурзиков. Сколько раз я в школе читал, что понизу в горах идет лиственный пояс, где похолодней — хвойный. Еще выше — травы, мхи, лишайники...

Орлов. Не учи ты меня! И без того нехорошо.

Мурзиков. Где нас дождик захватил? В лиственном поясе. Дубы кругом. Надо костер развести? Надо. Горит мокрый дуб? Не горит. Что делать?

Орлов. Задается, будто сам придумал, что делать...

Мурзиков. Ну, Шура придумал. Так что? Интересно... Дуб мокрый не горит, хвоя мокрая горит... Значит, надо лезть из лиственного леса в хвойный. Прямо вверх на гору. Интересно. Лезем, а я не верю, что правда

пояса бывают. Неужели, думаю, правда? И вдруг прилезли в хвойный пояс. Интересно!

Орлов. Очень интересно. Лезем, ветки прямо по морде лупят, камни из-под ног катятся, змеи в кустах шуршат.

Мурзиков. Где ты видел змей?

Орлов. Ну не видел, зато слышал.

Мурзиков. А костер развели?

Орлов. Ну развели...

Мурзиков. А больше всего я удивляюсь, что, как в книжке написано, так и вышло. Лиственный пояс, хвойный пояс — чудеса!

Орлов. Как будто у меня один бок уже согрелся... Пар из меня идет, как из бани... (*Смеется.*)

Мурзиков. Чего смеешься?

Орлов. Смешно... Вода кругом льет, а чаю не из чего вскипятить...

Мурзиков. Сейчас принесут. Дорошенко знает — рядом ключ. Вода, говорит, сладкая, пьешь и радуешься.

Громкий вздох откуда-то сверху.

Орлов. Что такое?

Мурзиков. Ни... не... не ври...

Орлов. Чего не врать?

Мурзиков. Ничего не было...

Орлов. Кто-то охнул...

Мурзиков. Это мне показалось...

Орлов. А мне?

Мурзиков. А ты известный трус. Ничего не было... Ну, слушай. Видишь, как тихо. Только вода по соснам шумит. (*Прислушивается.*) Все спокойно.

Сверху голос. Ой-ой-ой-ой-ой! Отвяжите, я не виноват.

Орлов и Мурзиков схватывают друг друга за руки.

Орлов. Покричать?

Мурзиков. Молчи.

Орлов. Я покричу.
Мурзиков. Молчи!
Голос. Ибрагим-бек, отпусти, друг. Я свой.
Орлов. Ты кто?

Тишина.

Мурзиков. Какой осел на дерево залез?

Тишина.

Орлов. Зачем? Кто?.. Кто сверху нас пугает?

Тишина.

Мурзиков. Молчишь?.. Я... я... я достаю пистолет... из... из ножен. Я стреляю.

Из темноты выходят Дорошенко и Суворов, несут на палке ведро.

Суворов. В кого же вы стреляете, орлы?
Орлов. Шура, с дерева человек разговаривает.
Суворов. Ишь ты? Ну, ставьте воду на костер. Живей! Согреться надо. Находка есть, ребята. Сейчас рассмотрим находку.
Мурзиков. Да погоди ты с находкой... Тут голос.
Суворов. Какой?
Мурзиков. Голос жаловался сверху, вздыхал.
Дорошенко. Ветер, должно.
Орлов. Ветер слова говорил.
Дорошенко. Какие?
Орлов. Мы не поняли.
Суворов. Это, ребята, горная болезнь. Здесь наверху давление воздуха меньше, от этого отлив крови от головы... в ушах звон. (*Рассматривает при свете костра какие-то листочки.*)
Мурзиков (*Орлову*). Видишь? Я же тебе говорил... Это явление природы и больше ничего. Болезнь.
Орлов. Чего брешешь?.. Сам, небось, сдрейфил. Когда люди пришли, я тоже думал, что явление природы...

А тогда ясно я слышал... Шура, а от горной болезни разве слова могут слышаться?

Суворов (*орет*). Ура! Тетка, ура! Ребята, ура! (*Пляшет*.)

Дорошенко (*достает очки*). Взбесился!..

Суворов. Обрадовался...

Орлов. У тебя горная болезнь...

Суворов. Какое там! Птаха нашлась. Ай, умница! Ай, разумница!

Дорошенко. Как нашлась?.. Где она?.. Чего буровишь?

Суворов. Получены от нее письма.

Дорошенко. Какою почтою?

Суворов. Горною. Ты ворчала, что я в сторону отхожу, когда мы за водой шли. Помнишь?

Дорошенко. Продолжай... кратенько, кратенько.

Суворов. Я отходил, потому что белеет что-то в темноте. На деревьях, гляжу, бумажки, булавками приколотые. Я их забрал.

Мурзиков. Верно. У нее, у дурищи, полная коробочка жестяная булавок. С цветочком коробочка.

Суворов. Разглядел при свете — это от нее записки.

Дорошенко. Ну и прекрасно. А где она? Где идет?

Суворов. Сейчас. Дождь смыл много слов. Вот подпись. Ее?

Мурзиков. Ее. Ее окаянные буквы. Вроде комаров подыхающих ее буквы. Лапки в одну сторону, ножки в другую.

Орлов. Не мешай. Читай, Шура.

Суворов. Сейчас... Вот... «Отставши в тумане...» Дальше смыто. «На третий день погнался за мной медведь... Я от него, он за мной... На повороте медведь поскользнулся и упал...»

Орлов. Наверно, врет.

Мурзиков. Я тебе в ухо дам.

Суворов. «А я через кусты, все ноги исколола».

Дорошенко. Ах ты родимая моя, бедная.

Суворов. «На четвертый день...» Дальше все смыл дождик. Одна подпись осталась — «Птах».

Орлов. Ишь ты! Как мальчишка подписывается — Птах.

Мурзиков. Для «а» у нее места на листке не хватило, балда.

Суворов. Дальше вторая записка. Все смыто. Вот ясно: «...даже нес меня на плече... получно...» Видимо, «благополучно». На обороте все ясно: «Я прикалываю на каждом привале десять записок. Одна пропадет — другие найдутся». Умница.

Дорошенко. У сладкой воды отдыхала, значит. Кого она встретила? Кто ее, Птаху, на плече нес?

Суворов. Дальше третья записка. «Идем на Атаманово Гульбище».

Дорошенко. Ага!

Суворов. Что-то такое... «...бирается на колхоз Верхний».

Дорошенко. Вон что... Попался ей здешний человек. Немолодой человек. Это старая дорога, забытая дорога.

Мурзиков. Почему забыли?

Дорошенко. Обвалом ее лет двадцать назад завалило. Низом ходят теперь. А так эта дорога самая короткая.

Суворов. «Гроз...» Что такое? «Гроз...» Потом все смыто, потом опять «Гроз...»

Орлов. Гроза, наверное...

Дорошенко. Хорошо, если так.

Суворов. А почему все время «Гроз» с большой буквы? Гроза с маленькой пишется.

Орлов. А она не дюже грамотная.

Суворов. Последняя записка... «Страшно». Потом все смыто. Опять — «Страшно».

Д о р о ш е н к о. Ах ты родная моя, родимая.

С у в о р о в. Постой… Нет, ничего не понять. Подпись «Птаха» в конце и закорючка.

Д о р о ш е н к о. Страшно ей, пишет?

С у в о р о в. Ну, не очень, коли подпись с закорючкой. Ишь как лихо расчеркнулась. Ну… Здорово?.. Правильно я сказал «ура»?

Д о р о ш е н к о. Пока-то правильно… Есть у меня соображение, к ночи говорить не буду.

М у р з и к о в. Знаю твои соображения. Ха-ха. Думаешь — она твоего страшного старика встретила.

Д о р о ш е н к о. Молчи, парень. Молчи, слышишь?

Г о л о с. Охо-хо-хо-хо! Развяжите меня.

С у в о р о в. Что это?

Г о л о с. Отпустите меня!

О р л о в. Это же горная болезнь.

С у в о р о в. Какая там горная болезнь!

Г о л о с. Птаха пропала! Девочка погибла!

С у в о р о в. Кто там каркает?

Тишина.

Тебе говорю: кто там?

Тишина.

Д о р о ш е н к о. Подбрось хвои. Живей шевелись. Дуйте, ребята. Ну, во всю силу.

М у р з и к о в. Дуем.

Д о р о ш е н к о. Шибче.

О р л о в. Я тебе не насос. Дую сколько могу.

Д о р о ш е н к о (*надевает очки, вглядывается вверх*). Не разберу. Прыгает пламя. Еще хвои.

С у в о р о в. Человек там как будто.

Д о р о ш е н к о. Да, похоже.

С у в о р о в. Он привязан к дереву. Эй! Ты там! Кто ты? Кто тебя привязал? Эй!..

Г о л о с. Что такое? Кто такой?

С у в о р о в. А ты кто?

Г о л о с. Я?

С у в о р о в. Ну да.

Г о л о с. Али-бек — богатырь.

С у в о р о в. Брось шутки шутить.

Г о л о с. Правду говорю.

Д о р о ш е н к о. Ах, вот это кто. Здорóво, знаком.

Г о л о с. Товарищ Дорошенко. Ты что тут делаешь?

Д о р о ш е н к о. Я-то у костра греюсь. А ты что там делаешь?

Г о л о с. Я сплю.

Д о р о ш е н к о. Спишь?

Г о л о с. Сейчас уже проснулся, разгулялся. А то спал.

Д о р о ш е н к о. Это ты, значит, во сне кричал?

Г о л о с. Наверно. Я поясом к дереву привязался, неудобно спал, голова затекла. Сейчас слезу.

Треск веток наверху.

Д о р о ш е н к о. Это он от зверья забрался повыше, ветку поудобней выбрал, поясом прикрутился и спал себе, как дите в люльке. Многие так в лесу ночуют, когда в одиночку идут.

А л и - б е к слезает сверху.

А л и - б е к. Здравствуйте. Вы кто?

М у р з и к о в. Ты зачем кричал: «Птаха погибла»?

А л и - б е к. Постой-постой. Ты ее товарищ?

С у в о р о в. Да, да, все мы. Ты ее встретил? Ты ее вел?

А л и - б е к. Ах, товарищ дорогой. Я ее встретил, да не я ее вел.

Д о р о ш е н к о. А кто?

А л и - б е к. Грозный.

С у в о р о в. Слушайте, вы говорите прямо, что вы плохого знаете об этом Грозном. Что он такое? Бандит?

Д о р о ш е н к о. Хуже.

С у в о р о в (*Мурзикову*). Что ты хнычешь?

М у р з и к о в (*всхлипывает*). Вот дура! Ведет ее дурак какой-то, а она, как тот Мальчик-с-пальчик, записочки бросает.

О р л о в. Тот камушки бросал.

М у р з и к о в. Все равно противно. Дура какая.

С у в о р о в. Что такое Грозный? Говорите толком.

Д о р о ш е н к о. Что, что? Должность у него — сторож, лесник, заповедник сторожит… А на самом деле… Землю ты знаешь? А что внизу под землей — не сразу понятно… Темно там… А как зверь ходит, о чем говорит — понятно?.. Это еще темнее… Слушай. Я сама этого старика даже уважала и любила, но вот был вечер в клубе, живая газета… Помню хорошо: ревет ветер, прямо ураган, валит по станице людей, деревья скрипят, лист летит, собаки попрятались, коровы мычат — тревожатся. А в клубе чисто, светло, рояль играет. Исполнялось так: артистка одна танцует новую дорогу, железную, электрическую, что по плану намечена через горы, а другая танцует дикую природу — то нападает на дорогу, то прячется. А классовый враг с другого боку. И так мне захотелось скорее дорогу. Чтобы ушла эта дикость. Ураган свистит…

А л и - б е к. Грязь летит — очень плохо.

Д о р о ш е н к о. И вижу я: мрачен сидит наш Иван Иванович Грозный и не смеется, когда природа удирает, прячется.

А л и - б е к. Жалеет ее.

Д о р о ш е н к о. Над классовым врагом смеется Грозный, а над природой нет.

А л и - б е к. За нее стоит, за дикость.

Д о р о ш е н к о. Я прямо и спросила: что, тебе ее жаль? А он: зверя мне жаль. Образовать, говорит, его нельзя, грамоте не обучить. Ему приходит конец и гибель… Проговорился. Стала я примечать, да по халатности запустила я его. И так кругом врагов хватало: и бывшие враги, прямые, в новой шкуре, и лень собственная, и дикость… Как, может быть, бешеная волчица, дра-

лась я за план. Победили мы. Хочу отдохнуть — и новая беда. Скот пропадает. Давно пропадает. Где он? Ясно где. Старик его к друзьям отводит.

О р л о в. Куда, куда?

Д о р о ш е н к о. Зверям скармливает.

А л и - б е к. Зверям, понимаешь?

С у в о р о в. Ай, спасибо за сказку.

Д о р о ш е н к о. Какую сказку?

С у в о р о в. Эх, тетка, тетка, и ты еще не вполне освоена. Что ж тут удивительного? Старик всю жизнь заповедник берег, лесником служил — ясно, он зверя жалеет.

О р л о в. Бежит кто-то.

М у р з и к о в. Сюда бежит.

Вбегает Г р о з н ы й.

Г р о з н ы й. Братцы, товарищи.

Али-бек закрывается руками.

Д о р о ш е н к о. Ваня, ох, Ваня.

Г р о з н ы й. Это вы? Городские? Птахины?

Д о р о ш е н к о. Они.

Г р о з н ы й. Я вашу девочку нашел.

С у в о р о в. Где она?

Г р о з н ы й. Спокойно. Она... Веревки нужны. Веревки есть у вас?

С у в о р о в. Нет.

Г р о з н ы й. Бегите бегом к Золотому провалу. Говорите с ней, успокаивайте. Спокойно говорите. Она жива, цела, только земля под ней осела.

Д о р о ш е н к о. Куда бежишь?

Г р о з н ы й. К тайнику за веревкой.

Д о р о ш е н к о. Не пущу.

Г р о з н ы й. Не дури. (*Отталкивает ее, убегает.*)

Д о р о ш е н к о. Ах я дура! Баба закрепощенная. Не посмела мужика удержать. Ну, идем, шляпы.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

У провала.

Дорошенко. Птаха! Ты живая? Птаха! Молчит!.. Может, это не тут? Да нет, он это. Золотой провал. Птаха! Нету ее. Вот оно, дело проклятое. Вот он, окаянный старый саботажник, что сделал, как подвел. Бросил дите на камни вниз. Идите, волки, пожалуйте, медведи, — вот вам пай за мою безопасную охоту. Вредитель. Хоть бы задержали его, так нет. Пустили... Птаха...

Птаха (*глубоко снизу*). Идите, идите себе мимо.

Дорошенко. Кто говорит?

Птаха. Ничего, ничего. Этого не бывает. Не испугаете.

Дорошенко. Да разве же я пугаю. Это ты, Птаха? А? Чего молчишь? Птаха!

Птаха. Как же вы не пугаете, когда незнакомым голосом меня по имени зовете.

Дорошенко. Птаха! Живая ты? Вот чудеса-то!

Птаха. Никаких нет чудес. Я лежу на камнях совершенно спокойно. Вон даже светает. Никаких нету чудес.

Дорошенко. Птаха!

Птаха. Довольно, довольно. Еще ночью, когда шуршало чего-то, я, может быть, боялась. А теперь вижу — обыкновенная елочка, с одного бока ободранная, вместе со мной съехала, стоит возле и шуршит иголками. И вас я хоть и не вижу, а понимаю, что все очень просто. Вы или мираж, или какое-нибудь горное эхо. Мы проходили в школе.

Дорошенко. Совершенно верно, умница.

Птаха. Вы, значит, мираж?

Дорошенко. Не то, а все очень просто. Я колхоза председательница, Дорошенко, ребят твоих встретила и Грозного. Узнала, что в опасности, и бегом сюда.

Птаха. А они, а наши?

Д о р о ш е н к о. Они люди городские, тише идут, их Али-бек ведет.

П т а х а. Встретились! Ай да я! Я хоть и пропаду, да найдусь. А, тетка?

Д о р о ш е н к о. Лежи, лежи тихо.

П т а х а. А меня они не заругают? А?

Д о р о ш е н к о. За что? Обрадуются.

П т а х а. Ну да, обрадуются. А Грозный?

Д о р о ш е н к о. Убежал.

П т а х а. Куда?

Д о р о ш е н к о. Говорит, веревку искать.

П т а х а. Меня вынимать?

Д о р о ш е н к о. Может быть, так, а может, и не так... Старик хитрый...

П т а х а. Что вы все на него... Я его давно знаю — он добрый.

Д о р о ш е н к о. Добрый... У нас в горах говорят: кто тридцать лет охотник и все жив-здоров, тот человек недобрый. Он зверям скот скармливает за свою безопасную охоту...

Далекий грохот.

П т а х а. Это еще что? Гром?

Д о р о ш е н к о. Нет, не гром.

П т а х а. А что?

Д о р о ш е н к о. Обвал. После дождя земля размякла. Катятся камни, другие за собой сбивают.

П т а х а. Знаю, мы в школе проходили...

Д о р о ш е н к о. Да не вертись ты, того и гляди, дальше сползешь.

П т а х а. Не сползу, тетка. Я очень живая, не могу так лежать. Скоро меня вынимать будут?

Д о р о ш е н к о. Скоро, скоро.

Вбегает А л и - б е к.

А л и - б е к. Живая?

Д о р о ш е н к о. Даже, пожалуй, что и слишком. Так и крутится, как тот волчок. Герой! Где все?

А л и - б е к. Толстый мальчик башмак переобувает. Муравей ему залез, кусает палец. Сейчас будут.

П т а х а. Али-бек!

А л и - б е к. Сейчас все тут будут.

П т а х а. Здравствуй!

А л и - б е к. Здравствуй! Сейчас они идут.

П т а х а. Покажись, где ты?

А л и - б е к. Не могу.

П т а х а. Почему?

А л и - б е к. Стыдно... Ой, вот! Суворов пришел! (*Убегает.*)

С у в о р о в. Ну что?

Д о р о ш е н к о. Молодец девочка. Лежит, не скулит, не ноет.

С у в о р о в (*заглядывает вниз*). Ну, Птаха. Эх, Птаха!

П т а х а. Ты, Шура, не ругайся. Ты радуйся.

С у в о р о в. Я радуюсь... Я только... Ну, Птаха! (*Тихо Дорошенко.*) Ну и высота!

Вбегают бегом О р л о в и М у р з и к о в.

М у р з и к о в. Где она?

С у в о р о в. Сейчас увидишь.

О р л о в. Доставать будем?

С у в о р о в. Подождем веревок.

М у р з и к о в. Неужто без этого нельзя?

С у в о р о в. Подите взгляните, только без глупостей — поняли?

Мурзиков и Орлов заглядывают в провал.

М у р з и к о в. Тю!

П т а х а. Тю на тебя...

М у р з и к о в. Валяется на камнях над пропастью — смотреть противно.

П т а х а. Шура, чего он дразнится?

М у р з и к о в. Почему это я не сверзился, Орлов не сверзился, а ты не можешь без фокусов? Тогда заблудилась, а теперь новое безобразие.

П т а х а. Шура, чего он лезет? Что я, виновата? Шла, а земля подо мной осела. Еще похвалите, что я жива.

О р л о в. Эх, гадость какая! Как глубоко... Меня даже затошнило... А тебя тошнит, Птаха?

П т а х а. А меня нет. Съел?

С у в о р о в (*ребятам*). Подите сюда. (*Орлову*.) Что вы ее, головы дурацкие, пугаете? Высота... Затошнило... Поймите, что она чудом на уступе держится... Лежит над пропастью, не жалуется, не боится. Ее развлекать надо, пока веревки принесут, а вы тут... Умники!

М у р з и к о в. Не будем. Птаха!

П т а х а. Чего?

М у р з и к о в. Хочешь монпансье?

П т а х а. Шура, он опять...

М у р з и к о в. Я не опять, дурочка... Я тебе на ниточке спущу. Ладно?

П т а х а. Давай. Шура, погляди, чтоб он мне соль не спустил или гадости какой-нибудь.

С у в о р о в. Ладно. Где Али-бек?

Д о р о ш е н к о. Прячется.

С у в о р о в. Почему?

Д о р о ш е н к о. Говорит, стыдно ему.

С у в о р о в. Чего стыдно?

А л и - б е к (*из-за скалы*). Старика испугался.

С у в о р о в. Что?

А л и - б е к. Старика Грозного испугался. Стыдно мне. Зверя не боялся, буйвола бешеного не боялся — от старика рукой закрылся, как маленький. Надо было взять...

Д о р о ш е н к о. Это он сам... старик-то, навел... Его штуки, дикие его штуки... Ты ни при чем.

П т а х а. Ох, позор, позор, позор...

А л и - б е к. Меня ругаешь?

П т а х а. Да больше тетку.

Д о р о ш е н к о. Меня? За что же это?

П т а х а. Солнце светит. Все освещает. Кругом тепло. Жучки повылезли, бегают, работают. А вы такие глупости говорите, как будто ночь.

Д о р о ш е н к о. Это, Птаха ты моя дорогая… хитрый старик, скрытный… Это и днем и ночью скажу.

С у в о р о в. Довольно сказок. Старик сейчас придет.

Д о р о ш е н к о. Дождешься!

С у в о р о в. Дождусь. Не достать Птаху без веревок. Я, болван, виноват. Думал, иду с ребятами, буду ходить легкими дорогами, и кинул веревки. А того, что вышло, не предвидел. Ну, хорошо, хоть так дело кончается. Али-бек, ты мне нужен. Хотел по дороге с тобой говорить, а ты все вперед, в глаза не глядишь.

А л и - б е к. Стыдно.

С у в о р о в. А стыдно, так заглаживай вину. Отвечай на вопросы. Почему тебя Али-бек богатырь прозвали? Только за силу?

А л и - б е к. Нет, не только… Еще за то, что… Только я сейчас рассказывать не могу…

С у в о р о в. Ничего, ничего. Птаха, лежи спокойно, чтобы я о тебе не беспокоился. Жди старика. Веревку принесет.

П т а х а. Подожду, ничего! Я монпансье грызу.

С у в о р о в. Ну и ладно. Ну, Али-бек, говори… Напугаешь ты меня или обрадуешь?..

А л и - б е к. Я… Только я рассказываю не очень хорошо… По-русски разговариваю хорошо, рассказываю не так хорошо.

С у в о р о в. Говори, не томи…

А л и - б е к. Прадедушка моего дедушки Али-бека хорошо знал.

С у в о р о в. Самого Али-бека?

А л и - б е к. Его самого. Как я Дорошенко знаю, как я тебя вижу, он его каждый день видел. Али-бек высокий был, седой. Одна рука, пальцы — зеленые от работы.

Сильный был. Ударит быка между рог — бык перед ним на колени и кланяется. Возьмет березку, из земли дернет, ножом обстругает — на медведя идет. Прадедушка моего дедушки у него на руднике работал.

Суворов. Где?

Али-бек. У него на руднике.

Суворов. Где рудник?

Али-бек. Там, внизу… Золотой провал — это дорога была.

Грохот слышней, ближе.

Птаха. Опять обвал!

Суворов. Ничего, Птаха, это далеко. Тут дорога была, говоришь? Прямо боюсь верить…

Али-бек. Почему не верите? Я нехорошо говорю, но только я правду говорю. Нету старых дорог. Слыхал обвал? Может быть, он, наверное, тоже какую-нибудь дорогу завалил. А мало ли их за двести лет было! Прадедушка моего дедушки у Али-бека работал. А дедушка сам вниз ходил. Шапку нашел железную, круг нашел медный, на круге — полумесяц и звезда. Вот гляди вниз. Глядишь? Вон внизу чернеет. Это поворот. Обойдешь его и вверх. Там рудники.

Суворов. Спуститься можно?

Али-бек. Веревки будут — сойдем.

Суворов. Слышишь, тетка? Дело сделано.

Дорошенко. Никогда так о горах не говори. Надо еще Птаху поднять, самим сойти… Хватит еще дела.

Суворов. Дальше. Говори все, что знаешь. Почему рудники брошены? Сразу говори.

Али-бек. Пришла война, за войной беда. Понял? Война была двести лет назад. Племя на племя пошло. Али-бек перед войной помер, сына убили. Болезни пришли, непогоды, ливни, обвалы. Речка из берегов вышла. А потом — кому рудник? Обеднел народ, разучился. Песня такая есть…

Суворов. Ну?

Д о р о ш е н к о. Только пой тише. Камень сейчас от голоса и то свалится, обвала не накличь!

А л и - б е к. Я тихо.

Болезни пришли, непогоды пришли.
За что, почему?
В лесу темно, на душе темно.
А-лай-да-ла-лай.

Вбегает Г р о з н ы й.

Г р о з н ы й. Почему воешь?.. Беда?

С у в о р о в. Нет, старичок, наоборот. Где пропадал?

Г р о з н ы й. Вот веревка. У меня по всему лесу тайники, порох зарыт, пули, топоры, ножи, веревки. В первом тайнике, думал, веревка. Не было. Далеко бегал.

С у в о р о в. А мы, дед, нашли клад.

Г р о з н ы й. Спокойно. Потом шутить будем. Птаха!

П т а х а. Дедушка, доброе утро. А я-то и не слышу, что ты пришел. Пригрелась на солнышке, задремала...

Г р о з н ы й. Птаха, сейчас тебе веревку опустим, с петлей. Ты петлю под мышки продень и затяни. Осторожно, спокойно, мы тебя вытянем. Держи конец, Али-бек.

А л и - б е к. Держу.

Г р о з н ы й. Бросаю, Птаха.

П т а х а. Ладно.

М у р з и к о в. Сейчас подымут, сейчас подымут. Вот я ей покажу.

С у в о р о в. Ну, Птаха, в путь.

Г р о з н ы й. Тяни, Али-бек. Постой. Тихо-тихо тяни, чтобы камни не покатились. Никто не помогай. Он опытный, у него силы хватит. Главное, не дергай.

А л и - б е к. Мы сами знаем.

Г р о з н ы й (*Суворову*). А ты с ней говори, чтобы она не пугалась.

С у в о р о в. Ладно.

Г р о з н ы й. Готова, Птаха?

П т а х а. Готова... Только мне веревка под мышками щекочет... (*Хихикает.*)

Г р о з н ы й. Спокойно... Ну, тяни, Али-бек. Говори с ней, товарищ.

Али-бек осторожно тянет.

С у в о р о в. Ну, Птаха, во все разведки беру тебя с собой.

П т а х а. Что я нашлась — за это?

С у в о р о в. За это. Что не боялась, что записки оставила, что под горой не хныкала. Ты разведчик любопытный, смелый. Мы с тобой целый рудник нашли.

П т а х а. Ну да! Я Али-бека этого давно знаю. Кабы я не заблудилась...

С у в о р о в. А ты знаешь, что это значит — нашли рудник? Да еще наполовину только разработанный? Это всесоюзное дело.

П т а х а. Ну да, всесоюзное... Чего тихо тянете? Надоело ехать.

С у в о р о в. Скоро, скоро приедешь... Уж больше половины пути проехала...

Резкий удар. Тучи пыли. Грохот, который нарастает и нарастает.

Следите за веревкой.

В тучах пыли, с грохотом между провалом и людьми проносится обвал. Гул замирает.

А л и - б е к. Братцы, братцы! Веревка стала легкая! Стала. (*Заглядывает.*) Пусто там.

М у р з и к о в. Шура!

Д о р о ш е н к о. Так я и знала — быть беде. Уж очень все хорошо сходилось: и девочка нашлась было... и рудники... Вот и пришла беда.

С у в о р о в. Ничего не видно. Пыль вьется. Ну что вы все на меня? Ничего я не знаю, ничего... Вниз надо идти, вниз...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

У Медного провала.

С у в о р о в. Значит, все ясно. На первой площадке — нет Птахи.

А л и - б е к. Нету.

С у в о р о в. А земля осела дальше?

А л и - б е к. Далеко дальше. Оползень, оползень до низа горы.

С у в о р о в. Прямо вниз не сойти.

А л и - б е к. Всегда было круто, теперь стена. Камни торчат. Голые скалы.

С у в о р о в. Значит, пойдем в обход туда, вниз.

Г р о з н ы й. Туда дорог нет.

М у р з и к о в. Почему?

Г р о з н ы й. Никто туда не ходил.

М у р з и к о в. Почему не ходил?

Г р о з н ы й. Не нужно было. Каждый своими путями ходит: путник одним, пастух другим, охотник так, а лесник иначе. А это место было в стороне. Забытое место.

А л и - б е к. Я думаю, надо скорее идти. Если девочка еще жива, наверное, она внизу скучает очень. Может, поранилась, помощи ждет. Скорей, скорей!..

М у р з и к о в. А если она погибла, что мы будем делать?

С у в о р о в. Не хныкать, не ныть. Что даром дается?! Пустяк даром дается. Война есть война. Вперед!

Г р о з н ы й. Как пойдем?

С у в о р о в. Я поведу.

Г р о з н ы й. Дорогу знаешь?

С у в о р о в. Знаю, как без дороги идти. Вот компас, карта, топорик — во льду ступени прорубать, веревки — держать друг друга. Гляди на карту. Здесь мы?

Г р о з н ы й. Это Абаго-гора? Здесь.

С у в о р о в. Так прямо и пойдем.

Г р о з н ы й. Речка впереди.

С у в о р о в. Перейдем речку.

Г р о з н ы й. Ледник по пути.

С у в о р о в. Возьмем ледник.

Г р о з н ы й. Перевал будет тяжелый.

С у в о р о в. Перевалим через перевал.

А л и - б е к. Конечно, перевалим.

Г р о з н ы й. Ну, веди тогда… Если все будет гладко, дня через три-четыре дойдем донизу.

С у в о р о в. Все готовы? Идем!

Д о р о ш е н к о. А если?..

С у в о р о в. А если что случится, вот эту карту кто уцелеет — спешным, воздушной почтой в Ленинград, в Геолком. Рудник звездочкой помечен. За мной!

Занавес

На леднике.

С у в о р о в. Ноги выше! (*Хлопает в ладоши.*) Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре! Бей в ладоши! Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре! Что не прыгаешь?

М у р з и к о в. Мне к вечеру, Шура, всегда невесело.

О р л о в. Дурак! Что, мы для веселья пляшем? Чтобы не простудиться, пляшем. Раз, два, три, четыре. А отчего вода была такая ледяная?

С у в о р о в. Оттого, что текла та вода из ледника. Ну что, не ломит больше ноги? Раз, два, три, четыре!

О р л о в. Отошли.

С у в о р о в. Прыгай, пока совсем не запыхаешься. Эй, Али-бек!

А л и - б е к (*издалека*). Здесь!

С у в о р о в. Что у тебя?

А л и - б е к. Лед стеной.

С у в о р о в. Эй, Грозный!

Грозный (*издалека*). Здесь я.

Суворов. Что нашел?

Грозный. Лед. Нет прохода.

Суворов. Дорошенко!

Дорошенко. Сейчас иду.

Суворов. Нашла выход?

Дорошенко. Выход не выход, а Чертов мостик.

Суворов. Ну и на том спасибо. Собирайтесь все сюда. Сейчас пойдем. Согрелись, ребята?

Орлов. Да. А долго еще нам по леднику идти?

Суворов. Может, до заката выберемся, может, всю ночь будем ползти. Ширина ледника — всего полкилометра, надо его взять разом. На льду не заночуешь.

Мурзиков. Шура!

Суворов. Что?

Мурзиков. Почему я по утрам думаю — наверное, Птаха жива, а по вечерам мне кажется — ничего подобного?

Суворов. Устаешь ты к вечеру.

Мурзиков. А ты как думаешь, что она?

Суворов. А я думаю, как бы скорей вас туда привести... вниз. Понял?

Сходятся Али-бек, Дорошенко, Грозный.

Идем.

Дорошенко. Не знаю — возьмем, не знаю — нет.

Суворов. Возьмем.

Дорошенко. Идет тот мостик над ледяной воронкой. Дна у той воронки нету.

Суворов. Дна нам и не нужно.

Дорошенко. Мостик тонкий. Выдержит, нет ли — непонятно.

Суворов. Пойдем! Вперед, товарищи!

Занавес

У Чертова мостика.

Д о р о ш е н к о. Вот она, моя находка.

С у в о р о в. Действительно, мостик — чертов!

Г р о з н ы й (*срывает карабин*). Козел.

О р л о в. Где?

Г р о з н ы й. Вон стоит на камне, ноги вместе составил. (*Целится.*)

Д о р о ш е н к о. Долго целишь.

Г р о з н ы й. А ты все свое да свое...

Д о р о ш е н к о. Я человек внимательный. Ну что же не стреляешь?

Г р о з н ы й (*опускает ружье*). Ни к чему.

Д о р о ш е н к о. Ага.

Г р о з н ы й. Вот тебе и ага. Чего стрелять? Упадет он — и не поднять: вниз покатится.

Д о р о ш е н к о. А зачем целился?

Г р о з н ы й. А затем, что из заповедника мы вышли. Зверя тут бить разрешается. Увидел зверя — рука сама за карабин ухватилась.

Д о р о ш е н к о. Ага.

М у р з и к о в. Опять она про свое.

Д о р о ш е н к о. Я, дорогой, все примечаю. По Чертову мостику он первым прошел — это его меняет в одну сторону. А не выстрелил — это опять новое. Я за дело отвечаю. Я должна все видеть. Все. Ясно?

А л и - б е к. Конечно, ясно. Ты говоришь — все ясно. Он говорит — все неясно. В заповеднике он зверя жалеет, а здесь он его бьет. Это что такое? Это туман. Это грязное дело. У, старый черт, шайтан.

С у в о р о в (*входит*). Ну что, отдохнули? Сейчас в путь... связывайтесь веревками. Спуск очень крутой.

Г р о з н ы й. Товарищ Суворов, пойдем, конечно, мы дальше. Самое, может быть, трудное впереди... В горах, сам знаешь, подъем легче спуска. Позволь мне тебе одно дело спокойно сказать.

С у в о р о в. Конечно, говори.

Г р о з н ы й. На спуске один может всех удержать, один же может всех погубить. Один всех держит — все его... Тут уже не разные люди вниз идут, а одно, одна цепь. Нельзя идти вниз, если враг в цепи есть.

С у в о р о в. К чему это ты так говоришь, не понимаю?

Г р о з н ы й. Каждый в себе и в других должен уверенность иметь. Позволь мне в одиночку идти.

С у в о р о в. Почему?

Г р о з н ы й. Вы одной цепью идите, а я около. Нету в Дорошенко уверенности.

Д о р о ш е н к о. Может быть, я и сама не рада, но пока я своими глазами не увижу, где наши овцы, где животные, какие такие звери съели их с костями и с копытами, — нету во мне доверия и не будет. Я за все отвечаю? Я. Могу я верить? Нет. Суди меня, пожалуйста.

С у в о р о в. Суд будет короткий. Ты, Дорошенко, по-своему права. Не верь. Лучше лишний раз не поверить. На тебе, верно, ответственность.

Г р о з н ы й. Ветеринара у нас нет. Раз в полгода приезжает. Кто животных лечил? Я. Кого ветеринар хвалил? Меня. А теперь болеет скотина, а она меня уже месяц лечить не пускает. То ругала, что в заповедник часто хожу, а теперь — чего не в свое дело мешаюсь.

С у в о р о в. Стой. В недоверии она права. А в том, что к скотине не допускала, — не права. И конечно. Воздух наверху разреженный, кровь от головы ушла, вот вы и не в себе. Жалуетесь, как маленькие. Будет. Ты, Дорошенко, себя, как и эти горы, только частью знаешь. Не было случая — не все дороги узнала. Есть в тебе дикость. Подумай.

Д о р о ш е н к о. Найду в себе дикость — откажусь от нее при всех.

С у в о р о в. Ладно. Ну, ребята, еще немного — и мы пришли. Два дня мы в пути. Природа, дура, нам ледник под ноги — а мы его топором. Она нам гору — а мы на

гору. Она нам пропасть — а мы цепью вниз. Один другого поддержит. Грозный, в цепь.

Д о р о ш е н к о. Он...

С у в о р о в. Здесь я отвечаю. Я вас вел?

Д о р о ш е н к о. Ты!..

С у в о р о в. Новой дорогой?

Д о р о ш е н к о. Новой.

С у в о р о в. Наметил ее верно?

Д о р о ш е н к о. Верно.

С у в о р о в. Самое трудное впереди. Эй, Мурзиков! Нос выше! Может, еще жива Птаха. Рудники нас внизу ждут. Все отлично, все правильно. Ну, ходу, ребята, дружно.

Занавес

Туман.

М у р з и к о в. Ну вот... Этого нам только не хватало. Как проклятые — через реку, через ледник, через гору. Ноги сбиты... А теперь, здравствуйте, туман. Вот ты все хвалил — красивая природа... Сколько мы уже идем?

О р л о в. Три дня.

М у р з и к о в. А мне кажется — три года. Когда это было, что Птаха в таком же тумане от нас отбилась?

С у в о р о в. Не бросать веревку.

А л и - б е к. Крепко держим.

О р л о в. Где мы?

С у в о р о в. Должно быть, близко.

О р л о в. Откуда?

С у в о р о в. От рудников.

М у р з и к о в. Значит, это то место?.. То самое, над которым-то уступ был... Птаха где лежала... Сюда вниз и села земля и с нею вместе...

Г р о з н ы й. Должно, сюда.

М у р з и к о в. Может, она здесь близко? Птаха... наша... Чего молчите?

С у в о р о в. Не бросать веревку.

Д о р о ш е н к о. Держим, держим.

М у р з и к о в. Я покричу.

Д о р о ш е н к о. Нельзя.

М у р з и к о в. Почему?

Д о р о ш е н к о. Знаешь сам... Обманное эхо в тумане. Ее с толку собьешь, если она здесь.

С у в о р о в. Стоп! Что-то впереди неясное.

Д о р о ш е н к о. Гора?

С у в о р о в. Наоборот. Провал какой-то. Попробую правее. Возьмитесь за руки, потихоньку травите веревку.

А л и - б е к. Ладно.

С у в о р о в. Нет конца. В другую сторону попробую. Нету дна. Садись.

М у р з и к о в. Ждать будем?

С у в о р о в. Да, будем ждать. Кто устал — спи.

Д о р о ш е н к о. Ветра нет.

С у в о р о в. Тихо.

Г р о з н ы й. Долго будем ждать, может быть. Тут котлован.

М у р з и к о в. Ой, Шура! Что-то железное под рукой, зажги спичку.

С у в о р о в (*зажигает*). Кинжал.

О р л о в. Длинный какой.

А л и - б е к. Старый. Весь черный, зеленый.

С у в о р о в. Должно быть, близко мы.

О р л о в. Стой, стой! Дай-ка еще спичку. Честное слово — это он! Вот вам и я! Вот и ругали, и ругали, и крыли. Это он. Дай еще спичку, сравню с образцом. Он у меня в куртке. Ну да, он. Дай поем — сладкий в корню. Он!

С у в о р о в. Что ты нашел?

М у р з и к о в. Помешался от усталости.

О р л о в. Ты сам. А я нашел. Нашел!

С у в о р о в. Ну, говори толком — что?

А л и - б е к. Травинку нашел.

О р л о в. Туссек. Вы в растениях ничего не понимаете. А я знаю. Мне говорил Павел Федорович из Ботанического: найдешь туссек — герой будешь. Вы растения не любите, а я люблю.

М у р з и к о в. Травоядный.

О р л о в. Ты сам... Небось, не знаешь, как он по-латыни называется, а я знаю.

М у р з и к о в. Ох, нужно мне.

О р л о в. «Дактилис цеспитоза» называется. Съел?

Д о р о ш е н к о. А в чем этой травы редкость? Польза в чем?

О р л о в. Польза в чем?.. Это для барана любимая еда.

М у р з и к о в. Чего ты так обрадовался?

О р л о в. Ты сам. Самая полезная. Только в одном месте и растет эта трава. Так считали. На Фолклендских островах. На самом юге Южной Америки. Там всегда сыро, всегда дождь, а туссек это любит. Там самые вкусные, самые большие бараны в мире.

М у р з и к о в. Потеха.

Д о р о ш е н к о. Это, паренек, не смешно. Это меня касается.

Г р о з н ы й. Стойте!

Д о р о ш е н к о. Чего?

Г р о з н ы й. Шагает кто-то легко-легко.

Д о р о ш е н к о. Где?

Г р о з н ы й. Разве в тумане поймешь?.. Тише, слушайте... Легкие шаги... Зверь или нет? Как будто дети ходят.

М у р з и к о в (*во весь голос*). Птаха!

Неожиданно крик «Птаха» повторяется десять раз, сначала замирая, к концу усиливаясь. Последний раз крик повторяется как будто смутным хором.

С у в о р о в. Это...

Д о р о ш е н к о. Это эхо.

М у р з и к о в. Туманное.

Г р о з н ы й. Какое туманное? Горное!

М у р з и к о в. Я читал… Я знаю… Такое эхо только в пещерах у изрытых гор… Звук отражается… Мы около рудников.

С у в о р о в. Жди. Увидим.

М у р з и к о в. А ходит кто?

С у в о р о в. Увидим. Жди.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

У рудников Али-бека.

А л и - б е к (*один ходит взад и вперед*). Обидно. Обидно очень мне. Обидно это. Три дня шли. Три дня! Что нашли? Оползень. Обидно мне… Обидно. Где рудники? Нету рудников. Гора осела, их в землю вдавила. Может быть, на версту их в землю вдавила. Радовались ночью — к рудникам пришли. А днем что увидали? Камни. Острые камни, голые. Ой, как обидно мне — даже холодно стало, холодно.

С у в о р о в (*входит*). Ну что, Али-бек?

А л и - б е к. Ничего, хозяин, ничего. Острые камни, голые камни. Как будто я сон вижу худой. Бежал бегом, смотрел, смотрел — ничего.

С у в о р о в. Все хорошо осмотрел?

А л и - б е к. Очень хорошо. Как ястреб. Когда дед мой здесь был — он рудники видел. Мы пришли — одни камни видим. Мы ходим, ищем, а горы давят, прячут. Не любят вас.

С у в о р о в. Чего там не любят. Заставим, так полюбят.

А л и - б е к. Глупые они. Стоят. Очень тяжелые, каменные.

С у в о р о в. Да, да. Неужто ничего не нашел?

А л и - б е к. Нет, холодно мне, хозяин.

С у в о р о в. Хоть бы чашечку найти медную, хоть бы палочку в Ленинграде показать. Чтобы доказательства были, что под оползнем рудники.

А л и - б е к. А кинжал лежал ночью?

С у в о р о в. Очистил я его — обыкновенный стальной кинжал.

А л и - б е к. А рукоятка?

С у в о р о в. Костяная.

А л и - б е к. Теперешний. Холодно мне, хозяин. Эх, что наши не идут? Холодно.

С у в о р о в. Да ты не заболел ли?

А л и - б е к. Нет. Девочка пропала без следа. Рудники под землю ушли на версту. Что делать? Песни петь? Из ружья стрелять? Нельзя так стоять, товарищи. Пожалуйста.

С у в о р о в. Подождем, соберутся наши. Твой дед здесь блюдо нашел — где оно? Дома?

А л и - б е к. Украли давно.

С у в о р о в. Али-бек, конечно, здесь руду переплавлял. Здесь посуду лил, выковывал. По горным дорогам руду возить невыгодно. Он готовые медные вещи вывозил. Неужели ничего не найдется?

А л и - б е к. Все оползень в землю вдавил. Эх...

М у р з и к о в входит.

С у в о р о в. Ну, разведчик, что разведал?

М у р з и к о в. Одни пустяки. Хоть бы ремешок найти. Хоть бы лоскуток... Нет, Шура, не говори ничего, — она пропала.

С у в о р о в. Я ничего не говорю.

М у р з и к о в. Я даже не думаю больше. Кричал — одно эхо проклятое дразнит. Каждое слово десять раз повторяет... Грозный идет. И он больше не думает. Смотри, лицо какое невеселое.

Г р о з н ы й входит.

С у в о р о в. Ты, старик, ничего не нашел?

Г р о з н ы й. Ничего.

А л и - б е к. Нет, не могу стоять, надо что-то делать. Они в ту сторону ушли? Орлов и Дорошенко?

С у в о р о в. Туда.

А л и - б е к. Побегу к ним, посмотрю. Когда бегом бегу — легче.

С у в о р о в. Беги, мы подождем.

А л и - б е к убегает.

Да, да. Так, так. Видишь, старик, дерево?

Г р о з н ы й. Вижу.

С у в о р о в. Узнаешь?

Г р о з н ы й. Узнаю.

С у в о р о в. По перьям узнал?

Г р о з н ы й. По перьям.

С у в о р о в. Как дерево сюда попало?

Г р о з н ы й. Прямым путем.

С у в о р о в. А она где?

Г р о з н ы й. Не спрашивай, брат.

М у р з и к о в. О чем вы? А? Скажите.

Г р о з н ы й. Сказать?

С у в о р о в. Говори...

Г р о з н ы й. Когда лежала она...

М у р з и к о в. Кто?

Г р о з н ы й. Птаха... Когда лежала она на уступе, оба мы заметили, я и Суворов, — маленькая елочка приметная, с одного бока ободранная, около уступа стояла. Тоже осела с ней рядом... С Птахой. Перья на ветках, — видно, орел птицу когтил. Искали ее, нашу Птаху, мы на верхней площадке. Туда весь ее уступ осел. А ее нету, не нашли. Ну, пропала-пропала, а все надеялись. Часть оползня через первую площадку дальше пошла. Дерево тоже дальше пошло, — может, и она по прямой дороге вниз. Птаха...

С у в о р о в. И вот видишь — нету ее.

Г р о з н ы й. Три дня мы шли, а она сразу сюда. Вот...

С у в о р о в. Следов, словом, нету, брат.

М у р з и к о в. Шура, Шура, смотри — наши идут. Они радостные. Шура, честное слово, радостные. Они нашли что-то. Что?

Быстро входят Д о р о ш е н к о, А л и - б е к, О р л о в.

С у в о р о в. Ну, ну?

Д о р о ш е н к о. Нашлись они. Все целы. Это они в тумане ходили.

О р л о в. Только потолстели от туссека.

С у в о р о в. Что нашлось?

О р л о в. Бараны заграничные, пять штук. Мне говорил Павел Федорович из Ботанического: баран эту траву за сто верст чует.

С у в о р о в. Природа дура, черт.

Дорошенко кланяется Грозному в пояс.

Г р о з н ы й. Что ты делаешь?

Д о р о ш е н к о. Осознаю.

Г р о з н ы й. Что?

Д о р о ш е н к о. Свои ошибки. Друг ты мой, Иван Иваныч Грозный. Перед лицом нашей находки, перед лицом всех товарищей прямо и откровенно заявляю — отказываюсь я от своих ошибок.

Г р о з н ы й. Э, матушка, что говорить. Горы наши такие.

Д о р о ш е н к о. Мать во все чудеса верила, бабушка верила, идешь горами — горы гудят, ветер свистит, зверь кричит, невольно покажется.

Г р о з н ы й. Дорошенко, не обижаюсь. Я сам охотник, а охотники во все чудеса легко верят. Молод был — и я верил. Кончим это дело, больше не говори.

А л и - б е к. И меня прости, не обижайся. Ты хороший казак, новый казак, товарищ.

Г р о з н ы й. Довольно. Замолчать. Я как та собака устал, не жалобь меня. Я кремень-старик, к ласке не привыкший. Хожу, сторожу, как пес, и работаю... Чего вы меня, дураки, тревожите? Вот... Да... Заткнись.

С у в о р о в. Ладно, ладно. Все ясно. Больше, конечно, ждать нечего. Сыро здесь. Ну так вот — слушайте тогда мое решение. Рудников там, где мы ждали, нет.

Г р о з н ы й. Видно, что так.

С у в о р о в. Я верю, что их завалил оползень, но мне нужны точные доказательства. Путь отсюда до колхоза легкий?

Д о р о ш е н к о. Надо думать. Бараны мои толстые, ходоки не дюже смелые, а вот пришли.

С у в о р о в. Здесь сыро. Ребята устали.

М у р з и к о в. Ничего подобного.

С у в о р о в. Молчи. Ребята устали, тебя ждут дела, да и у Грозного, и у Али-бека свои нагрузки. Вы все уйдете, я останусь.

М у р з и к о в. Ну да, еще чего.

С у в о р о в. Молчи, Мурзиков. Никаких споров. Сразу в путь. Колхоз в той стороне?

Д о р о ш е н к о. Да.

С у в о р о в. Идем. Я вас провожу чуть и вернусь.

М у р з и к о в. Шура, мы еще останемся, поищем. Это не по-товарищески уходить.

С у в о р о в. Довольно мы искали. Там ты ходил, там Али-бек бегал. Там Грозный. Помогли — и хватит. Я останусь еще, обшарю каждый закоулочек, а потом к вам.

О р л о в. Заблудишься.

С у в о р о в. Ни за что. Ну, марш. Баранов по дороге захватите — и в путь. Ты чего захныкал?

М у р з и к о в. Шура, Али-бек, тетка, тетка, а Птаха пропала? Уже теперь совсем?

Д о р о ш е н к о. Эх, брат... идем. Стойте. (*Оборачивается к горам.*) Эх, Птаха, Птаха, прощай!

Эхо.

Ну вот, товарищи, как будто и все, что я хотела сказать. Точка. Идем.

Вдруг в горах поднимается звон, усиленный эхом. Он громче и громче, потом обрывается.

Мурзиков. Ну вот. Спасибо. Это что же такое?

Али-бек. Я там бегал — ничего не видал. Почему?

Суворов (*кричит*). Кто звонил?

Эхо, потом полная тишина.

(*Грозному*.) Что скажешь, старик?

Грозный. Не пойму.

Мурзиков. Надо искать.

Суворов. Что искать?

Мурзиков бежит по тому направлению, где был звон.

(*Ему вслед*.) Куда? Что, ты думаешь — это Птаха в колокол звонит? (*Машет рукой. Грозному*.) Знаешь это что? Это фокусы, какие-нибудь курьезы науки, любопытные явления природы, черт бы их побрал. Не ищи, Мурзиков, беги назад. Где ты там?

Мурзиков бежит обратно с тазом в руках.

Медный таз. (*Али-беку*.) Ведь ты ходил там?

Али-бек. Я там, дурак, бегом бегал.

Мурзиков (*задыхаясь*). Ну вот... Она осипла... Я спокоен... Подумаешь, чудо...

Грозный бежит наверх.

Орлов. Кто осип? А? Рева-корова. Говори.

Грозный (*наверху*). Жива, здорова, только осипла и ногу она свихнула.

Суворов. Кто?

Грозный. Птаха!

Общий крик, подхваченный эхом. Грозный спускается с Птахой на руках, все окружают его.

(*Осторожно сажает ее на камень*.) Говори, спокойно говори. Как же это? Почему все это? Ну?

П т а х а (*сипло*). Здравствуйте, товарищи.

Г р о з н ы й. Почему нас не окликнула?

С у в о р о в. Откуда таз? Таз?

О р л о в. Чего ты сипишь?

М у р з и к о в. Чего ты звонила?

П т а х а (*сипло*). Я вчера вечером последний кусок солонины съела. Ночь плохо спала, боялась с голоду помереть. Под утро разоспалась. Все понятно?

М у р з и к о в. Ничего не понятно.

П т а х а. Неумный ты, потому и непонятно. Разоспалась я и не видела, как вы пришли. Просыпаюсь, а тетка кричит: «Прощай!» Что такое? Я вам во всю глотку: «Стойте, стойте!» — а вы уходите. С ума сошли, что ли?

М у р з и к о в. Такую сиплую глотку, конечно, не услышишь.

П т а х а. Глухой тетерев. Ясно, мне стало неприятно. Голоса нет. Провиант весь съела. Бежать за вами не могу — нога поврежденная. Схватила я таз и давай стучать.

С у в о р о в. Откуда ты таз взяла? А?

П т а х а. Таз? А я как ногу растянула, так сейчас повыше от зверья заползла, выставила ногу на солнышко лечиться, а сама от тоски этот таз чищу. А как вы ушли — я в него камнем дзинь-бом.

С у в о р о в. Да где ты его нашла? Говори толком.

П т а х а. Постой. А как я, братишечки, с горы съехала. Обвал трах! Веревка треск! Гора бу-бу-бу — и поехала. Я за деревцо, деревцо за землю, едем, едем, остановиться не можем. Я хотела на первой площадке соскочить, куда там. Так до рудников и доехала.

С у в о р о в. До каких рудников?

П т а х а. Тю на вас. Да рудники — вон за тем уступиком. Дырки, дырки, дырки, а пролезешь в них — коридорчики, коридорчики, ямки.

С у в о р о в. Не может быть. Ты там была?

П т а х а. А где же я ногу повредила? Бегала, шарила да вдруг сухожилие как растяну! Там же я и осипла. Сыро там. Готовой посуды там — горы.

С у в о р о в. Птаха — герой! (*Бежит наверх, все за ним, кроме Али-бека и Птахи.*)

П т а х а. Пожалуйста, я покажу.

Али-бек хватает Птаху и бежит наверх. Все выходят навстречу.

Ну что?

М у р з и к о в. Нечего задаваться. Шура оставался — все равно нашел бы и без тебя.

О р л о в. Я туссек сам нашел и то не задаюсь.

Д о р о ш е н к о. Как я рада, как я рада! На сто процентов.

А л и - б е к. Все молодцы. Все!

Г р о з н ы й. Большое тебе счастье, товарищ.

С у в о р о в. Счастье? Три года ходил. Три года искал. Здесь, дед, счастье ни при чем... Это... братцы, победа.

Эхо.

Конец

1933

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

Пьеса в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Генрих.
Христиан.
Король.
Принцесса.
Король-отец.
Министры.
Придворные дамы.
Жандармы.
Фрейлины.
Солдаты.
Публика.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лужайка, поросшая цветами. На заднем плане — королевский замок. Свиньи бродят по лужайке. Свинопас Г е н р и х рассказывает. Друг его, ткач Х р и с т и а н, лежит задумчиво на траве.

Г е н р и х. Несу я через королевский двор поросенка. Ему клеймо ставили королевское. Пятачок, а наверху корона. Поросенок орет — слушать страшно. И вдруг сверху голос: перестаньте мучить животное, такой-сякой! Только что я хотел выругаться — мне, понимаешь, и самому неприятно, что поросенок орет, — глянул наверх, ах! а там принцесса. Такая хорошенькая, такая миленькая, что у меня сердце перевернулось. И решил я на ней жениться.

Х р и с т и а н. Ты мне это за последний месяц рассказываешь в сто первый раз.

Г е н р и х. Такая, понимаешь, беленькая! Я и говорю: принцесса, приходи на лужок поглядеть, как пасутся свиньи. А она: я боюсь свиней. А я ей говорю: свиньи смирные. А она: нет, они хрюкают. А я ей: это человеку не вредит. Да ты спишь?

Х р и с т и а н (*сонно*). Сплю.

Г е н р и х (*поворачивается к свиньям*). И вот, дорогие вы моя свинки, стал я ходить каждый вечер этой самой дорогой. Принцесса красуется в окне, как цветочек, а я стою внизу во дворе как столб, прижав руки к сердцу. И все ей повторяю: приходи на лужок. А она: а чего я там не видела? А я ей: цветы там очень красивые. А она: они и у нас есть. А я ей: там разноцветные

камушки, а она мне: подумаешь, как интересно. Так и уговариваю, пока нас не разгонят. И ничем ее не убедишь! Наконец я придумал. Есть, говорю, у меня котелок с колокольчиками, который прекрасным голосом поет, играет на скрипке, на валторне, на флейте и, кроме того, рассказывает, что у кого готовится на обед. Принеси, говорит она, сюда этот котелок. Нет, говорю, его у меня отберет король. Ну ладно, говорит, приду к тебе на лужайку в будущую среду, ровно в двенадцать. Побежал я к Христиану. У него руки золотые, и сделали мне котелок с колокольчиками… Эх, свинки, свинки, и вы заснули! Конечно, вам надоело… Я только об этом целыми днями и говорю… Ничего не поделаешь — влюблен. Ах, идет! (*Толкает свиней.*) Вставай, Герцогиня, вставай, Графиня, вставай, Баронесса. Христиан! Христиан! Проснись!

Христиан. А? Что?

Генрих. Идет! Вон она! Беленькая, на дорожке. (*Генрих тычет пальцем вправо.*)

Христиан. Чего ты? Чего там? Ах, верно — идет! И не одна, со свитой… Да перестань ты дрожать… Как ты женишься на ней, если ты ее так боишься?

Генрих. Я дрожу не от страха, а от любви.

Христиан. Генрих, опомнись! Разве от любви полагается дрожать и чуть ли не падать на землю! Ты не девушка!

Генрих. Принцесса идет.

Христиан. Раз идет, значит, ты ей нравишься. Вспомни, сколько девушек ты любил — и всегда благополучно. А ведь она хоть и принцесса, а тоже девушка.

Генрих. Главное, беленькая очень. Дай глотну из фляжки. И хорошенькая. И миленькая. Идешь по двору, а она красуется в окне, как цветочек… А я как столб, во дворе, прижавши руки к сердцу…

Христиан. Замолчи! Главное, будь тверд. Раз уж решил жениться — не отступай. Ох, не надеюсь я на тебя. Был ты юноша хитрый, храбрый, а теперь…

Генрих. Не ругай меня, она подходит...

Христиан. И со свитой!

Генрих. Я никого не вижу, кроме нее! Ах ты моя миленькая!

Входят принцесса и придворные дамы. Принцесса подходит к свинопасу. Дамы стоят в стороне.

Принцесса. Здравствуй, свинопас.

Генрих. Здравствуй, принцесса.

Принцесса. А мне сверху, из окна, казалось, что ты меньше ростом.

Генрих. А я больше ростом.

Принцесса. И голос у тебя нежней. Ты со двора всегда очень громко мне кричал.

Генрих. А здесь я не кричу.

Принцесса. Весь дворец знает, что я пошла сюда слушать твой котелок, — так ты кричал! Здравствуй, свинопас! (*Протягивает ему руку.*)

Генрих. Здравствуй, принцесса. (*Берет принцессу за руку.*)

Христиан (*шепчет*). Смелей, смелей, Генрих!

Генрих. Принцесса! Ты такая славненькая, что прямо страшно делается.

Принцесса. Почему?

Генрих. Беленькая такая, добренькая такая, нежная такая.

Принцесса вскрикивает.

Что с тобой?

Принцесса. Вон та свинья злобно смотрит на нас.

Генрих. Которая? А! Та! Пошла отсюда прочь, Баронесса, или я завтра же тебя зарежу.

Третья придворная дама. Ах! (*Падает в обморок.*)

Все придворные дамы ее окружают.

Возмущенные возгласы. Грубиян!

— Нельзя резать баронессу!

— Невежа!

— Это некрасиво — резать баронессу!

— Нахальство!

— Это неприлично — резать баронессу!

Первая придворная дама (*торжественно подходит к принцессе*). Ваше высочество! Запретите этому... этому поросенку оскорблять придворных дам.

Принцесса. Во-первых, он не поросенок, а свинопас, а во-вторых, зачем ты обижаешь мою свиту?

Генрих. Называй меня, пожалуйста, Генрих.

Принцесса. Генрих? Как интересно. А меня зовут Генриетта.

Генрих. Генриетта? Неужели? А меня Генрих.

Принцесса. Видишь, как хорошо. Генрих!

Генрих. Вот ведь! Бывает же... Генриетта.

Первая придворная дама. Осмелюсь напомнить вашему высочеству, что этот... этот ваш собеседник собирается завтра зарезать баронессу.

Принцесса. Ах, да... Скажи, пожалуйста, Генрих, зачем ты собираешься завтра зарезать баронессу?

Генрих. А она уже достаточно разъелась. Она ужасно толстая.

Третья придворная дама. Ах! (*Снова падает в обморок.*)

Генрих. Почему эта дама все время кувыркается?

Первая придворная дама. Эта дама и есть та баронесса, которую вы назвали свиньей и хотите зарезать.

Генрих. Ничего подобного, вот свинья, которую я назвал Баронессой и хочу зарезать.

Первая придворная дама. Вы эту свинью назвали Баронессой?

Генрих. А эту Графиней.

Вторая придворная дама. Ничего подобного! Графиня — это я!

Генрих. А эта свинья — Герцогиня.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Какая дерзость! Герцогиня — это я! Называть свиней высокими титулами! Ваше высочество, обратите внимание на неприличный поступок этого свинопаса.

П р и н ц е с с а. Во-первых, он не свинопас, а Генрих. А во-вторых, свиньи — его подданные, и он вправе их жаловать любыми титулами.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. И вообще он ведет себя неприлично. Он держит вас за руку!

П р и н ц е с с а. Что же тут неприличного! Если бы он держал меня за ногу...

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Умоляю вас, молчите. Вы так невинны, что можете сказать совершенно страшные вещи.

П р и н ц е с с а. А вы не приставайте. А скажи, Генрих, почему у тебя такие твердые руки?

Г е н р и х. Тебе не нравится?

П р и н ц е с с а. Какие глупости! Как это мне может не нравиться! У тебя руки очень милые.

Г е н р и х. Принцесса, я тебе сейчас что-то скажу...

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а (*решительно*). Ваше Высочество! Мы пришли сюда слушать котелок. Если мы не будем слушать котелок, а будем с крайне неприличным вниманием слушать чужого мужчину, я сейчас же...

П р и н ц е с с а. Ну и не слушайте чужого мужчину и отойдите.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Но он и вам чужой!

П р и н ц е с с а. Какие глупости. Я с чужими никогда не разговариваю.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Я даю вам слово, принцесса, что сейчас же позову короля.

П р и н ц е с с а. Отстаньте!

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а (*Кричит, повернувшись к замку*). Коро-оль! Идите сюда скорей. Принцесса ужасно себя ведет!

П р и н ц е с с а. Ах, как они мне надоели. Ну покажи им котелок, Генрих, если им так хочется.

Г е н р и х. Христиан! Иди сюда. Давай котелок.

Х р и с т и а н (*достает из мешка котелок. Тихо.*) Молодец, Генрих. Так ее. Не выпускай ее. Она в тебя по уши влюблена.

Г е н р и х. Ты думаешь?

Х р и с т и а н. Да тут и думать нечего. Теперь, главное, поцелуй ее. Найди случай! Целуй ее, чтобы ей было что вспомнить, когда домой придет. Вот, ваше высочество и вы, благородные дамы, замечательный котелок с колокольчиками. Кто его сделал? Мы. Для чего? Для того чтобы позабавить высокорожденную принцессу и благородных дам. На вид котелок прост — медный, гладкий, затянут сверху ослиной кожей, украшен по краям бубенцами. Но это обманчивая простота. За этими медными боками скрыта самая музыкальная душа в мире. Сыграть сто сорок танцев и спеть одну песенку может этот медный музыкант, позванивая своими серебряными колокольчиками. Вы спросите: почему так много танцев? Потому что он весел, как мы. Вы спросите: почему всего одну песенку? Потому что он верен, как мы. Но это еще не все: эта чудодейственная, веселая и верная машина под ослиной кожей скрывает нос!

П р и д в о р н ы е д а м ы (*хором*). Что?

Х р и с т и а н. Нос. И какой нос, о прекрасная принцесса и благородные дамы! Под грубой ослиной кожей таится, как нежный цветок, самый тонкий, самый чуткий нос в мире. Достаточно направить его с любого расстояния на любую кухню любого дома — и наш великий нос сразу почует, что за обед там готовится. И сразу же совершенно ясно, правда несколько в нос, опишет нам нос этот самый обед. О благородные слушатели! С чего мы начнем? С песенки, с танцев или с обедов?

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Принцесса, с чего вы прикажете начать? Ах! Я заслушалась и не заметила! Принцесса! Принцесса! Принцесса! Я вам говорю.

П р и н ц е с с а (*томно*). Мне? Ах, да, да. Говорите что хотите.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Что вы делаете, принцесса? Вы позволяете обнимать себя за талию. Это неприлично!

П р и н ц е с с а. Что же тут неприличного? Если бы он обнимал меня за...

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Умоляю вас, молчите. Вы так наивны, что можете сказать совершенно страшные вещи!

П р и н ц е с с а. А вы не приставайте. Идите слушайте котелок!

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Но мы не знаем, с чего начать: с песенки, с танцев или с обедов?

П р и н ц е с с а. Как ты думаешь, Генрих?

Г е н р и х. Ах ты моя миленькая...

П р и н ц е с с а. Он говорит, что ему все равно.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Но я спрашиваю вас, принцесса.

П р и н ц е с с а. Я же вам ответила, что нам все равно. Ну начинайте с обедов.

П р и д в о р н ы е д а м ы (*хлопая в ладоши*). С обедов, с обедов, с обедов!

Х р и с т и а н. Слушаю-с, благородные дамы. Мы ставим котелок на левый бок и тем самым приводим в действие нос. Слышите, как он сопит?

Слышно громкое сопение.

Это он принюхивается.

Слышно оглушительное чихание.

Он чихнул, — следовательно, он сейчас заговорит. Внимание.

Н о с (*гнусаво*). Я в кухне герцогини.

П р и д в о р н ы е д а м ы (*хлопая в ладоши*). Ах как интересно!

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Но...

П р и д в о р н ы е д а м ы. Не мешайте!

Н о с. У герцогини на плите ничего не варится, а только разогревается.

П р и д в о р н ы е д а м ы. Почему?

Н о с. Она вчера за королевским ужином напихала себе в рукава девять бутербродов с икрой, двенадцать с колбасой, пять отбивных котлет, одного кролика, шашлык по-царски, курицу под белым соусом, пирожков разных восемнадцать штук, соус тартар с каперсами и оливками, беф-филе годар, соус из фюмэ, натуральный пломбир с цукатами, парфе кофейное и корочку хлебца.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Ты врешь, нахальный нос!

Н о с. Не для чего мне врать. Я точный прибор.

П р и д в о р н ы е д а м ы. Браво, браво, как интересно, еще, еще!

Н о с. Я в кухне у графини.

В т о р а я п р и д в о р н а я д а м а. Но...

П р и д в о р н ы е д а м ы. Не мешайте.

Н о с. Плита у графини такая холодная, чхи, что я боюсь схватить насморк! Чхи!

П р и д в о р н ы е д а м ы. Но почему?

Н о с. Плита у графини целый месяц не топилась.

П р и д в о р н ы е д а м ы. Но почему?

Н о с. Она целый месяц обедает в гостях. Она экономная.

В т о р а я п р и д в о р н а я д а м а. Врешь, бесстыдный нос!

Н о с. Чего мне врать? Машина не врет. Я у баронессы. Здесь тепло. Печь горит вовсю. У баронессы прекрасный повар. Он готовит обед для гостей. Он делает из конины куриные котлеты. Сейчас я иду к маркизе, потом к генеральше, потом к президентше...

П р и д в о р н ы е д а м ы (*кричат хором*). Довольно, довольно, ты устал.

Н о с. Я не устал.

Придворные дамы. Нет, устал, устал, довольно, довольно!

Христиан (*поворачивает котелок*). Я надеюсь, что вы в восторге, благородные дамы?

Придворные дамы молчат.

Если нет — пущу нос опять в путешествие.

Придворные дамы. Мы довольны, довольны, спасибо, браво, не надо!

Христиан. Я вижу, вы действительно довольны и веселы. А раз вы довольны и веселы, то вам только и остается что танцевать. Сейчас вы услышите один из ста сорока танцев, запрятанных в этом котелке.

Первая придворная дама. Я надеюсь — это танец без... без... слов?

Христиан. О да, герцогиня, это совершенно безобидный танец. Итак, я кладу котелок на правый бок и — вы слышите?

Позванивая бубенчиками, котелок начинает играть. Генрих танцует с принцессой. Христиан с герцогиней, графиня с баронессой. Прочие придворные дамы водят вокруг хоровод. Танец кончается.

Придворные дамы. Еще, еще, какой хороший танец!

Христиан. Ну, Генрих, действуй! Вот тебе предлог.

Принцесса. Да, пожалуйста, Генрих, заведи еще раз котелок! Я сама не знала, что так люблю танцевать.

Христиан. Ваше высочество, у этого котелка есть одно ужасное свойство.

Принцесса. Какое?

Христиан. Несмотря на свою музыкальную душу, он ничего не делает даром. Первый раз он играл в благодарность за то, что вы пришли из королевского дворца на нашу скромную лужайку. Если вы хотите, чтобы он играл еще...

Принцесса. Я должна еще раз прийти. Но как это сделать? Ведь для этого надо уйти, а мне так не хочется!

Генрих. Нет, нет, не уходи, куда там, еще рано, ты только что пришла!

Принцесса. Но он иначе не заиграет, а мне так хочется еще потанцевать с тобой. Что нужно сделать? Скажи! Я согласна.

Генрих. Нужно… чтобы ты… (*скороговоркой*) десять раз меня поцеловала.

Придворные дамы. Ах!

Принцесса. Десять?

Генрих. Потому что я очень влюблен в тебя. Зачем ты так странно смотришь? Ну не десять, ну пять.

Принцесса. Пять? Нет!

Генрих. Если бы ты знала, как я обрадуюсь, ты бы не спорила… Ну поцелуй меня хоть три раза…

Принцесса. Три? Нет! Я не согласна.

Первая придворная дама. Вы поступаете совершенно справедливо, ваше высочество.

Принцесса. Десять, пять, три. Кому ты это предлагаешь? Ты забываешь, что я — королевская дочь! Восемьдесят, вот что!

Придворныедамы. Ах!

Генрих. Что восемьдесят?

Принцесса. Поцелуй меня восемьдесят раз! Я принцесса!

Придворные дамы. Ах!

Первая придворная дама. Ваше высочество, что вы делаете! Он вас собирается целовать в губы! Это неприлично!

Принцесса. Что же тут неприличного? Ведь в губы, а не…

Первая придворная дама. Умоляю вас, молчите! Вы так невинны, что можете сказать совершенно страшные вещи.

Принцесса. А вы не приставайте!

Генрих. Скорей! Скорей!

Принцесса. Пожалуйста, Генрих, я готова.

Первая придворная дама. Умоляю вас, принцесса, не делать этого. Уж если вам так хочется потанцевать, пусть он меня поцелует хоть сто раз...

Принцесса. Вас? Вот это будет действительно неприлично! Вас он не просил. Вы сами предлагаете мужчине, чтобы он вас целовал.

Первая придворная дама. Но ведь вы тоже...

Принцесса. Ничего подобного, меня он принудил! Я вас понимаю — сто раз. Конечно, он такой милый, кудрявый, у него такой приятный ротик... Она отчасти права, Генрих, ты меня поцелуешь сто раз. И пожалуйста, не спорьте, герцогиня, иначе я прикажу вас заточить в подземелье.

Первая придворная дама. Но король может увидеть вас из окон дворца!

Принцесса. Станьте вокруг! Слышите! Станьте вокруг! Заслоняйте нас своими платьями. Скорей! Как это можно — мешать людям, которые собрались целоваться! Иди сюда, Генрих!

Первая придворная дама. Но кто будет считать, ваше высочество?

Принцесса. Это неважно! Если мы собьемся, то начнем сначала.

Первая придворная дама. Считайте, мадам.

Генрих и принцесса целуются.

Придворные дамы. Раз.

Поцелуй продолжается.

Первая придворная дама. Но, ваше высочество, для первого раза, пожалуй, уже достаточно!

Поцелуй продолжается.

Но ведь так мы не успеем кончить и до завтрашнего дня.

Поцелуй продолжается.

Х р и с т и а н. Не тревожьте его, мадам, он все равно ничего не слышит, я его знаю.

П е р в а я п р и д в о р н а я д а м а. Но ведь это ужасно!

Из кустов выскакивает к о р о л ь. Он в короне и в горностаевой мантии.

Король!

К о р о л ь. У кого есть спички, дайте мне спички!

Общее смятение, Генрих и принцесса стоят потупившись.

П р и д в о р н ы е д а м ы. Ваше величество!

К о р о л ь. Молчать! У кого есть спички?

Х р и с т и а н. Ваше величество…

К о р о л ь. Молчать! У вас есть спички?

Х р и с т и а н. Да, ваше ве…

К о р о л ь. Молчать! Давайте их сюда.

Х р и с т и а н. Но зачем, ваше величество?

К о р о л ь. Молчать!

Х р и с т и а н. Не скажете — не дам спичек, ваше…

К о р о л ь. Молчать! Спички мне нужны, чтобы зажечь костер, на котором я сожгу придворных дам. Я уже собрал в кустах хворосту.

Х р и с т и а н. Пожалуйста, ваше величество, вот спички.

Придворные дамы падают в обморок.

К о р о л ь. Какой ужас! Моя дочь целуется со свинопасом! Зачем ты это сделала?

П р и н ц е с с а. Так мне захотелось.

К о р о л ь. Захотелось целоваться?

П р и н ц е с с а. Да.

К о р о л ь. Пожалуйста! Завтра же я отдам тебя замуж за соседнего короля.

П р и н ц е с с а. Ни за что!

К о р о л ь. А кто тебя спрашивает!

П р и н ц е с с а. Я ему выщиплю всю бороду!

К о р о л ь. Он бритый.

П р и н ц е с с а. Я ему выдеру все волосы!

К о р о л ь. Он лысый.

П р и н ц е с с а. Тогда я ему выбью зубы!

К о р о л ь. У него нет зубов. У него искусственные зубы.

П р и н ц е с с а. И вот за эту беззубую развалину ты отдаешь меня замуж!

К о р о л ь. Не с зубами жить, а с человеком. Эх вы, дамы! (*Оглушительно.*) Встать!

Дамы встают.

Хорошо! Очень хорошо! Только потому что я задержался, не мог сразу найти английских булавок, чтобы подколоть мантию, вы тут устроили оргию! Нет, вас мало только сжечь на костре! Я вас сначала сожгу и потом отрублю вам головы, а потом повешу вас всех на большой дороге.

Дамы плачут.

Не реветь! Нет, этого мало! Я придумал: я вас не сожгу и не повешу. Я вас оставлю в живых и буду вас всю жизнь ругать, ругать, пилить, пилить. Ага! Съели!

Дамы плачут.

А кроме того, я лишу вас жалованья!

Дамы падают в обморок.

Встать! А тебя, свинопас, и твоего друга я вышлю из пределов страны. Ты не слишком виноват. Принцесса действительно такая чудненькая, что не влюбиться трудно. Где котелок? Котелок я заберу себе. (*Хватает котелок.*)

К о т е л о к (*начинает петь*).

Я хожу-брожу по свету,
Полон я огня.
Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.

Шире степи, выше леса
Я тебя люблю,
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.
Завоюем счастье с бою
И пойдем домой.
Ты да я, да мы с тобою,
Друг мой дорогой.
Весел я брожу по свету,
Полон я огня,
Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.

Король. Это котелок поет?

Генрих. Да, ваше величество.

Король. Поет он хорошо, но слова возмутительные. Он утверждает, что ты все равно женишься на принцессе?

Генрих. Да, я все равно женюсь на принцессе, ваше величество.

Принцесса. Правильно, правильно!

Король (*придворным дамам*). Уведите ее.

Принцесса. До свиданья, Генрих. Я тебя люблю.

Генрих. Не беспокойся, принцесса, я на тебе женюсь.

Принцесса. Да, пожалуйста, Генрих, будь так добр. До свиданья, до свиданья!

Ее уводят.

Генрих. До свиданья, до свиданья!

Король. Генрих!

Генрих. До свиданья, до свиданья!

Король. Эй, ты, слушай!

Генрих. До свиданья, до свиданья!

Король. Я тебе говорю. (*Поворачивает его лицом к себе.*) Твой котелок поет только одну песню?

Г е н р и х. Да, только одну.

К о р о л ь. А такой песни у него нету? (*Поет дребезжащим голосом.*) Ничего у тебя не выйдет, пошел вон.

Г е н р и х. Такой песни у него нет и не может быть.

К о р о л ь. Ты меня не серди. Ты видел, как я бываю грозен?

Г е н р и х. Видел.

К о р о л ь. Дрожал?

Г е н р и х. Нет.

К о р о л ь. Ну то-то!

Г е н р и х. Прощай, король.

К о р о л ь. Куда ты?

Г е н р и х. Пойду к соседнему королю. Он дурак, и я его так обойду, что лучше и не надо. Смелей меня нет человека. Я поцеловал твою дочь и теперь ничего не боюсь! Прощай!

К о р о л ь. Погоди. Надо же мне пересчитать свиней. Раз, два, три, пятнадцать, двадцать... Так. Все. Ступай!

Г е н р и х. Прощай, король. Идем, Христиан.

Уходят с пением.

Шире степи, выше леса
Я тебя люблю.
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.

К о р о л ь. Чувствую я — заварится каша. Ну да я тоже не дурак. Я выпишу дочке иностранную гувернантку, злобную, как собака. С ней она и поедет. И камергера с ней пошлю. А придворных дам не пошлю. Оставлю себе. Ишь ты, шагают, поют! Шагайте, шагайте, ничего у вас не выйдет!

Занавес

Перед занавесом появляется министр нежных чувств.

Министр нежных чувств. Я министр нежных чувств его величества короля. У меня теперь ужасно много работы — мой король женится на соседней принцессе. Я выехал сюда, чтобы, во-первых, устроить встречу принцессы с необходимой торжественностью. А во-вторых и в-третьих, чтобы решить две деликатные задачи. Дело в том, что моему всемилостивейшему повелителю пришла в голову ужасная мысль. Жандармы!

Входят два бородатых жандарма.

Жандармы (*хором*). Что угодно вашему превосходительству?

Министр. Следите, чтобы меня не подслушали. Я сейчас буду говорить о секретных делах государственной важности.

Жандармы (*хором*). Слушаю-с, ваше превосходительство!

Расходятся в разные стороны. Становятся у порталов.

Министр (*понизив голос*). Итак, моему повелителю в прошлый вторник за завтраком пришла в голову ужасная мысль. Он как раз ел колбасу — и вдруг замер с куском пищи в зубах. Мы кинулись к нему, восклицая: «Ваше величество! Чего это вы!» Но он только стонал глухо, не разнимая зубов: «Какая ужасная мысль! Ужас! Ужас!» Придворный врач привел короля в чувство, и мы узнали, что именно их величество имело честь взволновать. Мысль действительно ужасная. Жандармы!

Жандармы (*хором*). Что угодно вашему превосходительству?

Министр. Заткните уши.

Жандармы (*хором*). Слушаю-с, ваше превосходительство! (*Затыкают уши.*)

Министр. Король подумал: а вдруг мамаша их высочества, мамаша нареченной невесты короля, была в свое время (*шепотом*) шалунья! Вдруг принцесса не

дочь короля, а девица неизвестного происхождения? Вот первая задача, которую я должен разрешить. Вторая такова. Его величество купался, был весел, изволил хихикать и говорил игривые слова. И вдруг король, восклицая: «Вторая ужасная мысль!», на мелком месте пошел ко дну. Оказывается, король подумал: а вдруг принцесса до сговора (*шепотом*) тоже была шалунья, имела свои похождения, и... ну, словом, вы понимаете! Мы спасли короля, и он тут же в море отдал мне необходимые распоряжения. Я приехал сюда узнать всю правду о происхождении и поведении принцессы и — клянусь своей рыцарской честью — я узнаю о ее высочестве всю подноготную. Жандармы! Жандармы! Да что вы, оглохли? Жандармы! Ах да! Ведь я приказал им заткнуть уши. Какова дисциплина! Король разослал по всем деревням на пути принцессы лучших жандармов королевства. Они учат население восторженным встречам. Отборные молодцы. (*Подходит к жандармам, опускает им руки.*) Жандармы!

Ж а н д а р м ы. Что угодно вашему превосходительству?

М и н и с т р. Подите взгляните, не едет ли принцесса.

Ж а н д а р м ы. Слушаю-с, ваше превосходительство! (*Уходят.*)

М и н и с т р. Трудные у меня задачи. Не правда ли? Но я знаю совершенно точно, как их решить. Мне помогут одна маленькая горошина и двенадцать бутылок отборного вина. Я очень ловкий человек.

Входят ж а н д а р м ы.

Ну?

Ж а н д а р м ы. Ваше превосходительство. Далеко-далеко, там, где небо как бы сливается с землей, вьется над холмом высокий столб пыли. В нем то алебарда сверкнет, то покажется конская голова, то мелькнет золотой герб. Это принцесса едет к нам, ваше превосходительство.

М и н и с т р. Пойдем посмотрим, все ли готово к встрече.

Уходят.

Пологие холмы покрыты виноградниками. На переднем плане — гостиница. Двухэтажный домик. Столы стоят во дворе гостиницы. Мэр деревушки мечется по двору вместе с девушками и парнями. Крики: «Едет! едет!» Входит м и н и с т р н е ж н ы х ч у в с т в.

М и н и с т р. Мэр! Перестаньте суетиться. Подите сюда.

М э р. Я? Да. Вот он. Что? Нет!

М и н и с т р. Приготовьте двенадцать бутылок самого крепкого вина.

М э р. Что? Бутылок? Зачем?

М и н и с т р. Нужно.

М э р. Ага... Понял... Для встречи принцессы?

М и н и с т р. Да.

М э р. Она пьяница?

М и н и с т р. Вы с ума сошли! Бутылки нужны для ужина, который вы подадите спутникам принцессы.

М э р. Ах, спутникам. Это приятнее... Да-да... Нет-нет.

М и н и с т р (*хохочет. В сторону.*) Как глуп! Я очень люблю глупых людей, они такие потешные. (*Мэру.*) Приготовьте бутылки, приготовьте поросят, приготовьте медвежьи окорока.

М э р. Ах так. Нет... То есть да. Эй вы, возьмите ключи от погреба! Дайте сюда ключи от чердака! (*Бежит.*)

М и н и с т р. Музыканты!

Д и р и ж е р. Здесь, ваше превосходительство!

М и н и с т р. У вас все в порядке?

Д и р и ж е р. Первая скрипка, ваше превосходительство, наелась винограду и легла на солнышке. Виноградный сок, ваше превосходительство, стал бродить в животике первой скрипки и превратился в вино. Мы их будим, будим, а они брыкаются и спят.

М и н и с т р. Безобразие! Что же делать?

Д и р и ж е р. Все устроено, ваше превосходительство. На первой скрипке будет играть вторая, а на второй контрабас. Мы привязали скрипку к жерди, контрабас поставит ее как контрабас, и все будет более чем прекрасно.

М и н и с т р. А кто будет играть на контрабасе?

Д и р и ж е р. Ах, какой ужас! Об этом я и не подумал!

М и н и с т р. Поставьте контрабас в середину. Пусть его хватают и пилят на нем все, у кого окажутся свободными руки.

Д и р и ж е р. Слушаю, ваше превосходительство. (*Убегает.*)

М и н и с т р. Ах какой я умный, какой ловкий, какой находчивый человек!

Входят два ж а н д а р м а.

Ж а н д а р м ы. Ваше превосходительство, карета принцессы въехала в деревню.

М и н и с т р. Внимание! Оркестр! Мэр! Девушки! Народ! Жандармы! Следите, чтобы парни бросали шапки повыше!

За забором показывается верхушка кареты с чемоданами. Министр бросается в ворота к карете. Оркестр играет. Жандармы кричат «ура». Шапки летят вверх. Входят п р и н ц е с с а, к а м е р г е р, г у в е р н а н т к а.

Ваше высочество... Волнение, которое вызвал ваш приезд в этой скромной деревушке, ничтожно по сравнению с тем, что делается в сердце моего влюбленного повелителя. Но тем не менее...

П р и н ц е с с а. Довольно... Камергер! Где мои носовые платки?

К а м е р г е р. Эх! Ух! Охо-хо! Сейчас, ваше высочество, я возьму себя в руки и спрошу у гувернантки. М-м-ы. (*Рычит. Успокаивается.*) Госпожа гувернантка, где платки нашей принцессы лежать себя имеют быть?

Г у в е р н а н т к а. Платки имеют быть лежать себя в чемодане, готентотенпотентатертантеатентер.

К а м е р г е р. Одер. (*Рычит.*) Платки в чемодане, принцесса.

П р и н ц е с с а. Достаньте. Вы видите, что мне хочется плакать. Достаньте платки. И принесите.

Несут чемоданы.

И прикажите приготовить мне постель. Скоро стемнеет. (*В сторону.*) А я ужасно устала. Пыль, жара, ухабы! Скорее, скорее спать! Я во сне увижу моего дорогого Генриха. Мне так надоели эти совершенно чужие обезьяны. (*Уходит в гостиницу.*)

Камергер роется в чемодане.

М и н и с т р. Неужели принцесса не будет ужинать?

К а м е р г е р (*рычит*). Эх, ух, охо-хо! Нет! Она вот уже три недели ничего не ест. Она так взволнована предстоящим браком.

Г у в е р н а н т к а (*набрасывается на министра нежных чувств*). Выньте свои руки карманов из! Это неприлично есть иметь суть! Ентведер!

М и н и с т р. Чего хочет от меня эта госпожа?

К а м е р г е р (*рычит*). О-о-о-у! (*Успокаивается. Гувернантке.*) Возьмите себя в свои руки, анкор. Это не есть ваш воспитанник не. (*Министру.*) Простите, вы не говорите на иностранных языках?

М и н и с т р. Нет. С тех пор как его величество объявил, что наша нация есть высшая в мире, нам приказано начисто забыть иностранные языки.

К а м е р г е р. Эта госпожа — иностранная гувернантка, самая злая в мире. Ей всю жизнь приходилось воспитывать плохих детей, и она очень от этого ожесточилась. Она набрасывается теперь на всех встречных и воспитывает их.

Г у в е р н а н т к а (*набрасывается на камергера*). Не чешите себя. Не!

К а м е р г е р. Видите? Уоу! Она запрещает мне чесаться, хотя я вовсе не чешусь, а только поправляю манжеты. (*Рычит.*)

М и н и с т р. Что с вами, господин камергер, вы простужены?

К а м е р г е р. Нет. Просто я уже неделю не был на охоте. Я переполнен кровожадными мыслями. У-лю-лю! Король знает, что я без охоты делаюсь зверем, и вот он послал меня сопровождать принцессу. Простите, господин министр, я должен взглянуть, что делает принцесса. (*Ревет.*) Ату его! (*Успокаивается.*) Госпожа гувернантка, направьте свои ноги на. Принцесса давно надзора без находит себя.

Г у в е р н а н т к а. Хотим мы идти. (*Идет. На ходу министру.*) Дышать надо нос через! Плохой мальчишка ты есть, ани, бани, три конторы!

Уходит с к а м е р г е р о м.

М и н и с т р. Чрезвычайно подозрительно! Зачем король-отец послал таких свирепых людей сопровождать принцессу? Это неспроста. Но я все узнаю! Все! Двенадцать бутылок крепкого вина заставят эту свирепую стражу разболтать все. Все! Ах как я умен, ловок, находчив, сообразителен! Не пройдет и двух часов, как прошлое принцессы будет у меня вот тут, на ладони.

Идут двенадцать девушек с перинами. У каждой девушки по две перины.

Ага! Сейчас мы займемся горошиной. (*Первой девушке.*) Дорогая красавица, на два слова.

Девушка его толкает в бок. Министр отскакивает. Подходит ко второй.

Дорогая красотка, на два слова.

С этой девушкой происходит то же самое. Все двенадцать девушек отталкивают министра и скрываются в гостиницу.

(*Потирая бока.*) Какие грубые, какие неделикатные девушки. Как же быть с горошиной, черт побери! Жандармы!

Жандармы подходят к министру.

Жандармы. Что угодно вашему превосходительству?

Министр. Мэра.

Жандармы. Слушаю-с, ваше превосходительство!

Министр. Придется посвятить в дело этого дурака. Больше некого.

Жандармы приводят мэра.

Жандармы, станьте около и следите, чтобы нас не подслушали. Я буду говорить с мэром о секретных делах государственной важности.

Жандармы. Слушаю-с, ваше превосходительство! (*Становятся возле мэра и министра.*)

Министр. Мэр. Ваши девушки...

Мэр. Ага, понимаю. Да. И вас тоже?

Министр. Что?

Мэр. Девушки наши... Вы бок потираете. Ага. Да.

Министр. Что вы болтаете?

Мэр. Вы приставали к девушкам, они вас толкали. Да. Знаю по себе. Сам холостой.

Министр. Постойте!

Мэр. Нет. Любят они, да-да. Только молодых. Смешные девушки. Я их люблю... Ну-ну... А они нет. Меня нет... Вас тоже. Не могу помочь.

Министр. Довольно! Я не за этим вас звал. Ваши девушки не поняли меня. Я им хотел поручить секретное дело государственной важности. Придется это дело выполнить вам.

Мэр. Ага. Ну-ну. Да-да.

Министр. Вам придется забраться в спальню принцессы.

Мэр (*хохочет*). Ах ты... Вот ведь... Приятно... Но нет.. Я честный.

Министр. Вы меня не поняли. Вам придется войти туда на секунду, после того как девушки постелят перины для ее высочества. И под все двадцать четыре перины

на доски кровати положить эту маленькую горошину. Вот и все.

М э р. Зачем?

М и н и с т р. Не ваше дело! Берите горошину и ступайте!

М э р. Не пойду. Да… Ни за что.

М и н и с т р. Почему?

М э р. Это дело неладное. Я честный. Да-да. Нет-нет. Вот возьму сейчас заболею — и вы меня не заставите! Нет-нет! Да-да!

М и н и с т р. Ах, черт, какой дурак! Ну хорошо, я вам все скажу. Но помните, что это секретное дело государственной важности. Король приказал узнать мне, действительно ли принцесса благородного происхождения. Вдруг она не дочь короля!

М э р. Дочь. Она очень похожа на отца. Да-да.

М и н и с т р. Это ничего не значит. Вы не можете себе представить, как хитры женщины. Точный ответ нам может дать только эта горошина. Люди действительно королевского происхождения отличаются необычайно чувствительной и нежной кожей. Принцесса, если она настоящая принцесса, почувствует эту горошину через все двадцать четыре перины. Она не будет спать всю ночь и завтра пожалуется мне на это. А будет спать, значит, дело плохо. Поняли? Ступайте!

М э р. Ага… (*Берет горошину.*) Ну-ну… Мне самому интересно… Так похожа на отца — и вдруг… Правда, у отца борода.. Но ротик… Носик…

М и н и с т р. Ступайте!

М э р. Глазки.

М и н и с т р. Идите, вам говорят!

М э р. Лобик...

М и н и с т р. Да не теряйте времени, вы, болван!

М э р. Иду, иду! И фигура у нее, в обшем, очень похожа на отца. Ай, ай, ай! (*Уходит.*)

М и н и с т р. Слава богу!

М э р (*возвращается*). И щечки.

М и н и с т р. Я вас зарежу!

М э р. Иду, иду. (*Уходит.*)

М и н и с т р. Ну-с, вопрос о происхождении я выясню! Теперь остается только позвать камергера и гувернантку, подпоить их и выведать всю подноготную о поведении принцессы.

С визгом пробегают д е в у ш к и, которые относили перины. За ними, потирая бок, выходит к а м е р г е р.

Господин камергер, я вижу по движениям ваших рук, что вы пробовали беседовать с этими девушками.

К а м е р г е р. Поохотился немного... (*Рычит.*) Брыкаются и бодаются, как дикие козы. Дуры!

М и н и с т р. Господин камергер, когда вас огорчает женщина, то утешает вино.

К а м е р г е р. Ничего подобного. Я, как выпью, сейчас же начинаю тосковать по женщинам.

М и н и с т р. Э, все равно! Выпьем, камергер! Скоро свадьба! Здесь прекрасное вино, веселящее вино. Посидим ночку! А?

К а м е р г е р (*рычит*). Ох как хочется посидеть! У-лю-лю! Но нет, не могу! Я дал клятву королю: как только принцесса ляжет спать — сейчас же ложиться у ее двери и сторожить ее не смыкая глаз. Я у дверей, гувернантка у кровати — так и сторожим целую ночь. Отсыпаемся в карете. Ату его!

М и н и с т р (*в сторону*). Очень подозрительно! Надо его во что бы то ни стало подпоить. Господин камергер...

Визг и крик наверху, грохот на лестнице. Врывается м э р, за ним разъяренная гувернантка.

М э р. Ой, спасите, съест! Ой, спасите, убьет!

К а м е р г е р. Что случилось ентведер-одер, абер?

Г у в е р н а н т к а. Этот старый хурда-мурда в спальню принцессы войти имел суть! А я ему имею откусить башку, готентотенпотентатертантеатенантетер!

К а м е р г е р. Этот наглец залез в спальню принцессы. Ату его!

М и н и с т р. Стойте. Сейчас я все вам объясню. Подите сюда, мэр! (*Тихо*.) Положили горошину?

М э р. Ох, положил... Да... Она щиплется.

М и н и с т р. Кто?

М э р. Гувернантка. Я горошину положил... Вот... Смотрю на принцессу... Удивляюсь, как похожа на отца... Носик, ротик... Вдруг... как прыгнет... Она... Гувернантка.

М и н и с т р. Ступайте. (*Камергеру*.) Я все выяснил. Мэр хотел только узнать, не может ли он еще чем-нибудь помочь принцессе. Мэр предлагает загладить свой поступок двенадцатью бутылками крепкого вина.

К а м е р г е р. У-лю-лю!

М и н и с т р. Слушайте, камергер! Бросьте, ей-богу, а? Чего там! Границу вы уже переехали! Король-отец ничего не узнает. Давайте покутим! И гувернантку позовем. Вот здесь на столике, честное слово, ей-богу, клянусь честью! А наверх я пошлю двух этих молодцов жандармов. Самые верные, самые отборные во всем королевстве собаки. Никого они не пропустят ни к принцессе, ни обратно. А, камергер? У-лю-лю?

К а м е р г е р (*гувернантке*). Предлагают на столиках шнапс тринкен. Наверх двух жандармов они послать имеют. Жандармы вроде собак гумти-думти доберман-боберман. Злее нас. Уна дуна рее?

Г у в е р н а н т к а. Лестница тут один?

К а м е р г е р. Один.

Г у в е р н а н т к а. Квинтер, баба, жес.

К а м е р г е р (*министру*). Ну ладно, выпьем! Посылайте жандармов.

М и н и с т р. Жандармы! Отправляйтесь наверх, станьте у двери принцессы и сторожите. Рысью!

Ж а н д а р м ы. Слушаю-с, ваше превосходительство! (*Убегают наверх*.)

М и н и с т р. Мэр! Неси вино, медвежьи окорока, колбасы. (*Хохочет. В сторону.*) Сейчас! Сейчас выведаю всю подноготную! Какой я умный! Какой я ловкий! Какой я молодец!

Свет внизу гаснет. Открывается второй этаж. Комната принцессы. П р и н ц е с с а в ночном чепчике лежит высоко на двадцати четырех перинах.

П р и н ц е с с а (*напевает*).

Шире степи, выше леса
Я тебя люблю.
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.

Ну что это такое? Каждый вечер я так хорошо засыпала под эту песенку. Спою — и сразу мне делается спокойно. Сразу я верю, что Генрих действительно не уступит меня этому старому и толстому королю. И приходит сон. И во сне Генрих. А сегодня ничего не получается. Что-то так и впивается в тело через все двадцать четыре перины и не дает спать. Или в пух попало перо, или в досках кровати есть сучок. Наверное, я вся в синяках. Ах, какая я несчастная принцесса! Смотрела я в окно, там девушки гуляют со своими знакомыми, а я лежу и пропадаю напрасно! Я сегодня написала на записочке, что спросить у Генриха, когда я его увижу во сне. А то я все время забываю. Вот записочка... Во-первых, любил ли он других девушек, пока не встретился со мной? Во-вторых, когда он заметил, что в меня влюбился? В-третьих, когда он заметил, что я в него влюбилась? Я всю дорогу об этом думала. Ведь мы только один раз успели поцеловаться — и нас разлучили! И поговорить не пришлось. Приходится во сне разговаривать. А сон не идет. Что-то так и перекатывается под перинами. Ужасно я несчастная! Попробую еще раз спеть. (*Поет.*)

Весел я брожу по свету,
Полон я огня.

Два мужских голоса подхватывают:

Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.

П р и н ц е с с а. Что это? Может быть, я уже вижу сон?

Дуэт.

Шире степи, выше леса
Я тебя люблю.
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.

П р и н ц е с с а. Ах, как интересно! И непонятно, и страшно, и приятно.

Дуэт.

Завоюем счастье с бою
И пойдем домой,
Ты да я, да мы с тобою,
Друг мой дорогой.

П р и н ц е с с а. Я сейчас слезу и выгляну. Завернусь в одеяло и взгляну. (*Слезает с перин.*)

Дуэт.

Весел я брожу по свету,
Полон я огня,
Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.

П р и н ц е с с а. Где мои туфли? Вот они! Неужели за дверью...

Распахивает дверь. Там два жандарма.

Кто вы?

Ж а н д а р м ы. Мы жандармы его величества короля.

П р и н ц е с с а. Что вы здесь делаете?

Ж а н д а р м ы. Мы сторожим ваше высочество.

П р и н ц е с с а. А кто это пел?

Ж а н д а р м ы. Это пел человек, который поклялся во что бы то ни стало жениться на вашей милости. Он полюбил вас навеки за то, что вы такая миленькая, такая добрая, такая нежная. Он не хнычет, не плачет, не тратит времени по-пустому. Он вьется вокруг, чтобы спасти вас от проклятого жениха. Он пел, чтобы напомнить вам о себе, а друг его подпевал ему.

П р и н ц е с с а. Но где же он?

Жандармы молча, большими шагами входят в комнату принцессы.

Почему вы не отвечаете? Где Генрих? Что вы так печально смотрите? Может быть, вы пришли меня зарезать?

Ж а н д а р м ы. Дерните нас за бороды.

П р и н ц е с с а. За бороды?

Ж а н д а р м ы. Да.

П р и н ц е с с а. Зачем?

Ж а н д а р м ы. Не бойтесь, дергайте!

П р и н ц е с с а. Но я с вами незнакома!

Ж а н д а р м ы. Генрих просит дернуть нас за бороды.

П р и н ц е с с а. Ну хорошо! (*Дергает.*)

Ж а н д а р м ы. Сильней!

Принцесса дергает изо всей силы. Бороды и усы жандармов остаются у нее в руках. Перед нею Генрих и Христиан.

П р и н ц е с с а. Генрих. (*Бросается к нему, останавливается.*) Но я не одета...

Х р и с т и а н. Ничего, принцесса, ведь скоро вы будете его женой.

П р и н ц е с с а. Я не потому, что это неприлично, а я не знаю, хорошенькая я или нет!

Г е н р и х. Генриетта! Я скорее умру, чем тебя оставлю, такая ты славная. Ты не бойся — мы все время едем за тобой следом. Вчера напоили жандармов, связали, спрятали, приехали. Запомни: только об одном мы и думаем, только одна у нас цель и есть — освободить тебя и увезти с собой. Один раз не удастся — мы второй раз попробуем. Второй не удастся — мы третий. Сразу ничего не

дается. Чтобы удалось, надо пробовать и сегодня, и завтра, и послезавтра. Ты готова?

П р и н ц е с с а. Да. А скажи, пожалуйста, Генрих, ты любил других девушек до меня?

Г е н р и х. Я их всех ненавидел!

Х р и с т и а н. Бедная принцесса — как она похудела!

П р и н ц е с с а. А скажи, пожалуйста, Генрих...

Х р и с т и а н. Потом, бедная принцесса, вы поговорите потом. А сейчас слушайте нас.

Г е н р и х. Мы попробуем бежать с тобой сегодня.

П р и н ц е с с а. Спасибо, Генрих.

Г е н р и х. Но это может нам не удастся.

П р и н ц е с с а. Сразу ничего не дается, милый Генрих.

Г е н р и х. Возьми эту бумагу.

П р и н ц е с с а (*берет*). Это ты писал? (*Целует бумагу. Читает.*) Иди ты к чертовой бабушке. (*Целует бумагу.*) Заткнись, дырявый мешок (*Целует.*) Что это, Генрих?

Г е н р и х. Это, если бегство не удастся, ты должна выучить и говорить своему жениху-королю. Сама ты плохо умеешь ругаться. Выучи и ругай его как следует.

П р и н ц е с с а. С удовольствием, Генрих. (*Читает.*) Вались ты к черту на рога. Очень хорошо! (*Целует бумагу.*)

Г е н р и х. Под твоими перинами лежит горошина. Это она не давала тебе спать. Скажи завтра, что ты прекрасно спала эту ночь. Тогда король откажется от тебя. Понимаешь?

П р и н ц е с с а. Ничего не понимаю, но скажу. Какой ты умный, Генрих!

Г е н р и х. Если он не откажется от тебя, все равно не падай духом. Мы будем около.

П р и н ц е с с а. Хорошо, Генрих. Я буду спать хорошо и на горошине, если это нужно. Сколько у тебя дома перин?

Г е н р и х. Одна.

П р и н ц е с с а. Я приучусь спать на одной перине. А где же ты будешь спать, бедненький? Впрочем, мы...

Х р и с т и а н. Умоляю вас, молчите, принцесса! Вы так невинны, что можете сказать совершенно страшные вещи!

Г е н р и х. Одевайся, принцесса, и идем. Они там внизу, совсем пьяны. Мы убежим.

Х р и с т и а н. А не убежим — горошина поможет.

Г е н р и х. А не поможет — мы будем около и все равно, хоть из-под венца, а вытащим тебя. Идем, моя бедная!

П р и н ц е с с а. Вот что, миленькие мои друзья. Вы не рассердитесь, если я вас попрошу что-то?

Г е н р и х. Конечно, проси! Я все сделаю для тебя.

П р и н ц е с с а. Ну тогда, хоть это и очень задержит нас, но будь так добр — поцелуй меня.

Генрих целует принцессу. Свет наверху гаснет. Освещается двор гостиницы. За столом министр нежных чувств, гувернантка, камергер. Все пьяны, но министр больше всех.

М и н и с т р. Я ловкий, слышишь, камергер? Я до того умный! Король велел: узнай потихоньку, не было ли у принцессы похождений... Понимаете? Тру-ля-ля! Деликатно, говорит, выведай! Другой бы что? Сбился бы другой! А я придумал! Я тебя напою, а ты пролоб... пробар... пробартаешься! Да? Умный я?

К а м е р г е р. У-лю-лю!

М и н и с т р. Ну да! Ну говори! От меня все равно не скрыться. Нет! Пролаб... пробар... прор... пробартывайся. Что ты можешь сказать о принцессе?

К а м е р г е р. Мы ее гончими травили! (*Падает под стол. Вылезает.*)

М и н и с т р. За что?

К а м е р г е р. У нее хвост красивый. Улю-лю!

М и н и с т р (*падает под стол. Вылезает*). Хвост? У нее хвост есть?

К а м е р г е р. Ну да. Ату ее!

М и н и с т р. Почему хвост?

К а м е р г е р. Порода такая. У-лю-лю!

М и н и с т р. Вся порода? И у отца... хвост?

Камергер. А как же. И у отца.

Министр. Значит, у вас король хвостатый?

Камергер. Э, нет! Король у нас бесхвостый. А у отца ее хвост есть.

Министр. Значит, король ей не отец?

Камергер. Ну конечно!

Министр. Ура! (*Падает под стол. Вылезает.*) Прораб... прораб... А кто ее отец?

Камергер. Лис. Ату его!

Министр. Кто?

Камергер. Лис. У лисицы отец лис.

Министр. У какой лисицы?

Камергер. Про которую мы говорили... (*Толкает гувернантку локтем.*)

Оба пьяно хохочут.

Гувернантка. Если бы ты знать мог гоголь-моголь, что она с свинопасом взаимно целовала себя! Сними локти со стола ауф! Не моргай не!

Камергер. Ату его!

Гувернантка. Ты есть болван!

Министр. Что они говорят?

Камергер. У-лю-лю!

Министр. Свиньи! Это не по-товар... не по-товарищески. Я вас побью. (*Падает головой на стол.*) Мэр! Мэр! Еще вина. (*Засыпает.*)

Гувернантка. Этот глупый болван себе спит! О, счастливый! Вот так вот лег и спит. А я сплю нет. Я сплю нет сколько ночей. Ундер-мундер. (*Засыпает.*)

Камергер. Улю-лю. Олень! Олень! (*Бежит, падает и засыпает.*)

Мэр (*входит*). Вот. Еще вина. Да-да. Министр! Спит. Камергер! Спит. Госпожа гувернантка! Спит. Сяду. Да-да. Проснутся, небось. Нет-нет. (*Дремлет.*)

Дверь тихонько приоткрывается. Выходит Христиан, осматривается. Подает знак. Выходят принцесса и Генрих. Крадутся к выходу. Мэр их замечает, вскакивает.

Куда?.. Это. А... Жандармы... Побрились... Странно... Назад!

Г е н р и х. Я тебя убью!

М э р. А я заору... Я смелый.

Х р и с т и а н. Возьми денег и отпусти нас.

М э р. Э, нет! Я честный. Сейчас свистну!

П р и н ц е с с а. Дайте мне сказать. Мэр, пожалей, пожалуйста, меня. Я хоть и принцесса, а та же девушка!

Мэр всхлипывает.

Если ты меня предашь, повезут меня насильно венчать с чужим стариком.

Мэр всхлипывает.

Разве это хорошо? Король у вас капризный. А я слабенькая.

Мэр плачет.

Разве я выживу в неволе? Я там сразу помру!

М э р (*ревет во все горло*). Ой, бегите скорей! Ой, а то вы помрете! (*Вопит.*) Бегите! Ой!

Все, кроме министра, вскакивают. Гувернантка хватает принцессу. Уносит наверх. Камергер свистит, улюлюкает. Вбегает стража. Генрих и Христиан пробивают себе дорогу к выходу. Все бегут за ними. Слышен топот коней. Пение.

Шире степи, выше леса
Я тебя люблю.
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.

К а м е р г е р (*входит*). Удрали. Легче сто оленей затравить, чем одну королевскую дочь довезти благополучно до ее жениха! (*Смотрит на министра.*) А этот дрыхнет: спи-спи, набирайся сил. Напрыгаешься еще с нашей тихой барышней. У-лю-лю.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Приемная комната, отделенная от опочивальни короля аркой с бархатным занавесом. Приемная полна народу. Возле самого занавеса стоит камердинер, дергающий веревку колокола. Самый колокол висит в опочивальне. Рядом с камердинером портные спешно дошивают наряд короля. Рядом с портными — главный повар, он сбивает сливки для шоколада короля. Далее стоят чистильщики сапог, они чистят королевскую обувь. Колокол звонит. Стук в дверь

Чистильщик сапог. Стучат в дверь королевской приемной, господин главный повар.

Повар. Стучат в дверь приемной, господа портные.

Портные. Стучат в дверь, господин камердинер.

Камердинер. Стучат. Скажите, чтобы вошли.

Стук все время усиливается.

Портные (*повару*). Пусть войдут.

Повар (*чистильщикам*). Можно, чистильщик. Войдите.

Входят Генрих и Христиан, переодетые ткачами. У них седые парики. Седые бороды Генрих и Христиан оглядываются. Затем кланяются камердинеру.

Христиан и Генрих. Здравствуйте, господин звонарь.

Молчание. Генрих и Христиан переглядываются. Кланяются портным.

Здравствуйте, господа портные.

Молчание.

Здравствуйте, господин повар.

Молчание.

Здравствуйте, господа чистильщики сапог.

Чистильщик. Здравствуйте, ткачи.

Христиан. Ответили. Вот чудеса! А скажите, что остальные господа — глухие или немые?

Ч и с т и л ь щ и к. Ни то ни другое, ткачи. Но согласно придворному этикету вы должны были обратиться сначала ко мне. Я доложу о вас по восходящей линии, когда узнаю, что вам угодно. Ну-с? Что вам угодно?

Г е н р и х. Мы самые удивительные ткачи в мире. Ваш король — величайший в мире щеголь и франт. Мы хотим услужить его величеству.

Ч и с т и л ь щ и к. Ага. Господин главный повар, удивительные ткачи желают служить нашему всемилостивейшему государю.

П о в а р. Ага. Господа портные, там ткачи пришли.

П о р т н ы е. Ага. Господин камердинер, ткачи.

К а м е р д и н е р. Ага. Здравствуйте, ткачи.

Г е н р и х и Х р и с т и а н. Здравствуйте, господин камердинер.

К а м е р д и н е р. Служить хотите? Ладно! Я доложу о вас прямо первому министру, а он королю. Для ткачей у нас сверхускоренный прием. Его величество женится. Ткачи ему очень нужны. Поэтому он вас примет в высшей степени скоро.

Г е н р и х. Скоро! Мы потратили два часа, прежде чем добрались до вас. Ну и порядочки!

Камердинер и все остальные вздрагивают. Оглядываются.

К а м е р д и н е р (*тихо*). Господа ткачи! Вы люди почтенные, старые. Уважая ваши седины, предупреждаю вас: ни слова о наших национальных, многовековых, освященных самим Создателем традициях. Наше государство — высшее в этом мире! Если вы будете сомневаться в этом, вас, невзирая на ваш возраст... (*Шепчет что-то Христиану на ухо.*)

Х р и с т и а н. Не может быть.

К а м е р д и н е р. Факт. Чтобы от вас не родились дети с наклонностями к критике. Вы арийцы?

Г е н р и х. Давно.

К а м е р д и н е р. Это приятно слышать. Садитесь. Однако я уже час звоню, а король не просыпается.

П о в а р (*дрожит*). Сейчас я попробую в-в-вам п-п-п-по-мочь. (*Убегает.*)

Х р и с т и а н. Скажите, господин камердинер, почему, несмотря на жару, господин главный повар дрожит как в лихорадке?

К а м е р д и н е р. Господин главный повар короля почти никогда не отходит от печей и так привыкает к жару, что в прошлом году, например, он на солнце в июле отморозил себе нос.

Слышен страшный рев.

Что это такое?

Вбегает главный п о в а р, за ним п о в а р я т а с корытом. Из корыта несется рев.

Что это?

П о в а р (*дрожа*). Это белуга, господин камердинер. Мы поставим ее в-в оп-п-почивальню короля, белуга б-б-б-удет р-р-е-веть б-б-б-елугой и р-разбудит г-г-го-су-даря.

К а м е р д и н е р. Нельзя.

П о в а р. Но почему?

К а м е р д и н е р. Нельзя. Белуга все-таки, извините... вроде... красная рыба. А вы знаете, как относится король к этому... Уберите ее!

П о в а р я т а с белугой убегают.

Так-то лучше, господин главный повар. Эй! Вызвать взвод солдат, пусть они стреляют под окнами опочивальни залпами. Авось поможет.

Х р и с т и а н. Неужели его величество всегда так крепко спит?

К а м е р д и н е р. Лет пять назад он просыпался очень скоро. Я кашляну — и король летит с кровати.

Г е н р и х. Ну!

К а м е р д и н е р. Честное слово! Тогда у него было много забот. Он все время нападал на соседей и воевал.

Х р и с т и а н. А теперь?

К а м е р д и н е р. А теперь у него никаких забот нет. Соседи у него забрали все земли, которые можно забрать. И вот король спит и во сне видит, как бы им отомстить.

Слышен гром барабанов. Входит в з в о д с о л д а т. Их ведет с е р ж а н т.

С е р ж а н т (*командует*). Сми-и-рно!

Солдаты замирают.

(*Командует.*) При входе в приемную короля преданно вздо-о-охни!

Солдаты разом вздыхают со стоном.

Представив себе его могущество, от благоговения тре-пе-щи!

Солдаты трепещут, широко расставив руки.

Эй ты, шляпа, как трепещешь? Трепещи аккуратно, по переднему! Пальцы! Пальцы! Так! Не вижу трепета в животе! Хорошо. Сми-ирно! Слушай мою команду! Подумав о счастье быть королевским солдатом, от избытка чувств пля-а-ши!

Солдаты пляшут под барабан все, как один, не выходя из строя.

Смирно! Встать на цыпочки! На цыпочках — арш! Пр-а-вей! Еще чуть пра-а-авей! Равнение на портрет дедушки его величества. На нос. На нос дедушки. Прямо!

Скрываются.

Х р и с т и а н. Неужели с такими вымуштрованными солдатами король терпел поражения?

К а м е р д и н е р (*разводит руками*). Ведь вот поди ж ты!

Входит п е р в ы й м и н и с т р. Суетливый человек с большой седой бородой.

П е р в ы й м и н и с т р. Здравствуйте, низшие служащие.

В с е х о р о м. Здравствуйте, господин первый министр.

П е р в ы й м и н и с т р. Ну что? Все в порядке, камердинер? А? Говори правду. Правду режь.

К а м е р д и н е р. Вполне, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. Однако король спит! А? Отвечай грубо. Откровенно.

К а м е р д и н е р. Спит, ваше превосходительство.

За сценой залп.

П е р в ы й м и н и с т р. Ага! Говори прямо: стреляют. Значит, его величество скоро встанут. Портные! Как у вас? Правду валяйте! В лоб!

П е р в ы й п о р т н о й. Кладем последние стежки, господин министр.

П е р в ы й м и н и с т р. Покажи. (*Смотрит.*) Рассчитывайте. Знаете наше требование? Последний стежок кладется перед самым одеванием его величества. Король каждый день надевает платье новое, с иголочки. Пройдет минута после последнего стежка — и он ваше платье, грубо говоря, не наденет. Известно вам это?

П е р в ы й п о р т н о й. Так точно, известно.

П е р в ы й м и н и с т р. Иголочки золотые?

П е р в ы й п о р т н о й. Так точно, золотые.

П е р в ы й м и н и с т р. Подать ему платье прямо с золотой иголочки. Прямо и откровенно! Повар! Сливки, грубо говоря, сбил? А? Говори без затей и без экивоков! Сбил сливки для королевского шоколада?

П о в а р. Д-да, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. Покажи. То-то. Однако... Камердинер! Кто это? Смело. Без затей. Говори.

К а м е р д и н е р. Это ткачи пришли наниматься, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. Ткачи? Покажи. Ага! Здравствуйте, ткачи.

Г е н р и х и Х р и с т и а н. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Первый министр. Королю, говоря без задних мыслей, попросту, нужны ткачи. Сегодня приезжает невеста. Эй! Повар! А завтрак для ее высочества? Готов? А?

Повар. Т-т-так точно, готов!

Первый министр. А какой? А? Покажи!

Повар. Эй! Принести пирожки, приготовленные для ее высочества!

Первый министр. Несут. А я пока взгляну, не открыл ли король, говоря без всяких там глупостей, глаза. (*Уходит в опочивальню.*)

Повар. Принцесса Генриетта ничего не ела целые три недели.

Генрих. Бедняжка! (*Быстро пишет что-то на клочке бумажки.*)

Повар. Но зато теперь она ест целыми днями.

Генрих. На здоровье.

Поварята вносят блюдо с пирожками.

Ах! Какие пирожки! Я бывал при многих дворах, но ни разу не видал ничего подобного! Какой аромат. Как подрумянены. Какая мягкость!

Повар (*польщенный, улыбаясь*). Д-да. Они такие мягкие, что на них остается ямка даже от пристального взгляда.

Генрих. Вы гений.

Повар. В-возьмите один.

Генрих. Не смею.

Повар. Нет, возьмите! В-вы знаток. Это такая редкость.

Генрих (*берет, делает вид, что откусывает. Быстро прячет в пирожок записку*). Ах! Я потрясен! Мастеров, равных вам, нет в мире.

Повар. Но мастерство мое, увы, погибнет вместе со мной.

Генрих (*делая вид, что жует*). Но почему?

П о в а р. Книга моя «Вот как нужно готовить, господа» погибла.

Г е н р и х. Как! Когда?

П о в а р (*шепотом*). Когда пришла мода сжигать книги на площадях. В первые три дня сожгли все действительно опасные книги. А мода не прошла. Тогда начали жечь остальные книги без разбора. Теперь книг вовсе нет. Жгут солому.

Г е н р и х (*свистящим шепотом*). Но ведь это ужасно! Да?

П о в а р (*оглядываясь, свистящим шепотом*). Только вам скажу. Да. Ужасно!

Во время этого короткого диалога Генрих успел положить пирожок с запиской обратно на самый верх.

К а м е р д и н е р. Тише! Кажется, король чихнул.

Все прислушиваются.

Г е н р и х (*Христиану, тихо*). Я положил записку в пирожок, Христиан.

Х р и с т и а н. Ладно, Генрих. Не волнуйся. Генрих. Я боюсь, что записка промаслится.

Х р и с т и а н. Генрих, уймись! Напишем вторую.

П е р в ы й м и н и с т р вылезает из-за занавеса.

П е р в ы й м и н и с т р. Государь открыл один глаз. Го-товьсь! Зови камергеров! Где фрейлины? Эй, трубачи!

Входят т р у б а ч и, к а м е р г е р ы, п р и д в о р н ы е. Быстро выстраиваются веером по обе стороны занавеса в опочивальню. Камердинер, не сводя глаз с первого министра, держит кисти занавеса.

П е р в ы й м и н и с т р (*отчаянным шепотом*). Все готово? Правду говори, камердинер. Так точно!

П е р в ы й м и н и с т р (*отчаянно*). Валяй, в мою голову!

Камердинер тянет за шнуры. Распахивается занавес. За ним ничего не видно, кроме целой горы скрывающихся за сводами арки перин.

Х р и с т и а н. Где же король?

П о в а р. Он спит на ста сорока восьми перинах — до того он благороден. Его не видно. Он под самым потолком.

П е р в ы й м и н и с т р (*заглядывая*). Тише. Готовьтесь! Он ворочается. Он почесал бровь. Морщится. Сел. Труби!

Трубачи трубят. Все кричат трижды: «Ура король! Ура король! Ура король!» Тишина. После паузы из-под потолка раздается капризный голос: «Ах! Ах! Ну что это? Ну зачем это? Зачем вы меня разбудили? Я видел во сне нимфу. Свинство какое!»

К а м е р д и н е р. Осмелюсь напомнить вашему величеству, что сегодня приезжает принцесса, невеста вашего величества.

К о р о л ь (*сверху, капризно*). Ах, ну что это, издевательство какое-то. Где мой кинжал? Я сейчас тебя зарежу, нехороший ты человек, и все. Ну где он? Ну сколько раз я тебе говорил — клади кинжал прямо под подушку.

К а м е р д и н е р. Но уже половина одиннадцатого, ваше величество.

К о р о л ь. Что? И ты меня не разбудил! Вот тебе за это, осел!

Сверху летит кинжал. Вонзается у самых ног камердинера. Пауза.

Ну! Чего же ты не орешь? Разве я тебя не ранил?

К а м е р д и н е р. Никак нет, ваше величество.

К о р о л ь. Но, может быть, я тебя убил?

К а м е р д и н е р. Никак нет, ваше величество.

К о р о л ь. И не убил? Свинство какое! Я несчастный! Я потерял всякую меткость. Ну что это, ну что такое в самом деле! Отойди! Видишь, я встаю!

П е р в ы й м и н и с т р. Готовься! Государь во весь рост встал на постели! Он делает шаг вперед! Открывает зонт. Труби!

Трубят трубы. Из-под свода показывается король. Он опускается на открытом зонте, как на парашюте. Придворные кричат «Ура!». Король, достигнув пола, отбрасывает зонт, который сразу подхватывает камердинер. Король в роскошном халате и в короне, укрепленной на голове лентой. Лента пышным бантом завязана под подбородком. Королю лет пятьдесят. Он полный, здоровый. Он ни на кого не глядит, хотя приемная полна придворных. Он держится так, как будто он один в комнате.

К о р о л ь (*камердинеру*). Ну что такое! Ну что это! Ну зачем ты молчишь? Видит, что государь не в духе, и ничего не может придумать. Подними кинжал. (*Некоторое время задумчиво разглядывает поданный камердинером кинжал, затем кладет его в карман халата.*) Лентяй! Ты не стоишь даже того, чтобы умереть от благородной руки. Я тебе дал вчера на чай золотой?

К а м е р д и н е р. Так точно, ваше величество!

К о р о л ь. Давай его обратно. Я тобой недоволен. (*Отбирает у камердинера деньги.*) Противно даже... (*Ходит взад и вперед, задевая застывших от благоговения придворных полами своего халата.*) Видел во сне милую, благородную нимфу, необычайно хорошей породы и чистой крови. Мы с ней сначала разбили соседей, а затем были счастливы. Просыпаюсь — передо мной этот отвратительный лакей! Как я сказал нимфе? Кудесница! Чаровница! Влюбленный в вас не может не любить вас! (*Убежденно.*) Хорошо сказал. (*Капризно.*) Ну что это такое? Ну что это? Ну? Зачем я проснулся? Эй, ты! Зачем?

К а м е р д и н е р. Чтобы надеть новое, с иголочки, платье, ваше величество.

К о р о л ь. Чурбан! Не могу же я одеваться, когда я не в духе. Развесели меня сначала. Зови шута, шута скорей!

К а м е р д и н е р. Шута его величества!

От неподвижно стоящих придворных отделяется шут. Это солидный человек в пенсне. Он, подпрыгивая, приближается к королю.

К о р о л ь (*с официальной бодростью и лихостью. Громко*). Здравствуй, шут!

Ш у т (*так же*). Здравствуйте, ваше величество!

К о р о л ь (*опускаясь в кресло*). Развесели меня. Да поскорее. (*Капризно и жалобно.*) Мне пора одеваться, а я все гневаюсь да гневаюсь. Ну! Начинай!

Ш у т (*солидно*). Вот, ваше величество, очень смешная история. Один купец...

К о р о л ь (*придирчиво*). Как фамилия?

Ш у т. Петерсен. Один купец, по фамилии Петерсен, вышел из лавки, да как споткнется — и ляп носом об мостовую!

К о р о л ь. Ха-ха-ха!

Ш у т. А тут шел маляр с краской, споткнулся об купца и облил краской проходившую мимо старушку.

К о р о л ь. Правда? Ха-ха-ха!

Ш у т. А старушка испугалась и наступила собаке на хвост.

К о р о л ь. Ха-ха-ха! Фу ты, боже мой! Ах-ах-ах! (*Вытирая слезы.*) На хвост?

Ш у т. На хвост, ваше величество. А собака укусила толстяка.

К о р о л ь. Ох-ох-ох! Ха-ха-ха! Ой, довольно!..

Ш у т. А толстяк...

К о р о л ь. Довольно, довольно! Не могу больше, лопну. Ступай, я развеселился. Начнем одеваться. (*Развязывает бант под подбородком.*) Возьми мою ночную корону. Давай утреннюю. Так! Зови первого министра.

К а м е р д и н е р. Его превосходительство господин первый министр к его величеству!

Первый министр подбегает к королю.

К о р о л ь (*лихо*). Здравствуйте, первый министр!

П е р в ы й м и н и с т р (*также*). Здравствуйте, ваше величество!

К о р о л ь. Что скажешь, старик?.. Ха-ха-ха! Ну и шут у меня! Старушку за хвост! Ха-ха-ха! Что мне нравится в нем — это чистый юмор. Безо всяких там намеков, шпи-

лек.. Купец толстяка укусил! Ха-ха-ха! Ну что нового, старик? А?

Первый министр. Ваше величество! Вы знаете, что я старик честный, старик прямой. Я прямо говорю правду в глаза, даже если она неприятна. Я ведь стоял тут все время, видел, как вы, откровенно говоря, просыпаетесь, слышал, как вы, грубо говоря, смеетесь, и так далее. Позвольте вам сказать прямо, ваше величество...

Король. Говори, говори. Ты знаешь, что я на тебя никогда не сержусь.

Первый министр. Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь!

Король (*он очень доволен*). Ну-ну. Зачем, зачем?

Первый министр. Нет, ваше величество, нет. Мне себя не перебороть. Я еще раз повторю — простите мне мою разнузданность — вы великан! Светило!

Король. Ах какой ты! Ах, ах!

Первый министр. Вы, ваше величество, приказали, чтобы придворный ученый составил, извините, родословную принцессы. Чтобы он разведал о ее предках, грубо говоря, то да се. Простите меня, ваше величество, за прямоту — это была удивительная мысль.

Король. Ну вот еще! Ну чего там!

Первый министр. Придворный ученый, говоря без разных там штучек и украшений, пришел. Звать? Ох, король! (*Грозит пальцем.*) Ох, умница!

Король. Поди сюда, правдивый старик. (*Растроганно.*) Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза. Я не такой, как другие короли. Я люблю правду, даже когда она неприятна. Пришел придворный ученый? Ничего! Пожалуйста! Зови его сюда. Я буду одеваться и пить шоколад, а он пусть говорит. Командуй к одеванию с шоколадом, честный старик

Первый министр. Слушаю-с! (*Лихо.*) Лакеи!

Лакеи под звуки труб вносят ширму. Король скрывается за ней, так что видна только его голова.

Портные!

Звуки труб еще торжественнее. Портные, делая на ходу последние стежки, останавливаются у ширмы.

Повар!

Повар под звуки труб марширует к ширме. Передает чашку с шоколадом камердинеру. Пятится назад. Скрывается за спинами придворных.

Ученый!

Придворный ученый с огромной книгой в руках становится перед ширмой.

Смирно! (*Оглядывается.*)

Все замерли. (*Командует.*)

Приготовились. Начали!

Звуки труб заменяются легкой, ритмичной музыкой. Похоже, что играет музыкальный ящик. Замершие перед ширмой портные скрываются за нею. Камердинер поит с ложечки короля шоколадом.

Король (*сделав несколько глотков, кричит лихо*). Здравствуйте, придворный ученый!

Ученый. Здравствуйте, ваше величество.

Король. Говорите! Впрочем, нет, постойте! Первый министр! Пусть придворные слушают тоже.

Первый министр. Господа придворные! Его величество заметил, что вы здесь.

Придворные. Ура король! Ура король! Ура король!

Король. И девушки здесь! Фрейлины. Ку-ку! (*Прячется за ширмой.*)

Первая фрейлина (*пожилая энергичная женщина, баском*). Ку-ку, ваше величество.

Король (*вылезает*). Ха-ха-ха! (*Лихо.*) Здравствуйте, шалунья!

Первая фрейлина. Здравствуйте, ваше величество.

Король (*игриво*). Что вы видели во сне, резвунья?

П е р в а я ф р е й л и н а. Вас, ваше величество.

К о р о л ь. Меня? Молодец!

П е р в а я ф р е й л и н а. Рада стараться, ваше величество.

К о р о л ь. А вы, девушки, что видели во сне?

О с т а л ь н ы е ф р е й л и н ы. Вас, ваше величество.

К о р о л ь. Молодцы!

О с т а л ь н ы е ф р е й л и н ы. Рады стараться, ваше величество.

К о р о л ь. Прекрасно. Первая фрейлина! Милитаризация красоток вам удалась. Они очень залихватски отвечают сегодня. Изъявляю вам свое благоволение. В каком вы чине?

П е р в а я ф р е й л и н а. Полковника, ваше величество.

К о р о л ь. Произвожу вас в генералы.

П е р в а я ф р е й л и н а. Покорно благодарю, ваше величество.

К о р о л ь. Вы заслужили это. Вот уже тридцать лет, как вы у меня первая красавица. Каждую ночь вы меня, только меня видите во сне. Вы моя птичка, генерал!

П е р в а я ф р е й л и н а. Рада стараться, ваше величество.

К о р о л ь (*разнеженно*). Ах вы, конфетки. Не уходите далеко, мои милочки. А то профессор меня засушит. Ну, придворный ученый, валяйте!

У ч е н ы й. Ваше величество. Я с помощью адъюнкта Брокгауза и приват-доцента Ефрона составил совершенно точно родословную нашей высокорожденной гостьи.

К о р о л ь (*фрейлинам*). Ку-ку! Хи-хи-хи.

У ч е н ы й. Сначала о ее гербе. Гербом, ваше величество, называется наследственно передаваемое символическое изображение, да, изображение, составленное на основании известных правил, да, правил.

К о р о л ь. Я сам знаю, что такое герб, профессор.

У ч е н ы й. С незапамятных времен вошли в употребление символические знаки, да, знаки, которые вырезались на перстнях.

К о р о л ь. Тю-тю!

У ч е н ы й. И рисовались на оружии, знаменах и прочем, да, и прочем.

К о р о л ь. Цып-цып! Птички!

У ч е н ы й. Знаки эти явились результатом...

К о р о л ь. Довольно о знаках, к делу... Ку-ку!..

У ч е н ы й. ...Да, результатом желания выделить себя из массы, да, выделить. Придать себе резкое отличие, заметное иногда даже в разгаре битвы. Вот. Битвы.

Король выходит из-за ширмы. Одет блистательно.

К о р о л ь. К делу, профессор!

У ч е н ы й. Гербы...

К о р о л ь. К делу, говорят! Короче!

У ч е н ы й. Еще со времен Крестовых походов..

К о р о л ь (*замахивается на него кинжалом*). Убью как собаку. Говори короче!

У ч е н ы й. В таком случае, ваше величество, я начну блазонировать.

К о р о л ь. А? Чего ты начнешь?

У ч е н ы й. Блазонировать!

К о р о л ь. Я запрещаю! Это что еще за гадость! Что значит это слово?

У ч е н ы й. Но блазонировать, ваше величество, — это значит описывать герб!

К о р о л ь. Так и говорите!

У ч е н ы й. Я блазонирую. Герб принцессы. В золотом, усеянном червлеными сердцами щите три коронованные лазоревые куропатки, обремененные леопардом.

К о р о л ь. Как, как? Обремененные?

У ч е н ы й. Да, ваше величество... Вокруг кайма из цветов королевства.

К о р о л ь. Ну ладно... Не нравится мне это. Ну да уж пусть! Говорите родословную, но короче.

У ч е н ы й. Слушаю, ваше величество! Когда Адам…

К о р о л ь. Какой ужас! Принцесса еврейка?

У ч е н ы й. Что вы, ваше величество!

К о р о л ь. Но ведь Адам был еврей?

У ч е н ы й. Это спорный вопрос, ваше величество. У меня есть сведения, что он был караим.

К о р о л ь. Ну то-то! Мне главное, чтобы принцесса была чистой крови. Это сейчас очень модно, а я франт. Я франт, птички?

Ф р е й л и н ы. Так точно, ваше величество.

У ч е н ы й. Да, ваше величество. Вы, ваше величество, всегда были на уровне самых современных идей. Да, самых.

К о р о л ь. Не правда ли? Одни мои брюки чего стоят! Продолжайте, профессор.

У ч е н ы й. Адам…

К о р о л ь. Оставим этот щекотливый вопрос и перейдем к более поздним временам.

У ч е н ы й. Фараон Исаметих…

К о р о л ь. И его оставим. Очень некрасивое имя. Дальше…

У ч е н ы й. Тогда разрешите, ваше величество, перейти непосредственно к династии ее высочества! Основатель династии — Георг I, прозванный за свои подвиги Великим. Да, прозванный.

К о р о л ь. Очень хорошо.

У ч е н ы й. Ему унаследовал сын Георг II, прозванный за свои подвиги Обыкновенным. Да, Обыкновенным.

К о р о л ь. Я очень спешу. Вы просто перечисляйте предков. Я пойму, за что именно они получали свои прозвища. А иначе я вас зарежу.

У ч е н ы й. Слушаю. Далее идут: Вильгельм I Веселый, Генрих I Короткий, Георг III Распущенный, Георг IV Хорошенький, Генрих II Черт Побери.

К о р о л ь. За что его так прозвали?

У ч е н ы й. За его подвиги, ваше величество. Далее идет Филипп I Ненормальный, Георг V Потешный, Георг VI Отрицательный, Георг VII Босой, Георг VIII Малокровный, Георг IX Грубый, Георг X Тонконогий, Георг XI Храбрый, Георг XII Антипатичный, Георг XIII Наглый, Георг XIV Интересный и, наконец, ныне царствующий отец принцессы Георг XV, прозванный за свои подвиги Бородатым. Да, прозванный.

К о р о л ь. Очень богатая и разнообразная коллекция предков.

У ч е н ы й. Да, ваше величество. Принцесса имеет восемнадцать предков, не считая гербов материнской линии... Да, имеет.

К о р о л ь. Вполне достаточно... Ступайте! (*Смотрит на часы.*) Ах, как поздно! Позовите скорее придворного поэта.

П е р в ы й м и н и с т р. Поэт к государю. Бегом!

Придворный поэт подбегает к королю.

К о р о л ь. Здравствуйте, придворный поэт.

П о э т. Здравствуйте, ваше величество.

К о р о л ь. Приготовили приветственную речь?

П о э т. Да, ваше величество. Мое вдохновение...

К о р о л ь. А стихи на приезд принцессы?

П о э т. Моя муза помогла мне изыскать пятьсот восемь пар великолепнейших рифм, ваше величество.

К о р о л ь. Что же, вы одни рифмы будете читать? А стихи где?

П о э т. Ваше величество! Моя муза едва успела кончить стихи на вашу разлуку с правофланговой фрейлиной...

К о р о л ь. Ваша муза вечно отстает от событий. Вы с ней только и умеете что просить то дачу, то домик, то корову. Черт знает что! Зачем, например, поэту корова? А как писать, так опоздал, не успел... Все вы такие!

П о э т. Зато моя преданность вашему величеству...

К о р о л ь. Мне нужна не преданность, а стихи!

П о э т. Но зато речь готова, ваше величество.

К о р о л ь. Речь... На это вы все мастера! Ну давайте хоть речь.

П о э т. Это даже не речь, а разговор. Ваше величество говорит, а принцесса отвечает. Копия ответов послана навстречу принцессе специальным нарочным. Разрешите огласить?

К о р о л ь. Можете.

П о э т. Ваше величество говорит: «Принцесса! Я счастлив, что вы как солнце взошли на мой трон. Свет вашей красоты осветил все вокруг». На это принцесса отвечает: «Солнце — это вы, ваше величество. Блеск ваших подвигов затмил всех ваших соперников». Вы на это: «Я счастлив, что вы оценили меня по достоинству!» Принцесса на это: «Ваши достоинства — залог нашего будущего счастья!» Вы отвечаете: «Вы так хорошо меня поняли, что я могу сказать только одно: вы так же умны, как и прекрасны». Принцесса на это: «Я счастлива, что нравлюсь вашему величеству». Вы на это: «Я чувствую, что мы любим друг друга, принцесса, позвольте вас поцеловать».

К о р о л ь. Очень хорошо!

П о э т. Принцесса: «Я полна смущения... но...» Тут гремят пушки, войска кричат «ура» — и вы целуете принцессу.

К о р о л ь. Целую? Ха-ха! Это ничего! В губы?

П о э т. Так точно, ваше величество.

К о р о л ь. Это остроумно. Ступайте. Ха-ха! Старик, это приятно! Да! Ну-ну! Эх! (*Лихо обнимает за талию старшую фрейлину.*) Кто еще ждет приема? А? Говори, откровенный старик.

П е р в ы й м и н и с т р. Ваше величество, я не скрою, что приема ждут еще ткачи.

К о р о л ь. А! Что же их не пускают? Скорее, гоните их бегом ко мне.

П е р в ы й м и н и с т р. Ткачи, к королю — галопом!

Генрих и Христиан лихо, вприпрыжку вылетают на середину сцены.

К о р о л ь. Какие старые — значит, опытные. Какие бойкие — наверное, работящие. Здравствуйте, ткачи.

Г е н р и х и Х р и с т и а н. Здравия желаем, ваше величество!

К о р о л ь. Что скажете? А? Ну! Чего вы молчите?

Христиан вздыхает со стоном.

Что ты говоришь?

Генрих вздыхает со стоном.

Как?

Х р и с т и а н. Бедняга король! У-у!

К о р о л ь. Чего вы меня пугаете, дураки? В чем дело? Почему я бедняга?

Х р и с т и а н. Такой великий король — и так одет!

К о р о л ь. Как я одет? А?

Г е н р и х. Обыкновенно, ваше величество!

Х р и с т и а н. Как все!

Г е н р и х. Как соседние короли!

Х р и с т и а н. Ох, ваше величество, ох!

К о р о л ь. Ах, что это! Ну что они говорят? Да как же это можно! Отоприте шкаф! Дайте плащ номер четыре тысячи девятый от кружевного костюма. Смотрите, дураки. Чистый фай. По краям плетеный гипюр. Сверху шитые алансонские кружева. А понизу валансьен. Это к моему кружевному выходному костюму. А вы говорите — как все! Дайте сапоги! Смотрите, и сапоги обшиты кружевами брабантскими. Вы видели что-нибудь подобное?

Г е н р и х. Видели!

Х р и с т и а н. Сколько раз!

К о р о л ь. Ну это черт знает что! Дайте тогда мой обеденный наряд. Да не тот, осел! Номер восемь тысяч четыреста девяносто восемь. Глядите, вы! Это что?

Г е н р и х. Штаны.

К о р о л ь. Из чего?

Х р и с т и а н. Чего там спрашивать? Из гра-де-напля.

К о р о л ь. Ах ты бессовестный! Что же, по-твоему, гра-де-напль — это пустяки? А камзол? Чистый гро-де-тур, и рукава — гро-грен. А воротник — пу-де-суа. А плащ — тюркуаз, на нем рипсовые продольные полоски. Да ты восхищайся! Почему ты отворачиваешься?

Г е н р и х. Видали мы это.

К о р о л ь. А чулки дра-де-суа?

Х р и с т и а н. И это видали.

К о р о л ь. Да ты, дурак, пощупай!

Г е н р и х. Да зачем… Я знаю.

К о р о л ь. Знаешь? Давайте сюда панталоны для свадебного бала! Это что?

Х р и с т и а н. Коверкот.

К о р о л ь. Правильно, но какой? Где еще на свете есть подобный? А камзол шевиот с воротником бостон! А плащ? Трико. Видал, дурак?

Г е н р и х. Это, ваше величество, действительно каждый дурак видал.

Х р и с т и а н. А мы можем сделать такую ткань… Ого! Которую только умный и увидит. Мы вам сделаем небывалый свадебный наряд, ваше величество.

К о р о л ь. Да! Так все говорят! А рекомендации есть?

Х р и с т и а н. Мы работали год у турецкого султана, он был так доволен, что это не поддается описанию. Поэтому он нам ничего и не написал.

К о р о л ь. Подумаешь, турецкий султан!

Г е н р и х. Индийский Великий Могол лично благодарил.

К о р о л ь. Подумаешь, индийский могол! Вы не знаете разве, что наша нация — высшая в мире? Все другие никуда не годятся, а мы молодцы. Не слыхали, что ли?

Х р и с т и а н. Кроме того, наша ткань обладает одним небывалым чудесным свойством.

К о р о л ь. Воображаю… Каким?

Х р и с т и а н. А я уже говорил, ваше величество. Ее только умный и увидит. Ткань эта невидима тем людям,

которые непригодны для своей должности или непроходимые дураки.

Король (*заинтересованный*). Ну-ка, ну-ка. Как это?

Христиан. Наша ткань невидима людям, которые непригодны для своей должности или глупы.

Король. Ха-ха-ха! Ох-ох-ох! Ой, уморили! Фу ты черт! Вот этот, значит, первый-то министр, если он непригоден для своей должности, так он этой ткани не увидит?

Христиан. Нет, ваше величество. Таково чудесное свойство этой ткани.

Король. Ах-ха-ха! (*Раскисает от смеха.*) Старик, слышишь? А, министр! Тебе говорю!

Первый министр. Ваше величество, я не верю в чудеса.

Король (*замахивается кинжалом*). Что? Не веришь в чудеса? Возле самого трона человек, который не верит в чудеса? Да ты материалист! Да я тебя в подземелье! Нахал!

Первый министр. Ваше величество! Позвольте вам по-стариковски попенять. Вы меня не дослушали. Я хотел сказать: я не верю в чудеса, говорит безумец в сердце своем. Это безумец не верит, а мы только чудом и держимся!

Король. Ах, так! Ну, тогда ничего. Подождите, ткачи. Какая замечательная ткань! Значит, с нею я увижу, кто у меня не на месте?

Христиан. Так точно, ваше величество.

Король. И сразу пойму, кто глупый, а кто умный?

Христиан. В один миг, ваше величество.

Король. Шелк?

Христиан. Чистый, ваше величество.

Король. Подождите. После приема принцессы я с вами поговорю.

Трубят трубы.

Что там такое? А? Узнай, старик!

Первый министр. Это прибыл министр нежных чувств вашего величества.

Король. Ага, ага, ага! Ну-ка, ну-ка! Скорее, министр нежных чувств! Да ну же, скорее!

Входит министр нежных чувств.

Хорошие вести? По лицу вижу, что хорошие. Здравствуйте, министр нежных чувств.

Министр нежных чувств. Здравствуйте, ваше величество.

Король. Ну, ну, дорогой. Я слушаю, мой милый.

Министр. Ваше величество. Увы! В смысле нравственности принцесса совершенно безукоризненна.

Король. Хе-хе! Почему же «увы»?

Министр. Чистота крови — увы, ваше величество. Принцесса не почувствовала горошины под двадцатью четырьмя перинами. Более того, всю дорогу в дальнейшем она спала на одной перине.

Король. Чего же ты улыбаешься? Осел! Значит, свадьбе не бывать! А я так настроился! Ну что это! Ну какая гадость! Иди сюда, я тебя зарежу!

Министр. Но, ваше величество, я себя не считал вправе скрыть от вас эту неприятную правду.

Король. Сейчас я тебе покажу неприятную правду! (*Гонится за ним с кинжалом.*)

Министр (*визжит*). Ой! Ах! Я не буду больше! Пощадите! (*Убегает из комнаты.*)

Король. Вон! Все пошли вон! Расстроили! Обидели! Всех переколю! Заточу! Стерилизую! Вон!

Все, кроме первого министра, убегают из приемной.

(*Подлетает к первому министру.*) Гнать! Немедленно гнать принцессу! Может, она семитка? Может, она хамитка! Прочь! Вон!

Первый министр. Ваше величество! Выслушайте старика. Я прямо, грубо, как медведь. Погнать ее за то, что она, мол, не чистокровная, — обидится отец.

К о р о л ь (*топает ногой*). И пусть!

П е р в ы й м и н и с т р. Вспыхнет война.

К о р о л ь. И чихать!

П е р в ы й м и н и с т р. А лучше вы с принцессой повидайтесь и заявите мягко, деликатно: мне, мол, фигура не нравится. Я грубо скажу, по-прямому: вы ведь, ваше величество, в этих делах знаток. Вам угодить трудно. Ну, мы принцессу потихонечку-полегонечку и спровадим. Вижу! Вижу! Ах, король, ах, умница! Он понял, что я прав! Он согласен!

К о р о л ь. Я согласен, старик. Пойди приготовь все к приему, потом я ее спроважу. Принять ее во дворе!

П е р в ы й м и н и с т р. Ох, король! Ох, гений! (*Уходит.*)

К о р о л ь (*капризно*). Ну это, ну это ужасно! Опять расстроили. Шута! Шута скорей! Говори, шут. Весели меня. Весели!

Ш у т вбегает вприпрыжку.

Ш у т. Один купец...

К о р о л ь (*придирчиво*). Как фамилия?

Ш у т. Людвигсен. Один купец шел через мостик — да ляп в воду.

К о р о л ь. Ха-ха-ха!

Ш у т. А под мостом шла лодка. Он гребца каблуком по голове.

К о р о л ь. Ха-ха-ха! По голове? Хо-хо-хо!

Ш у т. Гребец тоже — ляп в воду, а тут по берегу старушка шла. Он ее за платье — и туда же в воду.

К о р о л ь. Ха-ха-ха! Уморил! Ох-ох-ох! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! (*Вытирает слезы, не сводя восторженного взгляда с шута.*) Ну?

Ш у т. А она...

Занавес

Королевский двор, вымощенный разноцветными плитами. У задней стены — трон. Справа — загородка для публики.

Министр нежных чувств (*входит, прихрамывая. Кричит*). Ох! Сюда, господин камергер! Ох!

Камергер. Чего вы стонете? Ранили вас? А! У-лю-лю!

Министр. А! Нет, не ранили! Убили! Сюда! Несите портшез с невестой сюда! Ох!

Камергер. Да что случилось? Уоу!

Министр. Увидите! (*Убегает.*)

Вносят портшез с принцессой. Гувернантка и камергер идут рядом с портшезом.

Камергер (*носильщикам*). Ставьте портшез и бегите бегом. Не подходите к окошку, наглецы! Ату его!

Гувернантка (*камергеру*). Скажит им: вынь руки фон карман. Не нос тереби. Стой прям!

Камергер. Ах, мне не до воспитабль. Того и гляди, что твоя-моя принцесса передадут записку гоголь-моголь! (*Носильщикам.*) Ну чего слушаете? Все равно ведь вы не понимаете иностранных языков. Вон!

Носильщики убегают.

(*Гувернантке.*) Ну прямо уна гора де плеч свалила себя айн, цвай, драй. Теперь сдадим дизе принцессу королю с одной руки на другую. И — уна луна рее.

Гувернантка (*весело*). Квинтер, баба, жес. И моя рада.

Камергер (*принцессе*). Ваше высочество. Приготовьтесь. Сейчас я пойду доложу о нашем прибытии королю. Ваше высочество! Вы спите?

Принцесса. Нет, я задумалась.

Камергер. Ох! Ну ладно! (*Гувернантке.*) Станьте себя коло той калитки, лоби-тоби. И смотрите вовсю. Я смотаю себя авек король.

Гувернантка. Унд! (*Становится у входа во двор.*)

Принцесса. Здесь все чужое, все выложено камнями, нет ни одной травки. Стены смотрят, как волки на ягненка. Я бы испугалась, но записка славного, кудрявого, доброго моего, ласкового, родного, хорошенького Генриха так меня обрадовала, что я даже улыбаюсь. (*Целует записку.*) Ах, как она славно пахнет орехами. Ах, как она красиво промаслилась. (*Читает.*) «Мы здесь. Я с белыми волосами и белой бородой. Ругай короля. Скажи ему, что он плохо одет. Генрих». Я ничего не понимаю. Ах какой он умный! Но где он? Хотя бы на секундочку его увидеть.

Из-за стены пение. Тихо поют два мужских голоса:

Завоюем счастье с бою
И пойдем домой,
Ты да я, да мы с тобою,
Друг мой дорогой.

Принцесса. Ах, это его голос! Значит, он сейчас выйдет. Так было в прошлый раз — спел и показался!

Выходит первый министр и застывает, как бы пораженный красотой принцессы.

Это он! С белыми волосами, с белой бородой.

Первый министр. Позвольте, ваше высочество, мне по-грубому, по-стариковски, по-отцовски сказать вам: я вне себя от вашей красоты.

Принцесса (*подбегает к нему*). Ну!

Первый министр (*недоумевая*). Да, ваше высочество.

Принцесса. Почему ты не говоришь: дерни меня за бороду?

Первый министр (*в ужасе*). За что, ваше высочество?

Принцесса (*хохочет*). Ах, ты! Теперь ты меня не обманешь! Я тебя сразу узнала!

П е р в ы й м и н и с т р. Боже мой!

П р и н ц е с с а. Теперь я научилась дергать как следует! (*Дергает его за бороду изо всей силы.*)

П е р в ы й м и н и с т р (*визгливо*). Ваше высочество!

Принцесса дергает его за волосы и срывает парик. Он лысый.

(*Визгливо.*) Помогите!

Гувернантка бежит к нему.

Г у в е р н а н т к а. Что он с ней делает, чужой старик! Ля! Па-де-труа!

П е р в ы й м и н и с т р. Но моя — первая министра его величества.

Г у в е р н а н т к а. Зачем, принцесса, вы его биттедритте?

П р и н ц е с с а. А пусть он валится ко всем чертям на рога!

Г у в е р н а н т к а. Выпейте капли, вас ис дас.

П р и н ц е с с а. А я их к дьяволу разбила, сволочь.

П е р в ы й м и н и с т р (*радостно хохочет. В сторону*). Да она совершенно сумасшедшая! Это очень хорошо! Мы ее очень просто отправим обратно. Пойду доложу королю. А впрочем, нет, он не любит неприятных докладов. Пусть сам увидит. (*Принцессе.*) Ваше высочество, позвольте сказать вам прямо, по-стариковски: вы такая шалунья, что сердце радуется. Фрейлины в вас влюбятся, ей-богу. Можно, я их позову? Они вас обчистят с дороги, покажут то, другое, а мы тем временем приготовимся здесь к встрече. Девочки!

Строем входят ф р е й л и н ы.

Позвольте, принцесса, представить вам фрейлин. Они вам очень рады.

П р и н ц е с с а. И я очень рада. Мне здесь так одиноко, а почти все вы так же молоды, как я. Вы мне действительно рады?

П е р в а я ф р е й л и н а. Примите рапорт, ваше высочество.

П р и н ц е с с а. Что?

П е р в а я ф р е й л и н а. Ваше высочество! За время моего дежурства никаких происшествий не случилось. Налицо четыре фрейлины. Одна в околотке. Одна в наряде. Две в истерике по случаю предстоящего бракосочетания. (*Козыряет.*)

П р и н ц е с с а. Вы разве солдат, фрейлина?

П е р в а я ф р е й л и н а. Никак нет, я генерал. Пройдите во дворец, принцесса. Девочки! Слушай мою команду! Ша-го-ом арш!

Идут.

П р и н ц е с с а. Это ужасно!

Скрываются в дверях.

П е р в ы й м и н и с т р. Эй, вы, там! Введите солдат. Я иду за толпой. (*Уходит.*)

Входят с о л д а т ы с о ф и ц е р о м.

О ф и ц е р. Предчувствуя встречу с королем, от волнения ослабей!

Солдаты приседают.

Вприсядку — арш!

Солдаты идут вприсядку.

Ле-вей! Пра-вей! К сте-е-не! Смирно!

Входит т о л п а. Ее ведет за загородку п е р в ы й м и н и с т р.

П е р в ы й м и н и с т р (*толпе*). Хоть я и знаю, что вы самые верноподданные, но напоминаю вам: во дворце его величества рот открывать можно только для того, чтобы крикнуть «ура» или исполнить гимн. Поняли?

Т о л п а. Поняли.

П е р в ы й м и н и с т р. Плохо поняли. Вы уже в королевском дворце. Как же вы вместо «ура» говорите что-то другое? А?

Т о л п а (*сокрушенно*). Ура.

П е р в ы й м и н и с т р. Ведь король! Поймите: король — и вдруг так близко от вас. Он мудрый, он особенный! Не такой, как другие люди. И этакое чудо природы — вдруг в двух шагах от вас. Удивительно! А?

Т о л п а (*благоговейно*). Ура.

П е р в ы й м и н и с т р. Стойте молча, пока король не появится. Пойте гимн и кричите «ура», пока король не скажет «вольно» После этого молчите. Только когда по знаку его превосходительства закричит королевская гвардия, кричите и вы. Поняли?

Т о л п а (*рассудительно*). Ура.

Приближающийся крик «Король идет! Король идет! Король идет!»
Входит к о р о л ь со с в и т о й.

О ф и ц е р (*командует*). При виде короля от восторга в обморок — шлеп!

Солдаты падают.

П е р в ы й м и н и с т р (*толпе*). Пой гимн!

Т о л п а. Вот так король, ну и король, фу-ты ну-ты, что за король! Ура-а! Вот так король, ну и король, фу-ты ну-ты, что за король! Ура-а!

К о р о л ь. Вольно!

Толпа замолкает.

О ф и ц е р. В себя при-ди!

Солдаты подымаются.

К о р о л ь. Ну где же она? Ну что это! Какая тоска! Мне хочется поскорей позавтракать, а тут эта... полукровная. Где же она? Надо ее скорее спровадить.

П е р в ы й м и н и с т р. Идет, ваше величество.

Выходит п р и н ц е с с а с ф р е й л и н а м и.

О ф и ц е р (*командует*). При виде молодой красавицы принцессы жизнерадостно пры-гай!

Солдаты прыгают. С момента появления принцессы король начинает вести себя загадочно. Его лицо выражает растерянность. Он говорит глухо, как бы загипнотизированный. Смотрит на принцессу, нагнув голову, как бык. Принцесса всходит на возвышение.

О ф и ц е р (*командует*). Успо-койсь!

Солдаты останавливаются.

К о р о л ь. (*сомнамбулически. Горловым тенором*). Здравствуйте, принцесса.

П р и н ц е с с а. Иди ты к чертовой бабушке.

Некоторое время король глядит на принцессу, как бы стараясь вникнуть в смысл ее слов. Затем, странно улыбнувшись, разворачивает приветствие и откашливается.

О ф и ц е р (*командует*). От внимания обалдей!

К о р о л ь (*тем же тоном*). Принцесса. Я счастлив, что вы, как солнце, взошли на мой трон. Свет вашей красоты озарил все вокруг.

П р и н ц е с с а. Заткнись, дырявый мешок.

К о р о л ь (*так же*). Я счастлив, принцесса, что вы оценили меня по достоинству.

П р и н ц е с с а. Осел.

К о р о л ь (*так же*). Вы так хорошо меня поняли, принцесса, что я могу сказать только одно: вы так умны, как и прекрасны.

П р и н ц е с с а. Дурак паршивый. Баран.

К о р о л ь. Я чувствую, что мы любим друг друга, принцесса, позвольте вас поцеловать. (*Делает шаг вперед.*)

П р и н ц е с с а. Пошел вон, сукин сын!

Пушечная пальба. Ликующее «ура». Принцесса сходит с возвышения. Король странной походкой, не сгибая колен, идет на авансцену. Его окружают фрейлины. Первый министр поддерживает его за локоть.

П е р в а я ф р е й л и н а. Ваше величество! Разрешите ущипнуть дерзкую?

П е р в ы й м и н и с т р. Ваше величество, я доктора позову.

К о р о л ь (*с трудом*). Нет, не доктора... Нет... (*Кричит.*) Ткачей!

П е р в ы й м и н и с т р. Они здесь, ваше величество.

К о р о л ь (*кричит*). Немедленно сшить мне свадебный наряд!

П е р в а я ф р е й л и н а. Но вы слышали, ваше величество, как она нарушала дисциплину?

К о р о л ь. Нет, не слышал! Я только видел! Я влюбился! Она чудная! Женюсь! Сейчас же женюсь! Как вы смеете удивленно смотреть? Да мне плевать на ее происхождение! Я все законы переменю — она хорошенькая! Нет! Запиши! Я жалую ей немедленно самое благородное происхождение, самое чистокровное! (*Ревет.*) Я женюсь, хотя бы весь свет был против меня!

Занавес

Коридор дворца. Дверь в комнату ткачей. П р и н ц е с с а стоит, прижавшись к стене. Она очень грустна. За стеной гремит барабан.

П р и н ц е с с а. Это очень тяжело — жить в чужой стране. Здесь все это... ну как его... мили... милитаризовано... Все под барабан. Деревья в саду выстроены взводными колоннами. Птицы летают побатальонно. И кроме того, эти ужасные, освященные веками традиции, от которых уже совершенно нельзя жить. За обедом подают котлеты, потом желе из апельсинов, потом суп. Так установлено с девятого века. Цветы в саду пудрят. Кошек бреют, оставляя только бакенбарды и кисточку на хвосте. И все это нельзя нарушить — иначе погибнет государство. Я была бы очень терпелива, если бы Генрих был со мной. Но Генрих пропал, пропал Генрих! Как мне его найти, когда фрейлины ходят следом за мной строем! Только и жизнь, когда их уводят на учение... Очень трудно было передергать всех бородачей. Поймаешь бородача в коридоре, дернешь — но борода

сидит, как пришитая, бородач визжит — никакой радости. Говорят, новые ткачи бородатые, а фрейлины как раз маршируют на площади, готовятся к свадебному параду. Ткачи работают здесь. Войти, дернуть? Ах, как страшно! А вдруг и здесь Генриха нет! Вдруг его поймали и по традиции восьмого века под барабан отрубили ему на площади голову! Нет, чувствую я, чувствую — придется мне этого короля зарезать, а это так противно! Пойду к ткачам. Надену перчатки. У меня мозоли на пальцах от всех этих бород. (*Делает шаг к двери, но в коридор входят фрейлины строем.*)

Первая фрейлина. Разрешите доложить, ваше высочество?

Принцесса. Кру-у-гом!

Фрейлины поворачиваются.

Арш!

Фрейлины уходят. Скрываются. Принцесса делает шаг к двери. Фрейлины возвращаются.

Первая фрейлина. Подвенечный наряд...

Принцесса. Круго-ом — арш!

Фрейлины делают несколько шагов, возвращаются.

Первая фрейлина. Готов, ваше высочество.

Принцесса. Круго-о-ом арш!

Фрейлины поворачиваются, идут. Им навстречу король и первый министр.

Первая фрейлина. Сми-ирно!

Король. А-а, душечки. Ах! Она. И совершенно такая же, как я ее видел во сне, только гораздо более сердитая. Принцесса! Душечка. Влюбленный в вас не может не любить вас.

Принцесса. Катитесь к дьяволу. (*Убегает, сопровождаемая фрейлинами.*)

Король (*хохочет*). Совершенно изнервничалась. Я ее так понимаю. Я тоже совершенно изныл от нетерпе-

ния. Ничего. Завтра свадьба. Сейчас я увижу эту замечательную ткань. (*Идет к двери и останавливается.*)

Первый министр. Ваше величество, вы шли, как всегда, правильно. Сюда, сюда.

Король. Да погоди ты...

Первый министр. Ткачи-то, простите за грубость, именно здесь и работают.

Король. Знаю, знаю. (*Выходит на авансцену.*) Да... Ткань-то особенная... Конечно, мне нечего беспокоиться. Во-первых, я умен. Во-вторых, ни на какое другое место, кроме королевского, я совершенно не годен. Мне и на королевском месте вечно чего-то не хватает, я всегда сержусь, а на любом другом я был бы просто страшен. И все-таки... Лучше бы сначала к ткачам пошел кто-нибудь другой. Вот первый министр. Старик честный, умный, но все-таки глупей меня. Если он увидит ткань, то я и подавно. Министр! Подите сюда!

Первый министр. Я здесь, ваше величество.

Король. Я вспомнил, что мне еще надо сбегать в сокровищницу выбрать невесте бриллианты. Ступайте посмотрите эту ткань, а потом доложите мне.

Первый министр. Ваше величество, простите за грубость...

Король. Не прощу. Ступайте! Живо! (*Убегает.*)

Первый министр. Да-а. Все это ничего... Однако... (*Кричит.*) Министр нежных чувств!

Входит министр нежных чувств.

Министр нежных чувств. Здравствуйте.

Первый министр. Здравствуйте. Вот что — меня ждут в канцелярии. Ступайте к ткачам и доложите мне, что у них и как (*В сторону.*) Если этот дурак увидит ткань, то я и подавно...

Министр. Но, господин первый министр, я должен пойти сейчас в казарму к фрейлинам короля и уговорить их не плакать на завтрашней свадьбе.

П е р в ы й м и н и с т р. Успеете. Ступайте к ткачам. Живо! (*Убегает.*)

М и н и с т р. Да-а. Я, конечно... Однако... (*Кричит.*) Придворный поэт!

Входит п р и д в о р н ы й п о э т.

Ступайте к ткачам и доложите, что у них и как. (*В сторону.*) Если этот дурак увидит ткань, то я и подавно.

П р и д в о р н ы й п о э т. Но я, ваше превосходительство, кончаю стихи на выезд принцессы из своего королевства в нашу родную страну.

М и н и с т р. Кому это теперь интересно? Принцесса уже две недели как приехала. Ступайте. Живо! (*Убегает.*)

П р и д в о р н ы й п о э т. Я, конечно, не дурак... Но... Э, была не была! В крайнем случае совру! Впервой ли мне! (*Стучит в дверь.*)

Занавес

Комната ткачей. Два больших ручных ткацких станка сдвинуты к стене. Две большие рамы стоят посреди комнаты. Рамы пустые. Большой стол. На столе — ножницы, подушечка с золотыми булавками, складной аршин.

Х р и с т и а н. Генрих! Генрих, будь веселей! У нас тончайший шелк, который нам дали для тканья, вот он в мешке. Я сотку-из него чудное платье для твоей невесты. А в этой сумке золото. Мы поедем домой на самых лучших конях. Веселей, Генрих!

Г е н р и х. Я очень веселый. Я молчу потому, что думаю.

Х р и с т и а н. О чем?

Г е н р и х. Как я с Генриеттой вечером буду гулять у реки, что возле нашего дома.

Стук в дверь. Христиан хватает ножницы, наклоняется над столом и делает вид, что режет. Генрих рисует мелком по столу.

Христиан. Войдите.

Входит придворный поэт.

Придворный поэт. Здравствуйте, придворные ткачи.

Христиан (*не оставляя работу*). Здравствуйте, придворный поэт.

Придворный поэт. Вот что, ткачи, — меня прислали с очень важным поручением. Я должен посмотреть и описать вашу ткань.

Христиан. Пожалуйста, господин поэт. Генрих, как ты думаешь, цветы роз нам поставить кверху листьями или кверху лепестками.

Генрих (*прищуриваясь*). Да. Пожалуй, да. Пожалуй, лепестками. На лепестках шелк отливает красивее. Король дышит, а лепестки шевелятся, как живые.

Придворный поэт. Я жду, ткачи!

Христиан. Чего именно, господин поэт?

Придворный поэт. То есть как чего именно? Жду, чтобы вы мне показали ткань, сделанную вами для костюма короля.

Генрих и Христиан бросили работу. Они смотрят на придворного поэта с крайним изумлением.

(*Пугается.*) Ну нечего, нечего! Слышите вы? Зачем таращите глаза? Если я в чем ошибся — укажите на мою ошибку, а сбивать меня с толку не к чему! У меня работа нервная! Меня надо беречь!

Христиан. Но мы крайне поражены, господин поэт!

Придворный поэт. Чем? Сейчас говорите, чем?

Христиан. Но ткани перед вами. Вот на этих двух рамах шелка натянуты для просушки. Вот они грудой лежат на столе. Какой цвет, какой рисунок!

Придворный поэт (*откашливается*). Конечно, лежат. Вон они лежат. Такая груда. (*Оправляется.*) Но я приказывал вам показать мне шелк. Показать с

объяснениями: что пойдет на камзол, что на плащ, что на кафтан.

Х р и с т и а н. Пожалуйста, господин поэт. На этой раме — шелк трех сортов. (*Поэт записывает в книжечку.*) Один, тот, что украшен розами, пойдет на камзол короля. Это будет очень красиво. Король дышит, а лепестки шевелятся, как живые. На этом, среднем, — знаки королевского герба. Это на плащ. На этом мелкие незабудки — на панталоны короля. Чисто белый шелк этой рамы пойдет на королевское белье и на чулки. Этот атлас — на обшивку королевских туфель. На столе — отрезы всех сортов.

П р и д в о р н ы й п о э т. А скажите, мне интересно, как вы на вашем простом языке называете цвет этого первого куска? С розами.

Х р и с т и а н. На нашем простом языке фон этого куска называется зеленым. А на вашем?

П р и д в о р н ы й п о э т. Зеленым.

Г е н р и х. Какой веселый цвет — правда, господин поэт?

П р и д в о р н ы й п о э т. Да. Ха-ха-ха! Очень веселый! Да. Спасибо, ткачи! Вы знаете — во всем дворце только и разговору, что о вашей изумительной ткани. Каждый так и дрожит от желания убедиться в глупости другого. Сейчас придет сюда министр нежных чувств. До свидания, ткачи.

Х р и с т и а н и Г е н р и х. До свидания, придворный поэт.

Поэт уходит.

Г е н р и х. Ну, дело теперь идет на лад, Христиан.

Х р и с т и а н. Теперь я заставлю прыгать министра нежных чувств, Генрих.

Г е н р и х. Как прыгать, Христиан?

Х р и с т и а н. Как мячик, Генрих.

Г е н р и х. И ты думаешь, он послушается, Христиан?

Х р и с т и а н. Я просто уверен в этом, Генрих.

Стук в дверь. Входит м и н и с т р н е ж н ы х ч у в с т в. В руках у него листки из записной книжки поэта. Самоуверенно идет к первой раме.

М и н и с т р н е ж н ы х ч у в с т в. Какие дивные розы!

Х р и с т и а н (*дико вскрикивает*). А!

М и н и с т р (*подпрыгнув*). В чем дело?

Х р и с т и а н. Простите, господин министр, но разве вы не видите? (*Показывает ему под ноги.*)

М и н и с т р. Что я не вижу? Какого черта я тут должен увидеть?

Х р и с т и а н. Вы стоите на шелке, из которого мы хотели кроить на полу камзол.

М и н и с т р. Ах, вижу, вижу! (*Шагает в сторону.*)

Г е н р и х. Ах! Вы топчете королевский плащ!

М и н и с т р. Ах, проклятая рассеянность! (*Прыгает далеко вправо.*)

Х р и с т и а н. А! Белье короля!

Министр прыгает далеко влево

Г е н р и х. А! Чулки короля!

Министр делает гигантский прыжок к двери.

Х р и с т и а н. А! Башмаки короля!

Министр выпрыгивает в дверь. Просовывает голову в комнату.

М и н и с т р (*из двери*). Ах какая прекрасная работа! Мы, министры, по должности своей обязаны держать головы кверху. Поэтому то, что внизу, на полу, я с непривычки плохо вижу. Но то, что в раме, то, что на столе — розы, гербы, незабудки, — красота, красота! Продолжайте, господа ткачи, продолжайте. Сейчас к вам придет первый министр. (*Уходит, закрыв дверь.*)

Х р и с т и а н. Кто был прав, Генрих?

Г е н р и х. Ты был прав, Христиан.

Х р и с т и а н. А первого министра я назову в глаза дураком, Генрих.

Г е н р и х. Прямо в глаза, Христиан?

Х р и с т и а н. Прямо в глаза, Генрих.

Первый министр открывает дверь, просовывает голову. Христиан, как бы не замечая его, идет за раму.

П е р в ы й м и н и с т р. Эй, ткачи! Вы бы прибрали на полу. Такая дорогая ткань — и валяется в пыли. Ай, ай, ай! Сейчас король сюда идет!

Г е н р и х. Слушаю, ваше превосходительство. (*Делает вид, что убирает и складывает ткань на столы.*)

П е р в ы й м и н и с т р входит. Осторожно становится у дверей. Христиан, отойдя за раму, достает из кармана бутылку. Пьет.

П е р в ы й м и н и с т р. Эй ты, наглец, как ты смеешь пить водку за работой?

Х р и с т и а н. Что это за дурак там орет?

П е р в ы й м и н и с т р. А! Да ты ослеп, что ли? Это я, первый министр!

Х р и с т и а н. Простите, ваше превосходительство, я из-за тканей вас не вижу, а голоса не узнал. А как вы меня увидели — вот что непонятно!

П е р в ы й м и н и с т р. А я... по запаху. Не люблю эту водку проклятую. Я ее за версту чую.

Христиан выходит из-за рамы.

Х р и с т и а н. Да разве это водка, — это вода, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. Что ты суешь в нос мне свою скверную фляжку! Стань на место! Сейчас король придет! (*Уходит.*)

Из-за кулис слышно пение: король идет и весело поет.

К о р о л ь (*за кулисами*). Сейчас приду и погляжу, сейчас приду и погляжу, тру-ля-ля. Тру-ля-ля!

Весело входит в комнату. За ним придворные

Тру-ля-ля, тру-ля-ля! (*Упавшим голосом.*) Тру-ля-ля!

Пауза.

(*С неопределенной улыбкой делает чрезвычайно широкий жест рукой.*) Ну! Ну, как? А?

Придворные. Замечательно, чудно, какая ткань!

Министр. Ткань роскошна и благородна, ваше величество!

Придворные. Вот именно! Как похоже! Роскошна и благородна!

Король (*первому министру*). А ты что скажешь, честный старик? А?

Король подавлен, но бодрится. Говорит с первым министром, а глядит на стол и рамы, видимо, надеясь наконец увидеть чудесную ткань. На лице все та же застывшая улыбка.

Первый министр. Ваше величество, на этот раз я скажу вам такую чистую правду, какой свет не видал. Может, вы удивитесь, ваше величество, может, я поражу вас, но я скажу!

Король. Так-так.

Первый министр. Вы простите меня, но подчас хочется быть действительно прямым. Никакой ткани, ваше величество, вы нигде не найдете, подобной этой. Это и пышно, и красочно.

Придворные. Ах как верно! Пышно и красочно. Очень точно сказано.

Король. Да, молодцы ткачи. Я вижу, у вас того... все уже довольно готово?..

Христиан. Да, ваше величество. Надеюсь, ваше величество не осудит нас за цвет этих роз?

Король. Нет, не осужу. Да, не осужу.

Христиан. Мы решили, что красные розы в достаточном количестве каждый видит на кустах.

Король. На кустах видит. Да. Прекрасно, прекрасно.

Христиан. Поэтому на шелку мы их сделали сире... (*кашляет*) сире... (*кашляет*).

Придворные. Сиреневыми, как остроумно! Как оригинально — сиреневыми! Роскошно и благородно.

Христиан. Серебряными, господа придворные.

Пауза.

М и н и с т р. Браво, браво! (*Аплодирует, придворные присоединяются.*)

К о р о л ь. Я только что хотел поблагодарить вас за то, что серебряными, это мой любимый цвет. Буквально только что. Выражаю вам мою королевскую благодарность.

Х р и с т и а н. А как вы находите, ваше величество, фасон этого камзола — не слишком смел?

К о р о л ь. Да, не слишком. Нет. Довольно разговаривать, давайте примерять. Мне еще надо сделать очень много дел.

Х р и с т и а н. Я попрошу господина министра нежных чувств подержать камзол короля.

М и н и с т р. Я не знаю, достоин ли я?

К о р о л ь. Достоин. Да. Ну-с. (*Бодрится.*) Давайте ему этот красивый камзол… Разденьте меня, первый министр. (*Раздевается.*)

Х р и с т и а н. Ах!

М и н и с т р (*подпрыгивает, глядя под ноги*). Что такое?

Х р и с т и а н. Как вы держите камзол, господин министр?

М и н и с т р. Как святыню… Что?

Х р и с т и а н. Но вы держите его вверх ногами.

М и н и с т р. Залюбовался на рисунок (*Вертит в руках несуществующий камзол.*)

Х р и с т и а н. Не будет ли так добр господин первый министр подержать панталоны короля?

П е р в ы й м и н и с т р. Я, дружок, из канцелярии, у меня руки в чернилах. (*Одному из придворных.*) Возьмите, барон!

П е р в ы й п р и д в о р н ы й. Я забыл очки, ваше превосходительство. Вот маркиз…

В т о р о й п р и д в о р н ы й. Я слишком взволнован, у меня дрожат руки. Вот граф…

Т р е т и й п р и д в о р н ы й. У нас в семье плохая примета держать в руках королевские панталоны…

К о р о л ь. В чем там дело? Одевайте меня скорее. Я спешу.

Х р и с т и а н. Слушаю, ваше величество. Генрих, сюда. Ножку, ваше величество. Левей! Правей! Я боюсь, что господа придворные одели бы вас более ловко. Мы смущаемся перед таким великим королем. Вот, панталоны надеты. Господин министр нежных чувств, камзол. Простите, но вы держите его спиной. Ах! Вы его уронили! Позвольте, тогда мы сами. Генрих, плащ. Всё. Прелесть этой ткани — ее легкость. Она совершенно не чувствуется на плечах. Белье будет готово к утру.

К о р о л ь. В плечах жмет. (*Поворачивается перед зеркалом.*) Плащ длинноват. Но, в общем, костюм мне идет.

П е р в ы й м и н и с т р. Ваше величество, простите за грубость. Вы вообще красавец, а в этом костюме — вдвойне.

К о р о л ь. Да? Ну, снимайте.

Ткачи раздевают короля и одевают в его костюм.

Спасибо, ткачи. Молодцы. (*Идет к двери.*)

П р и д в о р н ы е. Молодцы, ткачи! Браво! Роскошно и благородно! Пышно и красочно! (*Хлопают ткачей по плечу.*) Ну, теперь мы вас не отпустим. Вы всех нас оденете!

К о р о л ь (*останавливается в дверях*). Просите чего хотите. Я доволен.

Х р и с т и а н. Разрешите нам сопровождать вас, ваше величество, в свадебном шествии. Это будет нам лучшая награда.

К о р о л ь. Разрешаю. (*Уходит с придворными.*)

Г е н р и х и Х р и с т и а н (*поют*).

Мы сильнее всех придворных,
Мы смелей проныр проворных.
Вы боитесь за места —
Значит, совесть нечиста.
Мы не боимся ничего.

Мы недаром долго ткали,
Наши ткани крепче стали,
Крепче стали поразят
И свиней, и поросят.
Мы не боимся ничего.

Если мы врага повалим,
Мы себя потом похвалим.
Если враг не по плечу,
Попадем мы к палачу.
Мы не боимся ничего.

Занавес опускается на несколько секунд. Подымается. Та же комната утром. За окнами слышен шум толпы. Короля одевают за ширмами. Первый министр стоит на авансцене.

Первый министр. Зачем я в первые министры пошел? Зачем? Мало ли других должностей? Я чувствую — худо кончится сегодняшнее дело. Дураки увидят короля голым. Это ужасно! Это ужасно! Вся наша национальная система, все традиции держатся на непоколебимых дураках. Что будет, если они дрогнут при виде нагого государя? Поколеблются устои, затрещат стены, дым пойдет над государством! Нет, нельзя выпускать короля голым. Пышность — великая опора трона! Был у меня друг, гвардейский полковник. Вышел он в отставку, явился ко мне без мундира. И вдруг я вижу, что он не полковник, а дурак! Ужас! С блеском мундира исчез престиж, исчезло очарование. Нет! Пойду и прямо скажу государю: нельзя выходить! Нет! Нельзя!

Король. Честный старик!

Первый министр (*бежит*). Грубо говоря, вот я.

Король. Идет мне это белье?

Первый министр. Говоря в лоб, это красота.

Король. Спасибо. Ступай!

Первый министр (*снова на авансцене*). Нет! Не могу! Ничего не могу сказать, язык не поворачивается!

Отвык за тридцать лет службы. Или сказать? Или не сказать? Что будет! Что будет!

Занавес

Площадь. На переднем плане — возвышение, крытое коврами. От возвышения по обе стороны — устланные коврами дороги. Левая дорога ведет к воротам королевского замка. Правая скрывается за кулисами. Загородка, украшенная роскошными тканями, отделяет от дороги и возвышения толпу.

Толпа поет, шумит, свистит. Когда шум затихает, слышны отдельные разговоры.

Первая дама. Ах, меня так волнует новое платье короля! У меня от волнения вчера два раза был разрыв сердца!

Вторая дама. А я так волновалась, что мой муж упал в обморок.

Нищий. Помогите! Караул!

Голоса. Что такое? Что случилось?

Нищий. У меня украли кошелек!

Голос. Но там, наверное, были гроши?

Нищий. Гроши! Наглец! У самого искусного, старого, опытного нищего — гроши! Там было десять тысяч талеров! Ах! Вот он, кошелек, за подкладкой! Слава богу! Подайте, Христа ради.

Бритый господин. А вдруг король-отец опоздает?

Господин с бородой. Неужели вы не слышали пушек? Король-отец уже приехал. Он и принцесса-невеста придут на площадь из гавани. Король-отец ехал морем. Его в карете укачивает.

Бритый господин. А в море нет?

Господин с бородой. В море не так обидно.

Пекарь с женой. Позвольте, господа, позвольте! Вам поглазеть, а мы по делу!

Голоса. У всех одинаковые дела!

Пекарь. Нет, не у всех! Пятнадцать лет мы спорим с женой. Она говорит, что я дурак, а я говорю, что она. Сегодня наконец наш спор разрешит королевское платье. Пропустите!

Голоса. Не пропустим! Мы все с женами, мы все спорим, мы все по делу!

Человек с ребенком на плечах. Дорогу ребенку! Дорогу ребенку! Ему шесть лет, а он умеет читать, писать и знает таблицу умножения. За это я обещал ему показать короля. Мальчик, сколько семью восемь?

Мальчик. Пятьдесят шесть.

Человек. Слышите? Дорогу ребенку, дорогу моему умному сыну! А сколько будет шестью восемь?

Мальчик. Сорок восемь.

Человек. Слышите, господа? А ему всего шесть лет. Дорогу умному мальчику, дорогу моему сыну!

Рассеянный человек. Я забыл дома очки, и теперь мне не увидеть короля. Проклятая близорукость!

Карманник. Я могу вас очень легко вылечить от близорукости.

Рассеянный. Ну! Каким образом?

Карманник. Массажем. И сейчас же, здесь.

Рассеянный. Ах, пожалуйста. Мне жена велела посмотреть и все ей подробно описать, а я вот забыл очки.

Карманник. Откройте рот, закройте глаза и громко считайте до двадцати.

Рассеянный считает вслух, не закрывая рта. Карманник крадет у него часы, кошелек, бумажник и скрывается в толпе.

Рассеянный (*кончив счет*). Где же он? Он убежал! А я стал видеть еще хуже. Я не вижу моих часов, моего бумажника, моего кошелька!

Человек. Дорогу моему мальчику! Дорогу моему умному сыну! Сколько будет шестью шесть?

М а л ь ч и к. Тридцать шесть.

Ч е л о в е к. Вы слышите? Дорогу моему сыну! Дорогу гениальному ребенку!

Слышен бой барабанов. В толпе движение. Лезут на столбы, встают на тумбы, на плечи друг другу.

Г о л о с а. Идет! Идет!

— Вон он!

— Красивый!

— И одет красиво!

— Вы раздавили мне часы!

— Вы сели мне на шею!

— Можете в собственных экипажах ездить, если вам тут тесно!

— А еще в шлеме!

— А еще в очках!

Показываются в о й с к а.

Г е н е р а л (*командует*). Толпу, ожидающую короля, от ограды оттесни!

С о л д а т ы (*хором*). Пошли вон. Пошли вон. Пошли вон. Пошли вон. (*Оттесняют толпу.*)

Г е н е р а л. К толпе спи-и-иной!

Солдаты поворачиваются спиной к толпе, лицом к возвышению. Гремят трубы. Герольды шагают по дороге.

Г е р о л ь д ы. Шапки долой, шапки долой, шапки долой перед его величеством!

Уходят во дворец. Из-за кулис справа выходит пышно одетый к о р о л ь - о т е ц с принцессой в подвенечном наряде. Они поднимаются на возвышение. Толпа затихает.

П р и н ц е с с а. Отец, ну хоть раз в жизни поверь мне. Я тебе даю честное слово: жених — идиот!

К о р о л ь - о т е ц. Король не может быть идиотом, дочка. Король всегда мудр.

П р и н ц е с с а. Но он толстый!

К о р о л ь - о т е ц. Дочка, король не может быть толстым. Это называется «величавый».

Принцесса. Он глухой, по-моему! Я ругаюсь, а он не слышит и ржет.

Король-отец. Король не может ржать. Это он милостиво улыбается. Что ты ко мне пристаешь? Что ты смотришь жалобными глазами? Я ничего не могу сделать! Отвернись! Вот я тебе котелок привез. Ведь не целый же день будет с тобою король. Ты послушаешь музыку, колокольчики. Когда никого не будет близко, можешь даже послушать песню. Нельзя же принцессе выходить замуж за свинопаса! Нельзя!

Принцесса. Он не свинопас, а Генрих!

Король-отец. Все равно! Не будь дурочкой, не подрывай уважения к королевской власти. Иначе соседние короли будут над тобой милостиво улыбаться.

Принцесса. Ты тиран!

Король-отец. Ничего подобного. Вон — смотри. Бежит министр нежных чувств. Развеселись, дочка. Смотри, какой он смешной!

Министр нежных чувств. Ваше величество и ваше высочество! Мой государь сейчас выйдет. Они изволят гоняться с кинжалом за вторым камергером, который усмехнулся, увидя новое платье нашего всемилостивейшего повелителя. Как только наглец будет наказан — государь придет.

Трубят трубы.

Камергер наказан!

Выходят герольды.

Герольды. Шапки долой, шапки долой, шапки долой перед его величеством!

Из дворца выходят трубачи, за ними строем фрейлины, за фрейлинами придворные в расшитых мундирах. За ними первый министр.

Первый министр. Король идет! Король идет! Король идет!

Оглядывается. Короля нет.

Отставить! (*Бежит во дворец. Возвращается. Королю-отцу.*) Сейчас! Государь задержался, грубо говоря, у зеркала. (*Кричит.*) Король идет, король идет, король идет!

Оглядывается. Короля нет. Бежит во дворец. Возвращается.

(*Королю-отцу*) Несут, несут! (*Громко.*) Король идет! Король идет! Король идет!

Выносят портшез с королем. Король, милостиво улыбаясь, смотрит из окна. Портшез останавливается. Толпа кричит «ура». Солдаты падают ниц. Дверца портшеза открывается. Оттуда выскакивает король. Он совершенно гол. Приветственные крики разом обрываются.

Принцесса. Ах! (*Отворачивается.*)
Генерал. В себя при-ди!

Солдаты встают, взглядывают на короля и снова валятся ниц в ужасе.

В себя при-ди!

Солдаты с трудом выпрямляются.

Отвер-нись!

Солдаты отворачиваются. Толпа молчит. Король медленно, самодовольно улыбаясь, не сводя глаз с принцессы, двигается к возвышению. Подходит к принцессе.

Король (*галантно*). Даже самая пышная одежда не может скрыть пламени, пылающего в моем сердце.

Принцесса. Папа, теперь-то ты видишь, что он идиот?

Король. Здравствуйте, кузен!

Король-отец. Здравствуйте, кузен. (*Шепотом.*) Что вы делаете, кузен? Зачем вы появляетесь перед подданными в таком виде?

Король (*шепотом*). Что? Значит, и вы тоже? Ха-ха-ха!

Король-отец. Что я «тоже»?

Король. Либо не на месте, либо дурак! Тот, кто не видит эту ткань, либо не на месте, либо дурак!

Король-отец. Дурак тот, кто видит эту ткань, бессовестный!

Король. Это кто же бессовестный?

Король-отец. Тише говорите! А то чернь услышит нас. Говорите тише и улыбайтесь. Вы бессовестный!

Король (*принужденно улыбаясь. Тихо*). Я?

Король-отец. Да!

Король (*некоторое время молчит, полный негодования. Потом упавшим голосом спрашивает.*) Почему?

Король-отец (*шипит злобно, не переставая улыбаться*). Потому что вылез на площадь, полную народа, без штанов!

Король (*хлопает себя по ноге*). А это что?

Король-отец. Нога!

Король. Нога?

Король-отец. Да!

Король. Нет.

Король-отец. Голая нога!

Король. Зачем же врать-то? Даю честное королевское слово, что я одет как картинка!

Король-отец. Голый, голый, голый!

Король. Ну что это, ну какая гадость! Ну зачем это! Придворные! Я одет?

Придворные. Пышно и красочно! Роскошно и благородно!

Король. Съел? Первый министр! Я одет?

Первый министр (*обычным тоном*). Простите за грубость, ваше величество. (*Свирепо.*) Ты голый, старый дурак! Понимаешь? Голый, голый, голый!

Король издает странный вопль, похожий на икание. Вопль этот полон крайнего изумления.

Ты посмотри на народ! На народ посмотри! Они задумались. Задумались, несчастный шут! Традиции трещат! Дым идет над государством!

Король издает тот же вопль.

Молчи, скважина! Генерал! Сюда!

Генерал рысью бежит на возвышение.

Войска надежны? Они защитят короля в случае чего? Слышите, как народ безмолвствует?

Г е н е р а л. Погода подвела, господин первый министр!

К о р о л ь. А?

Г е н е р а л. Погода, ваше величество. С утра хмурилась, и многие из толпы на всякий случай взяли зонтики...

К о р о л ь. Зонтики?

Г е н е р а л. Да, ваше величество. Они вооружены зонтиками. Будь толпа безоружна, а тут зонтики.

К о р о л ь. Зонтики?

Г е н е р а л. Если пошло начистоту — не ручаюсь и за солдат. Отступят! (*Шепотом.*) Они у меня разложенные!

Король издает тот же вопль, похожий на икание.

Я сам удивляюсь, ваше величество. Книг нет, листовок нет, агитаторов нет, дисциплина роскошная, а они у меня с каждым днем все больше разлагаются. Пробовал командовать — разлагаться прекра-ати! Не берет!

М и н и с т р н е ж н ы х ч у в с т в. Ну я не знаю, ну так нельзя, я сам тоже недоволен, я пойду туда, к народу!

П е р в ы й м и н и с т р. Молчать!

М и н и с т р н е ж н ы х ч у в с т в. Надо создать Временный комитет безопасности придворных.

П е р в ы й м и н и с т р. Молчать! Нельзя терять времени! Надо толпу ошеломить наглостью. Надо как ни в чем не бывало продолжать брачную церемонию!

П р и н ц е с с а. Я...

П е р в ы й м и н и с т р (*с поклоном*). Молчать!

К о р о л ь - о т е ц. Он прав! Давай, давай!

М и н и с т р н е ж н ы х ч у в с т в. У меня фрейлины милитаризованные. Они защитят наш комитет.

П е р в ы й м и н и с т р. Ерунда твои фрейлины! Бери принцессу за руку, король. (*Машет герольдам.*)

Г е р о л ь д ы. Тишина! Тишина! Тишина!

Пауза.

Мальчик. Папа, а ведь он голый!

Молчание и взрыв криков.

Министр нежных чувств (*бежит во дворец и кричит на ходу*). У меня мать кузнец, отец прачка! Долой самодержавие!

Мальчик. И голый, и толстый!

Крики. Слышите, что говорит ребенок? Он не может быть не на своем месте!

— Он не служащий!

— Он умный, он знает таблицу умножения!

— Король голый!

— На животе бородавка, а налоги берет!

— Живот арбузом, а говорит — повинуйся!

— Прыщик! Вон прыщик у него!

— А туда же, стерилизует!

Король. Молчать! Я нарочно. Да. Я все нарочно. Я повелеваю: отныне все должны венчаться голыми. Вот!

Свист.

Дураки паршивые!

Свист. Король мчится во дворец. Первый министр, а за ним все придворные мчатся следом. На возвышении король-отец и принцесса.

Король-отец. Бежим! Смотри, какие глаза у этих людей за загородкой! Они видели короля голым. Они и меня раздевают глазами! Они сейчас бросятся на меня!

Генрих и Христиан (*прыгают на возвышение, кричат*). У-у-у!

Король-отец. Ах, началось! (*Подобрав мантию, бежит по дороге направо.*)

Принцесса. Генрих!

Генрих. Генриетта!

Христиан (*толпе*). Дорогие мои! Вы пришли на праздник, а жених сбежал. Но праздник все-таки состоялся! Разве не праздник? Молодая девушка встретила

наконец милого своего Генриха! Хотели ее отдать за старика, но сила любви разбила все препятствия. Мы приветствуем ваш справедливый гнев против этих мрачных стен. Приветствуйте и вы нас, приветствуйте любовь, дружбу, смех, радость!

Принцесса.

Генрих, славный и кудрявый,
Генрих, милый, дорогой,
Левой — правой, левой — правой
Отведет меня домой.

Толпа.

Пусть ликует вся земля,
Мы прогнали короля!
Пусть ликует вся земля,
Мы прогнали короля!

(*Пляшут.*)

Генрих.

У кого рассудок здравый,
Тот примчится, молодец,
Левой — правой, левой — правой
Прямо к счастью наконец!

Все.

Пусть ликует вся земля,
Мы прогнали короля!
Пусть ликует вся земля,
Мы прогнали короля!

Занавес

1934

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГОГЕНШТАУФЕНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гогенштауфен — экономист.
Упырева — управделами.
Маруся Покровская — счетовод.
Кофейкина — уборщица.
Бойбабченко — домашняя хозяйка.
Арбенин — юрисконсульт.
Журочкин — бухгалтер.
Брючкина — зав. машинописным бюро.
Юрий Дамкин — зав. снабжением.
Фавн — статуя.
Заведующий.
Сердитый молодой человек.
Рабочий.
Пожарный.
Милиционер.
Толпа.
Горцы на конях.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Скверик около учреждения. Вечер. Старуха-уборщица, по фамилии Кофейкина, дремлет в скверике. К ней быстро подходит другая старуха — Бойбабченко.

Бойбабченко. Слушай, Кофейкина, я к тебе… Это дело надо прекратить!

Кофейкина. Какое дело?

Бойбабченко. Ты меня знаешь! Я — старуха отчаянная, я — старуха добрая. Когда мне кого-нибудь жалко, я могу человека убить. Я такое могу поднять, что по газетам шум пойдет. Недопустимое это дело! Ведь уже одиннадцатый час!

Кофейкина. Ты о чем говоришь?

Бойбабченко. Конечно, о Гогенштауфене. Лицо его беспардонное, простое, каждому понятное. Каждый видит, что можно его нагрузить до отказу. Взгляни сама, оглянись! Разве это не ужасная картина? Во всем учреждении погас свет, только одно окно горит, его окно, Гогенштауфена. Сидит, крутит арифмометр за ручку…

Кофейкина. И песни поет.

Бойбабченко. Что?

Кофейкина. И песни поет. Он всегда, когда в одиночестве работает, напевает на мотив Буденного все, что в голову придет… Веселый экономист…

Бойбабченко. И ты про это так спокойно говоришь? Оставили человека одного на все учреждение,

работы на него навалили, сами гуляют, сами пируют — а он мучайся?

К о ф е й к и н а. Он не мучается.

Б о й б а б ч е н к о. Не морочь мне голову! Человек он молодой, нежный, погода хорошая, девушка у него, Маруся Покровская, такая, что даже я, старуха, и то в форточку любуюсь, когда она через садик домой идет, милая. А ты мне говоришь, что он не мучается! Врешь, мучается! Врешь, хочет уйти! Врешь, беспокоится за девушку. Где, мол, она в такую погоду? Не гуляет ли?

К о ф е й к и н а. Постой, мать.

Б о й б а б ч е н к о. Не буду стоять! Я все ваше учреждение лучше тебя знаю, хоть ты в нем уборщица, а я домохозяйка и не служащая. Ведь мои окна против ваших. У меня стекла чистые, у вас стекла чистые. Я по хозяйству бегаю, а с вас глаз не свожу. Я все вижу, всех понимаю. Кто что делает, мне все понятно. Я ведь за вашей работой еще и по всем газетам слежу. Сколько я с вашим планом намучилась. Ночи не сплю, бывало. Ах, думаю, доведут ли они план до каждого сотрудника! Мобилизуют ли общественность!

К о ф е й к и н а. Погоди.

Б о й б а б ч е н к о. Не могу. Человек мучается, товарищ Гогенштауфен, любимый мой сотрудник, а она сидит у двери, на звезды глядит. Ступай хоть чаю ему приготовь!

К о ф е й к и н а. Послушай меня...

Б о й б а б ч е н к о. Не в силах я этим заниматься. Добрая я! Тут не слушать надо, а помочь.

К о ф е й к и н а. Ладно, поможем.

Б о й б а б ч е н к о. Ну, то-то. Керосинка то у вас есть?

К о ф е й к и н а. Зачем?

Б о й б а б ч е н к о. Чаю взгреть. А нету, так я мигом домой...

К о ф е й к и н а. Тут чай не нужен...

Б о й б а б ч е н к о. То есть как? Человек там измучился!

Кофейкина. Дай мне сказать в свою очередь. Гогенштауфен — человек редкий. Он работает, но не мучается.

Бойбабченко. Откуда ты это знаешь?

Кофейкина. Значит, знаю. Он работает любя. Ему интересно. Делает он такой проект, который все наше учреждение по-новому повернет и так оживит, что каждый охнет, удивится и скажет: как верно придумано, давно пора! Заведующий перед отпуском лично сказал коменданту: Гогенштауфен, говорит, талант, говорит. Ему от работы мученья нет. Другая беда ему грозит.

Бойбабченко. Беда?

Кофейкина. Она самая.

Бойбабченко. Откуда?

Кофейкина. Упыреву нашу знаешь?

Бойбабченко. Управделами?

Кофейкина. Да.

Бойбабченко. Как не знать! Хоть и не так давно она у вас, однако я приметила. Красивая она, но лицо у нее все же грубое, отрицательное. Идет мимо и так глядит, будто я не человек, а она высшее начальство.

Кофейкина. Эта самая. От нее я и жду всяких бед Гогенштауфену.

Бойбабченко. Склока?

Кофейкина. Вроде. Не знаю — сказать тебе, не знаю — нет.

Бойбабченко. Скажи!

Кофейкина. Не знаю, поймешь ты, а вдруг и не поймешь!

Бойбабченко. Пойму!

Кофейкина. Хватит ли у тебя сознания.

Бойбабченко. У меня-то? Да что ты, матушка? Да мы, новые старухи, — самый, быть может, сознательный элемент!

Кофейкина. Ох, не знаю! Так ли?

Бойбабченко. Да что ты, родная, я тебе доказать могу. Почитай газеты, возьми цифры, если мне не

веришь. Цифры не соврут. Что есть высшая несознательность? Хулиганство. А за хулиганство сколько старух судилось? Ни одной! За разгильдяйство сколько? Нуль. За бытовое разложение? Ни единой. Да что там, возьми такую мелочь, как прыганье с трамваев на ходу, — мы, старухи, даже этого себе не позволяем. Мы сознательные!

К о ф е й к и н а. Так то оно так...

Б о й б а б ч е н к о. Не спорь! Я все обдумала. Я даже собираюсь в красном уголке прочесть: «Новый быт и новая старуха». Вот. Я, милая, когда готовлю, мету, шью, у меня только руки заняты, а голова свободна. Я думаю, думаю, обобщаю в тишине, в пустой квартире. Мысли, понятия... Не спорь! Объясни, в чем дело с Упыревой! Я мигом разберусь! Предпримем шаги! Ну? Говори!

К о ф е й к и н а. Ох... смотри! Объяснить я объясню, дело простое, но только, чур, не отступать!

Б о й б а б ч е н к о. Я? Да я перед львом не отступлю, не то что перед управделами. Объясняй, в чем дело!

К о ф е й к и н а. Ну, слушай. Время сейчас опасное, летнее. Лучшие люди в отпуску. Заведующий в горах. Секретарь в командировке. Тишина в учреждении, а она в тишине и проявляется.

Б о й б а б ч е н к о. Упырева?

К о ф е й к и н а. Она. Она, брат, мертвый класс.

Б о й б а б ч е н к о. Какой?

К о ф е й к и н а. Мертвый. А Гогенштауфен — живой. Понятно?

Б о й б а б ч е н к о. Конкретно говори.

К о ф е й к и н а. Мертвый она класс! Не страшен мертвый на столе, а страшен мертвый за столом. Понятно? Мертвый человек лежит, а мертвый класс сидит, злобствует. Она в кабинете — как мертвый за столом.

Б о й б а б ч е н к о. Убрать!

К о ф е й к и н а. Она у нас недавно — как уберешь?

Б о й б а б ч е н к о. Общественность, местком, стенгазета!

К о ф е й к и н а. Летом? А окромя того, она исподтишка, из-под колоды человека сил всяких лишает. Она по бытовой линии человека губит. Теперь вникай! Теперь слушай, что она задумала! Она задумала Гогенштауфена с Марусей Покровской разлучить!

Б о й б а б ч е н к о. Да неужто!

К о ф е й к и н а. Факт. Гогенштауфен сейчас нежный, счастливый, его по этой линии убить — легче легкого. Расстроится, с проектом опоздает, и выйдет все, как ей надо! Повредит она человеку в любви, а пострадает учреждение! Ох, она ехидная, ох, она хитрая, ох, она злобная!

Б о й б а б ч е н к о. Идем!

К о ф е й к и н а. Куда?

Б о й б а б ч е н к о. Наверх.

К о ф е й к и н а. Зачем?

Б о й б а б ч е н к о. Глаза открывать.

К о ф е й к и н а. Какие глаза?

Б о й б а б ч е н к о. Гогенштауфену глаза. Пусть знает! Пусть приготовится!

К о ф е й к и н а. Да что он может! Заведующий в отъезде. Будь заведующий — тогда сразу все прояснилось бы. Он ведь вроде как бы гений. А Гогенштауфен — где ему!

Б о й б а б ч е н к о. Идем наверх — я проясню!

К о ф е й к и н а. Как именно?

Б о й б а б ч е н к о. Все ему выложу, бедному Гогенштауфену. Так и так, Упырева желает вас с девушкой разлучить, чтобы вы ослабели и худо работали. Она такая вредительница, что прямо жутко!

К о ф е й к и н а. А он тебе на это вежливо: ох, да ах, вот как, а про себя — какая сплетница-баба! Ненормальная!

Б о й б а б ч е н к о. А я ему скажу: она классовый враг!

К о ф е й к и н а. А он тебе деликатно: да ну! Да неужто! А сам про себя: какая пошлая старуха. Спецеедка.

Б о й б а б ч е н к о. Давай анкету Упыревой достанем и докажем ему все, как на ладошке!

К о ф е й к и н а. Эх, ты, неопытная. У настоящего классового врага анкета всегда аккуратная! Нет, ничего ты не можешь.

Б о й б а б ч е н к о. Я не могу?

К о ф е й к и н а. Ты.

Б о й б а б ч е н к о. Я?

К о ф е й к и н а. Ты.

Б о й б а б ч е н к о. Не знаешь ты меня! Я всегда найду путь, как за правду постоять!

К о ф е й к и н а. Всегда ли?

Б о й б а б ч е н к о. Всегда. Если трудно — обходным путем пойду. Вот мои соседи, например, кошку обижали. Котят топили. Кошка орет, а они топят. Прямым путем, уговором их не взять. Хохочут звери над животным. Легко ли это выносить при моей доброте? Пошла я в жакт и заявила, что соседи мои в квартире белье стирают. Ахнули соседи, пострадали и смягчились. Боятся теперь против меня идти. Во мне, мать, энергия с возрастом растет. В двадцать лет я хороша была, а в шестьдесят — втрое. Не знаю, что дальше будет, а пока я молодец!

К о ф е й к и н а. Это мне известно. Поэтому с тобой и договариваюсь. Поэтому посвящаю тебя во все дела. Она готова напасть, я готова отразить, и все прекрасно.

Б о й б а б ч е н к о. Ничего прекрасного не вижу. Торчишь у дверей и все. В чем же твоя готовность? Чего ты ждешь?

К о ф е й к и н а (*просто*). А жду я, матушка, пока пробьет полночь.

Б о й б а б ч е н к о. Чего?

К о ф е й к и н а. Двенадцать часов жду. Поняла?

Б о й б а б ч е н к о. Зачем?

К о ф е й к и н а. Ты энергична, но против моей энергии твоя энергия ничего не стоит. Слушай меня. Давай сюда ухо. (*Шепчет что-то на ухо Бойбабченко.*)

Б о й б а б ч е н к о. Ах!

Кофейкина. Не ахай! (*Шепчет.*)

Бойбабченко. Ох!

Кофейкина. Не охай. (*Шепчет.*)

Бойбабченко. Ух!

Кофейкина. Не ухай. (*Шепчет.*)

Бойбабченко. Что ты мне сказки рассказываешь!

Кофейкина. А что плохого в сказке?

Бойбабченко. И все так, как ты говоришь?

Кофейкина. Все.

Бойбабченко. Но это форменная сказка.

Кофейкина. Ну, и что же с того? Весело, отчетливо. Она подлостью, а мы...

Вспыхивает на секунду яркий свет.

Бойбабченко. Что это?

Кофейкина. Не дрожи! Это трамвай по проволоке дугой ударил. Еще ведь нет двенадцати. Эх, мать! Оставь хозяйство! Идем за мной! Я простая, я легкая. В два да ликвидируем врага, и каким путем — небывалым путем! Идешь?

Бойбабченко. Подумаю.

Кофейкина. Скорее! До двенадцати надо решить! Решай! А если решишь, —

Энергия плюс чудо, минус разум,
И мы с управделами сладим разом.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в учреждении. Ночь. Гогенштауфен работает за столом.

Гогенштауфен. Который час? Без четверти двенадцать... Так. Мне осталось всего на пятнадцать минут работы. Хорошо! Через полчаса дома буду — отлично! Где арифмометр? Вот он — замечательно! (*Поет на мотив Буденного, вставляя слова кое-как, растягивая слоги,*

делая неверные ударения.) Мы — красная кавалерия, и про нас, четырежды пятна-а-а-адцать шесть! Дес! сять! Да два в уме, да два в уме, товарищ Гогенштауфен, былинники речистые ведут рассказ. (*Говорит.*) Так и запишем. Пиши, Пантелей Гогенштауфен. (*Опрокидывает чернильницу.*) Замечательно! Это что же такое? Все залил! Все! До чего мне надоели эти мелкие несчастья — уму непостижимо. (*Поет.*) Вчера, садясь в трамвай, калошу потерял, потом старушке злобной вдруг на платье наступил, потом я подавился ко-ко-косточкой, а ночью, идиот, пролил чернильницу! Хотел пойти домой, поесть как следует и лечь, а вместо этого…

Звонок телефона.

Ага! Алло! Да, я! Конечно, как же я могу не узнать голоса квартирной хозяйки? Нет, не скоро, увы. Что? Пропал мой ужин? Куда? Почему? Да, я открыл окно уходя. А комнату запер. Кошка в окно влезла? Жрет мои котлеты? Крикните ей «брысь». Что? Кричали? Не стышит? Глухая, ангорская? Интересно. Ну, черт с ней. Что? Кто приходил? Маруся Покровская? Что срочно передать? Громче говорите! А? Чего вы щелкаете? Кто? А? Группа «А»! Полное молчание. Аппарат испортился, будь ты трижды рыжий. Ну, и ладно. (*Поет.*) Приду домой, а лопать нет ничего, ангорская кошечка слопала все-е! Маруся приходила, не узнать до завтра почему, са-а-мая прекрасная де-вушка! (*Переставляет лампочку. Лампочка гаснет. Полная тьма. Гогенштауфен встает, ищет выключатель. Поет крайне уныло.*) Ах, будь ты трижды ры-ыжий, ах, будь ты трижды рыжий, ах, будь ты трижды ры-ы-ыжий, ах, будь ты. (*С грохотом натыкается на что-то.*) Найди тут выключатель! Где я? Ничего не понимаю. Темнота и больше ничего. Фу-ты, даже как-то неприятно. Как будто я не у себя в учреждении, а…

На секунду вспыхивает яркий зеленый свет.

Здравствуйте — а это что такое? Что за свет? Честное слово — или это от усталости, но только я не узнаю комнаты. Куда бежать? (*Бежит, с грохотом натыкается на что-то*). А это что? Здесь ничего такого большого, холодного, гладкого не стояло!

Снова на секунду вспыхивает свет.

Опять!

Музыка.

Кто это играет?

Часы бьют двенадцать.

Кто это звонит?

От стены отделяется белая фигура.

Кто там ходит?

Голос. Я.

Гогенштауфен. Кто я?

Голос. Это мы, мы!

Гогенштауфен (*в ужасе*). Какие мымы?

Зажигается свет. У выключателя Кофейкина и Бойбабченко.

Гогенштауфен (*падает в кресло, вытирает лоб платком*). Здравствуйте, товарищ Кофейкина.

Кофейкина. Здравствуйте.

Гогенштауфен. Что тут за ерунда делалась? А? Скажите! Что за свет вспыхивал?

Кофейкина. А это, товарищ Гогенштауфен, трамвай по проволоке дугой бил. Возле нас поворот.

Гогенштауфен. Действительно... А что за музыка играла? Что за звон звонил?

Кофейкина. А это, товарищ Гогенштауфен, часы. Музыка потому играла, что часы двенадцать били. Такой у них под циферблатом музыкальный механизм.

Гогенштауфен. Позвольте, а днем в двенадцать они почему не играют?

К о ф е й к и н а. Играют и днем, товарищ Гогенштауфен. Но только у вас в двенадцать перерыв на завтрак, вы в этой комнате не бываете.

Г о г е н ш т а у ф е н. Верно. Значит, все просто?

К о ф е й к и н а. Вполне. Позвольте вас, товарищ Гогенштауфен, познакомить. Подруга моя, соседка нашего учреждения, товарищ Бойбабченко. Домохозяйка. Очень она любит наше учреждение.

Б о й б а б ч е н к о. А в особенности — вас.

Г о г е н ш т а у ф е н. Меня?

Б о й б а б ч е н к о. Да-с.

Г о г е н ш т а у ф е н. За что же, собственно?

Б о й б а б ч е н к о. Жаль мне вас, товарищ Гогенштауфен, ох как жаль!

Г о г е н ш т а у ф е н. Виноват?

К о ф е й к и н а. Жалеем мы вас, она говорит. И правильно говорит. И нет в этом ничего для вас обидного! Простите, прибрать надо. (*Метет.*)

Г о г е н ш т а у ф е н. Я не обижаюсь! Я только не понимаю — за что меня это... любить. И того... как его... Вы того... Простите, я когда... теряюсь... нескладно говорю. Это... Почему жалко?

К о ф е й к и н а. Потому что вы художник, прямо сказать.

Г о г е н ш т а у ф е н. Я простой экономист!

К о ф е й к и н а. Экономист, да не простой. Знаю я, что вы за проект готовите.

Г о г е н ш т а у ф е н. Это... того... нескладно говоря... Проект... наш план... того... Усилить. А, будь ты трижды рыжий! О чем говорим мы в конце концов? Что за странности со всех сторон? Ну, знаете вы мой проект — так чего же вам жалеть меня?

Б о й б а б ч е н к о. А конечно, жалко! Сидели мы с ней в темноте, слушали вашу песню, и сердце у меня дрожало.

Г о г е н ш т а у ф е н. Сердце?

Б о й б а б ч е н к о. Дрожало, родной. Так я плакала! Ты пел хорошо, жалостно!

Г о г е н ш т а у ф е н. Я плохо пою.

Б о й б а б ч е н к о. Нешто мы формалистки? Нам форма — тьфу. Нам содержание твоей песни всю душу истерзало! (*Поет.*) Четырежды пятнадцать шесть! Дес! сять! (*Всхлипывает.*) Поет, бедный. Поет и не знает ничего! Не знает...

Г о г е н ш т а у ф е н. Что не знает?

К о ф е й к и н а. Тебе грозит беда!

Г о г е н ш т а у ф е н. Какая?

К о ф е й к и н а. Страшная.

Часы снова бьют двенадцать. Музыка.

Г о г е н ш т а у ф е н. Почему часы опять играют?

К о ф е й к и н а (*бросила мести. Метла метет сама собой. Пауза*). А уж такой у них, товарищ Гогенштауфен, музыкальный механизм под циферблатом. Как двенадцать — играют, бьют!

Г о г е н ш т а у ф е н. Так ведь было уже двенадцать, было!

К о ф е й к и н а. Они, товарищ Гогенштауфен, спешат. Фактически, астрономически, то есть по звездам, двенадцать часов исполнилось только сей миг. Вот и заиграла музыка, звон зазвонил!

Г о г е н ш т а у ф е н. Ничего не понимаю!

К о ф е й к и н а. Это не важно! Ты одно пойми: грозит тебе беда. (*Снова хватает метлу, с ожесточением метет.*)

Г о г е н ш т а у ф е н. Этого... того...

К о ф е й к и н а. Враг твой — беспощадный. У него мертвая хватка. Ты человек живой — этого она тебе ни в жизнь не простит. Но ты не бойся! Веселый будет бой. Мы за тебя.

Г о г е н ш т а у ф е н. Да кто вы?

К о ф е й к и н а (*показывает на Бойбабченко*). Она старуха живая, до жизни жадная, увертливая, с врагом смелая, а я... это...

Г о г е н ш т а у ф е н. Ну? Что же вы это... а? Товарищ Кофейкина?

К о ф е й к и н а. А я, извините, товарищ Гогенштауфен, я, товарищ Гогенштауфен, — волшебница.

Удар грома, молния. В часах сильный звон. Свет в комнате делается значительно ярче. Загорается перегоревшая настольная лампа. Пишущие машинки звонят, стучат. Арифмометры вертятся сами собой, подпрыгивают высоко над столами и мягко опускаются обратно. В углу с грохотом раскрылось и закрылось бюро. Кариатиды — бородатые великаны, поддерживающие потолок, — осветились изнутри.

Г о г е н ш т а у ф е н. Что это делается кругом?

К о ф е й к и н а. А это из-за меня, товарищ Гогенштауфен. У меня энергии масса. Все кругом прямо оживает. Волшебница ведь я, извините.

Б о й б а б ч е н к о. Волшебница. Понимаешь? В смысле — ведьма. И не подумай, товарищ Гогенштауфен, что в смысле характера или там наружности она ведьма. Нет. Она полная ведьма! На сто процентов! Я с ней весь вечер сегодня объяснялась — все поняла!

Г о г е н ш т а у ф е н. Но волшебниц на свете не бывает, слышите вы, безумные, — не бывает!

К о ф е й к и н а. Вообще, действительно, не бывает, но одна всегда была и есть. Это я.

Г о г е н ш т а у ф е н. А это все равно, что и нету! Сколько миллиардов людей жило, живет и еще будет жить — против этого страшного числа одна единственная ведьма все равно, что ничего. Считай, что вообще, действительно, их нету.

К о ф е й к и н а. Но только в данном частном случае — вот она я! Волшебница!

Музыка, свет, движение усиливается.

П е р в а я к а р и а т и д а (*глухим басом*). Волшебница, поддерживаю!

В т о р а я к а р и а т и д а. Поддерживаю, волшебница.

Б о й б а б ч е н к о. Да ты сядь, товарищ Гогенштауфен.

К о ф е й к и н а. Кресло, сюда! На-на-на!

Кресло вздрагивает.

Ну, живо!

Кресло подбегает сзади к Гогенштауфену. Ударяет его под колени. Гогенштауфен падает в кресло.

Посиди, ты волнуешься.

Г о г е н ш т а у ф е н. Нет... Волнуешься... Это... Опытом... опытом... не приучен.

К о ф е й к и н а. Воды!

Стол с графином подбегает к Гогенштауфену. Графин подымается в воздух и наливает воду в стакан. Стакан взлетает к губам Гогенштауфена. Гогенштауфен покорно пьет.

Б о й б а б ч е н к о. Я понимаю, товарищ Гогенштауфен, неудобно тебе... Мне самой, когда я узнала, кто она такая, тоже было нехорошо. Я к доктору побежала и ее с собой потянула. Кровь ее дала на экстренное исследование.

Г о г е н ш т а у ф е н. Ну и что?

Б о й б а б ч е н к о. Ну и получила анализ. Красных у нее кровяных шариков столько-то, белых столько-то, еще много разного написано, а внизу диагноз стоит.

Г о г е н ш т а у ф е н. Какой?

Б о й б а б ч е н к о. Волшебница.

Г о г е н ш т а у ф е н. Так и написано?

Б о й б а б ч е н к о. Так. Я к главному профессору ходила. Он очки на лоб вздел, весь трусится: сам, говорит, удивляюсь, первый случай, говорит, в моей жизни, странно, говорит, но верно. Видишь! Против науки не пойдешь. Привыкла я! Это все очень просто. Никакого переносного смысла нету. Сказка и все. Привыкай.

К о ф е й к и н а. Скорей привыкай. Ты в опасности, друг! Упырева твой враг, чего-то готовит. Ты ей ненавистен.

Г о г е н ш т а у ф е н. Почему?

К о ф е й к и н а. Мы кто?

Г о г е н ш т а у ф е н. То есть?

К о ф е й к и н а. Что есть наше учреждение? Финансовая часть огромного строительства. К нам люди со всех сторон ездят сметы утверждать. Попадет к тебе человек, как ты его примешь?

Б о й б а б ч е н к о. Как бабушка родная примешь ты человека. Объяснишь, наставишь, а также проинструктируешь. Каждую часть строительства знаешь ты, как мать сына. Каждую родинку ты, бедный, чувствуешь. Каждую мелочь постигаешь. От тебя человек идет свежий, действительно, думает, центр думает!

К о ф е й к и н а. А к ней попадет — сразу обалдевает. Она его карболовым духом. Она его презрением. Она ему: вы у нас не один. Он думает: как же так, я строю, а она меня за человека не считает? Я ей, выходит, мешаю? Я ей покажу! Силу он тратит, кровь тратит — а ей того и нужно. Живую кровь потратить впустую. Мертвый класс. Вот.

Б о й б а б ч е н к о. А тут твой проект.

К о ф е й к и н а. Всю систему упрощает. Всю работу оживляет.

Б о й б а б ч е н к о. Этого она не простит!

К о ф е й к и н а. Она все сделает, чтоб тебя расслабить!

Г о г е н ш т а у ф е н. Как расслабить?

К о ф е й к и н а. Размагнитить. И будет она, окаянная, по такой линии действовать, где ее труднее всего взять.

Г о г е н ш т а у ф е н. По какой же это?

К о ф е й к и н а. По бытовой. Сплетней запутает, клеветой оплетет.

Б о й б а б ч е н к о. С Марусей разлучит, разлучница поганая.

К о ф е й к и н а. Ее только чудом и можно взять. Чудом и возьмем Упыреву-то.

Гогенштауфен. Ах, будь ты трижды рыжий!

Кофейкина. Только имей в виду, — ты экономист, ты меня поймешь, — все чудеса у меня по смете.

Гогенштауфен. По чему?

Кофейкина. По смете. Могу я в квартал совершить три чуда, три превращения, а также исполнить три любых твоих желания. Так и надо будет планировать! Мелкие чудеса, стул, например, позвать и прочее, — это, конечно, сверх сметы, на текущие расходы... Но капитальные чудеса — строго по смете.

Гогенштауфен. Фу-ты, черт. Ну, а кто она, Упырева-то, вредительница, что ли?

Кофейкина. Даже хуже.

Первая кариатида. Хуже, поддерживаю.

Вторая кариатида. Поддерживаю, хуже.

Гогенштауфен. Ах, будь ты... Фу-у!.. Мне даже жарко стало.

Кофейкина. Действительно, ночь жаркая, но мы откроем окошки. (*Дует по очереди на окна. Окна распахиваются.*) Диаграммы — кыш!

Диаграммы, висящие на стене в глубине сцены, скатываются в трубочки.

Кофейкина. Ну, Гогенштауфен, легче тебе?

Гогенштауфен. Как будто легче.

Бойбабченко. А я волнуюсь... Неудобно... Или даже, может быть, жутко... Ведь она и мне до поры не сказала, кто эта Упырева... Поступки сказала, а сущность...

Кофейкина. Увидишь! Сейчас увидишь. Сейчас оба увидите капитальное чудо. Чудо номер один. Приготовились?

Бойбабченко. Да.

Кофейкина (*смотрит на стену. Свистит*). Ф-р-р-р! Начали!

Стена постепенно становится прозрачной. За стеной — Упырева. Сидит одна за столом. Неподвижна как манекен.

Кофейкина (*выдергивает из щетки палку. Водит палкой по Упыревой*). Видишь? Вот она. (*Тычет палкой.*) Упырева! Видишь, лицо какое?

Бойбабченко. Отрицательное!

Кофейкина. Вот именно. Вполне отрицательное. Обрати внимание — рот. Маленький, резко очерченный. Нешто это рот? Разве таким ртом можно разговаривать по-человечески? Нет. Да она и не разговаривает по-человечески. Она злобой набита, недоброжелательством полна. Она яды источает.

Бойбабченко. Гадюка она?

Кофейкина. Хуже. А теперь — вглядись, вглядись. Разве таким ртом можно есть по-человечески? Нельзя! Да она и не ест по-человечески.

Бойбабченко. На диете она?

Кофейкина. Хуже! А глаза? Разве они глядят? Они высматривают! Добычу они высматривают.

Бойбабченко. Вроде коршуна она?

Кофейкина. Хуже! А руки! Смотри, когти какие.

Бойбабченко. Красноватые.

Кофейкина. То-то и есть. А лобик. (*Стучит палкой.*) Слышишь звук?

Бойбабченко. Жуть!

Кофейкина. То-то и оно! Что говорит она? Что высматривает? Что когтит своими когтями? О чем думает змеиной своей головой?

Бойбабченко. О подлостях!

Кофейкина. О живом человеке. Появится на работе живой человек — горе ему, горе, горе! Высмотрит, выживет, живую кровь выпьет. Догадываешься, кто она? А, Гогенштауфен?

Гогенштауфен. Опытом... Опытом не приучен.

Кофейкина. А ты, Бойбабченко?

Бойбабченко. Бюрократка она!

К о ф е й к и н а. Хуже. Она их предвечная праматерь, или, по-русски говоря, шеф. Она враг всего живого, а сама питается живым. Она мертвого происхождения, а сама помирать никак не хочет. Она вечно в движении — зачем? Чтобы все движение навсегда остановить и в неподвижные формы отлить. Она смерти товарищ, тлению вечный друг.

Б о й б а б ч е н к о. Что же она, говори конкретно!

К о ф е й к и н а. Она — мертвый класс. Мертвый среди живых. А проще говоря — упырь!

Свист и шипение, похожие на змеиные. Свет меркнет. Окна захлопываются сами собой. Гаснет снова перегоревшая лампочка. Кариатиды постепенно тускнеют.

П е р в а я к а р и а т и д а. Поддер...

В т о р а я к а р и а т и д а. ...живаем...

Гаснут.

Б о й б а б ч е н к о. Ну, спасибо! Это, матушка, обман, очковтирательство и все!

К о ф е й к и н а. В чем дело?

Б о й б а б ч е н к о. Ты же говорила — одна ты эта... сверхъестественная. А теперь, здравствуйте, тетя, — еще упырь! Это что же выходит? А? А говорила — все просто...

К о ф е й к и н а. Позволь... Волшебница, действительно, я одна. Добрая. А она злая. И не волшебница, а упырь. Она даже чудес не может совершать. Так, мелкие подлости и все... ясно?

Б о й б а б ч е н к о. Ну, это еще ничего... Только две, значит, вас? Ты добрая, она злая?

К о ф е й к и н а. Две. И много тысяч лет мы в бою. Она за мертвых, я за живых. Я — с побеждающими, она — с отживающими.

Б о й б а б ч е н к о. А может, есть ни злые, ни добрые? Эти... Волшебницы-упыри... Нейтральные?

К о ф е й к и н а. Нету таких.

Б о й б а б ч е н к о. А колеблющиеся? Перестраивающиеся?

К о ф е й к и н а. И таких нету.

Б о й б а б ч е н к о. Ну, хорошо, — хоть отчетливо! Валяй дальше, матушка!

К о ф е й к и н а. Ладно. Мертвый этот упырь притворяется у нас в учреждении из живых живейшим. Упыри, они же вурдалаки, иначе вампиры, как известно, кровью человеческой питаются. А наша вон что делает. Смотри! (*Свистит*.)

Упырева оживает. Достает из сумочки пузырек, из стола рюмочку. Капает. Пьет. Свисток. Упырева замирает.

Б о й б а б ч е н к о. Чего это она пила?

К о ф е й к и н а. Гематоген.

Б о й б а б ч е н к о. Чего, чего?

К о ф е й к и н а. Гематоген. Лекарственный препарат из крови завода врачебных заготовлений Наркомздрава. Днем препаратом живет, ну, а вечером она, правда, насасывается досыта. Вечером она совмещает. Служит лаборанткой в лаборатории, куда кровь на исследование дают. Ясно — она по крови специалистка. Она там часть исследует, часть выпьет. Часть исследует, часть выпьет. Вот. Все понятно?

Г о г е н ш т а у ф е н. Да, летим дальше!

К о ф е й к и н а. Летим. Сейчас мы увидим, о чем говорила Упырева в этой комнате нынче днем. Чудо чистое, вполне научное. Все, что тут происходило, оставило свои следы в эфире. Я это просто проектирую на экране и все. (*Свистит*.)

Упырева оживает. Против нее вырисовывается постепенно Ю р и й Д а м к и н. Упырева разбирает бумаги.

Д а м к и н. Детка, знаете, что интересно? Мне так есть хочется, что спасу нет. Прямо сам любуюсь, как мне есть хочется. Сильный организм. У меня есть такое свойство — если я не поем...

Упырева. Сейчас кончу — поговорим. А пока не болтайте, как зарезанный. (*«Зарезанный» произносит с наслаждением.*)

Дамкин. Детка, знаете новость? Интереснейшая новость! Я себе коронки сделал. На все зубы! Стальные! Нержавеющей стали. А? Детка... У меня теперь стальные зубы! Детка, у меня есть такое свойство, — я не могу морковь есть... Не люблю... А еще я не люблю маслины. Они деревянным маслом пахнут. Детка! Интереснейшая новость — я себе полуботинки купил! Не слушает... Работает... Как симпатично у вас вьются волосы! Смотрите, пожалуйста! Завиваетесь?

Упырева. Да, но завивка у меня вечная.

Дамкин. А почему у вас такие белые ручки?

Упырева. Потому что крови мало.

Дамкин. А почему у вас такие серьезные глазки?

Упырева. Потому что я пить хочу!

Свист и шипенье, похожие на змеиные.

Дамкин. Почему это у вас в комнате всегда отопление шипит? Летом, а шипит? Да! Интереснейшая новость! Я достал вчера себе шевиот на костюм. Двойной! Американский! Не слушает... (*Хлопает себя по лбу.*) Ах, я глупенький! Мне предстоит это, а я не это... Так вот вы зачем просили меня остаться! Конечно! Все разошлись! Мы одни. А? Укусить вас зубами стальными? Пожалуйста! А? Что молчите? Зачем наивничать? Вы не девочка, я не мальчик — будем брать от жизни все, что она дает. Где ключ?..

Упырева. Не нужно.

Дамкин. Как не нужно?

Упырева. Вы пристаете ко всем женщинам, как зарезанный!

Дамкин (*хохочет*). Ревнует! Не надо! Берите от жизни все, что она дает. А что она даст?

Жизнь — это бочка страданий,
С наслаждения ложечкой в ней.

(*Берет ее за руку.*) Какая холодная ручка.

Упырева. Сядьте.

Дамкин. Как сядьте? Ну это уж грубо. У меня есть такое свойство...

Упырева. Не тратьте времени.

Дамкин. Я не трачу.

Упырева. Тут у вас ничего не выйдет.

Дамкин. У меня, дорогая, есть такое свойство...

Упырева. Довольно.

Дамкин. Как это, то есть, довольно? Чего изображать добродетель? Я очень хорошо знаю женщин. Все они донжуаны и циники.

Упырева. Оставьте!

Дамкин. У меня есть такое свойство, дорогая. Уже если я начал, то не оставлю!

Упырева. Мне с вами поручила поговорить одна женщина! Понимаете? Чего мигаете глазами, как зарезанный? Она в вас влюблена. Это первое мое дело к вам. Второе мое дело — вас ненавидит один мужчина.

Дамкин. Кто?

Упырева. Он вам вставляет палки в колеса.

Дамкин. Не такие у меня колеса, чтоб можно было палки вставлять!

Упырева. А вот он вставляет.

Дамкин. Кто он?

Упырева. Да неужто вы сами не догадываетесь?

Дамкин (*грубо*). Довольно колбасы! Давайте сосисок! Говорите прямо, что знаете!

Упырева. У вас были столкновения с Гогенштауфеном?

Дамкин. У меня есть такое свойство — если мне прямо не говорят, я могу безобразие сделать. Он меня копает?

Упырева. Что вы сделали с Марусей Покровской?

Дамкин. С кем? Ах, да... (*Хохочет.*) Ну, что с ними делают-то вообще? Мы с ней недавно на лод...

Свисток. Дамкин и Упырева замирают.

К о ф е й к и н а. Не бойся, врет!

Свисток. Дамкин и Упырева оживают.

Д а м к и н. ...ке катались... Природа, виды... (*Поет.*)

Глазки
Сулят нам ласки,
Сулят нам также
И то и се!
Ха-ха! Хо-хо!

У п ы р е в а. Ну, значит, он. Дайте-ка ухо. (*Шепчет.*)

К о ф е й к и н а. Ближе! Ближе сюда! Слушайте!

Б о й б а б ч е н к о. Ничего не слышно.

К о ф е й к и н а. Сейчас вторично пущу. Встань на стул. Слушай.

Бойбабченко на стуле у стены. Кофейкина свистит.

Д а м к и н (*в точности повторяет предыдущую реплику*).

...нам также
И то и се!
Ха-ха! Хо-хо!

У п ы р е в а. Ну, значит, они... дайте-ка ухо. (*Шепчет.*)

Б о й б а б ч е н к о. Нет, не слышно: тихо шепчет, окаянная.

К о ф е й к и н а. Гогенштауфен — к стене! Повторяем! (*Свистит.*)

Д а м к и н.

...же-е
И то и се!
Ха-ха! Хо-хо!

У п ы р е в а. Ну, значит, он... дайте-ка ухо. (*Шепчет.*)

Кофейкина. Опять не слышно? Ну, тогда пущу медленно! Слушайте во все ваши уши! От этого, может, жизнь человеческая зависит. (*Свистит.*)

Упырева и Дамкин повторяют предыдущие реплики чрезвычайно медленно, как при ускоренной съемке в кино.

Дамкин.

...су-у-у-л-я-я-т
На-а-а-м-м ла-а-а-ски,
Су-у-лят нам также
И то и се-е-е...

Упырева. Ну-у, зна-а-а-чит-ит о-о-они... Да-а-ай-те-ка у-у-у-у-у-у-у-у-ух-х-о-о. (*Шепчет.*)

Бойбабченко. Нет, не слышно.

Кофейкина. Почему она шепчет, гадюка! Неужто догадывается? Продолжайте! (*Свистит.*)

Дамкин (*на шепоте Упыревой*). Да не может быть! Ну, я ему покажу. А она-то! Ах, ты, детка! У меня есть такое свойство... Ах, ты, Гогенштауфен...

Упырева. Но будьте осторожны с ним!

Дамкин. Будьте покойнички! В этом кармане, но не в этом пиджаке. Так это, говорите, его прямо убьет?

Упырева. Расстроится, как зарезанный.

Дамкин. А наверху его проект, значит, того?

Упырева. Совер...

Свисток.

Кофейкина. Не бойся — врет.

Свисток.

Упырева. ...шенно провалился...

Дамкин. Я всегда говорил... Значит, завтра ждать? Она напишет? Прекрасно! Бегу! Детка, знаете новость?

Кофейкина. Надоел! (*Свистит.*)

Действие на сцене начинает идти с необычайной быстротой, как в киноленте с вырезанными кусками.

Д а м к и н (*скороговоркой*). Потрясающая новость... Демисезонное пальто... Пальчики оближешь! Бегу! Стальные зубы! Есть хочу! Пока! Я... я... мне... меня... со мной... ко мне...

Жизнь — это бочка страданий,
С наслаждения ложечкой в ней!

Уносится прочь.

У п ы р е в а (*скороговоркой*). Так-так-так, все идет... Сейчас позову Марусю...

К о ф е й к и н а. Интересно... (*Свистит.*)

У п ы р е в а (*обычным темпом*). Сейчас позову Марусю, займемся объявлением. И все запутается, и все замечутся, как зарезанные, все расстроится. (*Напевает, перебирая почту.*) Там, где были огоньки, стынут, стынут угольки... (*Внезапно оживляясь, вглядывается в штемпель*). Какое красивое название города: Режицы. Ах, скоро ли в лабораторию... Вчера там был выходной день. (*Страстно.*) Я пить хочу!

Свист и шипенье, похожие на змеиные.

Я тебе покажу проект! Оживление! (*Брезгливо плюет, вытирает губы.*) Притихнешь. (*Напевает.*) Там, где были огоньки, стынут угольки... Маруся!

Входит М а р у с я.

У п ы р е в а. Марусенька! Не в службу, а в дружбу. Машинистки разошлись, а надо, чтобы не забыть, написать объявление. Что вы улыбаетесь? Кому?

М а р у с я. Да так... Это я себе...

У п ы р е в а. Себе? Эх, Марусенька, ты ходишь сейчас вся, как фонарик. Изнутри светишься. Как я тебя понимаю!

М а р у с я. Понимаете?

У п ы р е в а. Как дочку. Да не опускай ты голову. Все хорошо. Не опускай, дурочка, головку. От мужчины скроешь, от женщины никогда. У вас с ним это... С Гогенштауфеном...

М а р у с я. Ну, зачем вы говорите!

У п ы р е в а. У вас с ним все хорошо. И ты еще привыкнуть не можешь. Все вспоминаешь. Все вспоминаешь.

М а р у с я. Ну, зачем вы...

У п ы р е в а. Любя... Глядя на тебя, свою молодость вспоминаю.

М а р у с я. Но ведь вы совсем молодая.

У п ы р е в а. Но не девочка, а ты еще девочка. (*Целует ее и, отвернувшись, пихает.*)

М а р у с я. Я не знала, что вы такая добрая. Даже неудобно, какая ласковая. Я не знала.

У п ы р е в а. Ну, знай теперь. И если что у тебя будет неладно, иди прямо ко мне. Вот. А теперь пиши, я тебе продиктую. Вот тебе бумага. Пиши прямо на всей стопе, так удобней. Пиши.Только распланируй слова так, чтобы машинистки поняли, как печатать. Наверху напиши... нет, не надо. И так понятно, что объявление. Ну, значит, что же... Пиши во весь формат: «Обязательно приходите все, все, все восьмого июня в парк на вечер цыган, в шесть часов вечера. Хор исполнит...»

Теперь пиши название вещи с одной стороны, и композитора — с другой. Налево, вот здесь, пиши: «Любви не прикажешь». Направо, вот здесь, — старинный романс.

Любовь победила — музыка Зинина.

Молчи со мною о письме — музыка Вавича.

Мне стыдно — музыка Дракули-Критикос.

Твоя навек — музыка Бравича.

Маруся — народная песня.

Вот и все, голубчик. И отдай это машинисткам завтра с утра. Летний развлекательный концерт! Бежишь?

М а р у с я. Да, бегу. А ты?

У п ы р е в а. К нему? Ну, беги, а я еще чуть поработаю. Иди, милая!

М а р у с я уходит.

У п ы р е в а. Прекрасно! Все готово! В трех экземплярах! Бумага-то промокает! Ну, теперь попляшут они! В сетях они! (*Разглядывает письмо.*)

К о ф е й к и н а. Чему она радуется? А ну, посмотрим это объявление. (*Свистит.*)

На сцене — объявление крупным планом:

«Обязательно приходите все, все, все
Восьмого июня, в парк, на вечер цыган.
В шесть часов вечера. Хор исполнит:
Любви не прикажешь — старинный романс.
Любовь победила — музыка Зинина.
Молчи со мною о письме — музыка Вавича.
Мне стыдно — музыка Дракули-Критикос.
Твоя навек — музыка Бравича.
Маруся — народная песня».

К о ф е й к и н а. Ничего не понимаю.

У п ы р е в а (*за письмом*). Это объявление все перекрутит.

К о ф е й к и н а. Каким образом?

У п ы р е в а. А за него я сама постараюсь. Ну, надо бежать. Завтра, в обеденный перерыв начнутся веселые танцы. Бегу!

К о ф е й к и н а. Катись! (*Свистит.*)

Сцена становится на место. Диаграммы повисают.

Г о г е н ш т а у ф е н. Что это такое? Когда было вчера? Несколько часов прошло или сто лет? Что за страшная жизнь пошла! Что она шептала Дамкину? Почему она так обрадовалась дурацкому этому объявлению? Причем тут цыгане? Причем тут песни?

К о ф е й к и н а. Поймем. Все-таки мы напали на след. Где мой электрический пылесос?

Б о й б а б ч е н к о. Нашла время пыль сосать.

К о ф е й к и н а. Не для пыли ищу я пылесос.

Б о й б а б ч е н к о. А для чего?

К о ф е й к и н а. Сейчас поймешь. Все-таки она проговорилась! Завтра в обеденный перерыв окружим ее и будем следить, следить, следить — в шесть глаз!

Б о й б а б ч е н к о. Как же следить? Во-первых, она почует. Во-вторых, мне лично следить неудобно. Я же в штате не состою! Она меня порвет.

К о ф е й к и н а. А ты забыла, кто я? Над городом ветер, в городе тихо, под городом камни! Я в полной силе!

Распахиваются окна и дверь на балкон. За дверью ночной город.

Г о г е н ш т а у ф е н. Как же мы будем следить?

К о ф е й к и н а. Было бы дело зимой — дала бы я вам шапки-невидимки. Но не зима теперь — лето: тепло, хорошо. И раздам я вам поэтому завтра кепки-невидимки. Потрачу капитальное чудо номер два. Где мой электрический пылесос?

Б о й б а б ч е н к о. Да зачем он тебе?

К о ф е й к и н а. К ней полечу. Моложе была — на метле летала, а теперь состарилась, отяжелела — летаю на электрическом пылесосе. Мне, старой, на нем покойнее. Все-таки электроэнергия. Спи, Гогенштауфен.

Г о г е н ш т а у ф е н. А проект?

К о ф е й к и н а. Спи, машины-арифмометры за тебя поработают.

Г о г е н ш т а у ф е н. Позволь, но ведь там надо знать!

К о ф е й к и н а. Я все знаю. Моя энергия в них будет работать. Это даже не чудо, а чистая наука. Правят кораблями с берега, а я с дороги буду править машинами. И все очень просто. Чистая наука.

Г о г е н ш т а у ф е н. Позволь, но ты-то сама...

К о ф е й к и н а. Я все знаю. Забыл, кто я? Я молода была — называлась фея. Это я теперь Кофейкина. Все очень просто. Спи.

В окно влетает подушка. Нерешительно повисает в воздухе.

К о ф е й к и н а (*подушке*). Да-да, правильно, сюда!

Подушка укладывается Гогенштауфену под голову.

К о ф е й к и н а. Вот так. Отдыхай. (*Арифмометру.*) А ну, перемножь-ка мне, браток, две тысячи восемьсот на триста сорок восемь.

Арифмометр вертится сам собой. Кофейкина берет под мышку зонтик, пылесос. Идет на балкон, становится на перила, идет по воздуху.

Б о й б а б ч е н к о. Что же ты, матушка, пешком?

К о ф е й к и н а. А тут, между домами, много воздушных ям. Подымусь повыше, сяду и поеду себе. (*Останавливается в воздухе, улыбаясь вглядывается в Гогенштауфена.*)

Арифмометры вертятся сами собой. Поднимается звон. Музыка. Кариатиды спрыгивают со стен. Вместо ног у них орнаменты. Они прыгают на своих орнаментах, как мячи. Из ящиков письменного стола подымаются в большом количестве девушки. Вступают в танец. Бойбабченко с ними. Мебель тоже пляшет.

Г о г е н ш т а у ф е н. Что это?

К о ф е й к и н а. А это сон. Ты видишь сон. Спи!

Завтра бой — свирепый и суровый.
Но я с тобой — и горе Упыревой!

Уходит по воздуху.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната перед кабинетом Упыревой.

Г о г е н ш т а у ф е н. Маруся! Маруся! Маруся!

М а р у с я. Что?

Г о г е н ш т а у ф е н. Мне очень много тебе надо было сказать, а как увидел — забыл. Я тебя так давно не видел. У тебя кофточка новая?

М а р у с я. Мы два дня не виделись. Это кофточка старенькая. Сейчас обеденный перерыв — давай пообедаем вместе.

Г о г е н ш т а у ф е н. Нет, Марусенька, нельзя мне.

М а р у с я. Жалко... Знаешь, я к тебе очень привыкла. А ты что, работать будешь?

Г о г е н ш т а у ф е н. Нет... То есть...

М а р у с я. Уходишь?

Г о г е н ш т а у ф е н. Нет, но меня не будет...

М а р у с я. Совещание, что ли?

Г о г е н ш т а у ф е н. Да... Вроде. Ты вчера приходила?

М а р у с я. Приходила.

Г о г е н ш т а у ф е н. Случилось что?

М а р у с я. Нет... Скучно стало...

Г о г е н ш т а у ф е н. А говорила — надо спешно передать?

М а р у с я. Это я со страху выдумала. Я хозяйки твоей боюсь.

Г о г е н ш т а у ф е н. А ты ее не бойся.

М а р у с я. Она когда на меня смотрит, что-то шепчет. Не то молится, не то ругается.

Г о г е н ш т а у ф е н. А-а, да. Это она насчет кухни боится. Переедешь — будешь готовить. Она боится.

М а р у с я. А ты уже сказал, что я переезжаю?

Г о г е н ш т а у ф е н. Да... То есть нет еще... Я ей напишу. Она сама каждый день говорит... Но не в этом дело! Будь осторожнее, Маруся, будь осторожней!

М а р у с я. А что такое?

Г о г е н ш т а у ф е н. Не могу объяснить — сложно. Ну, будут, например, меня ругать — не верь!

М а р у с я. Что ты! Кто тебя будет ругать? Все говорят: вот талантливый... Экономист — и вдруг талантливый... Тебя все любят!

Г о г е н ш т а у ф е н. Никому не верь, ничему не верь.

М а р у с я. А тебе?

Гогенштауфен. Мне, конечно, верь.

Маруся. Я к тебе... приду сегодня?

Гогенштауфен. Да... А пока прощай. (*Обнимает ее. Свисток. Гогенштауфен торопливо надевает кепку. Исчезает.*)

Маруся. Что такое? Куда он исчез? Или это у меня опять голова закружилась?

Голос Гогенштауфена. Прощай, Маруся.

Маруся. Ты где — за дверью?

Голос. Да, вроде.

Маруся. А как ты исчез? Молчит. Конечно, он просто ушел. Всегда у меня от него так голова кружится, что прямо неудобно. Интересно — у всех это бывает или только у меня?

Сцена меняется. Кабинет Упыревой. Кончается обеденный перерыв. За столом пьют чай Юрий Дамкин, Журочкин, Арбенин, Брючкина. Упырева сидит в стороне. Возле нее Кофейкина, Бойбабченко, Гогенштауфен.

Журочкин. Страшно, товарищи, прямо страшно делается. Как можно бухгалтерии касаться? Бухгалтерии касаться нельзя. Это такая система, которая вечная. А Гогенштауфен подлец. Это — раз! Наглец — это два! Пройдоха — это три! (*Говоря «раз», «два» и «три», отбрасывает эти цифры на счетах.*) И в итоге получается черт знает что! Когда мне было лет восемнадцать (*отбрасывает на счетах восемнадцать*), я сам иногда ночью думал — а нельзя ли, например, отчет упростить? Нельзя, вижу! Нет! Зачем вертится Гогенштауфен в бухгалтерии? Что нюхает? Все трусость! Боится, что недостаточно старается. Вдруг не заметят. Хоть бы провалился он со своим проектом.

Бойбабченко шлепает его по лысине.

Журочкин (*вскакивает*). Какое странное явление! Что-то теплое стукнуло меня по голове! Вот... Довели... Стукать начало меня!

Арбенин. Нервы.

Журочкин. Конечно! Довели...

Кофейкина. Поаккуратнее надо. Они нас не видят и не слышат, но чувствуют, если коснешься... Чудо чистое, вполне научное.

Гогенштауфен. Ну, когда же, когда все это выяснится? Обеденный перерыв кончается.

Кофейкина. Смирно...

Брючкина (*хохочет. Подходит к зеркалу, у которого стоит Бойбабченко. Поправляет волосы*). Гогенштауфен такой чудак.

Бойбабченко. Чего она лупится на меня?

Кофейкина. Она сквозь тебя в зеркало глядит.

Брючкина. Ужасный чудак.

Бойбабченко. Ты хороша.

Брючкина. Недавно я иду, а он щурится на меня...

Бойбабченко. Ослепила, подумаешь!

Брючкина. В ваших, говорит, очах есть бесенок. Я так хохотала! Зачем это ему?

Бойбабченко. Точно, что незачем!

Арбенин (*Упыревой*). А скажите, атласная, это верно, что в сферах к его проекту отнеслись скептически?

Упырева. Не имею пока права сказать. Но...

Арбенин. Я это знал заранее. Все очень хорошо знал.

Упырева. Проект хороший.

Бойбабченко. Вот хитрая скважина!

Упырева. Гогенштауфен — человек талантливый.

Арбенин. Я так и знал, что все это скажете, шелковая. Знаю я таких. Очень хорошо знаю... Талантливый! Все люди одинаковы! Он такой же человек, как и все. Ловкач, пролаза, приспособленец, лентяй!

Упырева. Доброжелателен. Его любит периферия.

Журочкин. Доброжелателен! Это ломанье, и все! Как можно быть доброжелательным, когда приходит че-

ловек ко мне, чтоб я ему деньги выписал! Я как увижу такого из своей стеклянной клетки, так в момент зверею от страха. Все идет гладко — вдруг здравствуйте, ассигновка! Да мало ли что по смете! Убил бы!

А р б е н и н. Все эго я знаю, все понимаю... Побывал бы он в шкуре юрисконсульта среди людей без малейшего признака юридического мышления.

Б р ю ч к и н а. А в машинописном бюро красиво? То это экстренно, то это экстренно. А мне-то что? (*Хохочет.*) У нас на периферии есть один химик. Огромный-огромный — его путают на улице с Петром Великим.

Б о й б а б ч е н к о. Пугаются должно — памятник идет.

Б р ю ч к и н а. Он как приедет, сейчас скачет в машинописное бюро.

Б о й б а б ч е н к о. На лошади аль пешком?

Б р ю ч к и н а. Увидит меня и вздыхает. И щурится. Я всегда так хохочу. Зачем это ему нужно? Вот к нему я все-таки доброжелательна. (*Хохочет.*) Петр Великий! Ах-ах!

У п ы р е в а. Его проект может вызвать большое оживление.

К о ф е й к и н а. Подначивает, подначивает, натравливает!

А р б е н и н. Оставьте, фильдекосовая! Однако проект не одобрен? Периферию распускать надо, а?

Ж у р о ч к и н. На голову себе сажать?

Б р ю ч к и н а. Перед посетителями унижаться?

А р б е н и н. Я давно предлагаю завести пропуска.

Ж у р о ч к и н. Святые слова!

Б р ю ч к и н а. Лезут совершенно неинтересные люди.

Ж у р о ч к и н. Хотя бы один день никто не пришел, никто бы не мучил. К двум принес кассир из банка деньги, к шести обратно сдал бы ту же сумму, копеечка в копеечку. Ходили бы бумаги внутри аппарата! Работала бы машина для одной красоты. Ах... Простите, что меч-

таю, но очень я изнервничался! Вчера, например, читал я книжку и расплакался. А книжка-то смешная. «Вий» Гоголя. Изнервничался. Стукает меня.

Дамкин (*хохочет*).

Журочкин. Что это вы?

Дамкин. Ха-ха-ха! Наелся. А вы, детки? Детка Упырева? Детка Брючкина? (*Хохочет.*) Хорошо. Да, товарищи, слышали новость? Я себе зубы вставил. Стальные. Нержавеющей стали. Жарко! Люблю жару. Я люблю. Я… у меня… мне…

Входит Маруся Покровская.

Дамкин. Привет, детка… Ля-ля-ля-ля.

Журочкин. Привет, товарищ Покровская.

Арбенин. Что это вы будто не в себе?

Маруся. Вот утренняя почта, я разобрала. (*Вдруг закрывается платком. Плачет.*)

Гогенштауфен. Маруся!

Кофейкина. Вот оно! Началось!

Упырева. Что с вами?

Журочкин. Может, нервы? Может, вас это… стукнуло?

Брючкина. Кокетничает!

Арбенин. Все я знаю, все понимаю.

Дамкин. Утешим, утешим!

Упырева. Погодите. (*Отводит Марусю на авансцену. Невидимые ее окружают.*)

Упырева. В чем дело? А? Ну, скажи… Я старший товарищ, я опытней тебя… Пойму. Письмо, что ли, получила?

Маруся качает головой.

Из дому? Нет? А откуда? Ах, от него? От Гогенштауфена?

Маруся кивает головой.

Гогенштауфен. Что такое?

Кофейкина. Началось! Началось!

У п ы р е в а. Поссорилась?

М а р у с я. Нет... Он только что сказал: никому не верь, только мне верь! И вот такое страшное письмо... вдруг... А говорил — верь.

У п ы р е в а. Издевался... Намекал, чтобы письму верила! Он этим известен.

М а р у с я. Известен?

У п ы р е в а. Большой подлец с женщинами. Так хороший человек, а с женщинами — зверь!

Г о г е н ш т а у ф е н. Я...

К о ф е й к и н а. Не мешай!

У п ы р е в а. Иди домой, успокойся, но ему ни слова. Не унижай себя. Иди умойся. Иди. Я подойду...

М а р у с я уходит.

У п ы р е в а (*хохочет*).

Свист и шипенье, похожие на змеиные.

Ж у р о ч к и н. Как мне этот шип действует на мозги!

Б р ю ч к и н а. Чего эта фифа ревела?

У п ы р е в а. Страсть...

Б р ю ч к и н а. К Гогенштауфену?

У п ы р е в а. Ошибаетесь...

Д а м к и н.

Глазки
Сулят нам ласки,
Сулят нам также
И то и се!

А р б е н и н. Я так и знал, я был совершенно уверен, что в случае неудачи проекта Гогенштауфен будет оставлен этой девочкой.

У п ы р е в а (*разбирает почту, напевает*). Там, где были огоньки, стынут, стынут угольки. Вам письмо, товарищ Брючкина.

К о ф е й к и н а. Гогенштауфен, вперед!

Упырева. Что такое? Все как сговорились сегодня: и вам, и вам, и вам! (*Хохочет.*)

Свист и шипенье. Арбенин, Журочкин, Дамкин читают письма. Начинают сначала улыбаться, потом хохотать. Потом, подозрительно взглянув друг на друга, быстро расходятся. Невидимые тоже прочли все письма. Только письмо Брючкиной не удалось прочесть. Она читала его осторожно. Прочтет слово — и прижмет письмо к бюсту. Стонет, раскиснув от смеха: «И зачем это ему нужно?» Уходит.

Упырева (*в сильном возбуждении, почти прыгает*). Мобилизована моя армия! Так их! Ату их! Крой! Рви!

Бойбабченко (*Упыревой*). Как ты это сделала?

Упырева. Пойдет путаница!

Бойбабченко. Зачем всем трем от Марусиного имени свидание в парке назначила?

Упырева. Ну, теперь никого нет, можно и закусить. (*Достает гематоген.*)

Бойбабченко. Зачем?

Упырева. Утихомирятся, с толку собьются, и я хоть квартал, а поцарствую. Стекла — в паутину, ступеньки — в зловещий вид, карболовый мой дух! Казарменная моя тоска! Страхолюдно! Уютно! Сотрудники рычат! Народ бежит!

Гогенштауфен. Это ее почерк! Ее! Ничего не понимаю.

Кофейкина. Сейчас я с нее собью спесь!

Бойбабченко. Покажешься?

Кофейкина. Нет, у нас установилась с ней другая связь. Невидимая. Беспроволочная — что твое радио! (*Говорит негромко, но отчетливо.*) Алло!

Упырева вздрагивает.

Кофейкина. Алло!

Упырева. Да, я слушаю.

Кофейкина. Узнала?

Упырева. Узнала.

Кофейкина. Страшно?

Упырева. Ничуть!

К о ф е й к и н а. Встречу — убью.

У п ы р е в а. Мое время не пришло.

К о ф е й к и н а. Ан, пришло!

У п ы р е в а. Ан, нет.

К о ф е й к и н а. Ан, пришло!

У п ы р е в а. Ан, нет!

К о ф е й к и н а. Мои-то, живые, горы двигают.

У п ы р е в а. А мои-то, мертвые, их за руки.

К о ф е й к и н а. Мои-то, живые, выше неба взлетают!

У п ы р е в а. А мои-то, мертвые, их за ноги!

К о ф е й к и н а. Однако растем!

У п ы р е в а. А мы вас, однако, держим!

К о ф е й к и н а. Мои такую бурю раздули, что тебя любой волной захлестнет!

У п ы р е в а. А мы на волны маслицем, маслицем, и все уляжется.

К о ф е й к и н а. Ан, врешь!

У п ы р е в а. Ан, нет!

К о ф е й к и н а. Ан, не уляжется!

У п ы р е в а. Ан, уляжется! Впервой ли нам? Подымается волна, а мы следом. И ну ее приглаживать, приглаживать, причесывать, укладывать, рассасывать, зализывать — и все в порядке. Выкусила?

К о ф е й к и н а. Против кого идете?

У п ы р е в а. Врешь, мы не против идем. Врешь, мы следом идем! Человек дело сделает, человек слово скажет, человек сдуру запоет, а мы сейчас же, что притушим, что придушим, что заспим, а что и передразним, передразним, передразним, да так передразним, что даже ты живое от мертвого не отличишь. Выкусила?

К о ф е й к и н а. А вот и не выкусила.

У п ы р е в а. А вот выкусила!

К о ф е й к и н а. А вот и не выкусила.

У п ы р е в а. А я говорю — выкусила!

К о ф е й к и н а. А я говорю — нет! Ты паразит!

У п ы р е в а. Меня словом не убьешь.

К о ф е й к и н а. Ты грязь на колесе!

У п ы р е в а. Ан, я потяжелей.

К о ф е й к и н а. Упырь!

У п ы р е в а. Карьеристка!

К о ф е й к и н а. Я живому служу!

У п ы р е в а. И я вокруг живого. Мертвым не пропитаешься!

К о ф е й к и н а. Сама знаешь — конец тебе приходит!

У п ы р е в а. Приходит, да не пришел. Я еще свое высосу.

К о ф е й к и н а. А Гогенштауфена я тебе не дам! (*Стучит по столу*.)

Распахиваются окна. Светит солнце. Музыка.

У п ы р е в а. Что? Ты так близко?

К о ф е й к и н а. А ты думала?

У п ы р е в а. Я думала — ты за тридевять земель!

К о ф е й к и н а. А я возле хожу.

У п ы р е в а. Я думала — ты на периферии!

К о ф е й к и н а. А я в самом центре! (*Пляшет от возбуждения. Поет*.)

Дрыхнет в тине сытый гад,
Завтра ты умрешь!

У п ы р е в а. Навряд!

К о ф е й к и н а.

В море соль и в шахте соль —
Завтра будет бой!

У п ы р е в а. Изволь!

К о ф е й к и н а.

Пляшут зайцы у межи,
Жизни я служу!

У п ы р е в а. Служи!

К о ф е й к и н а.

Суслик жирный гложет рожь —
Смерти служишь ты!

Упырева. Ну, что ж!
Кофейкина.

Нам недолго воевать —
Ты обречена!

Упырева. Плевать! (*Пляшет.*)

У реки, у реки,
Тонут в тине рыбаки,
Догорают огоньки,
Умирают угольки.

Выкусила? (*Убегает.*)

Бойбабченко (*мечется в азарте*). Ну, это я уж не знаю, что это! У меня от злости все ругательства в голове перемешались! Что крикнуть? Какое слово в таком случае надо сказать? (*Кричит в дверь.*) Можете в автомобиле ездить... Нет, не то. (*Кричит.*) У меня у самой ребенок дома, а я не лезу без очереди — и это не то. Вагон не резиновый, дура такая! Я...

Кофейкина. Успокойся. (*Свистит.*) Ну вот, мы снова видимы. Бежим искать Марусю. Надо их мирить — с этого начнем. Жди нас здесь. Ах, заведующий, где ты? Жди.

Гогенштауфен. Ладно!

Кофейкина и Бойбабченко убегают.

Гогенштауфен (*садится, задумывается, поет*). «Мы — красная кавалерия, и про нас...» Да что же это братцы-ы будет, а? С Марусей я поссорился, а как — не понимаю, ах, «былинники речистые ведут рассказ». Быть может, я с ума сошел, сама Маруся пишет им, свиданье назнача-а-ет всем троим. Ее знакомый почерк и знакомые слова, несчастная моя го-го-ло-ло-ло-ва-ва! Увидел я конверт в ее руках врагов, и сердце оборвалось, я ру-

гать ее готов. Ее знакомый почерк, ее слова, несчастная моя го-го-го-го-ло-ло-ва-ва.

Входит Брючкина.

Брючкина. Ах, вот вы наконец! Зачем вам это надо? (*Хохочет.*) Мы одни?

Гогенштауфен (*встает*). Как будто... А что?

Брючкина. Ну, в таком случае... (*Обнимает его.*) Да! Я получила письмо! Да!

Гогенштауфен. Чего — да?

Брючкина. Да! Я отвечаю тебе на письмо — да! Ах ты какой! Добился-таки своего!

Гогенштауфен. Чего — своего?

Брючкина. Любимый! (*Обхватывает его. Громко стонет.*)

Гогенштауфен. Почему? Что вы меня давите?

Входит Упырева. Ведет за руку Марусю.

Упырева. Ах какой пассаж! (*Хохочет. Свист и шипенье. Уходят.*)

Гогенштауфен. Маруся! Маруся!

Брючкина. Ну, дорогой, чего ты кокетничаешь? Давай уславливаться! Ведь я с тобой...

Гогенштауфен.

Маруси нет, я с Брючкиной бесстыжей.
Все спуталось, ах, будь ты трижды рыжей!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Парк. На заднем плане портик в фанере. Это сцена. Густые кусты. В кустах — небольшая статуя фавна.

Упырева (*быстро ходит взад и вперед*). Очень хорошо! Это очень хорошо! Это превосходно! Прекрасная честность этой волшебницы довела меня до предела. Раз в сто лет, раз в сто лет прихожу я в бешенство —

это очень хорошо. Что моя вчерашняя злоба? Кошачье мяуканье, воробьиная драка, мелкий дождик, змея шипит из-под камня, сырость ползет из болота — это все только капельки. А мое сегодняшнее бешенство? О, мое сегодняшнее бешенство! Это пожар, землетрясение, наводнение, обвал, раз в сто лет, раз в сто лет! Она меня предупредила! Она мне сказала — я здесь! Она честно борется, старая дура! Ну и хорошо! Ну и превосходно! Раз в сто лет прихожу я в бешенство — и тоже творю чудеса. Раз в сто лет!

В портике — взрыв нестройных звуков — репетируют трубачи.

Оркестр репетирует, а я готова. А вдруг нет... Вдруг мне это кажется? Попробуем... Я чувствую, чувствую, знаю — сегодня я тоже могу творить чудеса! Раз в сто лет! Раз в сто лет! Попробуем! (*Останавливается перед статуей фавна.*) Стоишь?

Ф а в н. Стою!

У п ы р е в а. Отвечает! Прекрасно. Ну, дорогая ты моя волшебница, я в полном бешенстве. Теперь увидим, кто кого. Стоишь?

Ф а в н. Зачем вы меня, мадам, дразните?

У п ы р е в а. Побегать хочется?

Ф а в н. Натюрельман! Дорожки хороши, поворачивают, так бы и побежал, елки-палки!

У п ы р е в а. Это что за слова?

Ф а в н. В парке стоим, — приучились. У меня много их, слов-то, а какие когда говорить — не знаю. Сто десять лет слушаю. Сто десять лет молчу, сто десять лет стою. Меланхолия гложет, пароль д'онер. Вы, извините за выражение, волшебница?

У п ы р е в а. Как видишь!

Ф а в н. У меня к вам будет просьба.

У п ы р е в а. Какая?

Ф а в н. Разрешите побегать?

У п ы р е в а. Это к чему же?

Ф а в н. Ножки чешутся!

У п ы р е в а. Отпущу — безобразничать будешь?

Ф а в н. А вам как угодно?

У п ы р е в а. Чтобы безобразничал. Бегай, ори, пугай, путай, как бешеный!

Ф а в н. Да пожалуйста! Гражданка, куда же вы? Ма фуа! Накажи меня Господь! Да я такой повеса, что в свете удивляются. Я хулиган! Я невежа! Куда же вы?

У п ы р е в а. Я смотрю! Не ори.

Ф а в н. Ждете кого? Пошлите меня. Я сбегаю, пригоню. Я сбегаю. Я такой скороход, что и при дворе восхищались бы! Цимес! Я разобьюсь в куски, сакре ном, только прикажите.

У п ы р е в а. Где же Маруся?

Ф а в н. Доставим в момент, ма фуа!

У п ы р е в а. Неужели все сорвалось?

Ф а в н. Что вы говорите, волшебница! У вас разве может что сорваться? Жамэ. Погода хороша, саперли папет. Отпустите. О, бон дье! Отпустите, душенька! Отпустите, прелестница, чтобы я мог опьянеть у ваших ножек! Разрешите умереть за ваше здоровье, канашка! Куда же вы?

У п ы р е в а. Идут! Маруся и Журочкин!

Ф а в н. Пугануть?

У п ы р е в а. Не лезь. Буду я на тебя силы тратить. Веди ее, Журочкин! Так ее! Хорошо, будьте вы все прокляты! А ты стой статуей! (*Убегает.*)

Ф а в н. Так. Благодарствуйте. Подначила и ушла, кокотка! Вавилонская блудница! Очковтирательница! А я так мечтал! Я голову теряю от досады, голову теряю, парбле!

Входят М а р у с я и Ж у р о ч к и н. Трубачи играют подобие вальса.

Ж у р о ч к и н. Если я что ненавижу, Марусенька, так это Гогенштауфена. А вы?

М а р у с я. Не говорите об этом. Я голову потеряла.

Ж у р о ч к и н. Не буду. Хотел выяснить, но после, после... И об этом не буду, и об чем вы приказали, не буду. В письменной форме что приказали — исполню.

М а р у с я. Ничего не понимаю!

Ж у р о ч к и н. Есть, есть. Я очень хорошо знаю женщин. Они такие хрупкие! По-моему, и служить женщинам не надо. Хорошо, когда молодая жена дома... Пойдешь на службу — там шипы, придешь домой — а там цветок. Хо-хо... Это я вам, Марусенька. Позвольте вас подержать за ручку.

М а р у с я. Что за глупости?

Ж у р о ч к и н. Не глупости это, а нежности. Мне по-старому не хочется больше жить. Отвечаю вам — да.

М а р у с я. Что — да?

Ж у р о ч к и н. Я весь отдавался нелюбимому труду. Извольте, я согласен. Теперь я вам отдамся. С любовью.

М а р у с я. Что?

Ж у р о ч к и н. Отдамся... Видел я недавно страшный сон. Сел мне на левую ногу кредит, а на правую дебет. А сальдо получается не в мою пользу. Я кричу, а сальдо смеется.

М а р у с я. Пустите, пожалуйста, руку.

Ж у р о ч к и н. А теперь пусть смеется сальдо... Я проснусь — и не один, и вы тут... В мою пользу...

Входит А р б е н и н.

А р б е н и н. О! Вы не одни?

Ж у р о ч к и н. Одна, одна... Это я вышел проветриться да и отдал два-три распоряжения. (*Тихо.*) Ты спровадь его, я вернусь. (*Отходит за кусты. Прислушивается.*)

А р б е н и н (*смотрит на Марусю, улыбается*). Как все это мне известно... Куда же мы пойдем? А? Сейчас перейдем на ты или после? А? Я получил твое письмо, моя ситцевая...

М а р у с я. Что вы мне говорите?

А р б е н и н. Ах, да, ты просила, чтобы я молчал о письме... Это как понимать?

М а р у с я. Какое письмо?

А р б е н и н. Твое. Ты писала, чтобы я о нем молчал. Это что значит — молчать о нем с друзьями и знакомыми или не говорить о нем даже с тобой? Чего ты таращишь глаза?

М а р у с я. Честное слово, я не понимаю.

А р б е н и н. Ну, ладно. Разберемся потом. Идем. Да, вот еще что: давай условимся заранее вот о чем — никаких ласкательных слов. Не надо мне говорить — милый, любимый или там родной. Я этого не переношу.

М а р у с я. А мне какое дело?

А р б е н и н. Как же это какое? Меня расхолаживают эти ласкательные слова. Понимаешь? Расхолаживают. Значит, ты в этом кровно заинтересована... Идем!

М а р у с я. Куда?

А р б е н и н. Мне все равно, куда ближе. Можно к тебе, можно ко мне.

М а р у с я. Что это такое? Никуда я не пойду.

А р б е н и н. Так и знал... Давай сократим вступительную часть. Ты не знаешь этого, у других иначе, а у меня так. Знай и учти: сопротивление действует на меня расхолаживающе. Понимаешь — расхолаживающе! Идем. (*Тащит ее по аллее.*)

Из кустов навстречу — Журочкин. Музыка переходит в галоп.

Ж у р о ч к и н. Стойте! Я все слышал.

А р б е н и н. А нам какое дело?

Ж у р о ч к и н. Как это, какое? Здесь афера. Она аферистка!

А р б е н и н. Так я и знал... Конечно...

Ж у р о ч к и н. И я получил письмо, и вы получили письмо. Это она застраховала себе вечер, шантажистка. Думала — один не придет, другой придет! Конечно! Мы, мужчины, в цене. Хамка...

М а р у с я. Не смейте! Кому я писала?

А р б е н и н. Не притворяйтесь! Все понятно.

Ж у р о ч к и н. Я вам в отцы гожусь, а вы меня обманываете с другим. Бесстыдница!

А р б е н и н. У меня было редкое настроение, редкое! Конечно, свинство!

Ж у р о ч к и н. Пошлость!

А р б е н и н. Недомыслие!

Ж у р о ч к и н. Я в местком заявлю за ваше поведение!

Входит Юрий Д а м к и н.

Д а м к и н. Ах, вот они где! Слушайте, знаете потрясающую новость? Я влюбился!

Ж у р о ч к и н. А нам что?

Д а м к и н. Интересно! Сказать в кого, а, Маруся? Трепещет детка... У меня есть такое свойство — как влюблюсь, не могу молчать. Говорю друзьям, прохожим, дворнику... С вагоновожатым запрещается разговаривать — а мне все равно, я и ему тоже. Что мне — я влюблен! А, Маруся?

М а р у с я. Что?

Д а м к и н. Не слышала? Да что ты такая ошеломленная?

А р б е н и н. Давно ли вы на ты?

Д а м к и н. Сказать, Маруся? Губы трясутся у нее, потеха какая! Скажу — с настоящей секунды.

Ж у р о ч к и н. Что же так вдруг?

Д а м к и н. А вот — прислала она мне такое письмецо, после которого «вы» говорить нельзя... Да, детка? Ой, со смеху умру! Какие у нее глаза, как будто кролик запуганный! Губки в морщинках, детские, все кишочки можно надорвать с хохоту!

А р б е н и н. Выслушайте нас.

Д а м к и н. У меня есть такое свойство: когда я влюблен...

А р б е н и н. Все это я знаю. Вы получили от нее письмо?

Д а м к и н. Да!

А р б е н и н. Мы тоже.

Д а м к и н. От кого?

А р б е н и н. От нее же!

Дамкин (*спокойно*). Это ерунда.

Журочкин. Как ерунда?

Дамкин. Это вас разыграли.

Журочкин. Почему вы так думаете?

Дамкин. Потому что она мне письмо прислала! При чем тут вы? Не понимаю... Идем, Маруся! Да не вырывайся, детка. У меня есть такое свойство: если я влюблен, от меня не уйти.

Маруся бежит.

Дамкин (*с хохотом гонится*). Убежать думает, потешная. У меня зубы стальные!

Арбенин (*гонится*). Нет, стойте, надо выяснить!

Журочкин. Стой! Я сейчас ее осрамлю!

Убегают. Входят Кофейкина, Бойбабченко, Гогенштауфен.

Гогенштауфен. Ах, почему, почему вы думаете, что она может быть здесь! Значит, вы тоже верите, что она сама написала эти письма?

Кофейкина. Смотри, смотри на него!

Гогенштауфен. Вы что-то знаете, но скрываете от меня.

Кофейкина. Слушай, слушай его!

Гогенштауфен. Ну, конечно, вы переглядываетесь! Вы знаете, что она вовсе не такая, какой притворяется. Я все понимаю.

Кофейкина. Чувствуешь, Бойбабченко, как ей легко, Упыревой-то? Видишь теперь? С толку сбить человека, который влюблен, совершенно просто. Нету такой подлости, которой он не поверил бы насчет своей девушки. Ох, путаные люди!

Бойбабченко. Верно, матушка, верно. Я в счастливом возрасте, голова у меня ясная, страстями не затуманенная. Я так им возмущаюся!

Гогенштауфен. Что же вы скажете — она подделала письма? Упырева подделала ее почерк? Марусин почерк? Ерунда!

К о ф е й к и н а. Это дело второстепенное, как она послала письма. Важно, что она это сделала, и тебя надо с Марусей помирить. Твой проект...

Г о г е н ш т а у ф е н. А ну его к черту, мой проект!

К о ф е й к и н а. Видишь, Бойбабченко?

Б о й б а б ч е н к о. Вижу и возмущаюся.

К о ф е й к и н а. Счастье, что я здесь. А не будь меня... Ах, страшно подумать!

Г о г е н ш т а у ф е н. А где она пропадает, Маруся-то ваша? На работе нет, дома нет, где она? У одного из них? Ха-ха!

Б о й б а б ч е н к о. Опомнись, безумный!

Г о г е н ш т а у ф е н. Вообще мне все это совершенно безразлично, и я иду домой.

Б о й б а б ч е н к о. Опомнись, идол! Опомнись, аспид! Ну куда ты пойдешь?

Г о г е н ш т а у ф е н. Где она пропадала целый день?

Б о й б а б ч е н к о. Известно где! Не знаешь, что ли, нашу сестру? Сидела весь день у подруги какой-нибудь да плакала.

Г о г е н ш т а у ф е н. А вечером сюда? Куда звала этих...

К о ф е й к и н а. Не капризничай! Да, вечером сюда. Ее, конечно, вызвала сюда по телефону Упырева. Вон она, Упырева. Стой здесь! Бежим, Бойбабченко! Стой здесь, Гогенштауфен, никуда не уходи, надо выследить, куда она бежит!

За сценой начинает петь хор цыган.

Г о г е н ш т а у ф е н. Я пойду домой.

К о ф е й к и н а. Перестань, стыдно.

Бегут.

Г о г е н ш т а у ф е н (*садится на скамейку*). Я целый день ничего не ел. Но теперь очень спокоен. Пожалуйста, я останусь. Я очень рад, когда смогу ей высказать в

лицо все, что следует. Я очень рад, что я не волнуюсь, что за день перекипел. Я, когда волнуюсь, говорю нескладно, а сейчас я холоден и могу... Вон она! (*Вскакивает.*)

Вбегает М а р у с я.

М а р у с я. Помоги мне, если хоть что-нибудь помнишь. Ты меня ругал, но будь товарищем! Может быть, я виновата...

Г о г е н ш т а у ф е н. Ага, признаешь!

М а р у с я. Но ведь я не нарочно!

Г о г е н ш т а у ф е н. Еще бы, еще бы!

М а р у с я. Ты, бывало, уснешь, я на тебя смотрю и пропадаю, так я тебя жалею, люблю. Ведь у каждого человека есть свои плохие свойства, прости мне, если я такая плохая, помоги, пусть все будет по-старому! Даже не надо по-старому, только проводи меня домой.

Г о г е н ш т а у ф е н. Зачем? У вас есть трое провожатых! Если у вас такой темперамент...

М а р у с я. Опять это проклятое слово! Мало того, что ты его мне в письме написал, ты его еще повторяешь...

Г о г е н ш т а у ф е н. Я тебе не писал.

М а р у с я. Не ври!

Г о г е н ш т а у ф е н. Вы выдумали это письмо, чтобы разделаться со мной.

М а р у с я. Я...

Вбегает Д а м к и н.

Д а м к и н (*хохочет*). Четвертый! Ну, Маруся! Я об такой девушке всю жизнь мечтал! Идем!

М а р у с я. Ну, ладно. Идемте. (*Идет.*)

Д а м к и н. Ха-ха-ха! У меня потрясающая новость — в меня Маруся влюбилась! Рассказал бы, да некогда, ее вести надо. Вот, почитайте-ка письмо от нее. Завтра в обеденный перерыв забегу рассказать подробности. Маруся! Погоди! Маруся! (*Бежит.*)

Арбенин (*пробегает через сцену следом*). Нет, вы не уйдете!

Журочкин. Подождите... Подлая! (*Пробегает.*)

Упырева (*мчится следом*). Так ее! Крой! Рви! (*Убегает.*)

Вбегают Бойбабченко, Кофейкина.

Кофейкина. Видел ее?

Бойбабченко. Помирился? Чего молчишь?

Гогенштауфен. Я иду домой.

Кофейкина. Погоди, не ругай его. Это я виновата. Ящик с тобой?

Бойбабченко. В корзинке.

Кофейкина. Мчись следом за ними! Не спускай глаз с Дамкина! На тебе ответственность! Не то страшно, что он хвастает, будто всех женщин покоряет, а то страшно, что они ему в конце концов действительно покоряются!

Бойбабченко. Ну, меня ему не покорить.

Кофейкина. Не о тебе и речь! Беги.

Бойбабченко. Бегу! (*Убегает.*)

Кофейкина. Стыдно тебе! Мы столько труда потратили, сколько мелких чудес извели, чтобы девушку к тебе направить, а ты ее врагам выдал?

Гогенштауфен. Они ей не враги!

Кофейкина. Ох, стыдно тебе, стыдно!

Гогенштауфен. Чего стыдно! Ну вот, смотрите — письмо. Кто его мог написать, кроме нее? Почерк ясный. Читайте: «Обязательно приходите восьмого июня в парк, в шесть часов вечера. Любви не прикажешь. Любовь победила. Молчи со мною о письме. Мне стыдно. Твоя навек Маруся».

Кофейкина. Моя вина, что я эту пустую задачу до сих пор не разрешила. Забыла я, что ты человек влюбленный, а стало быть, тупой и жестокий. А о своем письме к Брючкиной забыл? А о своем письме к Марусе?

Гогенштауфен. Я не писал никаких писем.

К о ф е й к и н а. Не хотела я с этим возиться, энергию тратить, да придется. Сейчас я эту пустую задачу решу. (*Оглядывается.*) Гляди сюда.

На стене между колоннами плакат — точное повторение того, который диктовала Упырева Марусе. Плакат ярко освещен изнутри.

Это вот диктовала она Марусе? Это?

К о ф е й к и н а. Да.

Кофейкина свистит.
Правая половина плаката гаснет. Остаются слова:

Обязательно приходите
восьмого июня в парк
в шесть часов вечера
Любви не прикажешь
Любовь победила
Молчи со мною о письме
Мне стыдно
Твоя навек
Маруся.

Г о г е н ш т а у ф е н. Будь я трижды рыжий! А почему три письма?

К о ф е й к и н а. А потому, что писала она чернилами на целой стопе. А бумага, знаешь, у нас какая? Вроде промокательной. Вот и промокло на три экземпляра. Все просто.

Г о г е н ш т а у ф е н. Я того... этого...

К о ф е й к и н а. А от тебя письма она на машинке печатала. Из того простого расчета, что Брючкина любому письму поверит.

Г о г е н ш т а у ф е н. А Маруся? Это...

К о ф е й к и н а. А Маруся, может, и опомнилась бы, но как увидела тебя в объятиях у Брючкиной... Рассчитала точно Упырева-то. И письмо от тебя она, конечно, послала грубое, чтобы ошеломить! Эх!

Г о г е н ш т а у ф е н. А я того... дело еще запутал... Марусю выругал... Она пошла... Надо бежать — ноги не идут... Я целый день не ел... Все еще ухудшил! Я-то...

К о ф е й к и н а. Сядь, успокойся! Ну-с! Сейчас в ваши запутанные дела я вмешаюсь. Чуда тут нет особенного. В вас сталкивается ряд энергий и происходит путаница. А во мне одна энергия, простая, ясная. Для начала сброшу я, братец, маску. Пока я от Упыревой пряталась, пока я следила, так мне было удобней. Теперь я иду в открытую!

Свистит. Яркая вспышка пламени. Кофейкина ударяется о стенку и превращается в молодую девушку. Одета она просто, на груди значок ГТО.

Г о г е н ш т а у ф е н. Кто это?

К о ф е й к и н а. Я, дорогой.

Ф а в н. Волшебница!

К о ф е й к и н а. Вот именно!

Г о г е н ш т а у ф е н. Еще одна?

К о ф е й к и н а. Да что ты, родной, это же я и есть, Кофейкина.

Г о г е н ш т а у ф е н. А лицо, а платье?

К о ф е й к и н а. Да ты что, не привык еще, что ли? Просто я переоделась к бою. Превращение чистое, вполне научное. Один вид энергии переключила в другой, только и всего. Мне в этом виде легче драться: дыхание, мускулы.

Г о г е н ш т а у ф е н. А значок?

К о ф е й к и н а. Ну, а это я уж так. От избытка чувств. Хочу при встрече Упыреву подразнить. Смотри, мол, подлая, я готова к труду и обороне!

Ф а в н. Волшебница! Дозвольте опьянеть у ваших ножек! Разрешите умереть за ваше здоровье!

К о ф е й к и н а. Да перестань ты на меня глаза таращить! Гогенштауфен! Очнись! У меня только формы изменились, а содержание прежнее. Не будь формалистом!

Г о г е н ш т а у ф е н. В голове звон... Я целый день не ел...

К о ф е й к и н а. Ешь!

Из-под земли поднимается столик, на столе прибор. Кипит чайник. Стоят кушанья.

Ф а в н. Волшебница! Салат «Весна»! Селедка в белом вине, импорт, Торгсин. Филе миньон! Рюмка водки за рубль сорок!

К о ф е й к и н а. Ешь! (*Обнимает Гогенштауфена, уговаривает.*) Ну, будь человеком, оживись, очнись. И погода хороша, и еда хороша, и я с тобой. Сейчас мы все устроим, все наладим! Лето ведь. Деревья растут...

За кулисами — Упырева и Маруся. Кофейкина и Гогенштауфен их не замечают.

У п ы р е в а (*тихо*). Видишь? Кутит с новой. Подлец! Иди себе к Дамкину! Все такие. Чего тебе горевать, отставать? Весело. Лето. Деревья растут... (*Тихо смеется, уводит Марусю, за ними крадутся Журочкин и Арбенин.*)

Ж у р о ч к и н (*тихо*). Не уступлю.

А р б е н и н (*тихо*). Не сдамся.

Уходят.

К о ф е й к и н а. Ну вот. Окреп?

Г о г е н ш т а у ф е н. Да... Но нескладно... я... как объясню... ей...

К о ф е й к и н а. Все будет ладно. Враг-то наш только подлостью берет, чудеса творить — где ей!

Ф а в н. Волшебница! Сто десять лет стою в такой позиции, как будто сейчас с места сорвусь. Дозвольте помочь! Сакре ном! Пожертвуйте чудо Христа ради! Прикажите побегать!

Вбегает Б о й б а б ч е н к о.

Б о й б а б ч е н к о. Дамкина я к дереву прицепила ящичком! Упырева Марусю сейчас к Журочкину и к Арбенину подвела, они ее мучают. Идем! (*Вглядывается в Кофейкину.*) Ах!

К о ф е й к и н а. Чего?

Б о й б а б ч е н к о. Ах, ты, дезертир, ренегат, изменница!

К о ф е й к и н а. Почему?

Б о й б а б ч е н к о. В разгаре боя свой возраст бросила!

К о ф е й к и н а. Я так подвижней.

Б о й б а б ч е н к о. Врешь, кокетка. Как это противно, когда старая баба так молодится.

Ф а в н. Это вы, мадам, из зависти!

Б о й б а б ч е н к о. А это еще что за хулиган? Молчи, садовая голова! Уйдешь на минутку — кутеж, бытовое разложение, позор!

К о ф е й к и н а. Очнись.

Б о й б а б ч е н к о. Сбрось и мне хоть пять-шесть лет. Погода хорошая, лето.

К о ф е й к и н а. Некогда. Идем!

Ф а в н. Мадам! Неужто и вы тоже уйдете? Вторая волшебница меня бросает! У меня рассудок помутился, елочки-палочки.

К о ф е й к и н а. Стой! Какая вторая? Какая еще волшебница?

Ф а в н. Ой, приревновала! Да нет, мадам, я шучу! Разве та, другая, волшебница? Просто дура сопатая.

К о ф е й к и н а. Она с тобой говорила?

Ф а в н. Ну, что вы! Где ей!

К о ф е й к и н а. А что же ты бормотал насчет второй волшебницы?

Ф а в н. Я, мадам, экскюзе муа, трепался.

К о ф е й к и н а. Напугал, дурак. Если Упырева со злости начнет чудеса творить — неизвестно тогда, чья будет победа.

Б о й б а б ч е н к о. А разве она может?

К о ф е й к и н а. Со злости. Раз в сто лет. Говори честно — она тебя оживляла?

Ф а в н. Нет, нет, мадам. Она простая очковтирательница, пароле. И злобы в ней нет. Только хихикает. Позвольте мне присоединиться к вашему ордену.

К о ф е й к и н а. Взять его, что ли? Возьму.

Ф а в н. Ха-ха-ха!

К о ф е й к и н а. Пока диспозиция простая. Ты, Бойбабченко, вернись к Дамкину. Я пойду к Упыревой. А ты пойдешь...

Ф а в н. Пойду? Я помчусь, а не пойду, прелестница!

К о ф е й к и н а. А ты пойдешь и отгонишь от Маруси мужчин. Понял?

Ф а в н. Еще бы.

К о ф е й к и н а. А ее ласково приведешь сюда.

Ф а в н. Приласкаю ее, накажи меня господь!

К о ф е й к и н а. Без подлостей!

Ф а в н. Слушаю-с!

К о ф е й к и н а. Смотри! Исполнишь — буду пускать тебя каждый вечер. Напутаешь — в мраморное мыло превращу, в кооперацию отдам.

Ф а в н. Да что ты, очаровательница! Я ведь тоже хоть и паршивенький, а все-таки профессионал! Вроде — бесеночек!

К о ф е й к и н а. А если я узнаю, что Упырева с тобой разговаривала, а ты скрыл, — горе тебе, горе, горе!

Ф а в н. Ну вот, скажете тоже! Буду я от такой красотки скрывать что-либо!

К о ф е й к и н а. Ох, смотри. (*Свистит.*) Але-гоп!

Фавн спрыгивает с пьедестала, делает ряд высочайших прыжков. Чешется. Повизгивает, мечется, как пес, которого взяли гулять.

К о ф е й к и н а. Лети.

Ф а в н. Лечу! (*Делает несколько кругов, пригнувшись носом к земле. Принюхивается. Напав на след, с хохотом убегает огромными прыжками.*)

К о ф е й к и н а. Так. А ты марш, марш к ящичку!

Б о й б а б ч е н к о. Есть! (*Марширует. Уходит.*)

К о ф е й к и н а. А тебя я сейчас вооружу. Чудес у нас в обрез. Надо приготовить три желанья. Три любых твоих желанья исполнятся. Но не смей желать без моего приказу! Чтобы не было путаницы — только те твои же-

ланья исполнятся, которые крикнешь громким голосом. Понял?

Гогенштауфен. Да.

Кофейкина. Ну, то-то. (*Свистит.*) Раз исполнится, два исполнится, три исполнится! Старайся тише говорить. Ах, неприятно! Если она в полной злобе — все перепутает так, что просто ужас. Придется лететь к заведующему в отпуск. Беспокоить его. Пойду послежу за ней. (*Уходит.*)

Упырева (*вырастает из-за кустов. Тихо*). Сиди, жди! Чего ждешь — не будет, а что будет, то не выйдет. Всех перепутаю, все прахом пущу. Вы планы строите, а я расстраиваю. Вы строите, а я расстраиваю. Я в полной злобе. (*Исчезает.*)

Влетает Фавн.

Фавн. Дяденька! Ты человек хороший! Я статуй хороший! Я, чтобы побегать, на преступление пошел! Есть другая волшебница, а я от вашей скрыл! Боялся, она меня из ревности не отпустит. Прими меры! Есть опасность! Дядя! Спит... Ну, а у меня все благородство вышло. Больше повторять не буду. Дяденька!

Гогенштауфен вскакивает.

Дяденька! Сейчас придет твоя девушка. А я пока мужчин отведу. (*Кричит в кусты женским голосом.*) Товарищ Арбенин! Журочкин! Идите сюда, я тут над вами издеваюся! Дурачки! Хи-хи!

Фавн бежит, за ним с ревом проносятся Журочкин и Арбенин.

Гогенштауфен. Идет она! Идет. Это ее шаги! Маруся!

Вбегает Брючкина.

Брючкина. Ах, вот он где! Прости, я тебя измучила, но я все бегала, делилась с подругами. Подруги рвут и мечут, говорят — ты такой интересный! У меня есть знакомый физик. Маленький, но широкий-широкий! Такой

широкий, что его на улице путают с бюстом Пржевальского. Он меня сейчас встретил и говорит: «Отчего у вас такое счастливое лицо. Кто он?» Понимаешь, на улицах замечают...

Г о г е н ш т а у ф е н. Ага.

Б р ю ч к и н а. Сядем.

Г о г е н ш т а у ф е н. Ага.

Б р ю ч к и н а. Что ты такой скучный?

Г о г е н ш т а у ф е н. Я не могу.

Б р ю ч к и н а. Чего?

Г о г е н ш т а у ф е н. Я измучен. Я не спал ночь.

Б р ю ч к и н а. Ах ты, шалун. Что делал?

Г о г е н ш т а у ф е н. Работал.

Б р ю ч к и н а. Хи-хи-хи.

Г о г е н ш т а у ф е н. Не понимаю — кому это нужно? Зачем вы...

Б р ю ч к и н а. Ах, вот что... Ты прав. Идем!

Г о г е н ш т а у ф е н. Куда?

Б р ю ч к и н а. Ко мне. Я не буду тебя больше мучить. Идем! Ах! (*Обхватывает его.*)

Г о г е н ш т а у ф е н (*кричит*). А, будь ты трижды рыжей!

На секунду вспыхивает яркий свет. На голове Брючкиной вырастает тройная рыжая прическа. Над бровями — тройные рыжие брови. Рыжие ресницы. Веснушки покрывают ее лицо.

Б р ю ч к и н а. Что со мной?!

Г о г е н ш т а у ф е н. Ах, я несчастный!

Б р ю ч к и н а. Что за выходка такая!

Г о г е н ш т а у ф е н. Вы стали трижды рыжей.

Б р ю ч к и н а (*достает из кармана зеркальце*). Ах! Какое хамство! Зачем вам это надо? Это вы из ревности! Вы увидели, что все мужчины на меня бросаются, и облили меня перекисью!

Г о г е н ш т а у ф е н. Честное слово, нет.

Б р ю ч к и н а. Хам! Паршивец! Вы хотите меня таким образом приковать к себе. Это насилие! (*Визжит.*) Насилие!

Г о г е н ш т а у ф е н. Тише, ради Христа!

Б р ю ч к и н а. Нет, я устрою скандал на весь парк! Пусть все видят, до чего вы в меня влюбились! (*Визжит.*) Насилие! (*Убегает.*)

В кустах хохочет Упырева.

Г о г е н ш т а у ф е н. Что будет! Что будет! Что делается!

Вбегает М а р у с я.

Г о г е н ш т а у ф е н. Маруся!

М а р у с я. Оставьте, пожалуйста...

Г о г е н ш т а у ф е н. Маруся!

М а р у с я. Что от меня людям надо?!

Г о г е н ш т а у ф е н. Маруся!

М а р у с я. Не врите!

Г о г е н ш т а у ф е н. Маруся!

М а р у с я. Отчего это так жизнь устроена? На работе что-нибудь не так — сколько есть мест пойти да рассказать! Местком или даже стенгазета, авторитетный какой-нибудь товарищ. А тут кому расскажешь?

Г о г е н ш т а у ф е н. Маруся!

М а р у с я. Вы мне весь взгляд перевернули. Вы!

Г о г е н ш т а у ф е н. Я... так... когда... это... нескладно... нескладно говорю, когда расстроен. Маруся! Я...

М а р у с я. Человек прогуляет — его с работы долой. Правильно. А вы со мной такую гадость сделали, и вам ничего не будет. Почему? Небось, если бы знали, что вас за это карточки лишат и опозорят — не писали бы мне такое письмо. Свинство! Я вам так верила! Я один раз даже, может быть, ревела, так я вас любила. Ваша хозяйка меня шепотом ругала каждый раз, а я все-таки к вам ходила.

Г о г е н ш т а у ф е н. Я все могу... доказать... но... я нескладно говорю... как... это быть...

М а р у с я. Что вы мне написали? (*Достает письмо.*) Почему такие страшные грубости? Всего одна фраза: «Мне надоел ваш бурный темперамент! Между нами все кончено». Как вы могли так написать? А? Что я, нарочно? Откуда мне знать?

Г о г е н ш т а у ф е н. Маруся!

М а р у с я. Я думала, тут ничего плохого нет, я вас любила, жила хорошо, была веселей всех, а что теперь? Свинство!

Г о г е н ш т а у ф е н. Я ничего этого... этому... не писал... Нескладно, нескладно...

М а р у с я. Вы меня довели, что мне работать, жить противно, а это разве ничего не стоит? Разве я была бесполезный человек? Свинство! Чем лучше Брючкина? Сказал, надо попрощаться, и потом письмо... Что тут такого, когда у человека голова кружится? Прощай!

Гогенштауфен хватает ее за руку.

Г о г е н ш т а у ф е н. Постой... Слова... того... могу... ах... (*Кричит.*) Говорю нескладно, а хочу складно говорить!

На секунду вспыхивает яркий свет.

Г о г е н ш т а у ф е н. Кошка, картошка, полгуся, пожалуйста, не уходи, Маруся. Чай, конфета, котлета — мы немедленно выясним все это.

М а р у с я. Вы сошли с ума?

Г о г е н ш т а у ф е н. Хороши романы Дюма!

М а р у с я. Это безобразие!

Г о г е н ш т а у ф е н. Европа, Америка, Азия!

М а р у с я. Это глупое издевательство!

Г о г е н ш т а у ф е н. Зачем же такие ругательства́? Я складно говорить пожелал, и вот получился скандал! Мне самому неприятно, но нету пути обратно! Конечно, я не поэт, ни таланта, ни техники нет, есть только

страстные чувства, а это ничто для искусства! Маруся, люблю я тебя, и ты меня слушай, любя. Пойми меня, Маруся, а то сойду с ума — клянусь тебе, Маруся, я не писал письма. Мы жили и ничего не знали, а нас ненавидели и гнали! Гнала нас мертвая злоба, и вот стоим и страдам мы оба.

Маруся. За что?

Гогенштауфен. За то, что, к несчастью, я всегда работал со страстью, а ты со страстью любила — и вот всколыхнулась могила, и пошла окаянная волной, чтоб и нас успокоить с тобой.

На эстраде Упырева. Хохочет.

Оглянись! Вон она сзади — вон упырь стоит на эстраде!

Упырева хохочет.

Голос Фавна. Дурачки, хи-хи-хи! Сюда! Как я над вами издеваюся!

Вбегает Фавн, за ним Журочкин и Арбенин.

Арбенин. Ах, вот вы где, мадам.
Гогенштауфен. Я в обиду ее не дам.
Арбенин. Ну, конечно, я так и знал.
Гогенштауфен. Ручка, тетрадка, пенал.
Арбенин. Что такое?
Гогенштауфен. Оставьте ее в покое.
Журочкин. Он остряк-самоучка.
Гогенштауфен. А ты толстяк-недоучка.
Журочкин. Я ее сейчас осрамлю!
Гогенштауфен. А я тебя сейчас задавлю.

Дерутся.

Фавн. Очень красиво. Это я! Как мне волшебница приказала всех мужчин стравить, так и стравил! Буду теперь каждый вечер бегать. Шарман!

Журочкин отступает. Арбенин тоже. Гогенштауфен их преследует. Фавн за ними. Упырева спрыгивает с эстрады, подходит к Марусе.

У п ы р е в а. Что? Вчера все просто казалось, а сегодня жить не хочется? А? Щенок!

М а р у с я. Пустите меня!

У п ы р е в а. Куда? Все перепуталось. Спасенья нет. Я в полной злобе.

М а р у с я. Я умру.

У п ы р е в а. Успеешь. Эх, ты, коровушка! Пасется коровушка, глядит в траву — думает, я живая. А она только мясо. О, анекдот для некурящих. Иди к Дамкину! Он тебя скушает! У него стальные зубы!

Г о л о с. Зубы его и погубили!

У п ы р е в а. Кто говорит?

Г о л о с. Не узнаешь?

У п ы р е в а. Нет.

Из-за кустов выходит К о ф е й к и н а.

К о ф е й к и н а. Я.

Вбегает Д а м к и н.

Д а м к и н. Товарищ Упырева! В нашем саду посторонняя баба... (*Убегает.*)

У п ы р е в а. Что это с ним?

Д а м к и н (*возвращается*). Позволяет себе меня... Понимаете меня... (*Убегает.*)

У п ы р е в а. Что за ерунда?

Д а м к и н (*возвращается*). Таскать за зубы. (*Убегает. Возвращается.*) По всему саду. (*Убегает. Возвращается. Следом за ним Бойбабченко с ящичком.*)

Д а м к и н. Вот, это она...

Б о й б а б ч е н к о. Не фискаль! (*Поворачивает рычаг.*)

Юрий Дамкин с размаху прилипает к ящику зубами.

Б о й б а б ч е н к о. Не дергайся, зубы выдернешь!

У п ы р е в а. Что это за ящик?

Б о й б а б ч е н к о. Электромагнит новейшей конструкции и сказочной силы. Стой!

К о ф е й к и н а. Конструкция моя.

У п ы р е в а. Чудеса-то на исходе?

Б о й б а б ч е н к о. Так и прилип стальными зубами. Ну, ступай!

Юрий Дамкин выпрямляется. Мычит.

Б о й б а б ч е н к о. Мычит! Батюшки, да он, кажись, язык прикусил.

К о ф е й к и н а. Нет! Верхняя и нижняя челюсти намагнитились и притягивают друг друга.

Б о й б а б ч е н к о. Ха-ха-ха! Это тебе, гаду, наука. В полном смысле слова.

Б р ю ч к и н а (*визжит за сценой*). Насилие!

Ф а в н (*вбегает*). Ой, ведут их, бабушка, ведут! Ой, бабушка, это же форменный праздник. Мильтон со смеху свистнуть не может. Дяденька стихами говорит. Я прыгаю!

Входят м и л и ц и о н е р, А р б е н и н, Ж у р о ч к и н, Г о г е н ш т а у ф е н.

М и л и ц и о н е р. Спорить, гражданин, напрасно. (*Подносит свисток к губам.*)

Г о г е н ш т а у ф е н. Я люблю вас, очень страстно!

М и л и ц и о н е р. Ха-ха-ха! (*Резко обрывает смех.*) Вы за это заплатите лишний штраф, только и всего. (*Подносит свисток к губам. Фавн делает необычайно нелепый прыжок.*)

М и л и ц и о н е р. Ха-ха-ха! (*Резко обрывает смех.*) Ничего не выйдет, кроме напрасной волокиты. (*Пробует свистнуть.*)

Г о г е н ш т а у ф е н. Вербы, яблоки, ракиты.

М и л и ц и о н е р. Ха-ха-ха! Напрасные старанья.

Фавн делает прыжок.

М и л и ц и о н е р. Ха-ха-ха! Кто не подчиняется...

Г о г е н ш т а у ф е н. Тому вред причиняется.

М и л и ц и о н е р. Ха-ха-ха! Черт знает что! Гражданка! Да это у тебя никак свисток?

К о ф е й к и н а. Он.

М и л и ц и о н е р. Свистни, сделай одолжение. Я с поста не могу отлучиться, а эти тут бузят, дерутся.

Кофейкина дает два коротких свистка.

А р б е н и н. Это какой трамвай? (*Орет.*) Какой трамвай, говорю? (*Сует милиционеру деньги.*) Передай кондукторше пятнадцать копеек! А?

Ж у р о ч к и н (*поет басом*). Лю-блю я цветы полевые, люблю на полях собирать! Арбенин! Обманула нас девушка. Карау-у-ул!

М и л и ц и о н е р. Это что такое!

К о ф е й к и н а (*тихо говорит Бойбабченко*). Я их в пьяных превратила. Последнее превращение — со счету долой!

М и л и ц и о н е р. Это вы жалобу подаете, будто вас бьют, а сами в безобразно пьяном состоянии?

К о ф е й к и н а. Они привязались к двум нашим актерам-затейникам...

М и л и ц и о н е р (*козыряет Гогенштауфену и Фавну*). Рад, что выяснилось.

А р б е н и н (*обнимает милиционера*). Кондукторша! Где тут загс?

М и л и ц и о н е р. Идем, идем!

А р б е н и н. Мне жениться хочется! Кто меня разденет? Кто меня уложит?

М и л и ц и о н е р. Идем, идем! Найдутся такие люди. (*Ведет Арбенина. Журочкин семенит следом.*)

Ж у р о ч к и н. Куда вы! Сестрицы! Что вы меня, девушку, бросаете! Во чужой стороне, во неладной семье. (*Плачет.*)

Скрываются, слышны свистки.

Б о й б а б ч е н к о (*показывает на Дамкина*). Смотри, смотри! Что это он все в одну сторону нос воротит?

К о ф е й к и н а. К северу.

Б о й б а б ч е н к о. Почему?

К о ф е й к и н а. Обратился в компас. Зубы — магнитная стрелка на шее на свободном основании... Всех укротили! Он — магнит, остальные в отделении! Наша победа!

Г о г е н ш т а у ф е н. Упырева! Где твое жало, ты гибелью нам угрожала!

У п ы р е в а. Я здесь, я здесь, никуда не уйду. И Маруся твоя со мной.

Хор за сценой поет «Маруся отравилась».

Г о г е н ш т а у ф е н. Она моя Маруся, и я на ней женюсь.

У п ы р е в а. Никогда! (*Шипит.*)

Гогенштауфен превращается в курицу.

К о ф е й к и н а. Так я и знала.

У п ы р е в а. А чудеса ты истратила. Что, Маруся? Женишься на курице?

Г о г е н ш т а у ф е н (*кудахчет*).

Врывается Б р ю ч к и н а с целой толпой.

Б р ю ч к и н а. Вот здесь, товарищи! Вот здесь изуродовал он меня из ревности!

Г о л о с а. Где он? Давайте его сюда! Что за пережитки!

Б р ю ч к и н а. Вот вся их компания. Хватайте их! (*Визжит.*) Насилие! (*Тихо.*) Подруги все сбесятся от зависти!

Толпа надвигается. Упырева хохочет.

У п ы р е в а. Отлично! Все перепуталось. Что, старуха, плохи дела?

К о ф е й к и н а (*бросается к Гогенштауфену, шепчет ему что-то на ухо*).

Г о г е н ш т а у ф е н (*кричит куриным голосом*). Лиса, коса, небеса, колбаса, вернитесь к Кофейкиной все чудеса!

К о ф е й к и н а. Что, съела?

Свисток. Гогенштауфен снова человек. Упырева шипит и превращается в ястреба. Кофейкина превращается в орла. Тогда Упырева превращается в тигра. Кофейкина — в слона. Упырева превращается в крысу, Кофейкина — в кота. Упырева принимает человеческий вид. Кофейкина за ней.

Упырева. Брючкина публику собрала? Хорошо! Я тебя злобой уничтожу. (*Шипит.*) Берите ее!

Крики из толпы. Хватайте ее! Это она во всем виновата! Это она нас с толку сбивает! Шарлатанка!

Толпа надвигается на Кофейкину.

Упырева. Съела? Смотри на эту публику! Половина шпаны. Чудо шпану раздражает всегда! Фокусников и тех не любят, обличают, а волшебницу разорвут. Я их сейчас растравлю!

Кофейкина. А я их сейчас развеселю. Фавн! Сюда! Возьми эту флейту!

Упырева (*в ужасе*). Волшебная флейта?

Кофейкина. Назад! Играй, Фавн!

Фавн играет. Толпа сначала удивленно и как бы против воли, а затем все веселей и веселей пляшет. Упырева исчезает.

Кофейкина. Ну, что? Съела? Веселье да пляска — где злоба? Чудо чистое, вполне научное. Известное сочетание звуков действует на двигательные центры головного мозга. Пляшите, пляшите, враг мрачен, мы веселы!

Гогенштауфен (*танцуя*). Кофейкина, я трясуся, куда-то исчезла Маруся!

Кофейкина. Что? А где Упырева?

Фавн показывает на небо.

Кофейкина. Что? Перестань играть.

Музыка обрывается.

Где она?

Фавн. Она, дура сопатая, унесла Марусю под облака.

Кофейкина. А ты молчал?

Ф а в н. Волшебница, что я мог? Вы приказали играть!

К о ф е й к и н а. Вот сдам тебя в музей, позеленеешь ты там от тоски!

Ф а в н. Красотка, что я понимаю? Я же маленький, мраморный.

К о ф е й к и н а. Ужас!

Б о й б а б ч е н к о. Она ее расшибет!

Г о г е н ш т а у ф е н. Летим, летим поскорей за бедной невестой моей!

К о ф е й к и н а. Придется заведующего обеспокоить. Иначе выйдет катастрофа. Поймаем ее — и к нему в отпуск! (*Свистит.*) Летим!

Взлетают. Бойбабченко держит Дамкина.

К о ф е й к и н а. Зачем тебе Дамкин?

Б о й б а б ч е н к о. Как в такую экспедицию без компаса?

Брючкина подпрыгивает, вцепляется в ноги Гогенштауфена.

Г о г е н ш т а у ф е н. Пустите, я к ней лечу и разговаривать с вами не хочу!

Б р ю ч к и н а. Ишь ты, какой. Уговаривал, а теперь улетать? Не лягайся, милый, я все равно не отцеплюсь. Какие ножки!

Улетают.

Ф а в н. А меня забыли и флейту мне оставили! Хорошо! Пляшите! Пляшите все! В честь победы! В честь виктории! Чтобы волшебница победила! Чтобы Упырева погибла!

Чтобы навеки сгинуть ей нахалке —
Пляшите все, пляшите, елки-палки!

Пляшут.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Крыша. Ночь. На крыше сердитый молодой человек в трусах.

Молодой человек. Вы подумайте, до чего доходит! Им радио тьфу. Им бы только летать бы. На нашу технику им плевать.

Подлетают Кофейкина, Бойбабченко, Дамкин, Гогенштауфен, Брючкина.

Бойбабченко. Эй, молодой, не пролетали тут две женщины?

Молодой человек. А ну вас к черту!

Бойбабченко. Не пролетали?

Молодой человек. Еще бы нет. Она, дура, такая неуклюжая, мне всю антенну разворотила.

Бойбабченко. Давно?

Молодой человек. Да уже час чиню.

Бойбабченко. Догоним. Куда пролетела?

Молодой человек. А вон туда.

Бойбабченко. Летим!

Летят. Внизу вершины леса. Летят над самыми верхушками.

Брючкина. Ай!

Бойбабченко. Чего еще?

Брючкина. Меня какая-то птица клюнула в лодыжку. (*Хохочет.*) Зачем ей это нужно? Дорогой, а ты заметил, как тот в трусах, на крыше, пялил на меня глаза и весь волновался?

Лес кончается. Город. Каланча.

Пожарный. Братцы, нет ли у вас часов?

Бойбабченко. А что?

Пожарный. Да сменяться пора. Хотя дежурство сегодня интересное. Все летают, летают…

Кофейкина. Ты видел тут двух женщин? Пролетали?

П о ж а р н ы й. А как же, видел! Только не две их было. Одна.

Г о г е н ш т а у ф е н. Одна?

Б р ю ч к и н а. Ничего, милый, я с тобой.

Б о й б а б ч е н к о. Давно пролетала?

П о ж а р н ы й. Минуть десять. Что это у вас, маневры военные?

Б о й б а б ч е н к о. Вроде. Летим скорей, мы ее догоним!

Летят. Снизу шум паровоза. Паровозный пар. Дым. Водонапорная башня.

Б р ю ч к и н а. Товарищи, я так вся закопчусь, возьмем в сторону. Милый, ты заметил, как пожарный мне мигал? Я так хохотала! Зачем это ему нужно?

Р а б о ч и й и з б а ш н и. Товарищи, я уже сказал: возле башни летать нельзя. (*Выглядывает.*) А, это новые!

Б о й б а б ч е н к о. А где та?

Р а б о ч и й. А минут пять назад пролетела… туда к лесу.

Б о й б а б ч е н к о. Одна?

Р а б о ч и й. Одна.

К о ф е й к и н а. Скорей!

Летят. Степь.

Б о й б а б ч е н к о. Вон она! Вижу ее!

К о ф е й к и н а. Где?

Б о й б а б ч е н к о. Сейчас установлю. (*Вертит плечами Дамкина. Голова Дамкина крутится, покачиваясь как компас, но нос неуклонно устремляется на север.*) Так… В направлении по нашему компасу… На нос, нос, левый глаз.

К о ф е й к и н а. Так держать!

Б о й б а б ч е н к о. Есть!

Показывается Упырева в широком плаще.

Б о й б а б ч е н к о. Вон она, хватай ее!

Кофейкина. Стой!

Бойбабченко. Залетай с правого боку! Окружай с тылу!

Кофейкина. Стой!

Бойбабченко. Гогенштауфен, окружай с того боку! Летай веселей! Поддерживай компас! Ага, окаянная! Ага, грубая!

Окружают Упыреву. Упырева в широком плаще.

Кофейкина. Где Маруся?

Упырева (*распахивает плащ, в руках у нее Маруся.*) Не подходи, чхи! Сброшу ее вниз, чхи!

Бойбабченко. Простудилась, мерзкая!

Упырева. Нет. Противно! Чхи! Молодая она, молоком пахнет. Чхи!

Кофейкина. Отдай ее.

Упырева. Зачем?

Кофейкина. Человека жалко.

Упырева. Не отдам. Уж слишком они друг другу подходящие.

Кофейкина. Отдай!

Упырева. Не отдам! Где это видано, чтобы я уступала? Они еще детей разведут.

Кофейкина. Ведь все равно попалась!

Упырева. Никогда!

Кофейкина. Попалась.

Упырева. Не попалась. Это ты психоложество развела. А другие не разводят. Я по службе неуловима! А по жизни не ловят! Некогда.

Кофейкина. Жизнь меняется.

Упырева. Еще поживу, хотя полчасика.

Кофейкина. Ты побеждена!

Упырева. Нет, брат. Бой еще идет. А Маруся у меня!

Кофейкина. Так что?

Упырева. А в бою без жертв нельзя.

Кофейкина. Ну и что?

У п ы р е в а. Ну и брошу ее вниз! Она мягкая, рассуждающая, а земля внизу твердая, грязная!

Б о й б а б ч е н к о. Что за несознательность, товарищ! Это, выходит, не жертва, а нелепая случайность.

У п ы р е в а. Это больше всего я люблю!

Швыряет Марусю вниз.

Б о й б а б ч е н к о. О, какая ужасная баба! Ее любимый обед — на первое мужчина в соку, а на третье — кровь с молоком.

К о ф е й к и н а (*свистит*). Приказываю всем благополучно опуститься к заведующему в отпуск!

Дрожи, дрожи, гадюка Упырева —
Сейчас заведующий скажет слово!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дача в горах. Восходит солнце. На большом балконе дачи — з а в е д у ю щ и й. Он один.

З а в е д у ю щ и й. Нет, я все-таки сказочно устал. Ужасно. Для меня даже тишины подходящей не найти. Почему? Потому что, когда тихо — у человека в ушах звенит. А как зазвенит в ушах, я сейчас же: алло! Мне кажется, что в левом ухе вертушка звонит, а в правом городской телефон. Вот и болтаю все время, болтаю сам с собою, чтобы звона не слышать. Хотел я записывать впечатления — не мог. Почему? Все время пишу наискось, как резолюции пишутся. И через каждые две строчки подписываюсь. И хочу я, например, написать: прекрасный вид, а пишу: поставить на вид. А еще дела беспокоят. Я на отдыхе — как машина, которую остановили на минутку и мотор не выключили. Только шины отдыхают, а цилиндры вертятся, бензин идет. Я думаю, думаю… Страшное время лето — что там в учреждении? Хорошо, я добился — телефон провели прямой, все-таки в случае чего позвонят. Но не звонят, жалеют,

а я думаю о них, думаю. Ну-с, дальше что? А дальше скажу, что все-таки хорошо. Потому что ни заседаний, ни совещаний, воздух легкий, никто не налетает с вопросами...

Сверху опускается Маруся.

М а р у с я. Товарищ заведующий, позвольте вас спросить, чего они меня мучают?

З а в е д у ю щ и й. Мучают?

М а р у с я. Да... Вчера мне казалось, что все очень хорошо, чудесно, а сегодня...

З а в е д у ю щ и й. Довольно, я понял. Все будет улажено.

Сверху опускается Упырева.

У п ы р е в а. Товарищ заведующий...

З а в е д у ю щ и й. Мне уже все рассказали.

Сверху опускаются К о ф е й к и н а, Б о й б а б ч е н к о, Г о г е н ш т а у ф е н, Б р ю ч к и н а.

К о ф е й к и н а. Товарищ заведующий...

З а в е д у ю щ и й. Не извиняйтесь... Вопрос серьезный, это неважно, что я в отпуску. Сейчас устроим маленькое совещание, а потом я решу, как хочу. Товарищ Гогенштауфен, поздравляю — ваш проект утвержден... С блеском! Начнем. (*Садится за стол, прикрыв лицо рукой.*)

Г о г е н ш т а у ф е н. Мой проект утвержден? Но ведь он не окончен!

К о ф е й к и н а. Я кончила!

Г о г е н ш т а у ф е н. Да ведь он не послан.

К о ф е й к и н а. Я послала. Мелким чудом.

Г о г е н ш т а у ф е н. Когда же его успели рассмотреть?

К о ф е й к и н а. Я устроила, тем же манером...

З а в е д у ю щ и й. Может быть, мы прекратим частные разговоры и начнем? Товарищи, каждому я дам пол-

минуты. Мне все ясно — это склока. Поэтому говорите без подробностей и пояснений. Не старайтесь убеждать меня, я не буду слушать. Склока — такая вещь, где разобраться можно только чутьем. Логикой не разберешься. Слово Упыревой.

Упырева. Безо всяких оснований эта девушка (*показывает на Кофейкину*) начала травить меня и лучших наших работников... Вкусовщина, психоложество...

Заведующий. Достаточно. Вы старались поссорить Гогенштауфена с Марусей Покровской?

Упырева. Нет! А кроме того, какое это имеет отношение?..

Заведующий. Большое... Зачем вы грызете карандаш?

Упырева. Я злюсь, как зарезанная!

Заведующий. Вот это совершенно правильно. Как зарезанная. Пройдите в ту дверь — там мой кабинет. Сядьте за стол. Дайте письменное объяснение своим поступкам. Я им не поверю — пишите короче. Вот эта дверь. Ступайте.

Упырева уходит, стукнув дверью.

Бойбабченко. Она сбежит!

Заведующий. Нет! Дверь одна. Окно — над пропастью. Товарищ Кофейкина, ваше слово!

Кофейкина. Сотрудники, товарищ заведующий, бывают двух родов — одни работают со страстью, другие с отвращением...

Заведующий. Совершенно правильно! Вокруг нее сгруппировались люди, работающие с отвращением. Мертвый класс, пленный класс, класс на цепи, злобный, как цепная собака. Они работают против воли, работают не всегда плохо, боятся, но кусаются всегда и всегда отравляют все вокруг. При мне штрафовали управделами, который из ненависти собирал всюду паутину, пыль, пауков, блох, мух, моль, мокриц и распределял собранное по всем комнатам своего учреждения.

Он же добыл где-то старую ванну, положил ее в коридоре и написал на ней мелом нехорошее слово. Ванна наводила на посетителей сильное уныние. Он же забил все двери и пускал посетителей через подвал. Но он тих и скромен рядом с нашей Упыревой. Она совершенно мертва, она обеими ногами стоит в гробу, и через нее из гроба, как по проводу, идет смерть. Я, отдыхая, наводил справки и все выяснил. Год назад она работала в центральном узле. Там застрелился из-за девочки прекрасный человек, талантливый работник товарищ Лысенький. Это она подстроила. Там сошло с ума пять рабочих-изобретателей: Иванов, Мамочко, Пежиков, Суриков и Эдиссон Томас Альва. Это все она. Там заведующий побил бухгалтера из ревности, и на две недели остановилась работа — шел показательный суд. Она даже в свидетельницы не попала, а все это было делом ее рук. Она умеет вовремя сказать злобное слово, поссорить, пустить сплетню, обидеть, сбить с толку, оскорбить тех, кто потише, и скрыться за личиной усерднейшего, даже самоотверженного, непреклонного работника. Она портит жизнь. Здесь трудней всего поймать. Как вам удалось?..

К о ф е й к и н а. Я боюсь объяснить, товарищ заведующий... Она, видите ли, упырь!

З а в е д у ю щ и й. Как вам не стыдно так упрощать этот сложный вопрос! Упырь — исключительное явление, а исключительное явление каждому бросается в глаза. Она гораздо незаметней, мельче...

К о ф е й к и н а. Это другие незаметней, мельче, а она — упырь!

З а в е д у ю щ и й. Это что же, аллегория?

К о ф е й к и н а. Нет, в данном случае — факт.

З а в е д у ю щ и й. Не хочу разбираться, чтобы не запутаться в подробностях, но чувствую что вы все в чем-то правы. Она из тех, кто притворяется живой, передразнивает живых и ест живых. А вы? В таком случае вы — волшебница?

К о ф е й к и н а. Да.

З а в е д у ю щ и й. Не хочу слишком уточнять, чтобы не сбиться с толку. Но чутьем понимаю, что в данном частном случае вы правы. Вы победили. Вы полны величайшей творческой энергии, которая иной раз производит впечатление чуда. В данном частном случае я не возражаю. Вы действовали с пользой в интересах дела, но это не метод! Есть другие способы проявлять творческую энергию. Путь индивидуальных чудес должен быть изжит. Волшебных чудес. Понимаете?

К о ф е й к и н а. Я больше не буду.

З а в е д у ю щ и й. Да, довольно. Это тем более легко, что волшебниц вообще не бывает. Ну, у нас в учреждении один раз случилось — и довольно. (*Брючкиной.*) Что у вас за прическа?

Б р ю ч к и н а. Ах, товарищ заведующий, это — любовь! Гогенштауфен...

З а в е д у ю щ и й. Он не для вас... Прекратите это безобразие с прической, товарищ Кофейкина.

Кофейкина свистит. Брючкина принимает свой первоначальный вид.

З а в е д у ю щ и й. Спасибо. А вам, товарищ Брючкина, я предлагаю оставить Гогенштауфена в покое...

Б р ю ч к и н а. Товарищ заведующий, вы сами знаете — мужчины лезут ко мне как звери. Я даже не понимаю, зачем это им нужно. Гогенштауфен писал мне такие письма, жадно на меня глядел...

З а в е д у ю щ и й. Это ошибка. (*Дамкину.*) Почему вы держите все время нос к северу? Товарищ Дамкин, чего вы молчите?

Б о й б а б ч е н к о. А он в компас превратился. Мы ему зубы намагнитили.

З а в е д у ю щ и й. Понимаю... Зубы прилипли к зубам... Прекратите это!

Кофейкина свистит. Дамкин хохочет.

Д а м к и н. Спасибо, товарищ. Вот разыграли, прямо на большой палец. Очень потешно. Знаете потрясающую новость, товарищи? Мне ужасно есть хочется. Со вчерашнего дня не жрал. У меня есть такое свойство: если я с вечера не поужинаю — ужасно утром есть хочу. Товарищ заведующий, вам огромное спасибо. У меня есть такое свойство: если мне объяснят — я сразу осознаю свои ошибки. Эта Упырева — просто вредительница. Простите, я по-прямому. У меня есть такое свойство. Я не хитрый.

З а в е д у ю щ и й. Ну, довольно! Я дал вам поговорить, потому что вы несколько часов молчали. Товарищ Дамкин, предлагаю вам оставить Марусю в покое.

Д а м к и н. Но, товарищ заведующий. Маруся сама в меня влюбилась. Вечером вчера так она раскокетничалась — бегала, плакала, молоденькая, страстная такая...

З а в е д у ю щ и й. Это ошибка.

Д а м к и н. Ну, какая там ошибка. Что вы! Все женщины — донжуаны и циники! (*Показывает на Бойбабченко.*) Вот она. Старушка. Сухарик. А тоже... Вчера из ревности намагнитила меня, обиделась, что я бегаю за Марусей.

З а в е д у ю щ и й. Довольно! Все кончается хорошо, поэтому я вместо выговора в приказе сделаю вот что, — смотрите... (*Показывает на Брючкину.*)

Д а м к и н. Что?

З а в е д у ю щ и й. Смотрите...

Д а м к и н. А ведь действительно...

З а в е д у ю щ и й. Смотрите...

Д а м к и н. Ах ты, черт... Фигура, руки, ноги... Товарищи, потрясающая новость! Я влюбился! Честное слово! В Брючкину. Надо брать от жизни все, что она дает.

Б р ю ч к и н а. Ха-ха-ха! Зачем вам это надо?

З а в е д у ю щ и й. Ладно. Договорились. (*Топает ногой.*) Но смотрите!

Д а м к и н. Осознал, осознал.

Б р ю ч к и н а. Понимаем, понимаем.

З а в е д у ю щ и й. Так. С ними покончено. Они виноваты и награждены. Будут работать на совесть.

Б р ю ч к и н а. Для меня работа прежде всего.

З а в е д у ю щ и й. Но смотрите! Если будут рецидивы и вспышки (*к Брючкиной*) — к вам вернется ваша прежняя прическа. (*Дамкину.*) А вас превратят навеки в компас, и я сдам вас в географический институт.

Д а м к и н. Товарищ заведующий, у меня есть такое свойство: я работаю как бешеный!

З а в е д у ю щ и й. Договорились. Теперь отдохнем на хороших людях. Маруся Покровская!

М а р у с я. Что?

З а в е д у ю щ и й. Успокойтесь. Жизнь такова, какой она вам казалась до склоки. Больше вас никто не будет мучить. Все прекрасно. Товарищ Гогенштауфен, вас премировали квартирой, отпуском и трехмесячным окладом. Марусю я тоже отпускаю на месяц. Вы поселитесь вместе. Кричите ура! Вот... (*Кофейкиной.*) Вас я назначил бы управделами, но ваша склонность творить чудеса...

К о ф е й к и н а. Я по плану...

З а в е д у ю щ и й. Посмотрим. Боюсь, что вы нужнее на периферии. Товарищ Бойбабченко, у вас в квартире окна чистые, у меня окна чистые. Я работаю и вижу — вы очень любите наше учреждение.

Б о й б а б ч е н к о. Как бабушка!

З а в е д у ю щ и й. Можете приходить ко мне на все совещания, сидеть и слушать.

Б о й б а б ч е н к о. Ах, это форменная мечта! Вот сподобилась... (*Вытирает слезы.*) Выдвинулась!

З а в е д у ю щ и й. Все? Объявляю совещание закрытым. Упыревой я займусь самостоятельно. (*Дергает дверь, дверь заперта.*)

Б о й б а б ч е н к о. Заперлась окаянная. Зачем?

З а в е д у ю щ и й. Не смешите меня. Откройте. Что за нелепость! (*Дамкину.*) Взломайте. Чего она этим добьется?

Дамкин взламывает дверь. Комната пуста.

З а в е д у ю щ и й. Никого. Куда она девалась? Окно над пропастью.

Б о й б а б ч е н к о. А мебель? Мебель она всю уничтожила.

З а в е д у ю щ и й. Как неудобно. Мебель принадлежит санатории. Где стол, где кресла? Труха какая-то на полу. Один телефон уцелел.

М а р у с я. Я боюсь, товарищи, я боюсь...

К о ф е й к и н а. Да что вы, братцы! Чего вы призадумались! Это знаете что?

З а в е д у ю щ и й. Ну?

К о ф е й к и н а. Победа. У меня даже слабость от радости в руках, в ногах. Ура! Вот что я вам скажу. Ура, ура! И больше ничего. Ее нету больше, Упыревой. Она от злости и от страха источила, как жучок-вредитель, всю мебель и сошла на нет — нету ее больше, нету! Ура! Спасибо тебе, товарищ заведующий! В лоб ударил ее, в лоб! Она этого больше всего боится. Победа! Праздник! Бейте в барабаны! Трубите в трубы!

Трубы, барабаны, струнные восточные инструменты.

З а в е д у ю щ и й. Это что такое? Опять индивидуальные чудеса? Кто это?

Г о л о с и з-з а к у л и с. Горцы, осоавиахимовцы! Позволь, пожалуйста, почествовать!

З а в е д у ю щ и й. Кого?

Г о л о с. Летчиков безмоторных, к тебе снизились. Мы сами видели, интересно нам. Речей не будем говорить. Не бойтесь. Поиграем, потанцуем, почествуем!

К о ф е й к и н а. Идите, все сюда идите! Чествуйте! Радуйтесь! Нету ее!

Галопом влетают г о р ц ы н а к о н я х. Спешиваются. Полукругом усаживается оркестр, в центре начинаются танцы. В самый разгар танцев в воздухе появляется пакет. Он, кувыркаясь, как бы дразня, носится над всеми. Наконец, падает в руки Кофейкиной. Кофейкина распечатывает пакет и в ужасе вскрикивает.

К о ф е й к и н а. Стойте! Прекратите! Не радуйтесь! Жива она!

Музыка обрывается.

З а в е д у ю щ и й. Кто жив?

К о ф е й к и н а. Несчастье! Она жива, жива! Упырева!

З а в е д у ю щ и й. Каким образом?

К о ф е й к и н а. Улетела в окно, конечно. Раз в сто лет она может творить чудеса.

З а в е д у ю щ и й. Что она пишет?

К о ф е й к и н а. Слушайте: «Всем товарищам по работе заявление. Из дому выйдешь, злое слово скажу — тебе день погублю. В трамвай войдешь, слово скажу — тебе день погублю. На работу придешь, слово скажу — и день погублю. Домой придешь, слово скажу — и ночь погублю. Что за радость в новом дому жить? Дом-то нов, да я-то стара! Что за радость новое дело делать? Дело-то новое, да я-то стара! Что за радость с молодой женой жить? Жена-то молода, да я-то стара! Мой день придет, злое слово скажу — и всю жизнь погублю! Вот вам. Я еще свое высосу. С товарищеской ненавистью, *Упырева*».

З а в е д у ю щ и й. Интересный документ.

К о ф е й к и н а. Это я, я виновата! Как я не заметила, как забыла, что она в полной злобе! Надо было ее за ноги держать. Насыпать на хвост соли.

З а в е д у ю щ и й. Словом, прошляпили. Что делать теперь? Где ее искать? Давайте совещаться.

Телефон.

З а в е д у ю щ и й. Сейчас я... (*Подходит к телефону.*) А?.. Да?.. Райотдел?.. Какие сведения?.. А вы знаете, что я в отпуску и что звонить ко мне можно только по самым срочным делам? Чего вы смеетесь? Как ваша фамилия? Упыренко? (*Бросает трубку.*) Черт знает что!

Б о й б а б ч е н к о. Вот она где устроилась!

Телефон.

З а в е д у ю щ и й. Что?.. Облотдел?.. Кто передает? Упыревич? (*Бросает трубку.*) Вы слышали?

Б о й б а б ч е н к о. Совмещает.

Телефон.

З а в е д у ю щ и й. Что?.. Кто?.. Вурдалак? Убирайтесь к черту! (*Бросает трубку.*)

Б о й б а б ч е н к о. Это она от злости размножилась.

Телефон.

З а в е д у ю щ и й. Кто говорит? Назовите сначала фамилию... Вампир? Не буду говорить! Вампир? Все равно, не буду.

Телефон.

З а в е д у ю щ и й. Кто?.. Кровососова? (*Швыряет трубку на пол.*) Тройку мне! Тройку! Тройку создам! Объявляю мобилизацию! Месячник по борьбе с проклятой злобой! Штаб! Институт!

К о ф е й к и н а. Убьем! Убьем! Постепенно убьем! Не бойся!

З а в е д у ю щ и й. Нельзя постепенно.

К о ф е й к и н а. Отчего нельзя? Где уговором, где страхом, где чудом.

З а в е д у ю щ и й. Я приказал вам изжить ваши индивидуальные чудеса.

К о ф е й к и н а. Зачем индивидуальные? Я того мнения, что все время чудесное. Вот летели мы — и хоть бы кто удивился. Смерть и злоба чуда боятся, а живые чуду радуются. Да здравствует чудо!

Чудо в смысле музыка,
Чудо в смысле смех,
Чудо в смысле радость,
Доступная для всех!

До свидания, товарищ заведующий!

З а в е д у ю щ и й. Куда вы?

К о ф е й к и н а. Воевать! Не жалей нас. Это будет веселый бой. Она злое слово скажет — а мы десять веселых. Она человека расстроит — а мы настроим. Она пыль, паутину, грязь — а мы чистоту, красоту, блеск. Она ржавчину на трубы, замки на двери — мы зелень в цеха, мы цветы на столы, на улицы, на площади, на стены. Мы книги, театр, науку, музыку. Она соберет своих, а мы уже собраны. Она план снизу уродует, а мы украшаем! Да здравствует музыка, радость, чудо!

З а в е д у ю щ и й. Ну, если вы в этом смысле, тогда мы встретимся. Езжайте!

К о ф е й к и н а. Бойбабченко, ты со мной?

Б о й б а б ч е н к о. А то с кем же?

К о ф е й к и н а. Коня!

Горцы подводят под уздцы двух коней. Бойбабченко и Кофейкина едут, поют. К ним присоединяются трубачи, горцы, образуется целый хор. Заведующий и все остальные машут отъезжающим платком в такт песни.

ПЕСНЯ

Уходим сражаться,
Прощайте, друзья!
Врагу удержаться
Против нас нельзя!

Нас жалеть не стоит,
Весел будет бой!
Оружие простое
Берем мы с собой!

Несколько метелок.
Совок и песок,
Кислоту, и щелок,
И мыла кусок.

А еще нам восемь
Дайте трубачей,
А мы их попросим
Трубить погорячей!

Музыка грянет,
Метелки загудят.
Никто не устанет,
Но все победят!

Музыки и пляски
Не выдержит мертвец,
И тут нашей сказке
Конец наконец!

Занавес

1934

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Сказка в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Красная Шапочка.
Мама Красной Шапочки.
Бабушка Красной Шапочки.
Заяц Белоух.
Уж.
Медведь.
Лиса.
Волк.
Лесник.
Птицы.
Птенцы.
Зайцы.
Кролик.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Маленький домик в лесу. Из домика выходят Красная Шапочка и ее мама. У Красной Шапочки через плечо сумка. В руках корзинка с бутылкой молока и большим куском пирога.

Мама. Ну, до свиданья, девочка.

Красная Шапочка. До свиданья, мамочка.

Мама. Смотри, девочка, когда пойдешь мимо болота, не споткнись, не поскользнись, не оступись и не упади в воду.

Красная Шапочка. Хорошо. А ты, мамочка, когда будешь кроить папе рубашку, не задумывайся, не оглядывайся, не беспокойся обо мне, а то порежешь себе палец.

Мама. Хорошо. А ты, дочка, если пойдет дождик и подует холодный ветер, дыши носом и, пожалуйста, не разговаривай.

Красная Шапочка. Хорошо. А ты, мамочка, ножницы, игольник, катушку и все ключи положи в карман и, пожалуйста, не теряй.

Мама. Хорошо. Ну, до свиданья, девочка.

Красная Шапочка. До свиданья, мамочка.

Мама. Ох-хо-хо!

Красная Шапочка. Мама, почему ты вздыхаешь?

Мама. Потому что я буду беспокоиться, пока ты не вернешься.

Красная Шапочка. Мама, кто меня может обидеть в лесу? Все звери — мои друзья.

Мама. А волк?

Красная Шапочка. Он не посмеет меня тронуть. Он знает, что друзья не дадут меня в обиду. Ну, до свиданья, мамочка.

Мама. До свиданья, девочка. Раз бабушка нездорова, надо идти. Пирог для нее тут? Тут. Бутылка с молоком здесь? Здесь. Ну, иди. До свиданья, девочка.

Красная Шапочка (*поет*).

До свиданья, мамочка.
Ничего, что я одна, —
Волк силен, а я умна.
До свиданья, мамочка.

Мать.

До свиданья, девочка.
Если попадешь в беду,
Позови, и я приду.
До свиданья, девочка.

Красная Шапочка.

До свиданья, мамочка.
Если правда — волк в лесу,
Я сама себя спасу.
До свиданья, мамочка.

Мать.

До свиданья, девочка.
Скучно будет мне одной,
Поскорей вернись домой.
До свиданья, девочка.

Красная Шапочка. До свиданья, мамочка. (*Идет*).

Мать, вздохнув, уходит в дом. Когда Красная Шапочка поравнялась с кустами, ее робко окликает заяц.

З а я ц. Красная Шапочка.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Кто меня зовет?

З а я ц. Это я, заяц Белоух.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Здравствуй, Белоух.

З а я ц. Здравствуй, дорогая, милая, умная, добрая Красная Шапочка. Мне надо с тобой поговорить по очень-очень важному делу.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ну, поди сюда.

З а я ц. Я боюсь.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Как тебе не стыдно!

З а я ц. Прости.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Я вас, зайцев, собирала?

З а я ц. Собирала.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Я вам книжки читала?

З а я ц. Читала.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Я вас, зайцев, учила?

З а я ц. Учила.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Чему?

З а я ц. Храбрости. Мы теперь знаем волка, лисицу, всех. Мы не пугаемся, а храбро прячемся. Мы молодцы.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. А ко мне боишься подойти.

З а я ц. Ах, прости меня, но твои новые башмачки очень уж страшно скрипят.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Значит, напрасно я вас учила храбрости?

З а я ц. Про башмачки мы еще не проходили.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Прощай.

З а я ц. Ах, нет, нет! Если ты уйдешь, я сейчас же, извини, умру.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ну, тогда иди сюда. Ну! Зайка, выбегай-ка. Вылезай-ка, зайка. (*Поет.*)

Заяц то приближается, то отскакивает. К концу песни он стоит возле Красной Шапочки.

К р а с н а я Ш а п о ч к а.

Подойди-ка, подойди,
Погляди-ка, погляди.

Это я, это я,
Я — знакомая твоя.
Чем тебя я испугала,
Чем обидела тебя?
Если я тебя ругала,
То ругала я любя.
Никогда не называла:
«Заяц куцый и косой».
Сколько раз тебя спасала,
Как встречался ты с лисой.
Подойди-ка, подойди.
Погляди-ка, погляди.
Это я, это я,
Я — знакомая твоя.

Ну? Что ты хотел мне сказать?

Заяц. Умоляю тебя: беги скорей домой и запри все двери.

Красная Шапочка. Почему?

Заяц. Волк тебя ищет!

Красная Шапочка. Т-с-с. Мама может услышать.

Заяц (*сильно понизив голос*). Волк прибежал из далеких лесов. Он бродит вокруг и грозится: «Я съем Красную Шапочку. Пусть только она выйдет из дому». Беги скорее обратно. Чего ты смеешься?

Красная Шапочка. Я его не боюсь. Никогда ему не съесть меня. До свиданья, зайчик.

Заяц (*пытается удержать ее*). Ой! Не надо. Я тебя, прости за грубость, не пущу.

Красная Шапочка. До свиданья, зайчик. (*Идет.*)

Заяц. Ах! Ах! Бедная девочка. Бедные мы. (*Плача, скрывается*).

Голова ужа высовывается из кустов.

Уж. Здрас-с-сте, Кра-с-с-сная Ш-ш-ш-апочка-ч-ка.

Красная Шапочка (*испуганно*). Здравствуйте, гадюка.

Уж. Я вовсе не гадюка. Я уж-ж-ж. Это не с-с-с-траш-ш-ш-но.

Красная Шапочка. Я не боюсь... (*Вскрикивает.*) Только не трогайте меня.

Уж. С-с-стойте. Я приполз-з с-с-сказать: с-с-сидите с-с-с-сегодня дома.

Красная Шапочка. Почему?

Уж. В-с-с-с-с-сюду, вс-с-с-сюду рыщ-щ-щ-щет волк.

Красная Шапочка. Т-с-с-с. Мама может услышать.

Уж. Прос-с-с-стите. (*Понизив голос.*) Выс-с-с-слушайте меня. Я друж-ж-жу с коровами. Я страш-ш-шно люблю молоч-ч-чко. Волк с-с-ска-з-зал з-з-знакомой моей корове: с-с-съел бы тебя, да нель-з-з-зя. Надо, ч-ч-чтобы в животе было мес-с-сто для Крас-сной Ш-ш-шапоч-ч-чки. Слыш-ш-ш-ите?

Красная Шапочка. Слышу. Но я его не боюсь.

Уж. Съес-ст. Съе-е-с-ст. Съес-ст.

Красная Шапочка. Никогда этого не будет. До свиданья. (*Идет.*)

Уж исчезает. Навстречу Красной Шапочке выходит из лесу медведь.

Медведь. Здорово!

Красная Шапочка. Здравствуй, медведь.

Медведь. Ты, этого, стой... У меня к тебе дело.

Красная Шапочка. Хорошо, Мишенька, но только я спешу.

Медведь. Ничего. Два дела у меня к тебе. Первое — ты мне мордочку помажь.

Красная Шапочка. Что?

Медведь. Мордочка у меня пухнет. Пчелы, бессовестные, покусали. Помажь йодом.

Красная Шапочка. Это можно. Садись.

Медведь. Сяду. (*Садится.*)

Красная Шапочка достает из сумки, что висит у нее через плечо, пузырек с йодом. Мажет медведю йодом щеки.

Медведь. Так... Ох-ох-ох! Щиплет. Ну, а пока ты мажешь, мы и второе дело... того... Ты иди домой, вот что...

Красная Шапочка. Это еще почему?

Медведь. Волк...

Красная Шапочка. Тише. Мама может услышать.

Медведь. Ничего. Беги скорей домой, говорят тебе.

Красная Шапочка. Я волка не боюсь.

Медведь. А что ты, брат, можешь сделать? Нос у тебя человеческий, ты волка издали не учуешь, не спрячешься. А если бежать, то ног у тебя маловато: две всего — волк на четырех догонит. Зубы у тебя недавно падали и выросли еще не того, не вполне. Разве ты справишься с ним? Съест он тебя, как теленочка. (*Всхлипывает басом.*) Жалко. Волк мне сам сказал нынче утром: «Я, — говорит, — ее, — говорит, — съем, — говорит, — непременно». Убил бы я его, да нельзя — не полагается: родственник. Двоюродный волк.

Красная Шапочка. Я ничего не боюсь. До свиданья, медведь. (*Уходит.*)

Медведь (*всхлипывает*). Жалко.

Уж (*поднимается над кустами*). Съ-е-е-с-с-с-т.

Заяц (*высовывается из-за кулис*). Умоляю вас: давайте спасем ее, давайте.

Медведь. Этого... того... А как?

Заяц. Умоляю вас: побежим за нею следом.

Уж. Да, пополз-з-зем.

Заяц. И будем охранять ее. Я один не могу, я трус, а с вами не так страшно. Ведь вы меня не съедите, медведь?

Медведь. Нет. Ты заяц знакомый.

З а я ц. Большое вам спасибо. Идемте, идемте скорее за нею следом.

М е д в е д ь. Ну, ладно. Хоть волк мне и двоюродный, а Красную Шапочку я ему не уступлю. Идем.

Идут. Едва они успевают скрыться, как из-за дерева выбегает л и с а.

Л и с а. Хи-хи-хи! Вот глупый народ, ах, глупый народ! Кричат во все горло: побежим, поползз-зем, будем охранять, а я стою за деревом и слушаю себе. Тихо-тихо, шито-крыто и все знаю. (*Задумывается.*) Нет, не все я знаю. Красная Шапочка — девчонка хитрая. Она что-то придумала, иначе не шла бы она так смело против волка. Побегу следом, узнаю, а потом все расскажу моему куму волку. Он девчонку, конечно, съест, а люди, конечно, рассердятся и убьют волка. И тогда весь лес мой. Ни волка, ни этой девчонки. Я буду хозяйка. Я, лиса. Хи-хи-хи! (*Поет.*)

Путь мой — чаща темная,
Канавка придорожная.
Я лисичка скромная,
Лисичка осторожная,
Я, лиса, не пышная,
Я, лиса, неслышная,
Я, лиса, невидная,
Ни в чем не повинная.
Отчего судьба такая,
Я сама не ведаю:
Никого не убивая,
Каждый день обедаю.
Путь мой — чаща темная,
Канавка придорожная,
Я лисичка скромная,
Лисичка осторожная.

(*Убегает.*)

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Прогалина в лесу. Поют птицы. Переговариваются.

Птичьи голоса.
— Я на веточке сижу.
А ты?
— Я на листики гляжу.
А ты?
— Рада я, что так светло.
А ты?
— Рада я, что так тепло.
А ты?
— Слышу я в лесу шаги.
А ты?
— Слышу я — идут враги.
А ты?
— Спрячусь я и замолчу.
А ты?
— Я взовьюсь и улечу.
А ты?
— А я нет, а я нет, а я нет, а я нет. Я вижу, кто идет. Это она. Это лучший наш друг. Это Красная Шапочка.

Птицы радостно щебечут. Входит Красная Шапочка.

Красная Шапочка. Здравствуйте, птицы.

Птицы. Здравствуй, Красная Шапочка! Здравствуй, девочка. Здравствуй, здравствуй…

Красная Шапочка. Как вы поживаете?

Птицы. Очень хорошо, очень хорошо.

Первая птица. У меня вывелись птенцы.

Красная Шапочка. Да?

Птенцы (*хором*). Да, мы вывелись, мы вывелись, мы тебя видим. А ты нас видишь?

Первая птица. Дети, не приставайте к старшим. Красная Шапочка, умные у меня птенцы? Им всего две недели, а они уже всё говорят, всё, всё, всё.

Красная Шапочка. Да, они очень умные. (*Снимает с плеча сумочку, кладет ее в траву. Ставит рядом корзинку.*) Птицы, вы меня любите?

Птицы. Ах, ах! Конечно, конечно. Как можно спрашивать об этом.

Красная Шапочка. Вы помните — сын лесника обижал вас, гнезда разорял.

Птицы. Помним, помним, конечно, помним.

Красная Шапочка. Я вам помогла?

Птицы. Да, да. Ты так на него напала, что у него перышки на голове стали дыбом. Он не обижает нас теперь. Спасибо. Ты спасла нас. Ты нам помогла.

Красная Шапочка. Ну, а теперь вы мне помогите.

Птицы. Тебе помочь? Очень хорошо, очень хорошо. Кто тебя обижает?

Красная Шапочка. Волк.

Птицы замолкают. Лиса выглядывает из-за дерева.

Красная Шапочка. Что же вы все замолчали, птицы?

Первая птица. Нам стало страшно.

Вторая птица. Его не заклюешь.

Третья птица. У него шерсть густая.

Четвертая птица. Ты влезь повыше на дерево.

Птенцы. Мама, иди сюда. Мы боимся, мама.

Красная Шапочка. Не бойтесь, птицы. Я знаю, как с ним справиться, если он не нападет на меня вдруг.

Птицы. Как ты с ним справишься? Как? Расскажи — как?

Лиса подкралась поближе. Слушает.

Красная Шапочка. Я все обдумала. Я взяла с собой пачку нюхательного табаку.

Первая птица. Зачем?

Красная Шапочка. Я брошу ему в нос табаку.

Вторая птица. А он?

Красная Шапочка. А он начнет чихать.

Третья птица. А ты?

Красная Шапочка. А я тем временем схвачу сухую ветку и зажгу ее.

Четвертая птица. А он?

Красная Шапочка. А он отчихается и бросится на меня.

Первая птица. А ты?

Красная Шапочка. А я пойду, размахивая веткой.

Вторая птица. А он?

Красная Шапочка. А он побежит следом, но тронуть меня не посмеет, потому что боится огня. И вот, понимаете, я иду, а он следом. Злой, чихает от табаку, за дымом ничего не видит. И тут он попадается.

Птицы. Как?

Красная Шапочка. Я приведу его к Дикому болоту под Старый дуб. А там охотники поставили капкан. Я перешагну через капкан, а волк следом. Капкан — щелк. Волк — ах! Попался.

Птицы. Очень хорошо, очень хорошо, очень хорошо!

Птенцы. Мама, пусть она еще раз это расскажет, мама. Нам очень это понравилось.

Первая птица. Тише, дети.

Красная Шапочка. Словом, буду я с волком воевать.

Птицы. Очень хорошо. Очень хорошо.

Красная Шапочка. А что война без разведки? И тут вы мне помогите.

Птицы. Поможем, поможем.

Птенцы. Мама, а что такое разведка?

Первая птица. Тише. Я сама не знаю. Она сейчас объяснит.

Красная Шапочка. Если волк на меня нападет вдруг, я не успею в него бросить табаком. А вы сверху

очень хорошо все видите. Вы заметите, если волк захочет на меня броситься, вы закричите мне: «Берегись». Вы будете моей воздушной разведкой. Ладно?

П т и ц ы. Очень хорошо, очень хорошо, очень хорошо!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Спасибо. Ну, летите. Осмотрите хорошенько все кругом и расскажите мне.

П т е н ц ы. Мама, не улетай. Мы боимся.

П е р в а я п т и ц а. Как вам не стыдно, ведь вам уже две недели.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ну, летите.

П т и ц ы. Летим.

Птицы взлетают. Красная Шапочка смотрит вверх. Лиса выползает из-за дерева.

Л и с а. Хи-хи-хи! Очень хорошо. Пока она смотрит вверх, я помогу моему дорогому волку. (*Подползает к сумке и открывает ее.*)

П т е н ц ы (*заметив лису*). Ой! Мама!

Л и с а (*шепотом*). Молчите, или я сейчас же перегрызу дерево зубами, и вы шлепнетесь вместе с гнездом на землю. (*Птенцы прячутся в гнездо.*) То-то.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ну, птицы, видите вы что-нибудь?

П т и ц ы. Сейчас, сейчас, сейчас.

Л и с а. Сначала табак (*вытаскивает из сумки табак*) — и все. Тихо-тихо. Шито-крыто. Вот волк и не расчихается. (*Бросает табак в кусты.*)

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ну, птицы, что же вы?

П т и ц ы. Погоди, погоди, погоди.

Л и с а. Потом спички — и туда же. Вот ветку и нечем будет зажечь. Тишь да гладь, и ничего не видать. (*Птенцам.*) А вы молчите. Т-сс. Дерево перегрызу. Нини. Я вам! (*Уползает.*)

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ну? Увидели вы что-нибудь?

Птицы опускаются, с шумом садятся на ветки.

Первая птица. Дикую кошку видела.

Вторая птица. Барсука видела.

Третья птица. Дикого кабана видела. А волка не видать.

Четвертая птица. А я видела зайца, ужа, медведя. Куда это они, думаю, торопятся? Подлетела, подслушала и очень обрадовалась. Они, девочка, за тобой следом идут, чтобы охранять.

Птицы. Очень хорошо, очень хорошо, очень хорошо.

Красная Шапочка. Вот еще. Что — я маленькая, что ли? Мне вашей помощи довольно. (*Надевает сумку.*) Ну, птицы. Проводите вы меня до бабушкиного дома? Будете моей воздушной разведкой?

Птицы. Хорошо. Очень хорошо. Мы выследим волка. Летим.

Птенцы. Мама!

Первая птица. Ну что вам?

Птенцы. Иди сюда, нам надо тебе что-то сказать.

Первая птица. Говорите.

Птенцы. Нет, иди сюда. Это надо очень тихо сказать. А то дерево упадет.

Первая птица. Дети, не говорите глупости. Летим.

Птенцы. Красная Шапочка, иди хоть ты сюда.

Красная Шапочка (*уходя*). Хорошо, дети, на обратном пути я с вами поговорю.

Птенцы. Ушла...

— Улетели...

— Что делать?

— Ой, медведь идет!

— И заяц.

— И уж.

— Они бегут за Красной Шапочкой.

— Мы им все расскажем.

Лиса (*высовывает голову из кустов*). Я вам! Ишь вы! Ни-ни! Кыш на место!

П т е н ц ы. Ай! Ой!

Прячутся. Появляются з а я ц, м е д в е д ь, у ж.

У ж. С-с-стойте. Я усстал, с-с-с-ядьте.

М е д в е д ь. Сяду.

З а я ц. Умоляю вас: идемте. Ведь она там, простите за грубость, одна.

М е д в е д ь. Отойди, братец. Ел я, того, давно, а ты этого... вкусно пахнешь. Ты заяц хороший, конечно, но все-таки съедобный.

З а я ц. Как вы можете думать о еде, когда Красная Шапочка в опасности.

М е д в е д ь. Ничего...

З а я ц. Как же, извините, ничего, когда...

Из кустов раздается «Ох! ох!»

М е д в е д ь. Кто охает?

Г о л о с л и с ы. Ох! Ох!

М е д в е д ь. Кто охает? Вылезай!

Из кустов выползает л и с а.

Л и с а. Ох-ох-хо! Здравствуйте, голубчики. До чего же это грустно, родненькие. Солнышко светит, листочки шелестят, а мне помирать.

М е д в е д ь. Ничего. Ну, проходи, проходи, а то еще надуешь меня. Я тебя знаю.

Л и с а. Да что ты, Мишенька. До того ли мне... Он мне, Мишенька, все ноги поломал.

М е д в е д ь. Кто это?

Л и с а. Волк. Он, зверь такой-сякой, неладный, сказал мне, что Красную Шапочку съест.

М е д в е д ь. Это мы еще посмотрим.

Л и с а. Вот и я ему так сказала. Это мы еще посмотрим, говорю. А он как бросится на меня! «Смотри, — кричит, — смотри!» И укусил.

З а я ц. Ох!

Л и с а. Вот и я ему так сказала. «Ох», — говорю. А он отвечает: «Охай, охай». И опять укусил. Ну, тут

я, бедная, не стерпела. Я хоть и слаба, да зубы-то у меня острые. Я после драки плоха, но и волку досталось. Побежал в логово отлеживаться.

Медведь. Ну? Хо-хо-хо!

Лиса. С недельку полежит. А мне помирать. Прощай, Мишенька.

Медведь. Прощай, лиса.

Лиса. Чтобы ты меня добрым словом вспомнил, порадую я тебя. Беличий орешник знаешь? Отсюда до него всего один часик ходу.

Медведь. Ну, знаю. Так что?

Лиса. А за орешником, ох, старая липа стоит. В этой липе дупло. Ох! В дупле меду видимо-невидимо, пчел нет. Ох!

Медведь. Как пчел нет?

Лиса. Они роем летели, а тут гроза, буря, ураган. Все потопли.

Медведь. Хо-хо-хо! Приятно.

Лиса. Ступай туда, Мишенька, и кушай на здоровье, меня вспоминай. Только надолго не откладывай, как бы другие медведи не съели.

Медведь. Ну? Это верно — могут.

Лиса. Вот я и говорю. Прощай, ужик.

Уж. Вс-с-с-его хорош-ш-ш-шего.

Лиса. И тебя я хочу порадовать. Ты мост через Щучью речку знаешь? Туда всего полчасика ходу. Дед Савелий вез на рынок молоко. Бидон с воза упал, а дед и не услышал. Молоко разлилось, свежее.

Уж. Вкус-с-сно.

Лиса. Блестит на солнышке...

Уж. Скиснет.

Лиса. А ты поторопись. Ох! Прощайте, братцы... Кушайте мед, пейте молочко, а мне помирать... Хи-хи-хи!

Заяц. Чего вы, простите, смеетесь?

Лиса. А это я кашляю, дружок, кашляю. Прощайте. Ох!.. Хи-хи-хи! (*Уползает.*)

М е д в е д ь. Вот что, братцы. Волк того... В логово ушел... Я думаю — надо бы меду поесть...

У ж. Молоч-ч-чка попить-ть-ть.

З а я ц. Ах, что вы делаете? Кому верите? Неужто вы не увидели, да как же вы не услышали — она обманывает вас!

М е д в е д ь. Не дерзи. Я голодный.

З а я ц. Лучше меня съешьте, но только идите следом, бегом бегите за девочкой. Хватайте меня, глотайте!

М е д в е д ь. Не стану. Ты заяц знакомый. Прощай. Я есть хочу.

У ж. Вс-сего хорош-шего. Я пить-ть хоч-ч-ч-у.

Уходят.

З а я ц. Ушли. Поверили лисе. Что делать? Как мне быть?

П т е н ц ы. Зайчик, а зайчик.

З а я ц. Ой! Кто это меня зовет?

П т е н ц ы. Не бойся нас, заинька. Мы еще ходить не умеем. Мы птенцы. Обеги, зайчик, вокруг дерева.

З а я ц. Зачем?

П т е н ц ы. Погляди, вправду ли ушла лисица. Если ушла, мы тебе что-то скажем.

З а я ц (*обегает вокруг дерева*). Нет ее. Говорите.

П т е н ц ы. Ох, зайчик, лиса у Красной Шапочки из сумочки табак украла и спички унесла. Девочка хотела табаком в волка бросить, а теперь...

З а я ц. А теперь пропала она. Что делать? Как быть? (*Зовет.*) Медведь! Уж! Их и след простыл. Бежать за ними? Волк тем временем девочку съест. Бежать за нею, а что я могу сделать один?.. Эх, птенцы, чего вы молчали, пока медведь и уж тут были?

П т е н ц ы. Лиса грозила, что дерево перегрызет.

З а я ц. И вы ей поверили? Что делать? Я не отступлю. Я ее не выдам. Я за ней побегу. Пусть только волк покажется. (*Поет.*)

К волку брошусь я навстречу
И, подпрыгнув, закричу:
«Стой, зубастый, искалечу,
Изувечу, растопчу.
Чтоб отсюда ты убрался,
Честью я тебя прошу.
Никогда я не кусался,
Но тебя я укушу.
Головы не пожалею
Пусть в отчаянном бою.
Я со славой околею
За подругу за мою».

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Болото, чаща, густые кусты. У кустов стоит в о л к, огромный, мрачный зверь. Шерсть его всклокочена. Он точит зубы на точильном станке и поет. Станок шипит — ш-ш-ш, ш-ш-ш.

В о л к.

Зубы, зубы я точу.
Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.
Я девчонку съесть хочу.
Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.
Ненавижу я девчонок.
Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.
Ножки тонки, голос тонок.
Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.
А повсюду нос суют.
Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.
Жить мне просто не дают.
Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.
Я девчонку съесть хочу.

Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.
Зубы острые точу.
Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.

Л и с а (*вбегает*). Кум! Куманек! Брось скорей зубы точить! Прячься скорее в кусты!

В о л к. Что? Во-оу. Кому это ты говоришь?

Л и с а. Тебе, дружок.

В о л к. Не смей меня собачьим именем называть. Я не дружок, я волк.

Л и с а. Хи-хи-хи. Куда завернул. Я к тебе по-дружески...

В о л к. Что? Воу. По-дружески. И ты у этой девчонки научилась? По-дружески... От этой дружбы житья в лесу не стало. Зайцы дружат с белками, птицы с зайцами. Воу. Мне дружба ни к чему. Я все сам, все один.

Л и с а. А я с тобой. Прячься в кусты, говорю.

В о л к. Не учи меня. Зачем прятаться?

Л и с а. А затем, что Красную Шапочку птицы провожают. Увидят тебя сверху — скажут ей. Разумнее на девчонку вдруг напасть, когда она не видит.

В о л к. Сам знаю.

Л и с а. Хотела она в тебя табаком бросить.

В о л к. Воу.

Л и с а. Хотела она ветку зажечь, огнем тебя напугать.

В о л к. Воу.

Л и с а. А я табак выкрала, спички вытащила, помогла тебе.

В о л к. Не говори этого слова. Помогла... Помни, кто я и кто ты. Мне твоя помощь ни к чему.

Л и с а. Да иди же ты в кусты, волчок.

В о л к. Не смей меня собачьим именем называть. Я не волчок, я волк.

Л и с а. Ох, да иди же ты, все дело погубишь.

В о л к (*идет к кустам*). Это я сам иду.

Л и с а. Сам, сам.

В о л к. Я сам знаю — разумнее напасть вдруг.

Л и с а. Да, да. Тише, слушай.

В о л к. Без тебя знаю, что надо слушать.

Л и с а. Молчи!

В о л к. Сам знаю, что надо молчать.

Л и с а. Ох, ну и зверь.

В о л к. Да уж, другого такого поищи... Ага! Идет она. Отойди, дай мне место для разгона. Идет. Воу.

Слышен птичий щебет, который переходит в песню. Красная Шапочка поет вместе с птицами. Пение все ближе.

К р а с н а я Ш а п о ч к а.

Как мне весело идти!
Я в лесу моем как дома.

П т и ц ы.

С каждой травкой на пути,
С каждой веткой ты знакома.

К р а с н а я Ш а п о ч к а.

Колокольчик не звенит,
Но кивает головою.

П т и ц ы.

А шиповник не шипит,
А танцует над травою.

К р а с н а я Ш а п о ч к а.

Если бы могли они
Говорить по-человечьи...

П т и ц ы.

То сказали бы: «Взгляни,
Как мы рады этой встрече».

В о л к. И я рад. Воу, как я рад.

Красная Шапочка осторожно выглядывает из чащи.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Это самое опасное место.

П т и ц ы. Почему, почему? Мы смотрим.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Здесь, у Дикого болота, такая густая чаща, что сверху вам ничего не увидеть. Но мне бы хотелось встретить волка тут.

П т и ц ы. Почему, почему?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Видите — вон Старый дуб? Как раз под ним и есть тот капкан, в который я хочу заманить волка.

Отчаянный вопль зайца.

З а я ц. Стой! Красная Шапочка, стой!

П т и ц ы. Заяц бежит, заяц.

З а я ц (*влетает*). Стой! Лиса выбросила из твоей сумочки…

Л и с а. Вперед!

В о л к. Сам знаю. (*Бросается вперед.*)

З а я ц (*бросается на волка*). Я вас, простите, укушу.

Волк молча, одним движением лапы отбрасывает зайца. Тот летит без чувств в кусты. Красная Шапочка выхватывает из сумочки сверток. Волк прыгает, девочка отскакивает. Птицы кричат: «На помощь! На помощь!» Девочка бросает прямо в пасть волку щепотку нюхательного табаку.

В о л к. Что это? Ап-чхи. (*Чихает.*)

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Это нюхательный табак. На здоровье!

В о л к. Все равно я тебя съем. Ап-чхи!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. На здоровье! Нет, не съешь.

В о л к. Я сильней.

К р а с н а я Ш а п о ч к а (*отступая к дубу*). А я умней.

Л и с а (*вскакивая*). Осторожней! Там капкан!

В о л к. Сам знаю!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ах и лиса здесь!

Л и с а. Да, я за тебя! Это я тебе кричала: осторожней, там капкан. Держись, девочка, я за тебя. (*Бежит к ней.*)

Красная Шапочка. Не подходи, или я и в тебя брошу табаком.

Лиса. У тебя его так много?

Красная Шапочка. Да. Кто-то украл одну пачку...

Лиса. Это не я.

Красная Шапочка. Но у меня еще много запасу. (*Бросает в лису табаком.*)

Лиса. Ап-чхи!

Волк. Ап-чхи!

Красная Шапочка. На здоровье!

Волк. Запомни: бой наш еще не кончился! Запомни!

Красная Шапочка. Помню, помню!

Волк. Воу! (*Злобно воя, уползает в кусты.*)

Лиса. Чхи! Ничего не поделаешь! Твоя взяла... Молодец... Чхи! Победила... Чхи! (*Уползает в кусты вслед за волком.*)

Птицы. Победа! Победа!

Красная Шапочка. Ничего подобного! Это она нарочно говорит, чтобы потом опять исподтишка напасть!

Птицы. Нет, нет! Волк убежал! Лиса тоже убежала!

Красная Шапочка. Они вернутся. Вам там наверху легко радоваться, а мне внизу страшно.

Птицы. Но ведь мы с тобой, мы с тобой!

Красная Шапочка. Я знаю... И все-таки... Когда я с волком дралась, то ни о чем я не думала. А сейчас как вспомню я его, очень хочется мне убежать домой и запереть двери на замок, на крючок, на щеколду и еще стол к двери придвинуть и шкаф тоже... (*всхлипывает*) и комод...

Птицы. Плачет! Ах! Красная Шапочка плачет.

Красная Шапочка. Могу я поплакать, раз он убежал.

Птицы. Конечно, конечно!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Я ведь девочка, а не камень.

П т и ц ы. Нет, нет, не камень.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ах! Что мы наделали! (*Бросается в кусты.*) Зайчик! Заяц!

П т и ц ы. Он спит! Он уснул!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Нет, это он в обмороке. (*Бежит к болоту.*) Надо его побрызгать водой! (*Возвращается.*) Заяц! Ах ты мой серый! Очнись! Я прогнала волка, как щенка маленького! (*Роется в сумке.*) Где-то у меня тут был нашатырный спирт. Вот он. Ну? Зайка! Заинька! Зайчик! Зайчонок!

З а я ц (*вскакивает*). Я загрызу их всех, а тебя не дам в обиду! Ты мой друг единственный! Я твой друг.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Все хорошо! Я, зайчик, всех прогнала! Успокойся!

З а я ц. Ты победила! Ура! Ого!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Лучше тебе?

З а я ц. Теперь-то? Теперь я силен, как ты. (*Пошатывается.*) Только голова кружится и ужасно дрожит хвост. (*Садится.*)

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ты ложись, полежи.

З а я ц. Нет! А кто тебя проводит?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Лежи, заинька, лежи, зайчик, спокойно. Волк теперь меня не тронет.

З а я ц. Не тронет?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Никогда! Ты поспишь и станешь опять умным зайцем, добрым зайцем, веселым зайцем, храбрецом!

З а я ц. Я на волка бросался!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Да, да. Полежи, поспи.

З а я ц. Поспать?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Да, да. А я пойду, а то бабушка рассердится. Спи. Мне очень весело. Все хорошо. (*Встает и идет с песней.*)

Как мне весело идти!
Я в лесу моем как дома.

П т и ц ы.

С каждой травкой на пути,
С каждой веткой ты знакома.

К р а с н а я Ш а п о ч к а.

Колокольчик не звенит,
Но кивает головою.

П т и ц ы.

И горошек не гремит,
Тихо вьется над травою.

К р а с н а я Ш а п о ч к а.

Если бы могли они
Говорить по-человечьи…

П т и ц ы.

То сказали бы: «Взгляни,
Как мы рады нашей встрече».

(*Уходит.*)

З а я ц. Нет, я никак не могу уснуть. Как это замечательно, что я посмел на волка броситься. Ведь у меня зубы длинные. Ведь кору на дереве я прокусываю, а волк хоть и страшный, да, небось, куда мягче дерева. Ай да я! (*Прыгает.*) Ай да заяц! (*Прыгает.*) Да я совсем поправился! Побегу-ка за Красной Шапочкой! Ой! (*Бросается в кусты.*) Опять! Опять они! Веточки, спрячьте меня! Листики, не выдавайте! (*Прячется.*)

В о л к (*выглядывает из чащи*). Воу! Ушла? Иду следом.

Л и с а (*выглядывает из чащи с другой стороны*). Тебя птицы увидят!

В о л к. Молчи!

Л и с а. Дальше место открытое!

В о л к. Сам знаю, не учи меня.

Л и с а. Поди-ка на тот вон белый камень и поваляйся.

В о л к. Ах ты дерзкая! Это еще зачем?

Л и с а. Это камень меловой: вымажешься ты мелом, станешь похож на белую собаку. Девчонка тебя не узнает и...

В о л к. Молчи! (*Идет к белому камню, скрывается за ним.*) Это я сам иду!

Л и с а. Сам, сам!

В о л к. Я сам знаю — надо перекраситься.

Л и с а. Сам, сам!

В о л к. Молчи! (*Поет.*)

Две рябины, три осины.
Воу!
Стали около трясины.
Воу!
А под ними камень белый.
Воу!
А на камне воин смелый.
Воу!
Он прекрасен, этот воин.
Воу!
Он четвероног и строен.
Воу!
Он, герой, ни с кем не дружен.
Воу!
И никто ему не нужен.
Воу!
Он стоит, свирепо воя.
Воу!
Имя этого героя —
Волк!

С последним словом волк прыгает из-за камня. Он бел с головы до ног.

Л и с а. Хорошо, куманек. Теперь беги следом за девчонкой.

В о л к. Сам знаю. Стой! Это кто шевелится в кустах? Кто? Воу!

З а я ц (*пошатываясь идет навстречу волку*). Я... я вас, простите, сейчас загрызу.

В о л к. Что?

З а я ц (*отступая*.) Укушу! Не рычите — я не виноват! Я не могу оставить девочку в беде. Я побежал бы, чтобы рассказать ей все, но у меня ноги почти что не идут от страха. И мне придется... (*Делает шаг вперед и сейчас же отступает*.) Мне придется подраться с вами. Да не рычите же, я сам этому не рад! (*Подпрыгивает*.) Вы, простите, довели меня до этого! Вы злобный зверь!

Л и с а. К дубу гони его, к дубу.

В о л к. Не учи меня!

З а я ц. Что? Что вы? А? (*Подпрыгивает*.) Я ничего не понимаю, но я ненавижу вас. Глупый зверь. Длиннохвостый, простите, урод! Бросайтесь скорей! Ах!

Резкое щелканье. Заяц попадает в капкан.

З а я ц. Что это?

Л и с а. Капкан! В который твоя подруга хотела волка поймать. Хи-хи-хи!

В о л к. Уходи вон!

Л и с а. Что ты, куманек! Что ты?

В о л к. Прочь ступай! Загрызу!

Л и с а. Погоди, родненький...

В о л к. У меня родни нет. Вон! Слышишь ты?

Бросается на лису. Та убегает в чащу.

В о л к. То-то! (*Зайцу*.) Сиди тут. А я пойду и съем твою Красную Шапочку. Съем! Я один. Конечно! Все в лесу пойдет по-старому, по-хорошему. Заяц на волка лапу поднял — до чего дошло дело. Да как же ты посмел?

З а я ц. Я верный друг!

В о л к. Не смей этого слова говорить! Твое счастье, что меня ждет добыча поважней. Поживи еще часок, я вернусь к тебе. Вернусь! Конец дружбе! Конец Красной

Шапочке! Один в лесу будет хозяин — это я! Воу! (*Убегает.*)

Л и с а (*вылезает из кустов.*) Хи-хи-хи! Посиди, зайчик, я еще вернусь к тебе. Одна в лесу будет хозяйка — это я. Хи-хи-хи! (*Убегает.*)

З а я ц. Что делать? Как спасти девочку? Помогите! (*Кричит.*) Помогите! Никто меня не слышит. (К зрителям.) Что же, пусть она так и погибнет? Нет! Надо кричать, звать, может быть, услышит кто-нибудь в лесу. (*Кричит.*) Помогите! (Громче.) Я теперь ничего не боюсь. Помогите! Нет никого. Это самое глухое место во всем лесу. Но я, пока жив, не сдамся. Буду звать, и звать, и барабанить. Сыграю заячий боевой марш. Мы еще подеремся. (*Барабанит передними лапами по капкану и поет.*)

Зайцы-братцы,
Время собираться!
Раз в опасности друзья,
Значит, трусить нам нельзя!
Братцы, братцы,
Время собираться!
Брось капусту, брось морковь,
Зубы к бою приготовь!
Братцы, братцы,
Время собираться,
Верны заячьи сердца,
Будем биться до конца!
Братцы, братцы,
Время собираться —
Драться!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Поляна, поросшая цветами.

В о л к. Молодец я! Очень я умен! Прогнал прочь лису. Я знаю, зачем она следом за мной ходила. Надеялась лиса, что я девчонку съем, а люди меня убьют. Ну, нет. Я старый волк, меня не надуешь. Девчонку-то я съем, да только потихоньку. Узнаю у нее, где ее бабушка живет... Воу! Идет! Идет!

Слышен птичий щебет и песня Красной Шапочки.

В о л к. Только бы не завыть при ней! Повою тихонько, пока ее нет.

Воет под песню. С концом песни К р а с н а я Ш а п о ч к а выходит на поляну.

В о л к (*нежным голосом*). Здравствуй, дорогая Красная Шапочка.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Здравствуй, белая собака.

В о л к (*басом свирепо*). Я тебе не со... (*Спохватывается.*) Да, да, я собака... Меня зовут Дружок.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Дружок? Здравствуй, Дружок. (*Хочет погладить волка. Волк отскакивает.*)

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Что с тобой, Дружок?

В о л к. Прости меня, я одичал. Я потерялся, от охотника отбился. Мне так скучно без него. Очень-очень.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. И давно ты потерялся?

В о л к. Три дня.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Бедный пес! Значит, ты хочешь есть?

В о л к. Нет, спасибо, я сыт. Меня накормила твоя бабушка.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Бабушка?

В о л к. Да! Ведь это она живет возле... (*кашляет*) возле...

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Возле Старых берез, за Мельничным ручьем.

В о л к. Ага, ага! Она меня и накормила.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Как ее здоровье?

В о л к. Плохо. Лежит в постели.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Надо скорей бежать к ней.

В о л к. Ах, нет, нет! Она попросила тебе передать, если я тебя встречу, чтобы ты набрала ей букет цветов.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Цветов? Хорошо. А может быть, все-таки дать тебе поесть? Почему ты облизываешься, когда смотришь на меня?

В о л к. Нет, это я так. До свиданья, девочка.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. До свиданья, Дружок.

В о л к (*басом*). Я тебе не Др… (*спохватывается.*) До свиданья, девочка, до свиданья, милая. (*Убегает.*)

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Птицы, отчего вы замолчали?

П т и ц ы. Нам не понравилась эта собака. Она виляет хвостом так, будто не умеет этого делать. Странная собака. Злая собака. Огромная собака.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Глупости! Просто, она за три дня отвыкла от людей. Не надо меня пугать. Давайте лучше петь.

С пением, собирая цветы, уходит. Изнемогая от смеха, из-за кустов вылезает лиса.

Л и с а. Хи-хи-хи! Вот что волк задумал, значит! Побежит сейчас к бабушке, съест сначала ее, а потом девочку. Думает — никто не увидит. А я на что? Хи-хи-хи! (*Поет.*)

Волк — он лезет в лоб да в лоб.
Люди волка хлоп да хлоп.
А я потихонечку,
А я полегонечку —
И, смотри, жива, цела
И, как цветочек, расцвела!
Ай да лисонька! Ай да умница!

(*Убегает.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дом бабушки Красной Шапочки. Б а б у ш к а сидит у окна, вяжет.

Б а б у ш к а. Выдумали! Тридцать семь и два, даже полтора, так изволь в кровати лежать. Ха! Не на таковскую напали. Горло, так и быть, завязала, а в кровать — нет! Скорее лопну, а в кровать не лягу. Я уж сегодня и на речку сбегала, и за грибами сбегала, и пыль обмела, и чай вскипятила, и даже на гитаре поиграла. Старинный романс. (*Поет.*): «Раз, два, три, четыре, пять — вышел зайчик погулять». Хе-хе-хе! Красной Шапочке об этом не скажу все-таки. Боюсь — заругает. Она строгая у нас. Она...

Вдали раздается крик: «Помогите!» Бабушка вскакивает.

Б а б у ш к а. Что такое? Никак, на помощь зовут? (*Выглядывает из окна. В руках ее ружье.*) Кто там кричит?

В о л к (*вбегает*). Ой, помогите, ой!

Б а б у ш к а. Что такое? Почему такое?

В о л к. За мною волк гонится...

Б а б у ш к а. Ничего! Сейчас я его застрелю.

В о л к. Ах, нет, нет! Вы сами как хотите, а я очень боюсь! Спрячьте меня под кровать. Прошу.

Б а б у ш к а. Экий ты какой! Ну, иди в дом!

Видна комната. Волк входит в комнату.

Б а б у ш к а. Ну, лезь под кровать.

В о л к (*басом*). Брось ружье!

Б а б у ш к а. Что такое?

В о л к. А то! (*Выбивает у бабушки ружье лапой. Открывает гигантскую свою пасть. Проглатывает бабушку.*)

Б а б у ш к а (*из волчьего живота*). Да ты, никак, меня надул. Ты волк?

В о л к. А ты думала? Ха-ха-ха! Где твои очки? Вот они. Где чепчик? Вот он. Очень хорошо! Ха-ха-ха!

Б а б у ш к а. Не смейся, ты меня трясешь.

В о л к. Ладно!

Б а б у ш к а. Я знаю, что ты задумал! Ты задумал Красную Шапочку съесть!

В о л к. Обязательно.

Б а б у ш к а. Только попробуй! Я ей крикну: уходи, съест!

В о л к. А я сейчас тремя одеялами укроюсь — она и не услышит.

Б а б у ш к а. Не смей!

Волк укрывается двумя одеялами.

Б а б у ш к а. Не смей!

Волк укрывается еще одним одеялом. Бабушку не слышно.

В о л к. То-то, замолкла. Ну и жарко же под тремя одеялами. Эй, ты там, бабушка! Не смей меня бить кулаком в живот. Что? И каблуком не смей. Никак, идет! Идет! Воу!

К р а с н а я Ш а п о ч к а вбегает. Видна под окном. В руках у нее букет цветов.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ну, птицы, до свиданья, дорогие. Спасибо вам за помощь, друзья.

П т и ц ы. Мы подождем! Мы боимся! Нам кажется...

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Нет, нет, улетайте! (*Вбегает в дом и останавливается, пораженная.*)

П т и ц ы. Смотрите на окна. Она испугалась! Подождем, подождем! Посмотрим, посмотрим...

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Бабушка, отчего ты такая белая?

В о л к. Оттого, что больная.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Бабушка, отчего у тебя такой странный голос?

В о л к. Оттого, что горло болит.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Бабушка, а отчего у тебя сегодня такие большие глаза?

В о л к. Чтобы тебя получше видеть.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Бабушка! А отчего у тебя такие большие руки?

В о л к. Чтобы тебя покрепче обнять. Подойди сюда.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Бабушка! А отчего у тебя такие большие зубы?

В о л к (*ревет*). Чтоб съесть тебя! (*Проглатывает девочку. Укладывается на постели, сбросив с себя все одеяла. Птицы отчаянно кричат.*)

В о л к. А-ха-ха! Наконец-то! Молодец! Съел! Победил!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. А кто здесь еще у волка в животе?

Б а б у ш к а. Кто же, как не бабушка!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Он и тебя съел? Ты, бабушка, не бойся, — мы спасемся.

Б а б у ш к а. Учи меня... Будто я не знаю.

В о л к. Тише вы там! Не мешайте мне спать!

Б а б у ш к а. Отстань! Что это? Он тебя с корзинкой проглотил? Дай-ка мне кусочек пирога. Спасибо. Внучка! Да ты, никак, плачешь?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Это я не от страху, бабушка, а мне обидно, что он меня перехитрил.

Б а б у ш к а. Сейчас он тебя, а потом ты его. Ты не плачь, ты думай, как нам спастись.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Я знаю, как нам спастись! Птицы, сюда! Скорее!

П т и ц ы. Ты жива? Девочка! Ты жива?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Да, птицы. Как м ожно скорее летите все на восток и на восток. На перекрестке двух дорожек стоит человек. Расскажите ему все. Летите! Скорей!

П т и ц ы. Летим. (*Улетают.*)

Б а б у ш к а. Красная Шапочка, ты на меня не сердишься?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. За что?

Б а б у ш к а. Я компресс сняла. Уж очень тут жарко.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Давай я завяжу. Сейчас же. Нас очень скоро спасут, а ты простудишься. Нас очень скоро спасут. Слышишь?

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

М а т ь идет по лесу, встревоженно оглядывается.

М а т ь (*кричит*). А-у! А-у-у-у! Нет ее. Красная Шапочка! Пропала. Ждала я ее, ждала и пошла к ней навстречу. У окна я стояла-стояла, у калитки стояла-стояла, на дорожке стояла-стояла — и не могу больше стоять. Иду. Ау! (*Поет*.)

Как приятно жить на свете,
Если дома наши дети.
А когда их дома нет,
То не мил нам белый свет.
Девочка моя — ау!
За тобой иду — ау!
Беспокоюсь я — ау!
Не попала ль ты в беду?

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Перекресток двух дорожек в лесу. На сосне плакат: «Соблюдайте правила лесного движения». На перекрестке стоит л е с н и к.

Л е с н и к (*поет*).

Здесь недавно жабы жили,
Змей вползал в нору свою,

Здесь недавно волки выли,
А теперь тут я стою.
Я стою, сторожу,
За порядком я слежу.
Все я вижу, все я слышу,
Во все стороны гляжу.
Без хлопот и без тревоги
Проползай, беги, лети,
Если сбился ты с дороги,
Покажу я, как пройти.
Я стою, сторожу,
За порядком я слежу,
Все я вижу, все я слышу,
Во все стороны гляжу.
Волк едва меня увидит,
С воем прячется в лесу.
Если кто тебя обидит,
Завизжи — и я спасу.
Я стою, сторожу,
За порядком я слежу.
Все я вижу, все я слышу,
Во все стороны гляжу.
Здесь недавно жабы жили,
Змей вползал в нору свою,
Здесь недавно волки выли,
А теперь тут я стою!

Бежит медведь, за ним летит пчела. Лесник пропускает медведя, задерживает пчел. Медведь облегченно вздыхает, хохочет, бежит дальше, но лесник свистит. Подходит к медведю и, сняв перчатку, разглядывает его лапу.

Лесник. В меду!

Медведь. Этого того... Лиса говорила, что пчел там нет, а их там видимо-невидимо.

Лесник. В отделение!

Медведь. Того этого...

Лесник свистит. Из-за кустов выходит собака. Лесник делает ей знак. Она берет медведя за ухо, уводит его. Раздается металлический

лязг. Лесник вглядывается, лязг все приближается, и вот на дорожку выезжает большой бидон из-под молока. Лесник поднимает руку, приказывает бидону остановиться. Тот едет дальше. Лесник свистит. Бидон останавливается.

Л е с н и к. Чья машина?

Г о л о с у ж а (*из бидона*). Деда С-с-савелия.

Л е с н и к. А как вы туда попали?

У ж. Я зале-з-з-з в бидон молоч-ч-чка попить-ть-ть, а лис-с-с-ица захлопнула крыш-ш-ш-шку. Я в бидоне верчусь-сь-сь-сь и качусь-сь-сь.

Л е с н и к. Залез в бидон? В отделение!

У ж. Лис-с-с-сица...

Л е с н и к. До нее очередь тоже дойдет. (*Свистит. Появляется собака. Лесник приказывает ей.*) В отделение.

С о б а к а катит бидон лапами. Уходит. По дорожке летит перепуганный к р о л и к. Лесник пропускает его. За ним гонится л и с а. Лесник знаком останавливает ее.

Л и с а. Я как раз к вам, товарищ милиционер.

Л е с н и к. Вот как? А мне показалось, что вы гонитесь за кроликом.

Л и с а. Что вы! Хи-хи-хи! Это просто знакомый. Я хотела сказать ему, чтобы он поклонился маме и папе.

Л е с н и к (*суховато*). Да?

Л и с а. У меня к вам важное дело. Волк...

П т и ц ы (*вбегают*). Не верьте ей, ах, не верьте, выслушайте нас.

Л е с н и к. В чем дело?

П т и ц ы. Волк съел Красную Шапочку, а лиса была с ним заодно. Красная Шапочка жива. Она говорила с нами из волчьего живота.

Л и с а. Как жива? (*Делает шаг назад.*)

Л е с н и к (*хватает ее за шиворот. Свистит. Приказывает прибежавшей на свист собаке*). В отделение! (*Подходит к дереву, достает из дупла телефон. Говорит по телефону.*) Пришлите смену. Я еду по срочному делу.

М а т ь Красной Шапочки выходит на дорожку. Слушает.

Л е с н и к. Да, с Красной Шапочкой. Откуда вы знаете? Уж и медведь сказали? Ага! Смена уже вышла? Прекрасно. (*Вешает трубку.*)

М а т ь. Товарищ лесник, что с моей девочкой? Не скрывайте от меня. Смотрите, я не дрожу, не плачу. Вы мне скажете?

Л е с н и к. Красная Шапочка в большой опасности, но я уверен, что мы спасем ее. (*Птицам.*) Показывайте дорогу. Вперед!

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Музыка. Дом бабушки. М а т ь и л е с н и к подбегают к кровати. Волк по-прежнему спит там. Лесник бросается к комоду, ищет там чего-то. Мать достает из кармана фартука и протягивает леснику ножницы. В это время просыпается и вскакивает волк. Лесник выхватывает из кобуры револьвер, целится в волка. Тот, воя, ложится снова. Мать связывает волку лапы веревками и разрезает живот волка. Из живота зверя живые и невредимые выскакивают Красная Шапочка и бабушка. Обнимаются с матерью. Музыка, которая гремела все громче и громче, обрывается.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Мамочка, ты не сердишься на меня, что меня волк съел?

М а т ь. Нет, девочка, не сержусь. Но смотри, чтобы это было в последний раз.

Б а б у ш к а (*строго, грозя маме Красной Шапочки пальцем*). Дочка, что надо сказать?

М а т ь. Ах, прости, мамочка. (*Кланяется леснику.*) Спасибо.

Л е с н и к. Что вы! Это вам спасибо, гражданка. Вы мне помогли.

Б а б у ш к а (*леснику*). Кофе выпейте. Чаю.

М а т ь. Пирога с вишнями.

Л е с н и к. Благодарю, гражданки, некогда. Нет ли у вас иголки и толстой нитки?

Б а б у ш к а. А что — у вас пуговица оторвалась? Я пришью.

Л е с н и к. Нет. Надо волку живот зашить и в отделение.

Б а б у ш к а. Зачем зашить? Я заштопаю так, что и незаметно будет. Где мои очки? Куда девались мои очки? Ах, этот негодный волк лежит в моих очках. Вот иголка. Вот серая нитка. Я мигом заштопаю. Я быстрая.

Красная Шапочка, лесник и мать подходят к окну.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ну, птицы, до свиданья.

П т и ц ы. До свиданья, девочка! До свиданья, Красная Шапочка.

Л е с н и к. Спасибо вам за быстрое сообщение.

П т и ц ы. Не за что, не за что, мы так рады, так рады. (*Улетают.*)

Б а б у ш к а. Ну вот и все. Заштопала так, что сама не могу найти, где было разрезано. Ай да я! Быстро?

К р а с н а я Ш а п о ч к а (*подходит к бабушке*). Да. Очень. Ах, да, бабушка, я впопыхах забыла с тобой поздороваться... Здравствуй, бабушка.

Б а б у ш к а. Здравствуй, внученька.

К р а с н а я Ш а п о ч к а (*поет*).

Страшно в волчьем животе.

Б а б у ш к а (*поет*).

В тесноте да в темноте...

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Здравствуй, бабушка!

Б а б у ш к а. Здравствуй, внученька!

М а т ь. Хорошо зато теперь.

Б а б у ш к а. Крепко связан страшный зверь.

М а т ь. Здравствуй, мамочка.

Б а б у ш к а. Здравствуй, доченька.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Как все кончилось легко!

М а т ь. Все невзгоды далеко!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Здравствуй, мамочка!

М а т ь. Здравствуй, доченька!

Л е с н и к. Простите, что я перебиваю вас, гражданка, но мне надо ехать. Дела! Запомни, девочка, раз навсегда: перекрашенный волк — тоже волк! Волк! Волк!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Да уж теперь я запомню это очень хорошо.

Лесник оборачивается к кровати. Волка на кровати нет.

Л е с н и к. Волк убежал!

Б а б у ш к а. Караул!

Л е с н и к. Лапы мы ему связали, а пасть забыли! Он перегрыз зубами веревки и ушел черным ходом. (*Бросается вон.*)

К р а с н а я Ш а п о ч к а. И мы с вами.

Л е с н и к. Все равно он попадется.

Под звуки марша убегает.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Б е л о у х сидит в капкане. Вокруг несколько з а й ц е в. Они барабанят и поют заячий марш.

Б е л о у х. А ну тише! Послушаем — не идет ли волк?

З а й ц ы. Дуб шуршит, в болоте вода плещет, а волка не слыхать.

С т а р ы й з а я ц. Он, братцы, очень тихо ходит! Может быть, он уже здесь в кустах.

З а й ц ы. Ах! Ох!

Б е л о у х. Позор! Кто клялся не трусить? Уши выше, зайцы. Когда волк придет, бросайтесь на него, тащите к людям на суд и расправу! Кому будет уж слишком страш-

но смотреть, закрывай глаза, хватай его с закрытыми глазами. Кто рева его испугается — затыкай уши!

В о л к (*выходит из кустов. Негромко*). А кто тихого его голоса испугается, тому что делать? А?

Зайцы, дрожа, окружают Белоуха.

В о л к (*идет на зайцев*). Разойдись!

С т а р ы й з а я ц. Не разойдусь! Нипочем! Бей его, братцы!

Град сосновых шишек летит в волка.

В о л к. Воу! Да что же это! Да вы вспомните, кто я! Всех проглочу. Расходитесь! Считаю до трех: раз! два!..

М е д в е д ь (*выходит из кустов*). Три! Что, братец двоюродный, не ждал?

В о л к. Я тебе не братец! У меня братьев нет! Я сам по себе!

М е д в е д ь. Брось зайцев, а то озлюсь!

В о л к. Я сегодня не боюсь никого! Я льва разорву, воу-у, а не то что косолапого медведя.

М е д в е д ь. Что? Хо-хо-хо! А ну, того… Разойдись, зайцы, дайте мне место.

Зайцы прячутся. Волк и медведь дерутся.

У ж (*поднявшись в кустах, шипит*). С-с-сюда! С-с-сюда!

Появляется л е с н и к, б а б у ш к а, м а т ь, К р а с н а я Ш а п о ч к а.

Л е с н и к (*свистит*). Прекратить драку!

В о л к (*бросается на лесника*). Не лезь — убью!

Л е с н и к (*направляет на волка револьвер*). Лапы вверх!

Волк падает, подымает вверх лапы. Мать связывает ему лапы веревкой.

Л е с н и к (*медведю и ужу*). А вы как сюда попали?

М е д в е д ь. Нас этого… Отпустили.

Л е с н и к. Оштрафовали?

М е д в е д ь. Ничего.

Пока шел этот разговор, Красная Шапочка освободила Белоуха. Выводит его вперед.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Ну, зайчик, на этот раз волку уже совсем конец.

В о л к. Воу! Девчонка меня перехитрила!

М е д в е д ь. Ничего.

М а т ь. Красная Шапочка, а ты знаешь, который час?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Да, мамочка, пора домой! До свиданья, заяц!

Б е л о у х. Я тебя провожу!

К р а с н а я Ш а п о ч к а. До свиданья, медведь!

М е д в е д ь. Я, брат, иду тоже с тобой.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. До свиданья, уж!

У ж. Я с-с вами пополз-з-зу.

К р а с н а я Ш а п о ч к а. До свиданья, товарищ лесник!

Л е с н и к. Нам по дороге, Красная Шапочка!

Маршируют по сцене и поют.

Мы окончили войну.
Раз-два! Раз-два!
Волк — в плену, лиса — в плену!
Раз-два! Раз-два!
Мы победу заслужили.
Раз-два! Раз-два!
Потому что мы дружили.
Раз-два! Раз-два!
Смело бросились мы в бой.
Раз-два! Раз-два!
А теперь идем домой!
Раз-два! Раз-два!
Но, друзья, смотрите в оба.
Раз-два! Раз-два!
Бесконечна волчья злоба.
Раз-два! Раз-два!
Забывать врага нельзя!

Раз-два! Раз-два!
До свидания, друзья.
Раз-два! Раз-два!

Конец

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Сказка в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сказочник.
Кей.
Герда.
Бабушка.
Советник.
Снежная королева.
Ворон.
Ворона.
Принц Клаус.
Принцесса Эльза.
Король.
Атаманша.
Первый разбойник.
Маленькая разбойница.
Северный олень.
Стражники.
Лакеи короля.
Разбойники.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Перед занавесом появляется С к а з о ч н и к, молодой человек лет двадцати пяти. Он в сюртуке, при шпаге, в широкополой шляпе.

С к а з о ч н и к. Снип-снап-снурре, пурре-базелюрре! Разные люди бывают на свете: кузнецы, повара, доктора, школьники, аптекари, учителя, кучера, актеры, сторожа. А я вот — сказочник. И все мы — и актеры, и учителя, и кузнецы, и доктора, и повара, и сказочники — все мы работаем, и все мы люди нужные, необходимые, очень хорошие люди. Не будь, например, меня, сказочника, не сидели бы вы сегодня в театре и никогда вы не узнали бы, что случилось с одним мальчиком по имени Кей, который... Но тссс... молчание... Снип-снап-снурре, пурре-базелюрре! Ах как много сказок я знаю! Если рассказывать каждый день по сто сказок, то за сто лет я успею выложить только сотую долю моего запаса.

Сегодня вы увидите сказку о Снежной королеве. Это сказка и грустная и веселая, и веселая и грустная. В ней участвуют мальчик и девочка, мои ученики; поэтому я взял с собой грифельную доску. Потом принц и принцесса. И я взял с собой шпагу и шляпу. (*Раскланивается.*) Это добрые принц и принцесса, и я с ними обойдусь вежливо. Затем мы увидим разбойников. (*Достает пистолет.*) Поэтому я вооружен. (*Пробует выстрелить; пистолет не стреляет.*) Он не стреляет, и это очень хорошо, потому что я терпеть не могу шума на сцене. Кроме того, мы попадем в вечные льды, поэтому я надел свитер. Поняли? Снип-снап-снурре,

пурре-базелюрре. Ну-с, вот как будто и все. Можно начинать... Да, самое главное я и забыл! Мне прискучило все рассказывать да рассказывать. Сегодня я буду показывать сказку. И не только показывать — я сам буду участвовать во всех приключениях. Как же это так? А очень просто. Моя сказка — я в ней хозяин. И самое интересное то, что придумал я пока только начало да кое-что из середины, так что, чем кончатся наши приключения, я и сам не знаю! Как же это так? А очень просто! Что будет, то и будет, а когда мы дойдем до конца, то узнаем больше, чем знаем. Вот и все!.. Снип-снап-снурре, пурре-базелюрре!

Сказочник исчезает. Открывается занавес. Бедная, но опрятная комната на чердаке. Большое замерзшее окно. Недалеко от окна, поближе к печке, стоит сундук без крышки. В этом сундуке растет розовый куст. Несмотря на то что стоит зима, розовый куст в цвету. Под кустом на скамеечке сидят мальчик и девочка. Это Кей и Герда. Они сидят, взявшись за руки. Поют мечтательно.

Кей и Герда.

Снип-снап-снурре,
Пурре-базелюрре.
Снип-снап-снурре,
Пурре-базелюрре.

Кей. Стой!

Герда. Что такое?

Кей. Ступеньки скрипят...

Герда. Погоди, погоди... Да!

Кей. И как весело они скрипят! Когда соседка шла жаловаться, что я разбил снежком окно, они скрипели вовсе не так

Герда. Да уж! Тогда они ворчали, как собаки.

Кей. А теперь, когда идет наша бабушка...

Герда. ...ступеньки поскрипывают, как скрипочки.

Кей. Ну, бабушка, ну, скорей же!

Герда. Не надо ее торопить, Кей, ведь мы живем под самой крышей, она уже старенькая.

К е й. Ничего, ведь она еще далеко. Она не слышит. Ну, ну, бабушка, шагай!

Г е р д а. Ну, ну, бабушка, живей.

К е й. Уже чайник зашумел.

Г е р д а. Уже чайник закипел. Вот, вот! Она вытирает ноги о коврик

К е й. Да, да. Слышишь: она раздевается у вешалки.

Стук в дверь.

Г е р д а. Зачем это она стучит? Она ведь знает, что мы не запираемся.

К е й. Хи-хи! Она нарочно... Она хочет нас напугать.

Г е р д а. Хи-хи!

К е й. Тише! А мы ее напугаем. Не отвечай, молчи.

Стук повторяется. Дети фыркают, зажимая руками рот. Снова стук.

Давай спрячемся.

Г е р д а. Давай!

Фыркая, дети прячутся за сундук с розовым кустом. Дверь открывается, и в комнату входит высокий седой ч е л о в е к в ч е р н о м с ю р т у к е. На лацкане сюртука сверкает большая серебряная медаль. Он, важно подняв голову, оглядывается.

К е й (*вылетает из-за ширмы на четвереньках*). Гав-гав!

Г е р д а. Бу! Бу!

Человек в черном сюртуке, не теряя выражения холодной важности, подпрыгивает от неожиданности.

Ч е л о в е к (*сквозь зубы*). Что это за бессмыслица?

Дети стоят растерянные, взявшись за руки.

Невоспитанные дети, я вас спрашиваю, что это за бессмыслица? Отвечайте же, невоспитанные дети!

К е й. Простите, но мы воспитанные...

Г е р д а. Мы очень, очень воспитанные дети! Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста!

Человек достает из бокового кармана сюртука лорнет. Разглядывает брезгливо детей.

Человек. Воспитанные дети: а) не бегают на четвереньках; б) не вопят «гав-гав»; в) не кричат «бу-бу» и, наконец, г) не бросаются на незнакомых людей.

Кей. Но мы думали, что вы бабушка!

Человек. Вздор! Я вовсе не бабушка. Где розы?

Герда. Вот они.

Кей. А зачем они вам?

Человек (*отворачивается от детей, разглядывает розы в лорнет*). Ага. Действительно ли это живые розы? (*Нюхает.*) а) издают запах, свойственный этому растению; б) обладают соответствующей раскраской и, наконец; в) растут из подобающей почвы. Живые розы... Ха!

Герда. Слушай, Кей, я боюсь его. Кто это? Зачем он пришел к нам? Чего он хочет от нас?

Кей. Не бойся. Я спрошу... (*Человеку.*) Кто вы? А? Чего вы хотите от нас? Зачем вы к нам пришли?

Человек (*не оборачиваясь, разглядывает розы*). Воспитанные дети не задают вопросов старшим. Они ждут, пока старшие сами зададут им вопрос.

Герда. Будьте так добры, задайте нам вопрос: не... не хотим ли мы узнать, кто вы такой?

Человек (*не оборачиваясь*). Вздор!

Герда. Кей, даю тебе честное слово, что это злой волшебник

Кей. Герда, ну вот, честное слово, нет.

Герда. Увидишь, сейчас из него пойдет дым и он начнет летать по комнате. Или превратит тебя в козленка.

Кей. Я не дамся!

Герда. Давай убежим.

Кей. Стыдно.

Человек откашливается. Герда вскрикивает.

Да это он только кашляет, глупенькая.

Г е р д а. А я подумала, что это он уже начал.

Человек внезапно отворачивается от цветов и не спеша двигается к детям.

К е й. Что вам угодно?

Г е р д а. Мы не дадимся, человек. Вздор!

Человек двигается прямо на детей, которые в ужасе отступают.

Г о л о с и з п е р е д н е й. Дети! Чья это меховая шуба висит на вешалке?

К е й и Г е р д а (*радостно*). Бабушка! Скорей, скорей сюда!

Г о л о с. Соскучились? Не выбегайте, я с мороза. Сейчас иду, только сниму пальто, вот так, а теперь шапочку... Теперь вытру ноги как следует... Ну, вот и я.

В комнату входит чистенькая, беленькая, румяная с т а р у ш к а. Она весело улыбается, но, увидев незнакомого человека, останавливается и перестает улыбаться.

Ч е л о в е к. Здравствуйте, хозяйка.

Б а б у ш к а. Здравствуйте, господин...

Ч е л о в е к. ...коммерции советник. Долго же вы заставляете себя ждать, хозяйка.

Б а б у ш к а. Но, господин коммерции советник, я ведь не знала, что вы придете к нам.

С о в е т н и к. Это неважно, не оправдывайтесь. Вам повезло, хозяйка. Вы бедны, разумеется?

Б а б у ш к а. Садитесь, господин советник.

С о в е т н и к. Это неважно.

Б а б у ш к а. Я-то, во всяком случае, сяду. Я набегалась сегодня.

С о в е т н и к. Можете сесть. Итак, повторяю: вам повезло, хозяйка. Вы бедны?

Б а б у ш к а. И да и нет. Деньгами — небогата. А...

С о в е т н и к. А остальное вздор. Перейдем к делу. Я узнал, что у вас среди зимы расцвел розовый куст. Я покупаю его.

Б а б у ш к а. Но он не продается.

С о в е т н и к. Вздор.

Б а б у ш к а. Уверяю вас! Этот куст все равно что подарок. А подарки не продаются.

С о в е т н и к. Вздор.

Б а б у ш к а. Поверьте мне! Наш друг, студент-сказочник, учитель моих ребятишек, уж так ухаживал за этим кустом! Он перекапывал его, посыпал землю какими-то порошками, он даже пел ему песни.

С о в е т н и к. Вздор!

Б а б у ш к а. Спросите соседей. И вот после всех его забот благодарный куст расцвел среди зимы. И этот куст продавать!..

С о в е т н и к. Какая вы хитрая старуха, хозяйка! Молодец! Вы набиваете цену. Так, так! Сколько?

Б а б у ш к а. Куст не продается.

С о в е т н и к. Но, любезная, не задерживайте меня. Вы прачка?

Б а б у ш к а. Да, я стираю белье, помогаю по хозяйству, готовлю чудесные пряники, вышиваю, умею убаюкивать самых непокорных детей и ухаживаю за больными. Я все умею, господин советник. Есть люди, которые говорят, что у меня золотые руки, господин советник.

С о в е т н и к. Вздор! Начнем сначала. Вы, может быть, не знаете, кто я такой. Я богатый человек, хозяйка. Я очень богатый человек. Сам король знает, как я богат; он наградил меня медалью за это, хозяйка. Вы видели большие фургоны с надписью «лед»? Видели, хозяйка? Лед, ледники, холодильники, подвалы, набитые льдом, — все это мое, хозяйка. Лед сделал меня богачом. Я все могу купить, хозяйка. Сколько стоят ваши розы?

Б а б у ш к а. Неужели вы так любите цветы?

С о в е т н и к. Вот еще! Да я их терпеть не могу.

Б а б у ш к а. Так зачем же тогда...

С о в е т н и к. Я люблю редкости! На этом я разбогател. Летом лед — редкость. Я продаю летом лед. Зимою редкость цветы — я попробую их разводить. Все! Итак, ваша цена?

Б а б у ш к а. Я не продам вам розы.

С о в е т н и к. А вот продадите.

Б а б у ш к а. А вот ни за что!

С о в е т н и к. Вздор! Вот вам десять талеров. Берите! Живо!

Б а б у ш к а. Не возьму.

С о в е т н и к. Двадцать.

Бабушка отрицательно качает головой.

Тридцать, пятьдесят, сто! И сто мало? Ну хорошо — двести. Этого на целый год хватит и вам, и этим гадким детям.

Б а б у ш к а. Это очень хорошие дети!

С о в е т н и к. Вздор! Вы подумайте только: двести талеров за самый обыкновенный розовый куст!

Б а б у ш к а. Это не обыкновенный куст, господин советник. Сначала на ветках его появились бутоны, совсем еще маленькие, бледные, с розовыми носиками. Потом они развернулись, расцвели и вот цветут, господин советник, цветут и не отцветают. За окном зима, господин советник, а у нас лето.

С о в е т н и к. Вздор! Если бы сейчас было лето, лед поднялся бы в цене.

Б а б у ш к а. Эти розы — наша радость, господин советник.

С о в е т н и к. Вздор, вздор, вздор! Деньги — вот это радость. Я вам предлагаю деньги, слышите — деньги. Понимаете — деньги!

Б а б у ш к а. Господин советник! Есть вещи более сильные, чем деньги.

С о в е т н и к. Да ведь это бунт! Значит, деньги, по-вашему, ничего не стоят? Сегодня вы скажете, что деньги ничего не стоят, завтра — что богатые и почтенные люди ничего не стоят... Вы решительно отказываетесь от денег?

Б а б у ш к а. Да. Эти розы не продаются ни за какие деньги, господин советник.

С о в е т н и к. В таком случае вы… вы… сумасшедшая старуха, вот кто вы…

К е й (*глубоко оскорбленный, бросается к нему*). А вы… вы… невоспитанный старик, вот кто вы!

Б а б у ш к а. Дети, дети, не надо!

С о в е т н и к. Да я вас заморожу!

Г е р д а. Мы не дадимся!

С о в е т н и к. Увидим… Это вам даром не пройдет!

К е й. Бабушку все, все уважают! А вы рычите на нее, как..

Б а б у ш к а. Кей!

К е й (*сдерживаясь*). …как нехороший человек.

С о в е т н и к. Ладно! Я: а) отомщу; б) скоро отомщу и в) страшно отомщу. Я дойду до самой королевы. Вот вам!

Советник бежит и в дверях сталкивается со С к а з о ч н и к о м.

(*Яростно*.) А, господин сказочник! Сочинитель сказок, над которыми все издеваются! Это всё ваши штуки! Хорошо же! Увидите! Это и вам не пройдет даром.

С к а з о ч н и к (*вежливо кланяясь советнику*). Снип-снап-снурре, пурре-базелюрре!

С о в е т н и к. Вздор! (*Убегает*.)

С к а з о ч н и к. Здравствуйте, бабушка! Здравствуйте, дети! Вас огорчил коммерции советник? Не обращайте на него внимания. Что он нам может сделать? Смотрите, как весело розы кивают нам головками. Они хотят сказать нам: все идет хорошо. Мы с вами, вы с нами — и все мы вместе.

Советник в меховой шубе и в цилиндре показывается в дверях.

С о в е т н и к. Увидим, надолго ли. Ха-ха!

Сказочник бросается к нему. Советник исчезает. Сказочник возвращается.

С к а з о ч н и к. Бабушка, дети, все хорошо. Он ушел, совсем ушел. Я вас очень прошу, пожалуйста, забудем о нем.

Г е р д а. Он хотел унести наши розы.

К е й. Но мы не позволили.

С к а з о ч н и к. Ах какие вы молодцы! Но за что вы обидели чайник? (*Бежит к печке.*) Слышите, он кричит: «Вы забыли меня, я шумел, и вы не слышали. Я зол, зол, попробуйте-ка троньте меня!» (*Пробует снять чайник с огня.*) И верно, его не тронуть! (*Берет чайник полой сюртука.*)

Б а б у ш к а (*вскакивает*). Вы опять обожжетесь, я вам дам полотенце.

С к а з о ч н и к (*боком, держа кипящий чайник полой сюртука, пробирается к столу*). Ничего. Все эти чайники, чашки, столы и стулья (*пробует поставить чайник на стол, но это ему никак не удается*)... сюртуки и башмаки, из-за того что я говорю на их языке и часто болтаю с ними (*ставит наконец чайник на стол*), считают меня своим братом и ужасно меня не уважают. Сегодня утром вдруг пропали мои башмаки. Нашел я их в прихожей под шкафом. Оказывается, они пошли в гости к старой сапожной щетке, заговорились там и... Что с вами, дети?

Г е р д а. Ничего.

С к а з о ч н и к. Говорите правду!

Г е р д а. Ну хорошо, я скажу. Знаете что? Мне все-таки немножко страшно.

С к а з о ч н и к. Ах, вот как! Значит, вам немного страшно, дети?

К е й. Нет, но... Советник сказал, что он дойдет до самой королевы. О какой это королеве он говорил?

С к а з о ч н и к. Я думаю, что о Снежной королеве. Он с ней в большой дружбе. Ведь она ему поставляет лед.

Г е р д а. Ой, кто это стучит в окно? Я не боюсь, но все-таки скажите: кто же это стучит в окно?

Б а б у ш к а. Это просто снег, девочка. Метель разыгралась.

К е й. Пусть Снежная королева только попробует сюда войти. Я посажу ее на печь, и она сразу растает.

С к а з о ч н и к (*вскакивает*). Верно, мальчик! (*Взмахивает рукой и опрокидывает чашку.*) Ну вот... Я ведь вам говорил... И не стыдно тебе, чашка? Верно, мальчик! Снежная королева не посмеет сюда войти! С тем, у кого горячее сердце, ей ничего не поделать!

Г е р д а. А где она живет?

С к а з о ч н и к. Летом — далеко-далеко, на севере. А зимой она летает на черном облаке высоко-высоко в небе. Только поздно-поздно ночью, когда все спят, она проносится по улицам города и взглядывает на окна, и тогда стекла покрываются ледяными узорами и цветами.

Г е р д а. Бабушка, значит, она все-таки смотрела на наши окна? Видишь, они все в узорах.

К е й. Ну и пусть. Посмотрела и улетела.

Г е р д а. А вы видели Снежную королеву?

С к а з о ч н и к. Видел.

Г е р д а. Ой! Когда?

С к а з о ч н и к. Давно-давно, когда тебя еще не было на свете.

К е й. Расскажите.

С к а з о ч н и к. Хорошо. Только я отойду подальше от стола, а то я опять опрокину что-нибудь. (*Идет к окну, берет с подоконника доску и грифель.*) Но после рассказа мы засядем за работу. Вы уроки выучили?

Г е р д а. Да.

К е й. Все до одного!

С к а з о ч н и к. Ну, тогда, значит, вы заслужили интересную историю. Слушайте. (*Начинает рассказывать сначала спокойно и сдержанно, но постепенно, увлекаясь, принимается размахивать руками. В одной руке у него грифельная доска, в другой грифель.*) Было это давно, очень давно. Мама моя, так же как и ваша бабушка, каждый день уходила работать к чужим людям. Только руки у моей мамы были не золотые, нет, совсем не золотые. Она, бедная, была слабенькая и почти такая же нескладная, как я. Поэтому кончала она свою работу поздно. Однажды вечером она запоздала еще больше, чем всегда. Сначала я

ждал ее терпеливо, но когда догорела и погасла свечка, то мне стало совсем невесело. Приятно сочинять страшные сказки, но когда они сами лезут тебе в голову, то это уж совсем не то. Свеча погасла, но старый фонарь, что висел за окном, освещал комнату. И надо вам сказать, что это было еще хуже. Фонарь качался на ветру, тени бегали по комнате, и мне казалось, что это маленькие черненькие гномы кувыркаются, прыгают и только об одном и думают — как бы на меня напасть. И я оделся потихоньку и замотал шею шарфом и бегом выбежал из комнаты, чтобы подождать маму на улице. На улице было тихо-тихо, так тихо, как бывает только зимой. Я присел на ступеньки и стал ждать. И вдруг — как засвистит ветер, как полетит снег! Казалось, что он падает не только с неба, а летит от стен, с земли, из-под ворот — отовсюду. Я побежал к дверям, но тут одна снежинка стала расти, расти и превратилась в прекрасную женщину.

К е й. Это была она?

Г е р д а. А как она была одета?

С к а з о ч н и к. Она была в белом с головы до ног. Большая белая муфта была у нее в руках. Огромный бриллиант сверкал у нее на груди. «Вы кто?» — крикнул я. «Я — Снежная королева, — ответила женщина, — хочешь, я возьму тебя к себе? Поцелуй меня, не бойся». Я отпрыгнул...

Сказочник взмахивает руками и попадает грифельной доской в стекло. Стекло разбивается. Гаснет лампа. Музыка. Снег, белея, влетает в разбитое окно.

Г о л о с б а б у ш к и. Спокойно, дети.

С к а з о ч н и к. Это я виноват! Сейчас я зажгу свет!

Вспыхивает свет. Все вскрикивают. Прекрасная ж е н щ и н а стоит посреди комнаты. Она в белом с головы до ног. Большая белая муфта у нее в руках. На груди, на серебряной цепочке, сверкает огромный бриллиант.

К е й. Это кто?

Г е р д а. Кто вы?

Сказочник пробует заговорить, но женщина делает повелительный знак рукой, и он отшатывается и умолкает.

Ж е н щ и н а. Простите, я стучала, но меня никто не слышал.

Г е р д а. Бабушка сказала — это снег.

Ж е н щ и н а. Нет, я стучала в дверь как раз тогда, когда у вас погас свет. Я испугала вас?

К е й. Ну вот, ни капельки.

Ж е н щ и н а. Я очень рада этому, ты смелый мальчик. Здравствуйте, господа!

Б а б у ш к а. Здравствуйте, госпожа...

Ж е н щ и н а. Можете называть меня баронессой.

Б а б у ш к а. Здравствуйте, госпожа баронесса. Садитесь, пожалуйста.

Ж е н щ и н а. Благодарю вас. (*Садится.*)

Б а б у ш к а. Сейчас я заложу окно подушкой: очень дует. (*Закладывает окно.*)

Ж е н щ и н а. О, меня это нисколько не беспокоит. Я пришла к вам по делу. Мне рассказывали о вас. Говорят, что вы очень хорошая женщина, работящая, честная, добрая, но бедная.

Б а б у ш к а. Не угодно ли чаю, госпожа баронесса?

Ж е н щ и н а. Нет, ни за что! Ведь он горячий. Мне говорили, что, несмотря на свою бедность, вы держите приемыша?

К е й. Я не приемыш!

Б а б у ш к а. Он говорит правду, госпожа баронесса.

Ж е н щ и н а. Но мне говорили так: девочка — ваша внучка, а мальчик...

Б а б у ш к а. Да, мальчик не внук мне. Но ему не было и года, когда родители его умерли. Он остался совсем один на свете, госпожа баронесса, и я взяла его себе. Он вырос у меня на руках, он такой же родной мне, как мои покойные дети и как моя единственная внучка...

Ж е н щ и н а. Эти чувства делают вам честь. Но вы совсем старая и можете умереть.

К е й. Бабушка вовсе не старая.

Г е р д а. Бабушка не может умереть.

Ж е н щ и н а. Тише. Когда я говорю, все должно умолкнуть. Поняли? Итак, я беру у вас мальчика.

К е й. Что?

Ж е н щ и н а. Я одинока, богата, детей у меня нет — этот мальчик будет у меня вместо сына. Вы, конечно, согласитесь, хозяйка? Это выгодно нам всем.

К е й. Бабушка, бабушка, не отдавай меня, дорогая! Я не люблю ее, а тебя так люблю! Розы ты и то пожалела, а я ведь целый мальчик! Я умру, если она возьмет меня к себе... Если тебе трудно, я тоже буду зарабатывать — газеты продавать, носить воду, сгребать снег, — ведь за все это платят, бабушка. А когда ты совсем состаришься, я куплю тебе мягкое кресло, очки и интересные книжки. Ты будешь сидеть, отдыхать, читать, а мы с Гердой будем заботиться о тебе.

Г е р д а. Бабушка, бабушка, вот честное слово, не отдавай его! Ну пожалуйста!

Б а б у ш к а. Да что вы, дети! Я, конечно, ни за что не отдам его.

К е й. Вы слышите?

Ж е н щ и н а. Не надо так спешить. Подумай, Кей. Ты будешь жить во дворце, мальчик. Сотни верных слуг будут повиноваться каждому твоему слову. Там...

К е й. Там не будет Герды, там не будет бабушки, я не пойду к вам.

С к а з о ч н и к. Молодец...

Ж е н щ и н а. Молчите! (*Делает повелительный знак рукой.*)

Сказочник отшатывается.

Б а б у ш к а. Простите меня, баронесса, но так и будет, как сказал мальчик. Как я его могу отдать? Он вырос у меня на руках. Первое слово, которое он сказал, было: огонь.

Ж е н щ и н а (*вздрагивает*). Огонь?

Б а б у ш к а. Первый раз он пошел вот здесь, от кровати к печке...

Ж е н щ и н а (*вздрагивает*). К печке?

Б а б у ш к а. Я плакала над ним, когда он хворал, я так радовалась, когда он выздоравливал. Он иногда шалит, иногда огорчает меня, но чаще радует. Это мой мальчик, и он останется у меня.

Г е р д а. Смешно даже подумать, как же мы можем без него жить.

Ж е н щ и н а (*встает*). Ну что же! Пусть будет по-вашему. Эти чувства делают вам честь. Оставайся здесь, мальчик, если ты так этого хочешь. Но поцелуй меня на прощанье.

Сказочник делает шаг вперед. Женщина останавливает его повелительным жестом.

Ты не хочешь?

К е й. Не хочу.

Ж е н щ и н а. Ах вот как! Я-то сначала думала, что ты храбрый мальчик, а ты, оказывается, трус!

К е й. Я вовсе не трус.

Ж е н щ и н а. Ну, тогда поцелуй меня на прощанье.

Г е р д а. Не надо, Кей.

К е й. Но я вовсе не желаю, чтобы она думала, что я боюсь баронесс. (*Смело подходит к баронессе, поднимается на цыпочки и протягивает ей губы.*) Всего хорошего!

Ж е н щ и н а. Молодец! (*Целует Кея.*)

За сценой свист и вой ветра, снег стучит в окно.

(*Смеется.*) До свидания, господа! До скорого свидания, мальчик! (*Быстро уходит.*)

С к а з о ч н и к. Какой ужас! Ведь это была она, она, Снежная королева!

Б а б у ш к а. Полно вам рассказывать сказки.

К е й. Ха-ха-ха!

Г е р д а. Что ты смеешься, Кей?

К е й. Ха-ха-ха! Смотрите, как смешно, наши розы завяли. А какие они стали безобразные, гадкие, фу! (*Срывает одну из роз и швыряет ее на пол.*)

Б а б у ш к а. Розы завяли, какое несчастье! (*Бежит к розовому кусту.*)

К е й. Как смешно бабушка переваливается на ходу. Это прямо утка, а не бабушка. (*Передразнивает ее походку.*)

Г е р д а. Кей! Кей!

К е й. Если ты заревешь, я дерну тебя за косу.

Б а б у ш к а. Кей! Я не узнаю тебя.

К е й. Ах, как вы мне все надоели. Да оно и понятно. Живем втроем в такой конуре...

Б а б у ш к а. Кей! Что с тобой?

С к а з о ч н и к. Это была Снежная королева! Это она, она!

Г е р д а. Почему же вы не сказали...

С к а з о ч н и к. Не мог. Она протягивала ко мне руку — и холод пронизывал меня с головы до ног, и язык отнимался, и...

К е й. Вздор!

Г е р д а. Кей! Ты говоришь, как советник.

К е й. Ну, и очень рад.

Б а б у ш к а. Дети, ложитесь спать! Уже поздно. Вы начинаете капризничать. Слышите: разом умываться и спать.

Г е р д а. Бабушка... Я сначала хочу знать, что с ним!

К е й. А я пойду спать. У-у! Какая ты некрасивая, когда плачешь...

Г е р д а. Бабушка...

С к а з о ч н и к (*выпроваживает их*). Спать, спать, спать. (*Бросается к бабушке.*) Вы знаете, что с ним? Когда я рассказал своей маме, что меня хотела поцеловать Снежная королева, мама ответила: хорошо, что ты не позволил ей этого. У человека, которого поцелует Снежная королева, сердце застывает и превращается в кусок льда. Теперь у нашего Кея ледяное сердце.

Б а б у ш к а. Этого не может быть. Завтра же он проснется таким же добрым и веселым, как был.

С к а з о ч н и к А если нет? Ах, я этого вовсе не ждал. Что делать? Как быть дальше? Нет, Снежная королева, я не отдам тебе мальчика! Мы спасем его! Спасем! Спасем!

Вой и свист метели за окном резко усиливаются.

Не испугаемся! Вой, свисти, пой, колоти в окна — мы еще поборемся с тобой, Снежная королева!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Перед занавесом лежит камень. Г е р д а, очень утомленная, медленно выходит из-за портала. Опускается на камень.

Г е р д а. Вот теперь-то я понимаю, что такое — одна. Никто мне не скажет: «Герда, хочешь есть?» Никто мне не скажет: «Герда, дай-ка лоб, кажется, у тебя жар». Никто мне не скажет: «Что с тобой? Почему ты сегодня такая грустная?» Когда встречаешь людей, то все-таки легче: они расспросят, поговорят, иногда накормят даже. А эти места такие безлюдные, иду я с самого рассвета и никого еще не встретила. Попадаются на дороге домики, но все они заперты на замок. Зайдешь во двор — никого, и в садиках пусто, и в огородах тоже, и в поле никто не работает. Что это значит? Куда ж это все ушли?

В о р о н (*выходит из разреза занавеса, говорит глухо, слегка картавя*). Здравствуйте, барышня!

Г е р д а. Здравствуйте, сударь.

В о р о н. Простите, но вы не швырнете в меня палкой?

Г е р д а. О, что вы, конечно, нет!

В о р о н. Ха-ха-ха! Приятно слышать! А камнем?

Г е р д а. Что вы, сударь!

В о р о н. Ха-ха-ха! А кирпичом?

Г е р д а. Нет, нет, уверяю вас.

В о р о н. Ха-ха-ха! Позвольте почтительнейше поблагодарить вас за вашу удивительнейшую учтивость. Красиво я говорю?

Г е р д а. Очень, сударь.

В о р о н. Ха-ха-ха! Это оттого, что я вырос в парке королевского дворца. Я почти придворный ворон. А невеста моя — настоящая придворная ворона. Она питается объедками с королевской кухни. Вы не здешняя, конечно?

Г е р д а. Да, я пришла издалека.

В о р о н. Я сразу догадался, что это так. Иначе вы знали бы, почему опустели все дома при дороге.

Г е р д а. А почему они опустели, сударь? Я надеюсь, что ничего худого не случилось?

В о р о н. Ха-ха-ха! Напротив! Во дворце праздник, пир на весь мир, и все отправились туда. Но, прошу прощения, вы чем-то огорчены? Говорите, говорите, я добрый ворон, — а вдруг я смогу помочь вам.

Г е р д а. Ах, если бы вы могли помочь мне найти одного мальчика!

В о р о н. Мальчика? Говорите, говорите! Это интересно. Крайне интересно!

Г е р д а. Видите ли, я ищу мальчика, с которым я вместе выросла. Мы жили так дружно — я, он и наша бабушка. Но однажды — это было прошлой зимой — он взял санки и ушел на городскую площадь. Он привязал свои санки к большим саням — мальчики часто так делают, чтобы прокатиться побыстрее. В больших санях сидел человек в белой меховой шубе и белой шапке. Едва мальчик успел привязать свои санки к большим саням, как человек в белой шубе и шапке ударил по коням: кони рванулись, сани понеслись, санки за ними — и больше никто никогда не видал мальчика. Имя этого мальчика…

В о р о н. Кей… Кр-ра! Кр-ра!

Г е р д а. Откуда вы знаете, что его зовут Кей?

В о р о н. А вас зовут Герда.

Г е р д а. Да, меня зовут Герда. Но откуда вы все это знаете?

В о р о н. Наша родственница, сорока, ужасная сплетница, знает все, что делается на свете, и все новости приносит нам на хвосте. Так узнали мы и вашу историю.

Г е р д а (*вскакивает*). Вы, значит, знаете, где Кей? Отвечайте же! Отчего вы молчите?

В о р о н. Кр-ра! Кр-ра! Сорок вечеров подряд мы рядили, и судили, и гадали, и думали: где же он? где Кей? Так и не додумались.

Г е р д а (*садится*). Вот и мы тоже. Целую зиму ждали мы Кея. А весной я ушла его искать. Бабушка спала еще, я ее поцеловала потихоньку на прощанье — и вот ищу. Бедная бабушка, она, наверное, там скучает одна.

В о р о н. Да. Сороки рассказывают, что ваша бабушка крайне, крайне горюет... Страшно тоскует!

Г е р д а. А я столько времени потеряла напрасно. Вот уже целое лето я все ищу его, ищу — и никто не знает, где он.

В о р о н. Т-сс!

Г е р д а. Что такое?

В о р о н. Дайте-ка мне послушать! Да, это летит сюда она. Я узнаю шум ее крыльев. Многоуважаемая Герда, сейчас я познакомлю вас с моей невестой — придворной вороной. Она будет рада... Вот она...

Появляется в о р о н а, очень похожая на своего жениха. Вороны обмениваются церемонными поклонами.

В о р о н а. Здравствуй, Карл!

В о р о н. Здравствуй, Клара!

В о р о н а. Здравствуй, Карл!

В о р о н. Здравствуй, Клара!

В о р о н а. Здравствуй, Карл! У меня крайне интересные новости. Сейчас ты раскроешь клюв, Карл.

В о р о н. Говори скорей! Скорей!

Ворона. Кей нашелся!

Герда (*вскакивает*). Кей? Вы не обманываете меня? Где же он, где?

Ворона (*отпрыгивает*). Ах! Кто это?

Ворон. Не пугайся, Клара. Позволь представить тебе эту девочку. Ее зовут Герда.

Ворона. Герда! Вот чудеса! (*Церемонно кланяясь.*) Здравствуйте, Герда.

Герда. Не мучайте меня, скажите, где Кей. Что с ним? Он жив? Кто его нашел?

Вороны некоторое время оживленно разговаривают на вороньем языке. Затем подходят к Герде. Говорят, перебивая друг друга.

Ворона. Месяц…

Ворон. ...назад…

Ворона. ...принцесса…

Ворон. ...дочь…

Ворона. ...короля…

Ворон. ...пришла…

Ворона. ...к..

Ворон. ...королю…

Ворона. ...И…

Ворон. ...говорит…

Ворона. ...Папа…

Ворон. ...мне…

Ворона. ...очень…

Ворон. ...скучно…

Ворона. ...Подруги…

Ворон. ...боятся…

Ворона. ...меня…

Ворон. ...мне…

Ворона. ...не…

Ворон. ...с…

Ворона. ...кем…

Ворон. ...играть.

Герда. Простите, что я вас перебиваю, но зачем вы рассказываете мне о королевской дочери?

В о р о н. Но, дорогая Герда, иначе вы ничего не поймете!

Продолжают рассказ. При этом говорят они слово за словом без малейшей паузы, так что кажется, будто это говорит один человек.

В о р о н и в о р о н а (*хором*). «Мне не с кем играть, — сказала дочь короля. — Подруги нарочно проигрывают мне в шашки, нарочно поддаются в пятнашки. Я умру с тоски». — «Ну, ладно, — сказал король, — я выдам тебя замуж». — «Устроим смотр женихов, — сказала принцесса. — Я выйду замуж только за того, кто меня не испугается». Устроили смотр. Все пугались, входя во дворец. Но один мальчик ни капельки не испугался.

Г е р д а (*радостно*). И это был Кей?

В о р о н. Да, это был он.

В о р о н а. Все другие молчали от страха, как рыбы, а он так разумно разговаривал с принцессой!

Г е р д а. Еще бы! Он очень умный! Он знает сложение, вычитание, умножение, деление и даже дроби!

В о р о н. И вот принцесса выбрала его, и король дал ему титул принца и подарил ему полцарства. Поэтому-то и был во дворце устроен пир на весь мир.

Г е р д а. Вы уверены, что это Кей? Ведь он совсем мальчик!

В о р о н а. Принцесса тоже маленькая девочка. Но ведь принцессы могут выходить замуж, когда им вздумается.

В о р о н. Вы не огорчены, что Кей забыл бабушку и вас? В последнее время, как говорит сорока, он был очень груб с вами?

Г е р д а. Я не обижалась.

В о р о н а. А вдруг Кей не захочет с вами разговаривать?

Г е р д а. Захочет. Я уговорю его. Пусть он напишет бабушке, что он жив и здоров, и я уйду. Идемте же. Я так рада, что он не у Снежной королевы. Идемте во дворец!

В о р о н а. Ах, я боюсь, что вас не пустят туда! Ведь это все-таки королевский дворец, а вы простая девочка. Как быть? Я не очень люблю детей. Они вечно дразнят меня и Карла Они кричат: «Карл у Клары украл кораллы». Но вы не такая. Вы покорили мое сердце. Идемте. Я знаю все ходы и переходы дворца. Ночью мы проберемся туда.

Г е р д а. А вы уверены, что принц — это и есть Кей?

В о р о н а. Конечно. Я сегодня сама слышала, как принцесса кричала: «Кей, Кей, поди-ка сюда!» Вы не побоитесь ночью пробраться во дворец?

Г е р д а. Нет!

В о р о н а. В таком случае — вперед!

В о р о н. Ур-ра! Ур-ра! Верность, храбрость, дружба...

В о р о н а. ...разрушат все преграды. Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!

Уходят. Следом за ними молча проползает человек, закутанный в плащ. За ним другой.

Занавес открывается. Зал в королевском дворце. Через середину пола, заднюю стену и потолок проходит черта, проведенная мелом, очень заметная на темной отделке зала. В зале полутемно. Дверь бесшумно открывается. Входит в о р о н а.

В о р о н а (*негромко*). Карл! Карл!

В о р о н (*за сценой*). Клара! Клара!

В о р о н а. Храбрей! Храбрей! Сюда. Здесь никого нет.

Тихо входят Г е р д а и в о р о н.

Осторожно! Осторожно! Держитесь правой стороны. За черту! За черту!

Г е р д а. Скажите, пожалуйста, а зачем проведена эта черта?

В о р о н а. Король подарил принцу полцарства. И все апартаменты дворца государь тоже аккуратно поделил пополам. Правая сторона — принца и принцес-

сы, левая — королевская. Нам благоразумней держаться правой стороны… Вперед!

Герда и ворон идут. Вдруг раздается негромкая музыка. Герда останавливается.

Г е р д а. Что это за музыка?

В о р о н а. Это просто сны придворных дам. Им снится, что они танцуют на балу.

Музыку заглушает гул — топот коней, отдаленные крики: «Ату его, ату-ту-ту! Держи! Режь! Бей!»

Г е р д а. А это что?

В о р о н а. А это придворным кавалерам снится, что они загнали на охоте оленя.

Раздается веселая, радостная музыка.

Г е р д а. А это?

В о р о н а. А это сны узников, заточенных в подземелье. Им снится, что их отпустили на свободу.

В о р о н. Что с вами, дорогая Герда? Вы побледнели?

Г е р д а. Нет, право, нет! Но я сама не знаю, почему мне как-то беспокойно.

В о р о н а. О, это крайне просто и понятно. Ведь королевскому дворцу пятьсот лет. Сколько страшных преступлений совершено тут за эти годы! Тут и казнили людей, и убивали из-за угла кинжалами, и душили.

Г е р д а. Неужели Кей живет здесь, в этом страшном доме?

В о р о н а. Идемте же…

Г е р д а. Иду.

Раздается топот и звон бубенцов.

А это что?

В о р о н а. Я не понимаю.

Шум все ближе.

В о р о н. Дорогая Клара, не благоразумней ли будет удрать?

В о р о н а. Спрячемся.

Прячутся за драпировку, висящую на стене. Едва они успевают скрыться, как двери с шумом распахиваются и в зал галопом врываются д в а л а к е я. В руках у них канделябры с зажженными свечами. Между двумя лакеями п р и н ц и п р и н ц е с с а. Они играют в лошадки. Принц изображает лошадь. На груди его звенят бубенцы игрушечной сбруи. Он прыгает, роет ногами пол, лихо бегает по своей половине зала. Лакеи, сохраняя на лицах невозмутимое выражение, носятся следом, не отставая ни на шаг, освещая дорогу детям.

П р и н ц (*останавливается*). Ну, хватит. Мне надоело быть лошадью. Давай играть в другую игру.

П р и н ц е с с а. В прятки?

П р и н ц. Можно. Ты будешь прятаться! Ну! Я считаю до ста. (*Отворачивается и считает.*)

Принцесса бегает по комнате, ищет место, где спрятаться. Лакеи с канделябрами — за нею. Принцесса останавливается наконец у драпировки, за которой скрылись Герда и вороны. Отдергивает драпировку. Видит Герду, которая горько плачет, и двух низко кланяющихся ворон. Взвизгивает и отскакивает. Лакеи — за нею.

(*Оборачиваясь*). Что? Крыса?

П р и н ц е с с а. Хуже, гораздо хуже. Там девочка и две вороны.

П р и н ц. Глупости! Сейчас я посмотрю.

П р и н ц е с с а. Нет, нет, это, наверное, какие-нибудь призраки.

П р и н ц. Глупости! (*Идет к занавеске.*)

Герда, вытирая слезы, выходит ему навстречу. За нею, все время кланяясь, — вороны.

Как ты попала сюда, девочка? Мордочка у тебя довольно славная. Почему ты пряталась от нас?

Г е р д а. Я давно бы вышла... Но я заплакала. А я очень не люблю, когда видят, как я плачу. Я вовсе не плакса, поверьте мне!

П р и н ц. Я верю, верю. Ну, девочка, рассказывай, что случилось. Ну же... Давай поговорим по душам. (*Лакеям.*) Поставьте подсвечники и уходите.

Лакеи повинуются.

Ну, вот мы одни. Говори же!

Герда тихо плачет.

Ты не думай, я ведь тоже просто мальчик как мальчик. Я пастух из деревни. Я попал в принцы только потому, что ничего не боюсь. Я ведь тоже натерпелся в свое время. Старшие братья мои считались умными, а я считался дурачком, хотя на самом деле все было наоборот. Ну, дружок, ну же... Эльза, да поговори же ты с ней ласково.

Принцесса (*милостиво улыбаясь, торжественно*). Любезная подданная...

Принц. Зачем ты говоришь по-королевски? Ведь тут все свои.

Принцесса. Прости, я нечаянно... Девочка, миленькая, будь так добра, расскажи нам, что с тобою.

Герда. Ах, в той занавеске, за которой я пряталась, есть дырочка.

Принц. Ну и что?

Герда. И в эту дырочку я увидела ваше лицо, принц.

Принц. И вот поэтому ты заплакала?

Герда. Да... Вы... вы вовсе не Кей...

Принц. Конечно, нет. Меня зовут Клаус. Откуда ты взяла, что я Кей?

Ворона. Пусть простит меня всемилостивейший принц, но я лично слышала, как их высочество (*указывает клювом на принцессу*) называло ваше высочество — Кей.

Принц (*принцессе*). Когда это было?

Принцесса. После обеда. Помнишь? Сначала мы играли в дочки-матери. Я была дочка, а ты — мама. Потом в волка и семерых козлят. Ты был семеро козлят и поднял такой крик, что мой отец и повелитель, который спал после обеда, свалился с кровати. Помнишь?

П р и н ц. Ну, дальше!

П р и н ц е с с а. После этого нас попросили играть потише. И я рассказала тебе историю Герды и Кея, которую рассказывала в кухне ворона. И мы стали играть в Герду и Кея, и я называла тебя Кей.

П р и н ц. Так... Кто же ты, девочка?

Г е р д а. Ах, принц, ведь я Герда.

П р и н ц. Да что ты? (*Ходит взволнованно взад и вперед.*) Вот обидно, действительно.

Г е р д а. Мне так хотелось, чтобы вы были Кей.

П р и н ц. Ах ты... Ну что же это? Что ты думаешь делать дальше, Герда?

Г е р д а. Буду опять искать Кея, пока не найду, принц.

П р и н ц. Молодец. Слушай. Называй меня просто Клаус.

П р и н ц е с с а. А меня Эльза.

П р и н ц. И говори мне «ты».

П р и н ц е с с а. И мне тоже.

Г е р д а. Ладно.

П р и н ц. Эльза, мы должны сделать что-нибудь для Герды.

П р и н ц е с с а. Давай пожалуем ей голубую ленту через плечо или подвязку с мечами, бантами и колокольчиками.

П р и н ц. Ах, это ей никак не поможет. Ты в какую сторону сейчас пойдешь, Герда?

Г е р д а. На север. Я боюсь, что Кея унесла все-таки она, Снежная королева.

П р и н ц. Ты думаешь идти к самой Снежной королеве? Но ведь это-очень далеко.

Г е р д а. Что ж поделаешь!

П р и н ц. Я знаю, как быть. Мы дадим Герде карету.

В о р о н ы. Карету? Очень хорошо!

П р и н ц. И четверку вороных коней.

В о р о н ы. Вороных? Прекрасно! Прекрасно!

П р и н ц. А ты, Эльза, дашь Герде шубу, шапку, муфту, перчатки и меховые сапожки.

П р и н ц е с с а. Пожалуйста, Герда, мне не жалко. У меня четыреста восемьдесят девять шуб.

П р и н ц. Сейчас мы уложим тебя спать, а с утра ты поедешь.

Г е р д а. Нет, нет, только не укладывайте меня спать — ведь я очень спешу.

П р и н ц е с с а. Ты права, Герда. Я тоже терпеть не могу, когда меня укладывают спать. Как только я получила полцарства, сразу же изгнала из своей половины гувернантку, и теперь уже скоро двенадцать, а я все не сплю!

П р и н ц. Но ведь Герда устала.

Г е р д а. Я отдохну и высплюсь в карете.

П р и н ц. Ну, хорошо.

Г е р д а. Я вам потом отдам и карету, и шубу, и перчатки, и...

П р и н ц. Глупости! Вороны! Летите сейчас же в конюшню и прикажите там от моего имени взять четверку вороных и заложить в карету.

П р и н ц е с с а. В золотую.

Г е р д а. Ах, нет, нет! Зачем же в золотую?

П р и н ц е с с а. Не спорь, не спорь! Так будет гораздо красивее.

В о р о н ы уходят.

П р и н ц. А мы сейчас пойдем в гардеробную и принесем тебе шубу. Ты пока сиди и отдыхай. (*Усаживает Герду в кресло.*) Вот так. Ты не будешь бояться одна?

Г е р д а. Нет, не буду. Спасибо вам.

П р и н ц. Ты только не ходи на королевскую половину. А на нашей тебя никто не посмеет тронуть.

П р и н ц е с с а. Правда, скоро полночь. А в полночь в этой комнате часто является призрак моего пра-пра-пра-прадедушки Эрика Третьего Отчаянного. Он три-

ста лет назад зарезал свою тетю и с тех пор никак не может успокоиться.

П р и н ц. Но ты не обращай на него внимания.

П р и н ц е с с а. Мы оставим эти канделябры. (*Хлопает в ладоши.*)

Входят д в а л а к е я.

Свету!

Л а к е и исчезают и тотчас же появляются с новыми канделябрами.

П р и н ц. Ну, Герда, не робей.

П р и н ц е с с а. Ну, Герда, мы сейчас.

Г е р д а. Спасибо, Эльза! Спасибо, Клаус! Вы очень славные ребята.

П р и н ц и п р и н ц е с с а убегают, сопровождаемые д в у м я л а к е я м и.

Все-таки я никогда в жизни больше не буду ходить во дворцы. Уж очень они старые. Мурашки-то все так и бегают, так и бегают по спине.

Раздается громкий глубокий звон. Бьют часы.

Полночь... Теперь еще вздумает явиться прапрадедушка. Ну, так и есть, идет. Вот неприятность-то какая! О чем я с ним буду говорить? Шагает. Шагает. Ну да, это он.

Распахивается дверь, и в зал входит высокий, величественный ч е л о в е к в горностаевой мантии и короне.

(*Вежливо, приседая.*) Здравствуйте, пра-пра-пра-прадедушка.

Ч е л о в е к (*некоторое время, откинув голову, глядит на Герду*). Что? Что? Кого?

Г е р д а. Ах, не гневайтесь, умоляю вас. Ведь я, право, не виновата в том, что вы заре... что вы поссорились со своей тетей.

Ч е л о в е к. Да ты, никак, думаешь, что я Эрик Третий Отчаянный?

Г е р д а. А разве это не так, сударь?

Ч е л о в е к. Нет! Перед тобою стоит Эрик Двадцать девятый. Слышишь?

Г е р д а. А вы кого зарезали, сударь?

Ч е л о в е к. Да ты что — смеешься надо мной? Да знаешь ли ты, что когда я гневаюсь, то даже мех на моей мантии и тот встает дыбом?

Г е р д а. Простите, пожалуйста, если я что сказала не так. Я ни разу до сих пор не видела призраков и совершенно не знаю, как с ними обращаться.

Ч е л о в е к. Но я вовсе не призрак!

Г е р д а. А кто же вы, сударь?

Ч е л о в е к. Я король. Отец принцессы Эльзы. Меня нужно называть «ваше величество».

Г е р д а. Ах, простите, ваше величество, я обозналась.

К о р о л ь. Обозналась! Дерзкая девчонка! (*Садится.*) Ты знаешь, который час?

Г е р д а. Двенадцать, ваше величество.

К о р о л ь. Вот то-то и есть. А мне доктора предписали ложиться в десять. И все это из-за тебя.

Г е р д а. Как из-за меня?

К о р о л ь. А... очень просто. Иди сюда, и я тебе все расскажу.

Герда делает несколько шагов и останавливается.

Иди же. Что ты делаешь? Подумай, ты меня, понимаешь — меня, заставляешь ждать. Скорей же!

Г е р д а. Простите, но только я не пойду.

К о р о л ь. Как это?

Г е р д а. Видите ли, друзья мои не советовали мне уходить с половины принцессы.

К о р о л ь. Да не могу же я орать через всю комнату. Иди сюда.

Г е р д а. Не пойду.

К о р о л ь. А я говорю, что ты пойдешь!

Г е р д а. А я говорю, что нет!

К о р о л ь. Сюда! Слышишь ты, цыпленок!

Г е р д а. Я вас очень прошу не кричать на меня. Да, да, ваше величество. Я столько за это время перевидала,

что вовсе и не пугаюсь вас, а только сама тоже начинаю сердиться. Вам, ваше величество, не приходилось, наверное, идти ночью по чужой стране, по незнакомой дороге. А мне приходилось. В кустах что-то воет, в траве что-то кашляет, на небе луна желтая, как желток, совсем не такая, как на родине. А ты все идешь, идешь, идешь. Неужели вы думаете, что после всего этого я буду бояться в комнате?

К о р о л ь. Ах, вот что! Ты не боишься? Ну, тогда давай заключим мир. Люблю храбрецов. Дай руку. Не бойся!

Г е р д а. Я вовсе не боюсь. (*Протягивает королю руку.*)

Король хватает Герду и тащит на свою половину.

К о р о л ь. Эй, стража!

Распахивается дверь. Д в а с т р а ж н и к а вбегают в комнату. Отчаянным движением Герде удается вырваться и убежать на половину принцессы.

Г е р д а. Это мошенничество! Это нечестно!..

К о р о л ь (*стражникам*). Что вы тут стоите и слушаете? Вон отсюда!

С т р а ж н и к и уходят.

Ты что же это делаешь? Ты ругаешь меня, понимаешь — меня, при моих подданных. Ведь это я... Да ты всмотрись: это я, король.

Г е р д а. Ваше величество, скажите, пожалуйста, чего вы ко мне привязались? Я веду себя смирно, никого не трогаю. Что вам от меня надо?

К о р о л ь. Меня разбудила принцесса, говорит: Герда здесь. А твою историю знает весь дворец. Я пришел поговорить с тобою, расспросить, поглядеть на тебя, а ты вдруг не идешь на мою половину. Конечно, я разгневался. Мне обидно стало. И у короля есть сердце, девочка.

Г е р д а. Простите, я вас вовсе не хотела обидеть.

К о р о л ь. Ну да что уж там. Ладно. Я успокоился теперь и, пожалуй, пойду спать.

Г е р д а. Спокойной ночи, ваше величество. Не сердитесь на меня.

К о р о л ь. Что ты, я вовсе не сержусь... Даю тебе в этом честное слово, королевское слово. Ты ищешь мальчика по имени Кей?

Г е р д а. Ищу, ваше величество.

К о р о л ь. Я помогу тебе в твоих поисках. (*Снимает с пальца перстень.*) Это волшебный перстень. Тот, кто владеет им, сразу находит то, что ищет, — вещь или человека, все равно. Слышишь?

Г е р д а. Да, Ваше Величество.

К о р о л ь. Я жалую тебе этот перстень. Возьми его. Ну, чего же ты? Ах. Ты все еще не веришь мне... (*Смеется.*) Какая потешная девочка! Ну вот, смотри. Я вешаю этот перстень на гвоздик, а сам ухожу. (*Добродушно смеется.*) Вот я какой добрый. Спокойной ночи, девочка.

Г е р д а. Спокойной ночи, король.

К о р о л ь. Ну, я ухожу. Видишь? (*Уходит.*)

Г е р д а. Ушел. Как тут быть? (*Делает шаг к черте и останавливается.*) Вон и шаги его затихли. Во всяком случае, пока он добежит от двери до меня, я всегда успею удрать. Ну... Раз, два, три! (*Бежит, хватает перстень.*)

Вдруг в стене, как раз там, где висит перстень, распахивается дверца, и оттуда выскакивают к о р о л ь и с т р а ж н и к и. Они отрезают Герде дорогу на половину принцессы.

К о р о л ь. Что? Чья взяла? Ты забыла, что в каждом дворце есть потайные двери? Взять ее!..

Стражники неуклюже двигаются к Герде. Пытаются схватить ее. Это им не удается. Наконец один из стражников ловит Герду, но вскрикивает и сразу выпускает ее. Герда снова на половине принцессы.

(*Ревет.*) Неповоротливые животные! Разъелись на дворцовых хлебах!

С т р а ж н и к. Она уколола меня иголкой.

К о р о л ь. Вон!

С т р а ж н и к и уходят.

Г е р д а. Стыдно, стыдно, король!

К о р о л ь. Не говори глупостей! Король имеет право быть коварным.

Г е р д а. Стыдно, стыдно!

К о р о л ь. Не смей дразнить меня! Или я перейду на половину принцессы и схвачу тебя.

Г е р д а. Только попробуйте.

К о р о л ь. Дьявол... Ну ладно, я объясню тебе все... Ты оскорбила советника...

Г е р д а. Что? Советника? Он здесь?

К о р о л ь. Ну, конечно, здесь. Ты и эта... твоя бабушка не продали ему там чего-то... Розы, что ли... И теперь он требует, чтобы я заточил тебя в подземелье. Согласись на это! Я сам выберу тебе в подземелье местечко посуше.

Г е р д а. Откуда советник знает, что я здесь?

К о р о л ь. Он следил за тобой. Ну! Соглашайся же... Да войди же ты в мое положение... Я должен этому советнику массу денег. Горы! Я у него в руках. Если я не схвачу тебя, он меня разорит. Он прекратит поставку льда — и мы останемся без мороженого. Он прекратит поставку холодного оружия — и соседи разобьют меня. Понимаешь? Очень прошу, пожалуйста, пойдем в темницу. Теперь уж я говорю совершенно честно, уверяю тебя.

Г е р д а. Я верю, но в темницу ни за что не пойду. Мне надо найти Кея.

Из потайной двери выходит с о в е т н и к. Король вздрагивает.

С о в е т н и к (*смотрит в лорнет*). С вашего позволения, государь, я поражен. Она еще не схвачена?

К о р о л ь. Как видите.

С о в е т н и к (*медленно двигаясь к черте*). Король должен быть: а) холоден, как снег, б) тверд, как лед, и в) быстр, как снежный вихрь.

К о р о л ь. Она на половине принцессы.

С о в е т н и к. Вздор! (*Прыгает за черту, хватает Герду и зажимает ей рот платком.*) Всё!

С к а з о ч н и к (*прыгает из потайной двери*). Нет, это еще не все, советник. (*Отталкивает советника и освобождает Герду.*)

С о в е т н и к. Вы здесь?

С к а з о ч н и к. Да. (*Обнимает Герду.*) Я переодевался до неузнаваемости и следил за каждым шагом вашим, советник. А когда вы уехали из города, я отправился следом.

С о в е т н и к. Зовите стражу, государь.

С к а з о ч н и к (*выхватывает пистолет*). Ни с места, король, иначе я застрелю вас. Молчите... И вы не двигайтесь, советник. Так. Когда мне было восемь лет, я смастерил себе кукольный театр и написал для него пьесу.

Советник внимательно глядит в лорнет на Сказочника.

И в этой пьесе у меня действовал король. «Как говорят короли? — думал я. — Конечно, не так, как все люди». И я достал у соседа-студента немецкий словарь, и в пьесе моей король говорил со своей дочкой так «Дорогая тохтер, садись за дер тыш и кушай ди цукер». И только сейчас наконец я наверняка узнаю, как говорит король с дочерью.

С о в е т н и к (*выхватывает шпагу*). Зовите стражу, государь. Пистолет не выстрелит! Сказочник забыл насыпать на полку порох.

С к а з о ч н и к (*действуя несколько неуклюже, быстро берет под мышку пистолет, выхватывает шпагу и снова целится, левой рукой, в короля*). Ни с места, государь! А вдруг пистолет все-таки выстрелит...

Сказочник сражается с советником, целясь в короля.

Г е р д а (*визжит*). Клаус, Эльза!

С о в е т н и к. Да зовите же стражу, государь! Пистолет не заряжен.

Король. А он говорит, что заряжен.

Советник. Все равно он промахнется.

Король. А ну как не промахнется? Ведь тогда я, понимаете — я, буду убит.

Советник. Ну ладно! Я сам справлюсь с этим нескладным человеком.

Сказочник. Попробуйте! Раз! Ага, задел.

Советник. Нет, мимо.

Сражаясь, они подходят к самой черте. Король с неожиданной легкостью подскакивает и, протянув ногу через пограничную черту, дает Сказочнику подножку.

Сказочник (*падая*). Король! Вы подставили мне ножку?

Король. Ага! (*Бежит, крича.*) Стража! Стража!

Герда. Клаус, Эльза!

Сказочник пробует подняться, но советник приставил ему шпагу к горлу.

Советник. Не кричи и не двигайся, девчонка, иначе я заколю его.

Вбегают два стражника.

Король. Схватите этого человека. Голова его лежит на моей земле.

Советник. И эту девчонку тоже заберите.

Едва стражники успевают сделать шаг, как в комнату вбегают принц и принцесса со своими лакеями. В руках у принца целый ворох шуб. Увидев все происходящее, принц бросает шубы на пол, подлетает к советнику и хватает его за руку. Сказочник вскакивает.

Принц. Это что такое? Мы там задержались, не могли найти ключей, а вы тут обижаете нашу гостью?

Герда. Они хотят заточить меня в темницу.

Принцесса. Пусть только попробуют.

Герда. Король чуть не погубил лучшего моего друга! Он ему подставил ножку. (*Обнимает сказочника.*)

Принцесса. Ах, вот как... Ну, сейчас, государь, вы света невзвидите. Сейчас, сейчас я начну капризничать...

П р и н ц. Некогда! Герда, мы принесли тебе три шубы.

П р и н ц е с с а. Примерь, которая тебе больше подойдет.

П р и н ц. Некогда! Надевай первую попавшуюся! Живей!

Советник шепчется о чем-то с королем. Герда одевается.

Король и повелитель, не советую вам больше трогать нас.

П р и н ц е с с а. Папа, если ты не перестанешь, я никогда в жизни ничего не буду есть за обедом.

П р и н ц. Чего вы там сговариваетесь? Как вам не стыдно связываться с детьми?

К о р о л ь. Мы вовсе не сговариваемся. Мы просто так... болтаем.

П р и н ц. Ну, смотрите!

Входят в о р о н и в о р о н а.

В о р о н и в о р о н а (*хором*). Кар-рета подана!

П р и н ц. Молодцы! Жалую вам за это ленту через плечо и эту самую... подвязку со звоночками.

Ворон и ворона низко кланяются.

Ты готова, Герда? Идем. (*Сказочнику*.) И вы с нами?

С к а з о ч н и к. Нет. Я останусь здесь, и, если советник вздумает пойти за Гердой, я шагу ему не дам ступить. Я догоню тебя, Герда.

С о в е т н и к. Вздор.

П р и н ц е с с а. Ну, смотри, папа!

П р и н ц (*поднимает с пола шубы*). С нами не так-то легко справиться, государь. Идем.

Уходят. Впереди Г е р д а, сопровождаемая л а к е я м и. За нею п р и н ц и п р и н ц е с с а, позади в о р о н и в о р о н а.

К о р о л ь (*стражникам*). Трубите тревогу. (*Уходит большими шагами*.)

Сейчас же раздаются звуки труб и барабанов, свистки, крики, лязг оружия. Звонит большой колокол.

С к а з о ч н и к. Это что еще за шум?

С о в е т н и к. Скоро все будет кончено, сочинитель. Слуги короля нападут на Герду и схватят ее.

С к а з о ч н и к. Не схватят. Эти разжиревшие лакеи не так-то ловки, советник.

С о в е т н и к. Схватят. Ну, какова сила золота, сказочник? Довольно мне было сказать слово — и вот весь огромный дворец гудит и ходит ходуном.

С к а з о ч н и к. Весь огромный дворец ходит ходуном и гудит из-за маленькой девочки, у которой нет ни гроша. При чем же тут золото?

С о в е т н и к. А при том, что девчонка попадет в темницу.

С к а з о ч н и к. А я уверен, что она убежит.

Входит к о р о л ь.

К о р о л ь. Ее схватили.

С к а з о ч н и к. Как?

К о р о л ь. А очень просто. Когда поднялась тревога, они погасили свет, думая скрыться в темноте, но мои храбрые солдаты поймали вашу Герду.

Стук в дверь.

Ее привели! Войдите.

Входит с т р а ж н и к и вводит Г е р д у. Она плачет, закрывая лицо муфтой.

Ну вот, то-то и есть! Чего тут плакать, я не понимаю. Ведь я тебя не съем, а просто заточу в темницу.

С к а з о ч н и к. Герда! Герда!

К о р о л ь (*торжествуя*). Вот то-то и есть!

Стук в дверь.

Кто там еще? Войдите!

Входит с т р а ж н и к и вводит еще одну Г е р д у. Она тоже плачет, закрывая лицо муфтой.

Ну вот, так я и знал. Все эти хлопоты свели меня с ума. Две!

Обе Герды опускают муфты. Это принц и принцесса. Они хохочут.

Советник. Принц и принцесса?

Сказочник (*торжествуя*). Вот то-то и есть!

Король. Да как же это так?

Принц. А очень просто. Вы видели, что мы принесли для Герды три шубы. Она надела одну...

Принцесса. А мы в темноте — остальные.

Принц. И стража погналась за нами.

Принцесса. А Герда мчится себе в карете.

Принц. И вам не догнать ее. Ни за что!

Сказочник. Молодцы!

Король. Я с вами еще посчитаюсь, любезный!

Советник. Да уж вы-то ее во всяком случае не догоните, сочинитель.

Принцесса. Что такое?

Принц. Это мы еще посмотрим!

Сказочник. Вы проиграли, советник.

Советник. Игра еще не кончилась, сочинитель!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сказочник (*появляется перед занавесом*). Крибле-крабле-бумс — все идет отлично. Король и советник хотели было схватить меня. Еще миг — и пришлось бы сидеть мне в подземелье да сочинять сказки про тюремную крысу и тяжелые цепи. Но Клаус напал на советника, Эльза — на короля, и — крибле-крабле-бумс — я свободен, я шагаю по дороге. Все идет отлично. Советник испугался. Там, где дружба, верность, горячее сердце, ему ничего не поделать. Он отправился домой; Герда едет в карете на четверке вороных, и —

крибле-крабле-бумс — бедный мальчик будет спасен. Правда, карета, к сожалению, золотая, а золото — очень тяжелая вещь. Поэтому кони везут карету не так чтобы уж очень быстро. Но зато я догнал ее! Девочка спит, а я не мог удержаться и побежал вперед пешком. Я шагаю без устали — левой, правой, левой, правой, — только искры летят из-под каблуков. Хоть и поздняя осень уже, но небо чистое, сухо, деревья стоят в серебре — это постарался первый морозец. Дорога идет лесом. Те птицы, которые опасаются простуды, уже улетели на юг, но — крибле-крабле-бумс — как весело, как бодро насвистывают те, что не боятся прохлады. Просто душа радуется. Одну минуту! Прислушайтесь! Мне хочется, чтобы и вы услышали птиц. Слышите?

Раздается длинный, пронзительный, зловещий свист. Вдали ему отвечает другой.

Что такое? Да это совсем не птицы.

Раздается зловещий далекий хохот, улюлюканье, крик.

(*Достает пистолет и оглядывает его.*) Разбойники! А карета едет без всякой охраны. (*Озабоченно.*) Крибле-крабле-бумс... (*Скрывается в разрезе занавеса.*)

Полукруглая комната, видимо расположенная внутри башни. Когда занавес поднимается, комната пуста. За дверью кто-то свистит трижды. Ему отвечают три других свистка. Двери открываются, и в комнату входит первый разбойник. Он ведет за руку человека в плаще. Глаза человека завязаны платком. Концы платка опускаются на лицо человека, так что зрителю оно не видно. Сейчас же открывается вторая дверь, и в комнату входит пожилая женщина в очках. Широкополая разбойничья шляпа надета набекрень. Она курит трубку.

Атаманша. Сними с него платок.

Первый разбойник. Прошу. (*Снимает платок с человека в плаще. Это советник*).

Атаманша. Что вам нужно?

Советник. Здравствуйте, сударыня. Мне нужно видеть атамана разбойников.

А т а м а н ш а. Это я.

С о в е т н и к. Вы?

А т а м а н ш а. Да. После того как умер от простуды мой муж, дело в свои руки взяла я. Чего вы хотите?

С о в е т н и к. Я хочу вам сказать несколько слов по секрету.

А т а м а н ш а. Иоганнес, вон!

П е р в ы й р а з б о й н и к. Повинуюсь! (*Идет к двери.*)

А т а м а н ш а. Только не подслушивай, а то я тебя застрелю.

П е р в ы й р а з б о й н и к. Да что вы, атаманша! (*Уходит.*)

А т а м а н ш а. Если только вы меня обеспокоили по пустякам, вам отсюда не уйти живым.

С о в е т н и к. Вздор! Мы с вами прекрасно сговоримся.

А т а м а н ш а. Валяйте, валяйте!

С о в е т н и к. Я вам могу указать на великолепную добычу.

А т а м а н ш а. Ну?

С о в е т н и к. Сейчас по дороге проедет золотая карета, запряженная четверкой вороных коней; она из королевской конюшни.

А т а м а н ш а. Кто в карете?

С о в е т н и к. Девчонка.

А т а м а н ш а. Есть охрана?

С о в е т н и к. Нет.

А т а м а н ш а. Так. Однако... карета в самом деле золотая?

С о в е т н и к. Да. И поэтому едет она тихо. Она близко, я совсем недавно обогнал ее. Им не удрать от вас.

А т а м а н ш а. Так. Какую долю добычи вы требуете?

С о в е т н и к. Вы должны будете отдать мне девчонку..

А т а м а н ш а. Вот как?

С о в е т н и к. Да. Это нищая девчонка, вам не дадут за нее выкупа.

А т а м а н ш а. Нищая девчонка едет в золотой карете?

С о в е т н и к. Карету ей дал на время принц Клаус. Девчонка — нищая. У меня есть причины ненавидеть ее. Вы мне выдадите девчонку, и я увезу ее.

А т а м а н ш а. Увезете... Значит, вы тоже приехали сюда в карете?

С о в е т н и к. Да.

А т а м а н ш а. В золотой?

С о в е т н и к. Нет.

А т а м а н ш а. А где стоит ваша карета?

С о в е т н и к. Не скажу.

А т а м а н ш а. Жаль. Мы бы и ее забрали тоже. Так вы хотите увезти девчонку?

С о в е т н и к. Да. Впрочем, если вы настаиваете, я могу и не увозить ее. При одном условии: девчонка должна остаться здесь навсегда.

А т а м а н ш а. Ладно, там видно будет. Карета близко?

С о в е т н и к. Очень близко.

А т а м а н ш а. Ага! (*Закладывает пальцы в рот и оглушительно свистит.*)

Вбегает п е р в ы й р а з б о й н и к.

П е р в ы й р а з б о й н и к. Что прикажете?

А т а м а н ш а. Лестницу и подзорную трубу.

П е р в ы й р а з б о й н и к. Слушаю-с!

Атаманша взбирается на стремянную лестницу и глядит в бойницу.

А т а м а н ш а. Ага! Ну, я вижу, вы не соврали. Карета едет по дороге и вся так и сверкает.

С о в е т н и к (*потирает руки*). Золото!

А т а м а н ш а. Золото!

П е р в ы й р а з б о й н и к. Золото!

А т а м а н ш а. Труби сбор. (*Свистит.*)

П е р в ы й р а з б о й н и к. Повинуюсь. (*Трубит в трубу, которую снимает с гвоздя на стене.*)

Ему отвечают трубы за стеной, дробь барабана, шум шагов на лестнице, лязг оружия.

А т а м а н ш а (*опоясываясь мечом*). Иоганнес! Пришли сюда кого-нибудь. Нужно стать на часах возле этого человека.

С о в е т н и к. Зачем?

А т а м а н ш а. Нужно. Иоганнес, ты слышишь, что я сказала?

П е р в ы й р а з б о й н и к. Никто не пойдет, атаманша.

А т а м а н ш а. Почему?

П е р в ы й р а з б о й н и к. Разбойники — нетерпеливые люди. Узнавши про золотую карету, они прямо обезумели. Ни один не останется, так они спешат захватить карету.

А т а м а н ш а. Откуда все знают о карете? Ты подслушивал?

П е р в ы й р а з б о й н и к. Я — нет. Они — да.

А т а м а н ш а. Тогда пришли этого... бородача, который пришел проситься в разбойники. Он новичок, он придет.

П е р в ы й р а з б о й н и к. Попробую. Но только... Это у нас он новичок. А вообще же это старый разбойник. Я разговаривал с ним. Он тоже обезумел и ревет не хуже других. Хороший парень, свирепый.

А т а м а н ш а. Ничего, послушается. А не послушается — застрелим. Ступай.

Первый разбойник уходит.

Ну, любезный друг. Если вы обманули нас, если мы возле кареты встретим засаду, вам не выйти отсюда живым.

С о в е т н и к. Вздор! Торопитесь же! Карета совсем близко.

А т а м а н ш а. Не учите меня!

Стук в дверь.

Войди!

Входит бородатый ч е л о в е к свирепого вида.

Ты не поедешь с нами!

Б о р о д а ч. Атаманша! Возьмите меня! Уж я так буду стараться, что только искры полетят. В бою я — зверь.

А т а м а н ш а. Там не будет боя. Охраны нет. Кучер, лакей да девчонка.

Б о р о д а ч. Девчонка! Возьмите меня, атаманша. Я ее заколю.

А т а м а н ш а. Зачем?

Б о р о д а ч. С детства ненавижу детей.

А т а м а н ш а. Мало ли что. Ты останешься здесь. Следи за этим человеком и, если он вздумает бежать, убей его! Не возражай — застрелю.

Б о р о д а ч. Ну ладно...

А т а м а н ш а. Смотри же. (*Идет к двери.*)

Б о р о д а ч. Ни пуха вам, ни пера.

А т а м а н ш а уходит.

С о в е т н и к (*очень доволен, напевает*). Дважды два — четыре, все идет разумно. Дважды два — четыре, все идет как должно!

Издали доносится голос атаманши: «По коням!». Удаляющийся топот копыт.

Пятью пять — двадцать пять, слава королеве. Шестью шесть — тридцать шесть, горе дерзким детям. (*Обращается к разбойнику.*) Ты тоже не любишь детей, разбойник?

Б о р о д а ч. Ненавижу.

С о в е т н и к. Молодец!

Б о р о д а ч. Я держал бы всех детей в клетке, пока они не вырастут.

С о в е т н и к. Очень разумная мысль. Ты давно в этой шайке?

Б о р о д а ч. Не очень. С полчаса всего. Я тут долго не пробуду. Я все время перехожу из шайки в шайку. Ссорюсь. Я человек отчаянный.

С о в е т н и к. Прекрасно! Ты мне можешь пригодиться для одного дельца!

Б о р о д а ч. За деньги?

С о в е т н и к. Конечно.

Издали доносятся крики.

Ага! (*Идет к стремянке.*) Я хочу взглянуть, что там делается.

Б о р о д а ч. Валяйте!

С о в е т н и к (*поднимается к бойницам и смотрит в подзорную трубу*). Это очень смешно! Кучер пробует погнать лошадей вскачь, но золото — тяжелая вещь.

Б о р о д а ч. А наши?

С о в е т н и к. Окружают карету. Кучер бежит. Они хватают девчонку. Ха-ха-ха! А это кто удирает? Сказочник! Беги, беги, герой! Отлично!

Взрыв криков.

Всё. Сказочник убит. (*Слезает с лестницы. Напевает.*) Все идет как должно, дважды два — четыре.

Б о р о д а ч. Надеюсь, девчонку-то они не убили?

С о в е т н и к. Как будто бы нет. А что?

Б о р о д а ч. Мне хочется это сделать самому.

С о в е т н и к (*кладет руку на плечо бородачу*). Разбойник, ты мне нравишься.

Б о р о д а ч. Какие у вас холодные руки, я чувствую это даже через одежду.

С о в е т н и к. Я всю жизнь возился со льдом. Нормальная моя температура — тридцать три и две. Здесь нет детей?

Б о р о д а ч. Конечно, нет!

С о в е т н и к. Отлично!

Слышен приближающийся стук копыт.

Едут! Едут! Здесь нет детей, гадкая девчонка, сказочник убит — кто за тебя заступится?

Шум, крики. Распахивается дверь. В комнату входят атаманша и первый разбойник. За ними — толпа разбойников. Они ведут Герду.

Атаманша. Эй, ты, незнакомец! Ты свободен! Ты не обманул нас!

Советник. Напоминаю вам о нашем условии, атаманша. Отдайте мне девчонку!

Атаманша. Можешь забрать ее с собой.

Герда. Нет, нет!

Советник. Молчи! Здесь за тебя никто не заступится. Твой друг сочинитель убит.

Герда. Убит?

Советник. Да. Это очень хорошо. У вас найдется веревка, атаманша? Надо будет связать девчонку по рукам и ногам.

Атаманша. Это можно. Иоганнес, свяжи ее!

Герда. Подождите, милые разбойники, подождите минуточку!

Разбойники хохочут.

Я вам вот что хотела сказать, разбойники. Возьмите мою шубу, шапку, перчатки, муфту, меховые сапожки, а меня отпустите, и я пойду своей дорогой.

Разбойники хохочут.

Разбойники, ведь я ничего смешного не сказала. Взрослые часто смеются неизвестно почему. Но вы попробуйте не смеяться. Пожалуйста, разбойники. Мне очень хочется, чтобы вы послушались меня.

Разбойники хохочут.

Вы все-таки смеетесь? Когда хочешь очень хорошо говорить, то, как нарочно, мысли путаются в голове и все нужные слова разбегаются. Ведь есть же на свете слова, от которых даже разбойники могут сделаться добрыми...

Разбойники хохочут.

П е р в ы й р а з б о й н и к. Да, есть такие слова, от которых даже разбойники добреют. Это: «Возьмите десять тысяч талеров выкупа».

С о в е т н и к. Разумно.

Разбойники хохочут.

Г е р д а. Но ведь я бедная. Ах, не отдавайте, не отдавайте меня этому человеку! Вы ведь не знаете его, вы не понимаете, какой он страшный.

С о в е т н и к. Вздор! Мы с ними прекрасно понимаем друг друга.

Г е р д а. Отпустите меня. Ведь я маленькая девочка, я уйду потихонечку, как мышка, вы даже и не заметите. Без меня погибнет Кей — он очень хороший мальчик. Поймите меня! Ведь есть же у вас друзья!

Б о р о д а ч. Довольно, девочка, ты надоела мне! Не трать слов. Мы люди серьезные, деловые, у нас нет ни друзей, ни жен, ни семьи; жизнь научила нас, что единственный верный друг — золото!

С о в е т н и к. Разумно сказано. Вяжите ее.

Г е р д а. Ах, лучше выдерите меня за уши или отколотите, если вы такие злые, но только отпустите! Да неужели же здесь нет никого, кто заступился бы за меня?

С о в е т н и к. Нет! Вяжите ее.

Внезапно распахивается дверь, и в комнату вбегает д е в о ч к а, крепкая, миловидная, черноволосая. За плечами у нее ружье. Она бросается к атаманше.

(*Вскрикивает.*) Здесь есть дети?

А т а м а н ш а. Здравствуй, дочь! (*Дает девочке щелчок в нос.*)

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Здравствуй, мать! (*Отвечает ей тем же.*)

А т а м а н ш а. Здравствуй, козочка! (*Щелчок.*)

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Здравствуй, коза! (*Отвечает ей тем же.*)

А т а м а н ш а. Как поохотилась, дочь?

Маленькая разбойница. Отлично, мать. Подстрелила зайца. А ты?

Атаманша. Добыла золотую карету, четверку вороных коней из королевской конюшни и маленькую девочку.

Маленькая разбойница (*вскрикивает*). Девочку? (*Замечает Герду.*) Правда!.. Молодец мать! Я беру девочку себе.

Советник. Я протестую.

Маленькая разбойница. А это еще что за старый сухарь?!

Советник. Но...

Маленькая разбойница. Я тебе не лошадь, не смей говорить мне «но»! Идем, девочка! Не дрожи, я этого терпеть не могу.

Герда. Я не от страху. Я очень обрадовалась.

Маленькая разбойница. И я тоже. (*Треплет Герду по щеке.*) Ах ты мордашка... Мне ужасно надоели разбойники. Ночью они грабят, а днем сонные как мухи. Начнешь с ними играть, а они засыпают. Приходится их колоть ножом, чтобы они бегали. Идем ко мне.

Советник. Я протестую, протестую, протестую!

Маленькая разбойница. Мама, застрели-ка его!.. Не бойся, девочка: пока я с тобой не поссорилась, никто тебя и пальцем не тронет. Ну, идем ко мне! Мама, что я тебе сказала, стреляй же! Идем, девочка...

Уходят.

Советник. Что это значит, атаманша? Вы нарушаете наши условия.

Атаманша. Да. Раз моя дочь взяла девочку себе — я ничего не могу поделать. Я дочери ни в чем не отказываю. Детей надо баловать — тогда из них вырастают настоящие разбойники.

Советник. Но, атаманша! Смотрите, атаманша!..

А т а м а н ш а. Довольно, любезный! Радуйтесь и тому, что я не исполнила дочкиной просьбы и не подстрелила вас. Уходите, пока не поздно.

Раздается глубокий, низкий, мелодичный звон.

Ага! Это звенит золотая карета. Ее подвезли к башне. Идем, разобьем ее на куски да поделим. (*Идет к двери.*)

Разбойники с ревом устремляются за атаманшей. Советник задерживает бородача. Все уходят, кроме них двоих.

С о в е т н и к. Не спеши!

Б о р о д а ч. Но ведь там будут делить золото.

С о в е т н и к. Ты ничего не потеряешь. Ты должен будешь заколоть одну из этих девчонок.

Б о р о д а ч. Которую?

С о в е т н и к. Пленницу.

Раздается низкий, мелодичный звон, похожий на удары большого колокола, звон продолжается во все время их разговора.

Б о р о д а ч. Они раскалывают карету!

С о в е т н и к. Говорят тебе, ты ничего не потеряешь, я заплачу тебе.

Б о р о д а ч. Сколько?

С о в е т н и к. Не обижу.

Б о р о д а ч. Сколько? Я не мальчик, я знаю, как делаются дела.

С о в е т н и к. Десять талеров.

Б о р о д а ч. Прощай!

С о в е т н и к. Погоди! Ты же ненавидишь детей. Заколоть мерзкую девчонку — это ведь одно удовольствие.

Б о р о д а ч. Не следует говорить о чувствах, когда делаются дела.

С о в е т н и к. И это говорит благородный разбойник!

Б о р о д а ч. Благородные разбойники были когда-то, да повымерли. Остались ты да я. Дело есть дело... Тысячу талеров!

С о в е т н и к. Пятьсот...

Б о р о д а ч. Тысячу!..

С о в е т н и к. Семьсот...

Б о р о д а ч. Тысячу! Кто-то идет. Решай скорей!

С о в е т н и к. Ладно. Пятьсот сейчас, пятьсот — когда дело будет сделано.

Б о р о д а ч. Нет. Имей в виду: кроме меня, никто не возьмется за это. Мне все равно тут не жить, а остальные боятся маленькой разбойницы!

С о в е т н и к. Ладно. Бери! (*Передает бородачу пачку денег.*)

Б о р о д а ч. Отлично.

С о в е т н и к. И не медли.

Б о р о д а ч. Ладно.

Звон затихает. Распахивается дверь, входят Г е р д а и м а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Герда, увидев советника, вскрикивает.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а (*выхватив из-за пояса пистолет, целится в советника*). Ты здесь еще? Вон отсюда!

С о в е т н и к. Но я протестую...

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Ты, видно, только одно слово и знаешь: «протестую» да «протестую». Я считаю до трех. Если не уберешься — стреляю... Раз...

С о в е т н и к. Слушайте...

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Два...

С о в е т н и к. Но ведь...

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Три!

С о в е т н и к убегает.

(*Хохочет.*) Видишь? Я ведь говорила: пока мы не поссоримся, тебя никто не тронет. Да если даже мы и поссоримся, то я никому тебя не дам в обиду. Я сама тебя тогда убью: ты мне очень, очень понравилась.

Б о р о д а ч. Позвольте мне, маленькая разбойница, сказать два слова вашей новой подруге.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Что такое?

Б о р о д а ч. О, не сердитесь, пожалуйста. Я ей хотел сказать два слова, только два слова по секрету.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Я терпеть не могу, когда мои подруги секретничают с чужими. Убирайся вон отсюда!

Б о р о д а ч. Однако...

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а (*целится в него из пистолета*). Раз!

Б о р о д а ч. Слушайте!..

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Два!

Б о р о д а ч. Но ведь...

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Три!

Б о р о д а ч выбегает вон.

Ну, вот и все. Теперь, надеюсь, взрослые не будут нам больше мешать. Ты мне очень, очень нравишься, Герда. Твою шубку, перчатки, меховые сапожки и муфту я возьму себе. Ведь подруги должны делиться. Тебе жалко?

Г е р д а. Нет, нисколько. Но я боюсь, что замерзну насмерть, когда попаду в страну Снежной королевы.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Ты не поедешь туда! Вот еще глупости: только что подружились — и вдруг уезжать. У меня есть целый зверинец: олень, голуби, собаки, но ты мне больше нравишься, Герда. Ах ты, моя мордашка! Собак я держу во дворе: они огромные, могут проглотить человека. Да они часто так и делают. А олень тут. Сейчас я тебе его покажу. (*Открывает верхнюю половину одной из дверей в стене.*) Мой олень умеет прекрасно говорить. Это редкий олень — северный.

Г е р д а. Северный?

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Да. Сейчас я покажу тебе его. Эй, ты! (*Свистит.*) Поди сюда! Ну, живо! (*Хохочет.*) Боится! Я каждый вечер щекочу ему шею острым ножом. Он так уморительно дрожит, когда я это делаю! Ну, иди же! (*Свистит.*) Ты знаешь меня! Знаешь, что я все равно заставлю тебя подойти...

В верхней половине двери показывается рогатая голова северного оленя.

Видишь, какой смешной! Ну, скажи же что-нибудь... Молчит. Никогда не заговорит сразу. Эти северяне такие молчаливые. (*Достает из ножен большой нож. Проводит по шее оленя.*) Ха-ха-ха! Видишь, как потешно он прыгает?

Г е р д а. Не надо.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Отчего? Ведь это очень весело!

Г е р д а. Я хочу спросить его. Олень, ты знаешь, где страна Снежной королевы?

Олень кивает головой.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Ах, знаешь — ну, тогда убирайся вон! (*Захлопывает окошечко.*) Я все равно не пущу тебя туда, Герда.

Входит а т а м а н ш а. За нею несет зажженный факел б о р о д а ч. Он укрепляет факел в стене.

А т а м а н ш а. Дочь, стемнело, мы уезжаем на охоту. Ложись спать.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Ладно. Мы ляжем спать, когда наговоримся.

А т а м а н ш а. Советую тебе девочку уложить здесь.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Она ляжет со мной.

А т а м а н ш а. Как знаешь! Но смотри! Ведь если она нечаянно толкнет тебя во сне, ты ударишь ее ножом.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Да, это верно. Спасибо, мать. (*Бородачу.*) Эй, ты! Приготовь здесь девочке постель. Возьми соломы в моей комнате.

Б о р о д а ч. Повинуюсь. (Уходит.)

А т а м а н ш а. Он останется сторожить вас. Он, правда, новичок, но за тебя я мало беспокоюсь. Ты сама справишься с сотней врагов. До свидания, дочь. (*Дает ей щелчок в нос.*)

Маленькая разбойница. До свидания, мать! (*Отвечает ей тем же.*)

Атаманша. Спи спокойно, козочка. (*Щелчок.*)

Маленькая разбойница. Ни пуха ни пера, коза. (*Отвечает ей тем же.*)

Атаманша уходит, бородач стелет постель.

Герда. Я хочу поговорить с оленем.

Маленькая разбойница. Но ведь ты потом опять начнешь просить, чтобы я отпустила тебя.

Герда. Я только хочу спросить — а вдруг олень видел Кея. (*Вскрикивает.*) Ай-ай-ай!

Маленькая разбойница. Что ты?

Герда. Этот разбойник дернул меня за платье!

Маленькая разбойница (*бородачу*). Ты как посмел это сделать? Зачем?

Бородач. Прошу прощения, маленькая атаманша. Я стряхнул жука, который полз по ее платью.

Маленькая разбойница. Жука!.. Я тебе покажу, как пугать моих подруг. Постель готова? Тогда — вон отсюда! (*Целится в него из пистолета.*) Раз, два, три!

Бородач уходит.

Герда. Девочка! Поговорим с оленем... Два слова... Только два слова!

Маленькая разбойница. Ну уж ладно, будь потвоему. (*Открывает верхнюю половину двери.*) Олень! Сюда! Да живее! Я не буду тебя щекотать ножом.

Показывается олень.

Герда. Скажи мне, пожалуйста, олень, ты видел Снежную королеву?

Олень кивает головой.

А скажи, пожалуйста, не видел ли ты когда-нибудь вместе с нею маленького мальчика?

Олень кивает головой.

Герда и маленькая разбойница (*схватившись за руки, пораженные, друг другу*). Видел!

Маленькая разбойница. Говори сейчас же, как это было.

Олень (*говорит тихо, низким голосом, с трудом подбирая слова*). Я… прыгал по снежному полю… Было совсем светло… потому что… сияло северное сияние… И вдруг… я увидел: летит Снежная королева… Я ей сказал: здравствуйте… А она ничего не ответила… Она разговаривала с мальчиком. Он был совсем белый от холода, но улыбался… Большие белые птицы несли его санки…

Герда. Санки! Значит, это был действительно Кей.

Олень. Это был Кей — так звала его королева.

Герда. Ну вот, так я и знала. Белый от холода! Надо растереть его рукавицей и потом дать ему горячего чаю с малиной. Ах, я избила бы его! Глупый мальчишка! Может, он превратился теперь в кусок льда. (*Маленькой разбойнице.*) Девочка, девочка, отпусти меня!

Олень. Отпусти! Она сядет ко мне на спину, и я довезу ее до самой границы владений Снежной королевы. Там моя родина.

Маленькая разбойница (*захлопывает дверцу*). Довольно, наговорились, пора спать. Не смей на меня смотреть так жалобно, а то я застрелю тебя. Я с тобой не поеду, потому что терпеть не могу холода, а одна я здесь не могу жить. Я к тебе привязалась. Понимаешь?

Голос оленя (*за дверью*). Отпусти…

Маленькая разбойница. Спи! И ты ложись спать. Ни слова больше! (*Убегает к себе и сейчас же возвращается с веревкой в руках.*) Я привяжу тебя тройным секретным разбойничьим узлом к этому кольцу в стене. (*Привязывает Герду.*) Веревка длинная, она не помешает тебе спать. Вот и все. Спи, моя крошечка, спи, моя миленькая. Я отпустила бы тебя, но — сама посуди — разве я в силах расстаться с тобой! Ни слова! Ложись! Так… Я всегда засыпаю сразу, я все делаю быстро. И ты сразу

же усни. Веревку и не пробуй развязывать. Ножа у тебя нет?

Г е р д а. Нет.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Вот и умница. Молчи. Спокойной ночи! (*Убегает к себе.*)

Г е р д а. Ах ты, глупый, бедный маленький Кей!

О л е н ь (*за дверцей*). Девочка!

Г е р д а. Что?

О л е н ь. Давай убежим. Я увезу тебя на север.

Г е р д а. Но я привязана.

О л е н ь. Это ничего. Ты ведь счастливая: у тебя есть пальцы. Это я своими копытами не могу развязать узла.

Г е р д а (*возится с веревкой*). Ничего мне не сделать.

О л е н ь. Там так хорошо... Мы помчались бы по огромному снежному полю... Свобода... Свобода... Северное сияние освещало бы дорогу.

Г е р д а. Скажи, олень, Кей был очень худой?

О л е н ь. Нет. Он был довольно полненький... Девочка, девочка, бежим!

Г е р д а. Когда я спешу, у меня руки дрожат.

О л е н ь. Тише! Ложись!

Г е р д а. А что?

О л е н ь. У меня чуткие уши. Кто-то крадется по лестнице. Ложись!

Герда ложится. Пауза. Дверь медленно приоткрывается. Показывается голова б о р о д а ч а. Он оглядывается, потом входит в комнату и закрывает за собой дверь. Тихо крадется к Герде.

Г е р д а (*вскакивает*). Что вам надо?

Б о р о д а ч. Умоляю тебя, ни слова! Я пришел спасти тебя. (*Подбегает к Герде и взмахивает ножом.*)

Г е р д а. Ах!

Б о р о д а ч. Тише! (*Перерезает веревку.*)

Г е р д а. Кто вы?

Бородач срывает бороду и нос. Это С к а з о ч н и к.

Это вы? Вы ведь убиты!

С к а з о ч н и к. Ранен не я, а лакей, которому я отдал свой плащ. Бедняга ужасно мерз на запятках кареты.

Г е р д а. Но как вы попали сюда?

С к а з о ч н и к. Я намного обогнал твою карету и услышал разбойничий свист. Что делать? Лакей, кучер, я — нам не отстоять золотой кареты от жадных разбойников. Тогда я переоделся разбойником.

Г е р д а. Но откуда вы взяли бороду и нос?

С к а з о ч н и к. Они давно со мной. Когда я в городе следил за советником, то всегда переодевался до неузнаваемости. Борода и нос остались в кармане и сослужили мне чудесную службу. У меня тысяча талеров... Бежим! В ближайшей деревне мы найдем лошадей...

Топот копыт.

Что это? Они возвращаются?

Шаги.

Ложись!

В комнату входят п е р в ы й р а з б о й н и к и а т а м а н ш а.

А т а м а н ш а. Это еще кто?

С к а з о ч н и к. Что за вопрос? Вы не узнаете меня, атаманша?

А т а м а н ш а. Нет.

С к а з о ч н и к (*тихо*). Ах, черт... Я забыл надеть бороду... (*Громко.*) Я побрился, атаманша!

П е р в ы й р а з б о й н и к. Да ты и нос побрил, приятель!.. О-гей! Сюда!

Вбегают р а з б о й н и к и.

Глядите, товарищи, как изменился наш друг бородач!

Р а з б о й н и к и. Полицейская собака! Ищейка! Сыщик!

П е р в ы й р а з б о й н и к. Какая прекрасная поездка, друзья. Едва выехали, как поймали четырех купцов; едва вернулись — поймали сыщика.

Г е р д а (*вскрикивает*). Это мой друг! Он пришел сюда, рискуя своей жизнью, чтобы спасти меня!

Разбойники хохочут.

Нет уж. Довольно вы смеялись! Девочка! Девочка!

П е р в ы й р а з б о й н и к. Зови, зови ее. Она разом застрелит тебя за то, что ты хотела удрать.

Г е р д а. Сюда! Помоги!

Вбегает м а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а с пистолетом в руке.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Что случилось? Что такое? Кто посмел обидеть тебя? Кто это?

Г е р д а. Это мой друг, сказочник. Он пришел, чтобы спасти меня.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. И ты хотела бежать? Так вот ты какая!

Г е р д а. Я оставила бы тебе записку.

Разбойники хохочут.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Вон отсюда все! (*Наступает на разбойников.*) И ты, мама, уйди! Идите! Идите, делите добычу!

Разбойники хохочут.

Прочь! (*Наступает на них.*)

Р а з б о й н и к и и а т а м а н ш а уходят.

Эх, Герда, Герда. Я бы, может быть или даже наверное, сама тебя отпустила завтра.

Г е р д а. Прости.

Маленькая разбойница открывает дверь в зверинец. Скрывается там на миг. Выходит и выводит оленя.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Он очень смешил меня, да, видно, ничего не поделаешь. Возьми шубу, шапку, сапожки. А муфту и перчатки я тебе не отдам. Они мне очень уж понравились. Вот тебе вместо них — безобразные рукавицы моей матушки. Садись верхом. Поцелуй меня.

Г е р д а (*целует ее*). Спасибо.

О л е н ь. Спасибо!

С к а з о ч н и к. Спасибо!

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а (*сказочнику*). А ты меня за что благодаришь? Герда, это и есть твой друг, который знает так много сказок?

Г е р д а. Да.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Он останется со мной. Он будет развлекать меня, пока ты не вернешься.

С к а з о ч н и к. Я...

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Кончено. Скачи, скачи, олень, пока я не передумала.

О л е н ь (*на бегу*). Прощай!

Г е р д а. До свидания!

Исчезают.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Ну, чего ж ты стоишь? Говори! Рассказывай сказку, да посмешнее. Если ты меня не рассмешишь, я застрелю тебя. Ну? Раз... два...

С к а з о ч н и к. Но послушайте...

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Три!

С к а з о ч н и к (*чуть не плача*). Много лет назад жил-был снежный болван. Стоял он во дворе, как раз против кухонного окна. Когда в плите вспыхивал огонь, снежный болван вздрагивал от волнения. И вот однажды он сказал... Бедная девочка! Бедная Герда! Там кругом льды, ветер ревет и ревет. Между ледяными горами бродит Снежная королева... А Герда, маленькая Герда там одна...

Маленькая разбойница вытирает слезы ручкой пистолета.

Но не надо плакать. Нет, не надо! Честное слово, все еще, может быть, кончится ничего себе... Честное слово!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В разрезе занавеса показывается голова северного оленя. Он оглядывается во все стороны. Дальше не идет. Следом за ним выходит Герда.

Герда. Вот здесь и начинается страна Снежной королевы?

Олень кивает головой.

Дальше ты не смеешь идти?

Олень кивает головой.

Ну, тогда до свидания. Большое тебе спасибо, олень. (*Целует его.*) Беги домой.

Олень. Подожди.

Герда. Чего ждать? Нужно идти не останавливаясь, ведь тогда гораздо скорее придешь.

Олень. Подожди, Снежная королева очень злая...

Герда. Я знаю.

Олень. Здесь жили когда-то люди, множество людей — и все они бежали на юг, прочь от нее. Теперь вокруг только снег и лед, лед и снег. Это могущественная королева.

Герда. Я знаю.

Олень. И ты все-таки не боишься?

Герда. Нет.

Олень. Здесь холодно, а дальше будет еще холодней. Стены дворца Снежной королевы сделаны из метелей, окна и двери из ледяного ветра, а крыша из снеговых туч.

Герда. Покажи, пожалуйста, куда мне идти.

Олень. Идти нужно прямо на север, никуда не сворачивая. Говорят, что Снежной королевы сегодня нет дома, беги, пока она не вернулась, беги, ты согреешься на бегу. До дворца отсюда всего две мили.

Герда. Значит, Кей так близко! До свидания! (*Бежит.*)

О л е н ь. До свидания, девочка.

Г е р д а скрывается.

Ах, если бы она была сильна, как двенадцать оленей... Но нет... Что может сделать ее сильней, чем она есть? Полмира обошла она, и ей служили и люди, и звери, и птицы. Не у нас занимать ей силу, — сила в ее горячем сердце. Я не уйду. Я подожду ее тут. И если девочка победит — я порадуюсь, а если погибнет — запла́чу.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Занавес открывается. Зал во дворце Снежной королевы. Стены дворца состоят из снежинок, которые вертятся и вьются со страшной быстротой. На большом ледяном троне сидит К е й. Он бледен. В руках у него длинная ледяная палка. Он сосредоточенно перебирает палкой плоские, остроконечные льдинки, лежащие у подножия трона. Когда открывается занавес, на сцене тихо. Слышно только, как глухо и однообразно воет ветер. Но вот издали раздается голос Герды.

Г е р д а. Кей, Кей, я здесь!

Кей продолжает свою работу.

Кей! Отзовись, Кей! Здесь так много комнат, что я заблудилась.

Кей молчит. Голос Герды все ближе.

Кей, дорогой, здесь так пусто! Тут некого спросить, как пройти к тебе. Кей!

Кей молчит.

Кей, неужели ты совсем замерз? Скажи хоть слово. Когда я думаю, что ты, может быть, замерз, у меня подгибаются ноги. Если ты не ответишь, я упаду.

Кей молчит.

Пожалуйста, Кей, пожалуйста... (*Вбегает в зал и останавливается как вкопанная.*) Кей! Кей!

К е й (*сухо, глуховатым голосом*). Тише, Герда. Ты сбиваешь меня.

Г е р д а. Кей, милый, это я!

К е й. Да.

Г е р д а. Ты меня забыл?

К е й. Я никогда и ничего не забываю.

Г е р д а. Подожди, Кей, я столько раз видела во сне, что нашла тебя... Может быть, опять я вижу сон, только очень плохой.

К е й. Вздор!

Г е р д а. Как ты смеешь так говорить? Как ты посмел замерзнуть до того, что даже не обрадовался мне?

К е й. Тише.

Г е р д а. Кей, ты нарочно пугаешь меня, дразнишь? Или нет? Ты подумай, я столько дней все иду, иду — и вот нашла тебя, а ты даже не сказал мне «здравствуй».

К е й (*сухо*). Здравствуй, Герда.

Г е р д а. Как ты это говоришь? Подумай. Что мы с тобой в ссоре, что ли? Ты даже не взглянул на меня.

К е й. Я занят.

Г е р д а. Я не испугалась короля, я ушла от разбойников, я не побоялась замерзнуть, а с тобой мне страшно. Я боюсь подойти к тебе. Кей, это ты?

К е й. Я.

Г е р д а. А что ты делаешь?

К е й. Я должен сложить из этих льдинок слово «вечность».

Г е р д а. Зачем?

К е й. Не знаю. Так велела королева.

Г е р д а. Но разве тебе нравится вот так сидеть и перебирать льдинки?

К е й. Да. Это называется «ледяная игра разума». А кроме того, если я сложу слово «вечность», королева подарит мне весь мир и пару коньков в придачу.

Герда бросается к Кею и обнимает его. Кей безучастно повинуется.

Г е р д а. Кей, Кей, бедный мальчик, что ты делаешь, дурачок? Пойдем домой, ты тут все забыл. А там что делается! Там есть и хорошие люди, и разбойники, — я столько увидела, пока тебя искала. А ты сидишь и сидишь, как будто на свете нет ни детей, ни взрослых, как будто никто не плачет, не смеется, а только и есть в мире, что эти кусочки льда. Ты бедный, глупый Кей!

К е й. Нет, я разумный, право, так...

Г е р д а. Кей, Кей, это все советник, это все королева. А если бы я тоже начала играть с этими кусочками льда, и сказочник, и маленькая разбойница? Кто бы тогда спас тебя? А меня?

К е й (*неуверенно*). Вздор!

Г е р д а (*плача и обнимая Кея*). Не говори, пожалуйста, не говори так. Пойдем домой, пойдем! Я ведь не могу оставить тебя одного. А если и я тут останусь, то замерзну насмерть, а мне этого так не хочется! Мне здесь не нравится. Ты только вспомни: дома уже весна, колеса стучат, листья распускаются. Прилетели ласточки и вьют гнезда. Там небо чистое. Слышишь, Кей, — небо чистенькое, как будто оно умылось. Слышишь, Кей? Ну, засмейся, что я говорю такие глупости. Ведь небо не умывается. Кей! Кей!

К е й (*неуверенно*). Ты... ты беспокоишь меня.

Г е р д а. Там весна, мы вернемся и пойдем на речку, когда у бабушки будет свободное время. Мы посадим ее на траву. Мы ей руки разотрем. Ведь когда она не работает, у нее руки болят. Помнишь? Ведь мы ей хотели купить удобное кресло и очки... Кей! Без тебя во дворе все идет худо. Ты помнишь сына слесаря, его звали Ганс? Того, что всегда хворает. Так вот, его побил соседский мальчишка, тот, которого мы прозвали Булкой.

К е й. Из чужого двора?

Г е р д а. Да. Слышишь, Кей? Он толкнул Ганса. Ганс худенький, он упал и коленку ушиб, и ухо поцарапал, и заплакал, а я подумала: «Если бы Кей был дома, то заступился бы за него». Ведь правда, Кей?

К е й. Правда. (*Беспокойно.*) Мне холодно.

Г е р д а. Видишь? Я ведь тебе говорила. И еще они хотят утопить бедную собаку. Ее звали Трезор. Лохматая, помнишь? Помнишь, как она тебя любила? Если бы ты был дома, то спас бы ее... А прыгает дальше всех теперь Оле. Дальше тебя. А у соседской кошки три котенка. Одного нам дадут. А бабушка все плачет и стоит у ворот. Кей! Ты слышишь? Дождик идет, а она все стоит и ждет, ждет...

К е й. Герда! Герда, это ты? (*Вскакивает.*) Герда! Что случилось? Ты плачешь? Кто тебя посмел обидеть? Как ты попала сюда? Как здесь холодно! (*Пробует встать и идти — ноги плохо повинуются ему.*)

Г е р д а. Идем! Ничего, ничего, шагай! Идем... Вот так. Ты научишься. Ноги разойдутся. Мы дойдем, дойдем, дойдем!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Декорация первого действия. Окно открыто. У окна в сундуке розовый куст без цветов. На сцене пусто. Кто-то громко и нетерпеливо стучит в дверь. Наконец дверь распахивается, и в комнату входят маленькая разбойница и Сказочник.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Герда! Герда! (*Быстро обходит всю комнату, заглядывает в дверь спальни.*) Ну вот! Я так и знала, она еще не вернулась! (*Бросается к столу.*) Смотри, смотри, записка. (*Читает.*) «Дети! В шкафу булочки, масло и сливки. Все свежее. Кушайте, не ждите меня. Ах, как я соскучилась без вас. Бабушка». Видишь, значит, она не пришла еще!

С к а з о ч н и к. Да.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Если ты будешь смотреть на меня такими глазами, я пырну тебя ножом в бок. Как ты смеешь думать, что она погибла!

С к а з о ч н и к. Я не думаю.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Тогда улыбайся. Конечно, это очень грустно — сколько времени прошло, а о них ни слуху ни духу. Но мало ли что…

С к а з о ч н и к. Конечно…

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Где ее любимое место? Где она сидела чаще всего?

С к а з о ч н и к. Вот здесь.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Я сяду тут и буду сидеть, пока она не вернется! Да, да! Не может быть, чтобы такая хорошая девочка — и вдруг погибла. Слышишь?

С к а з о ч н и к. Слышу.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Я верно говорю?

С к а з о ч н и к. В общем — да. Хорошие люди всегда побеждают в конце концов.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Конечно!

С к а з о ч н и к. Но некоторые из них иногда погибают, не дождавшись победы.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Не смей так говорить!

С к а з о ч н и к. Лед — это лед; ему все равно — хорошая Герда девочка или нет.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Она справится со льдом.

С к а з о ч н и к. Туда она доберется в конце концов. А обратно ей придется вести за собой Кея. А он ослабел, просидев столько времени взаперти.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Если она не вернется, я всю жизнь буду воевать с этим ледяным советником и со Снежной королевой.

С к а з о ч н и к. А если она вернется?

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Все равно буду. Подойди и сядь рядом со мною. Ты мое единственное утешение. Только если ты хоть раз вздохнешь — прощайся с жизнью!

С к а з о ч н и к. Темнеет. Скоро должна прийти бабушка.

Ворон садится на окно. Через плечо у него лента.

В о р о н. Здравствуйте, господин сказочник.

С к а з о ч н и к. Ворон! Здравствуй, дорогой! Как я рад видеть тебя!

В о р о н. И я рад! Я так рад, что попрошу вас называть меня и в дальнейшем просто ворон, хотя теперь меня следует именовать «ваше превосходительство». (*Поправляет клювом ленту.*)

С к а з о ч н и к. Ты прилетел узнать, не вернулась ли Герда?

В о р о н. Я не прилетел, я прибыл, но как раз именно с этой целью. Герда не вернулась домой?

С к а з о ч н и к. Нет.

В о р о н (*кричит в окно*). Кр-ра! Кр-ра! Клара! Они еще не вернулись, но господин сказочник присутствует тут. Доложи об этом их высочествам.

С к а з о ч н и к. Как! Клаус и Эльза здесь?

В о р о н. Да, их высочества прибыли сюда.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Им тоже надоело и днем и ночью, и утром и вечером ждать Герду? И они тоже решили узнать, не вернулась ли она прямо к себе?

В о р о н. Совершенно верно, маленькая госпожа. Так много быстротекущих дней кануло в реку времени, что нетерпение наше перешло границы вероятного. Ха-ха-ха! Красиво я говорю?

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Ничего себе.

В о р о н. Ведь я теперь настоящий придворный ученый ворон. (*Поправляет клювом ленту.*) Я женился на Кларе и состою при принце и при принцессе.

Дверь открывается. Входят п р и н ц, п р и н ц е с с а и в о р о н а.

П р и н ц (*Сказочнику*). Здравствуй, старый друг. Герда не приехала? А мы только о ней и говорим.

П р и н ц е с с а. А когда не говорим, то думаем о ней.

П р и н ц. А когда не думаем, то видим ее во сне.

П р и н ц е с с а. И сны эти часто бывают страшные.

П р и н ц. И мы решили поехать сюда узнать, не слышно ли чего-нибудь. Тем более что дома очень невесело.

П р и н ц е с с а. Папа все дрожит и вздыхает: он боится советника.

П р и н ц. Мы больше не вернемся во дворец. Мы поступим тут в школу. Девочка, ты кто?

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Я — Маленькая разбойница. Вы дали Герде четырех коней, а я подарила ей моего любимого оленя. Он понесся на север и не вернулся до сих пор.

С к а з о ч н и к. Уже совсем стемнело. (*Закрывает окно и зажигает лампу.*) Дети, дети! У моей мамы — она была прачка — не было денег платить за мое учение. И в школу я поступил уже совсем взрослым парнем. Когда я учился в пятом классе, мне было восемнадцать лет. Ростом я был такой же, как теперь, а нескладен был еще больше. И ребята дразнили меня, а я, чтобы спастись, рассказывал им сказки. И если хороший человек в моей сказке попадал в беду, ребята кричали: «Спаси его сейчас же, длинноногий, а то мы тебя побьем». И я спасал его... Ах, если бы я мог так же легко спасти Кея и Герду!

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Надо было ехать не сюда, а на север, к ней навстречу. Тогда, может быть, мы и спасли бы ее...

С к а з о ч н и к. Но ведь мы думали, что дети уже дома.

Распахивается дверь, и в комнату почти бегом вбегает б а б у ш к а.

Б а б у ш к а. Вернулись! (*Обнимает маленькую разбойницу.*) Герда... Ах, нет! (*Бросается к принцу.*) Кей!.. Опять нет... (*Вглядывается в принцессу.*) И это не она... А это птицы. (*Вглядывается в Сказочника.*) Но вы — это действительно вы... Здравствуйте, друг мой! Что с детьми? Вы... вы боитесь сказать?

В о р о н а. Ах нет, уверяю вас — мы просто ничего не знаем. Поверьте мне. Птицы никогда не врут.

Б а б у ш к а. Простите меня... Но каждый вечер, возвращаясь домой, я видела со двора темное окно нашей комнаты. Может быть, они пришли и легли спать, думала я. Я поднималась, бежала в спальню — нет, постельки

пустые. Тогда я обыскивала каждый уголок. Может быть, они спрятались, чтобы потом вдруг обрадовать меня, думала я. И никого не находила. А сегодня, когда я увидела освещенное окно, у меня тридцать лет слетело с плеч долой. Я вбежала наверх бегом, вошла — и годы мои опять упали мне на плечи: дети не вернулись еще.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Сядьте, бабушка, милая бабушка, и не надрывайте мне сердце, я этого терпеть не могу. Сядьте, родная, а то я всех перестреляю из пистолета.

Б а б у ш к а (*садится*). Я всех узнала по письмам господина сказочника. Это — Клаус, это — Эльза, это — маленькая разбойница, это — Карл, это — Клара. Садитесь, пожалуйста. Я отдышусь немножко и угощу вас чаем. Не надо так печально смотреть на меня. Ничего, это все ничего. Может быть, они вернутся.

М а л е н ь к а я р а з б о й н и ц а. Может быть, может быть! Прости меня, бабушка, я не могу больше. Человек не должен говорить «может быть». (*Сказочнику.*) Рассказывай! Рассказывай сейчас же веселую сказку, такую, чтобы мы улыбались, если придут Герда и Кей. Ну? Раз! Два! Три!

С к а з о ч н и к. Жили-были ступеньки. Их было много — целая семья, и все они вместе назывались — лестница. Жили ступеньки в большом доме, между первым этажом и чердаком. Ступеньки первого этажа гордились перед ступеньками второго. Но и у тех было утешение — они ни в грош не ставили ступеньки третьего. Только ступенькам, ведущим на чердак, некого было презирать. «Но зато мы ближе к небу, — говорили они. — Мы такие возвышенные!» Но в общем ступеньки жили дружно и дружно скрипели, когда кто-нибудь подымался наверх. Впрочем, скрип свой они называли пением... «И нас очень охотно слушают, — уверяли они. — Мы сами слыхали, как докторша говорила мужу: «Когда ты задержался у больного, я всю ночь ждала, не заскрипят ли наконец ступеньки!» Бабушка! Дети! И мы давайте послушаем, не заскрипят ли ступеньки наконец. Слышите?

Кто-то идет, и ступеньки поют под ногами. Вот уже запели ступеньки пятого этажа. Это идут хорошие люди, потому что под ногами плохих людей ступеньки ворчат, как собаки. Все ближе, ближе! Идут сюда! Сюда!

Бабушка встает, за нею — все.

Вы слышите? Ступеньки радуются. Они поскрипывают, как скрипочки. Пришли! Я уверен, что это...

Дверь с шумом распахивается, и в комнату входят Снежная королева и советник.

Снежная королева. Извольте немедленно вернуть мне мальчишку. Слышите? Иначе я превращу вас всех в лед.

Советник. А я после этого расколю вас на куски и продам. Слышите?

Бабушка. Но мальчика здесь нет.

Советник. Ложь!

Сказочник. Это чистая правда, советник.

Снежная королева. Ложь. Вы прячете его где-то здесь. (*Сказочнику.*) Вы, кажется, осмеливаетесь улыбаться?

Сказочник. Да. До сих пор мы не знали наверное, что Герда нашла Кея. А теперь знаем.

Снежная королева. Жалкие хитрости! Кей, Кей, ко мне! Они прячут тебя, мальчик, но я пришла за тобой. Кей! Кей!

Советник. У мальчишки ледяное сердце! Он наш!

Сказочник. Нет!

Советник. Да! Вы прячете его здесь.

Сказочник. Ну попробуйте, найдите его.

Советник быстро обходит комнату, вбегает в спальню, возвращается.

Снежная королева. Ну что?

Советник. Его здесь нет.

Снежная королева. Отлично. Значит, дерзкие дети погибли в пути. Идем!

Маленькая разбойница бросается ей наперерез, принц и принцесса подбегают к маленькой разбойнице. Все трое берутся за руки. Храбро загораживают дорогу королеве.

Имейте в виду, любезные, что мне довольно взмахнуть рукой — и тут навеки воцарится полная тишина.

Маленькая разбойница. Маши руками, ногами, хвостом, все равно мы тебя не выпустим!

Снежная королева взмахивает руками. Раздается вой и свист ветра. Маленькая разбойница хохочет.

Ну что?

Принц. Мне даже и холодно не сделалось.

Принцесса. Я очень легко простуживаюсь, а сейчас я даже насморка не схватила.

Сказочник (*подходит к детям, берет за руку маленькую разбойницу*). Тех, у кого горячее сердце...

Советник. Вздор!

Сказочник. ...вам не превратить в лед!

Советник. Дайте дорогу королеве!

Бабушка (*подходит к Сказочнику и берет его за руку*). Простите, господин советник, но мы ни за что не дадим вам дорогу. А вдруг дети близко — и вы нападете на них! Нет, нет, нельзя, нельзя!

Советник. Вы поплатитесь за это!

Сказочник. Нет, мы победим!

Советник. Никогда! Власти нашей не будет конца. Скорее повозки побегут без коней, скорее люди полетят по воздуху, как птицы.

Сказочник. Да, так все оно и будет, советник.

Советник. Вздор! Дорогу королеве!

Сказочник. Нет!

Двигаются цепью, держась за руки, к советнику и королеве. Королева, стоящая у окна, взмахивает рукой. Слышен звон разбитого стекла. Лампа гаснет. Воет и свистит ветер.

Держите дверь!

Бабушка. Сейчас я зажгу свет.

Свет вспыхивает. Советник и Снежная королева исчезли, несмотря на то, что дверь держат принц, принцесса и маленькая разбойница. Где же они?

Ворона. Ее величество...

Ворон. ...и их превосходительство...

Ворона. ...изволили отбыть...

Ворон. ...через разбитое окно.

Маленькая разбойница. Надо скорее, скорее догнать их...

Бабушка. Ах! Смотрите! Розовый куст, наш розовый куст опять расцвел! Что это значит?

Сказочник. Это значит... Это значит... (*Бросается к дверям.*) Вот что это значит!

Распахивается дверь. За дверью Герда и Кей. Бабушка обнимает их. Шум.

Маленькая разбойница. Бабушка, смотрите: это — Герда!

Принц. Бабушка, смотрите: это — Кей!

Принцесса. Бабушка, смотрите: это — они, оба!

Ворон и ворона (*хором*). Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!

Кей. Бабушка, я больше не буду, я больше никогда не буду!

Герда. Бабушка, у него было ледяное сердце. Но я обняла его, плакала, плакала — и сердце его взяло да и растаяло.

Кей. И мы пошли сначала потихоньку...

Герда. А потом все быстрее и быстрее.

Сказочник. И — крибле-крабле-бумс — вы пришли домой. И друзья ваши ждали вас, и розы расцвели к вашему приходу, а советник и королева удрали, разбив окно. Все идет отлично — мы с вами, вы с нами, и все мы вместе. Что враги сделают нам, пока сердца наши горячи? Да ничего! Пусть только покажутся, и мы скажем им: «Эй, вы! Снип-снап-снурре...»

Все (*хором*). Пурре-базелюрре!..

Занавес

1938

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Львович

ШВАРЦ

Собрание сочинений в пяти томах

ТОМ ПЕРВЫЙ

Редактор *Е. Сапунцова*
Художественный редактор *А. Балашова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *М. Сергеева*
Компьютерная верстка *И. Яскульская*

Подписано в печать 15.01.10 г.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 18,06.
Заказ № 0918280.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-904656-54-6

9 785904 656546

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобретать наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону: (495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!